

Дмитрій Дриль.

МАЛОЛѢТНІЕ ПРЕСТУПНИКИ

ЭТЮДЪ

ПО ВОПРОСУ О ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, ЕЯ ФАКТОРАХЪ
И СРЕДСТВАХЪ ВОРЬБЫ СЪ НЕЙ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПСИХОЛОГІЯ ПРЕСТУПНОСТИ

(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА).

МОСКВА. 1888

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.

Предисловіе.

Издавна занявшись изученіемъ явленій человѣческой преступности, я обратилъ при этомъ особое вниманіе на внутреннюю субъективную сторону преступленія, въ которой такъ ясно и такъ рельефно отражается весь преступный человѣкъ со всѣми своими душевными особенностями, какъ унаслѣдованными, такъ и привитыми воспитаніемъ и всею жизненной обстановкой вообще.

Въ числѣ вопросовъ, относящихся къ субъективной сторонѣ преступленія, живѣйшій интересъ возбуждаютъ издавна поднимавшіеся вопросы объ условіяхъ вмѣняемости и вмѣненія и о причинахъ, уничтожающихъ послѣднее. Между этими причинами, какъ извѣстно, выдающееся мѣсто занимаютъ душевныя болѣзни и аномаліи. Заинтересовавшись изученіемъ явленій человѣческой преступности, я не могъ не отнестись съ самымъ живѣйшимъ интересомъ и къ изученію этихъ послѣднихъ. Но на первыхъ же порахъ моего знакомства съ психіатрической литературой я невольно былъ пораженъ крайней трудностію, скажу болѣе, невозможностію установленія сколько нибудь твердой и ясной границы между явленіями такъ называемой человѣческой порочности и развращенности, и явленіями тѣхъ тонкихъ душевныхъ расстройствъ, которыя, какъ обыкновенно говорятъ, стоятъ на границѣ душевнаго здоровья и болѣзни и обыкновенно болѣе относятся къ этой послѣдней.

Подъ вліяніемъ охватившихъ меня сомнѣній, я съ жаромъ принялся за исканія общихъ отличительныхъ признаковъ и критеріевъ, которые бы дали мнѣ возможность найти отвѣты

на интересовавшие меня вопросы. Но все мои усилия были тщетны. По мере дальнѣйшаго ознакомленія съ богатѣйшей психіатрической литературой и ея казуистикой, мои сомнѣнія и затрудненія не только не разяснялись и не уменьшались, а, напротивъ, еще болѣе осложнялись и увеличивались. Указывавшіеся нѣкоторыми критеріи — свобода воли, способность отличать добро отъ зла и пр. — оказывались рѣшительно недостаточными при ближайшемъ анализѣ отдѣльных въ практикѣ встрѣчавшихся случаевъ. Трудность или, правильнѣе, невозможность отысканія критеріевъ наиболѣе ярко бросалась въ глаза при изученіи исторіи борьбы мнѣній и горячихъ споровъ, усиленно волновавшихъ научную литературу и практику преимущественно въ первой половинѣ настоящаго столѣтія (см., напр., сочиненія Georget: „Examen medical des procès criminels“, 1825 г., „Discussion medicolég. sur la folie, 1826 г. Dés malad. ment. consid. dans leurs rappor. avec la législ.“ etc., 1827 г.; Marc: „De la folie consid. dans ses rapp. avec les quest. médico-judic“ и т. д.) по поводу сомнительныхъ и почему либо рѣзко выдававшихся криминальныхъ случаевъ, споровъ, ведущихъ свое начало преимущественно отъ ученія Pinel'я о „маніи, которая состоитъ исключительно въ расстройствахъ воли“ и о „маніи безъ бреда“ (см. его „Traité médico-philos. sur l'alienat. ment. ou la manie“, an IX, 80 и сл. 149 и сл.) и отъ ученій Esquirol'я и Prichard'a о мономаніяхъ и о нравственномъ помѣшательствѣ („Des maladies ment.“; „Treatise on insanity and other disord. affect. the mind“. См. также первый вып. этого сочиненія).

Особенно сильныя сомнѣнія возбуждали во мнѣ разнообразныя явленія тонкихъ душевныхъ аномалій, развивающихся на почвѣ органическаго вырожденія и неуровновѣшенности, а также и явленія дурнаго унаслѣдованія въ вырождающихся невропатическихъ семьяхъ, въ которыхъ часто въ длинномъ рядѣ поколѣній взаимно перемѣшиваются и переплетаются явленія душевныхъ расстройствъ, невропатій, разнообразныхъ пороковъ, недостатковъ, алкоголизма, самоубійствъ и преступленій. Въ этой области физической и психической деградаціи человѣка уже всякая сколько нибудь ясно распознаваемая граница исчезала, и явленія разнообразныхъ душевныхъ аномалій сливались въ одну родственную

группу, въ одну громадную семью съ явленіями человѣческой порочности и преступности—въ семью разнообразныхъ проявленій психо-физическаго вырожденія.

Такимъ образомъ, мое первое знакомство съ психіатрической литературой порадило во мнѣ неразрѣшимыя сомнѣнія. Правда, уже и тогда у меня отчасти начиналъ слагаться отвѣтъ, но я и себѣ еще не рѣшался формулировать его. Я чувствовалъ необходимость продолжать занятія въ томъ же направленіи и поближе познакомиться съ органическими основами душевной жизни человѣка, съ тѣмъ матеріальнымъ субстратомъ, который лежитъ въ основѣ всѣхъ явленій душевной жизни вообще. Для этого мнѣ пришлось обратиться съ запросами къ естественно-медицинскимъ наукамъ, къ ихъ лабораторному и клиническому анализу. Къ такому обращенію и къ такому важному отступленію отъ обычно установившагося хода юридическаго образованія я невольно былъ вынужденъ, какъ легко можетъ видѣть читатель, настойчивымъ и безусловнымъ требованіемъ самихъ фактовъ.

Продолженіе занятій въ этомъ направленіи совмѣстно съ занятіями психіатрическою литературой только еще болѣе укрѣпили во мнѣ убѣжденіе въ самой тѣсной непосредственной связи между органическою и психическою сторонами человѣка и въ томъ, что въ основѣ всѣхъ безъ исключенія явленій душевной жизни, какъ бы разнообразны, тонки и, казалось, маловажны ни были они, всегда лежатъ строго опредѣленныя органическія явленія. Физиологическіе эксперименты и явленія болѣзненныхъ разстройствъ съ своими отраженіями въ зеркалѣ душевной жизни въ одинъ голосъ говорятъ намъ это; то же подтверждаетъ и строгій анализъ cadaго случая. Мало того, сама непреложная логика фактовъ, если можно такъ выразиться, громко говоритъ за это. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая ясно выраженные измѣненія въ душевномъ настроеніи, въ окраскѣ мышленія и въ характерѣ самой дѣятельности при различныхъ болѣзняхъ, напр., пищевого канала (см., напр., Rueif: „Etude sur les troubl. nerv. d'orig. gastr.“; Leven: „Estom. et cerveau“ и пр.), нельзя сколько нибудь основательно отрицать или даже сомнѣваться въ соответствующемъ же вліяніи на особенности явленій душевной жизни и *всѣхъ другихъ измѣненій въ органическихъ процессахъ*, измѣненій, безпрестанно совершающихся подъ

вліяніємъ разнообразныхъ внѣшнихъ воздѣйствій. Правда, я привелъ въ примѣръ болѣзненные разстройства. На первыхъ порахъ при этомъ можетъ смущать и нѣсколько затемнять дѣло противоположность терминовъ, противоположность словъ—здоровье и болѣзнь, но ближайшее знакомство съ разнообразными и безчисленными оттѣнками того и другаго скоро уничтожаетъ въ умѣ эту противоположность и сливается все въ безконечный рядъ тончайшихъ и неуловимыхъ переходовъ, гдѣ существуютъ различія количества, но не качества.

Все это можетъ и иногда дѣйствительно возбуждаетъ вопросъ о сущности связи двухъ родовъ явленій—физическихъ и психическихъ, о сущности самого сознанія. Но на этотъ вопросъ я всегда смотрѣлъ, какъ на вопросъ, съ научной точки зрѣнія вполне праздный. Будемъ ли мы вполне раздѣлять, или только подраздѣлять, или же, наконецъ, вполне сливать оба ряда явленій—что есть дѣло чистыхъ гипотезъ—сущность связи и сознанія одинаково останется для насъ недоступной и неразрѣшимой загадкой бытія, хотя часто и весьма мучительной. А потому, предъ явной невозможностью необходимо преклониться и прекратить на научной почвѣ бесплодные и бесполезные споры о недоступной для насъ сущности явленій, предоставляя все вѣрѣ и настроенію каждаго. Все, что можетъ сдѣлать при этомъ наука,—наблюдать и регистрировать сосуществованіе и сопослѣдовательность, иначе говоря, связи явленій.

Продолжая свои занятія все въ томъ же направленіи, я вскорѣ ясно почувствовалъ безусловную необходимость возможно ближе ознакомиться и съ особенностями преступнаго люда, какимъ онъ существуетъ въ живой дѣйствительности. Въ это время спеціальная литература, посвященная изученію реального преступника, представлялась уже достаточно развитою, и я занялся ея изученіемъ. Вскорѣ я получилъ и продолжительную заграничную командировку, время которой рѣшилъ всецѣло посвятить посѣщенію соответствующихъ медицинскихъ лекцій, психіатрическихъ клиникъ, тюремъ, рабочихъ домовъ, нищенскихъ депо и колоній, исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ и личному ознакомленію съ ихъ населеніемъ. Я съ большею пріятностію вспоминаю время этихъ посѣ-

щений, пораждавшихъ во мнѣ напряженную работу мысли. Съ особеннымъ же удовольствіемъ и благодарностью я вспоминаю о времени, проведенномъ мною въ Грацѣ у профессора Kraft—Ebing'a, демонстративнымъ чтеніямъ и судебно-медицинской опытности котораго я глубоко обязанъ уясненіемъ многихъ интересовавшихъ меня вопросовъ.

При посѣщеніи тюремъ и другихъ подобныхъ учреждений, я обращалъ преимущественное вниманіе на особенности ихъ населенія и при этомъ всегда обращался къ богатому опыту лицъ, служившихъ въ нихъ и завѣдывавшихъ ими. Ихъ опытъ представлялъ для меня особый интересъ уже потому, что это были люди, по большей части совершенно чуждые всякихъ теоретическихъ построеній, люди, погруженные въ практику повседневной тюремной жизни и по большей части вовсе незнакомые съ существующими ученіями объ основахъ человѣческой преступности. Тѣмъ не менѣе наиболѣе часто получавшійся отвѣтъ, — тюремные сидѣльцы люди болѣе или менѣе странные, люди особые и не совсѣмъ похожіе на всѣхъ прочихъ людей, люди, имѣющіе нѣчто въ крови. Подобный отвѣтъ меня особенно поразилъ, помню я, въ рабочемъ домѣ въ кантонѣ Невшателъ, въ который обыкновенно почти не заглядываетъ посторонній посѣтитель. Здѣсь я не засталъ деректора и долженъ былъ довольствоваться указаніями и разъясненіями простаго безхитростнаго надзирателя. На мой вопросъ о психическихъ особенностяхъ обитателей дома, онъ отвѣтилъ мнѣ, что все это люди очень странные, которымъ чего-то недостаетъ. И къ такому заключенію пришелъ этотъ необразованный и вовсе непредубѣжденный человѣкъ только путемъ долгаго ежедневнаго наблюденія представлявшихся явлений дѣйствительной жизни.

Все это, вмѣстѣ взятое, заставило меня рѣшительно склониться въ сторону направленія ново-италіанской школы уголовного права, которая ведетъ свое начало отъ работъ профессора Lombroso и которая группируется около него и около основаннаго имъ спеціального журнала—*Archivio di psichiatria, scienze penali*, есс⁴. Конечно, существовали работы въ этомъ направленіи и при томъ работы очень важныя и до работъ профессора Lombroso, но ему главнымъ образомъ принадлежитъ почтенная и неумирающая заслуга попытки всесторонняго изученія преступнаго человѣка на почвѣ наблюде-

ній живой дѣйствительности при помощи всѣхъ точныхъ методовъ. Проф. Lombroso неразрывно связалъ свое имя съ рѣшительнымъ и плодотворнымъ поворотомъ въ наукѣ уголовного права въ сторону опытнаго и точнаго изслѣдованія одной изъ темнѣйшихъ сторонъ общественной жизни, который, конечно, подготовить возможность уясненія и правильного разрѣшенія связанныхъ съ нею вопросовъ. Самыя его колебанія и измѣненія въ выводахъ указываютъ только въ немъ неутомимаго и страстнаго искателя истины, которому чуждо мелочное самолюбіе. Сочиненіе проф. Lombroso, помимо принадлежащей ему заслуги собранія громадной массы разнообразнаго матеріала, сильно и плодотворно главнымъ образомъ своею основною идеей, — идеей о безусловной необходимости всесторонняго, подробнаго и *точно* изученія *дѣйствительнаго* преступника, *реальныхъ* факторовъ его преступности и совершаемыхъ имъ *дѣйствительныхъ* преступленій, со всѣми ихъ многочисленными и разнообразными отбѣнками. Въ концѣ предисловія къ французскому переводу онъ замѣчаетъ самъ: „Можетъ быть, вскорѣ отъ моего труда не останется и камня на камнѣ; но идея, которая породила его, будучи передаваема отъ одного къ другому..., эта идея никогда не погибнетъ“. И онъ вполне правъ. Его сочиненіемъ начинается цѣлый рядъ изысканій по вопросу. Благодаря въ значительной мѣрѣ ему же, въ различныхъ странахъ пробуждается живой интересъ къ точному изученію явленій человѣческой преступности и ея факторовъ, и вниманіе многихъ ученыхъ начинается удѣляться имъ. Сочиненіемъ проф. Lombroso знаменуется новое плодотворное направленіе въ наукѣ уголовного права, и сколько бы и какихъ ошибокъ не совершали послѣдователи этого направленія, тѣмъ не менѣе духъ истинно научнаго изслѣдованія, оживляющій ихъ работы, несомнѣнно приведетъ къ уясненію истины, и проф. Lombroso, вѣроятно, суждено будетъ видѣть многіе плодотворные результаты принятаго имъ дѣла, пропагандѣ котораго онъ самоотверженно посвятилъ всѣ свои силы.

На ново-итальянскую школу уголовного права слышится не мало различныхъ и часто рѣзкихъ нападокъ. Указываютъ на нѣкоторые ея частные промахи. Но безъ такихъ промаховъ невозможно, особенно при проложеніи новыхъ путей. Не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Ошибки и промахи неиз-

бѣжны въ развитіи всякой отрасли знанія. Въ исторіи каждой изъ таковыхъ мы всегда найдемъ немало ошибокъ, которыя являются какъ бы необходимыми этапами на пути къ достиженію истины. Я далекъ отъ того, чтобы не замѣчать нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ ново-итальянской школы уголовного права и я не задумался отмѣтить ихъ въ первомъ выпускѣ настоящей работы. Но, на ряду съ этими слабыми сторонами, она несомнѣнно представляетъ и крупныя достоинства; главнымъ изъ нихъ является то, что она рѣшительно отказалась отъ апріорныхъ методовъ изслѣдованія и сдѣлала дѣйствительнаго преступника, со всѣми его индивидуальными особенностями, объектомъ изученія и притомъ изученія при помощи, какъ уже замѣчено выше, точныхъ методовъ естествознанія. Этимъ—каковы бы ни были ея промахи и ошибки—она обезпечиваетъ возможность опытной провѣрки ея положеній и возможность дальнѣйшаго правильнаго развитія науки. Въ этомъ-то и состоитъ ея главная несомнѣнная и неумирающая заслуга, на которую я считаю нужнымъ обратить особое вниманіе и которая, по моему мнѣнію, искупаетъ всѣ ея слабости стороны. Благодаря этому ново-итальянская школа уголовного права заключаетъ въ себѣ здоровыя научныя задатки, вполне способныя къ сильному и правильному росту и развитію. Сколько бы ни утверждали ея противники, что главнѣйшія положенія классической школы уголовного права выходятъ неприкосновенными изъ ожесточенной борьбы, тѣмъ не менѣе накапливаемые факты говорятъ противное. Классической школѣ съ ея кабинетными и произвольными построениями, а главное съ ея неправильными методами изученія нанесенъ смертельный ударъ, отъ котораго она уже не оправится: указаны иные единственно правильные пути изслѣдованія, которымъ она не слѣдовала, и указаны иные правильныя основныя точки зрѣнія, ей вполне чуждыя.

Выводы же, къ которымъ я пришелъ въ конечномъ результатѣ всѣхъ своихъ занятій, были тѣ, что существуютъ органическія основы преступности, болѣею частью унаслѣдованныя, а отчасти и благопріобрѣтенныя, что преступникъ вообще представляетъ собою въ болѣе или меньшей мѣрѣ порочный, дурно устроенный и въ томъ или другомъ отношеніи дурно уравновѣшенный, но не больной организмъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и что преступность его предста-

вляеть собою, по мѣткому выраженію д-ра Dejerine, „une façon d'être вырожденія“. Послѣднее же съ своими тончайшими оттѣнками объединяетъ на своей почвѣ въ одну обширную родственную группу душевныя разстройства, неврозы, устойчивую порочность и преступность, которые всѣ являются, повидимому, выраженіями неустойчивостей и различныхъ порочностей психо-физической организаціи индивидуума. „Болѣе, нежели вѣроятно“, замѣчаетъ д-ръ Dejerine, что патологическая анатомія подтвердить то, что уже давно показала клиника, а именно, что нервныя разстройства по большей части происходятъ отъ оскудѣнія (déchéance) организма и что они суть ни что иное какъ слѣдствіе вырожденія индивидуума“. Исторія наслѣдственности семей, въ которыхъ обыкновенно тѣсно переплетаются различныя душевныя разстройства и аномаліи, неврозы, самоубійства, различныя порочности и преступность, всего нагляднѣе, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, подтверждаютъ намъ это. Но сродство еще не тождество и преступность еще не душевное разстройство. То и другое суть различныя виды и проявленія психо-физическаго вырожденія, являющагося результатомъ наслѣдственнаго уклоненія отъ пути правильнаго развитія, и результатомъ грубаго и долгаго нарушенія законовъ жизни и исполнѣ согласованныхъ съ ними правилъ нравственности. Конечно, и между преступниками существуетъ не мало людей больныхъ и душевно разстроенныхъ, но эти лица составляютъ собою особую группу въ средѣ преступнаго люда, который въ его цѣломъ также представляетъ многія разновидности.

Этимъ для меня нѣсколько выяснился вопросъ о глубокихъ основахъ человѣческой преступности и о причинахъ преступленій, которыя такимъ образомъ, какъ я уже говорилъ и въ предисловіи къ первому выпуску, сами собою распались: 1) на ближайшія или непосредственныя, кроющіяся въ порочностяхъ психо-физической организаціи дѣятеля преступленія; 2) на болѣе отдаленныя, заключающіяся въ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатываются переры, какъ болѣе или менѣе устойчивыя факторы преступленій; и 3) на предрасполагающія, подъ вліяніемъ которыхъ, уже сложившіяся дефективныя или дурно-уравновѣшенныя организаціи наталкиваются на преступленія; этимъ же въ значительной мѣрѣ выяснился для меня и

вопросъ о характерѣ мѣръ для борьбы съ преступленіемъ въ лицѣ уже народившагося преступника. Этими мѣрами, если не считать необходимаго иногда полного выдѣленія изъ общества, должно быть уголовное исправленіе, понимая подъ этимъ терминомъ только безусловно необходимыя въ видахъ общей безопасности измѣненія тѣхъ психо-физическихъ особенностей личности, которыя, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ воздѣйствій, толкають ее по пути преступленія.

Убѣдившись изъ своего изученія въ близкомъ сродствѣ явленій различныхъ душевныхъ аномалій, развивающихся на почвѣ органическаго вырожденія, и явленій преступности, я задумалъ воспользоваться въ широкой мѣрѣ богатѣйшей психіатрической литературой и казуистикой, вмѣстѣ съ ея особой областью, всегда близко соприкасавшейся съ областью уголовного суда, для разработки на почвѣ точныхъ наблюденій явленій живой дѣйствительности психологіи преступности. Близкое сродство и односемейность явленій, если можно такъ выразиться, уполномочивала на такое пользованіе и давало право разсматривать каждый казусъ, какъ психологическій экспериментъ, который для насъ производитъ природа, а строгое изслѣдованіе, строгая провѣрка и нѣкоторыя особенности этихъ случаевъ дѣлали гораздо болѣе надежнымъ самый матеріалъ и исключили множество сомнѣній, возбуждаемыхъ иногда собственно уголовными казусами.

Выпуская въ свѣтъ въ настоящее время начало своего труда, я хорошо понимаю его крупные недостатки, въ значительной мѣрѣ обусловленные неблагоприятными личными условіями для работы, требующей крайней сосредоточенности и медленной обработки въ извѣстномъ направленіи богатѣйшей психіатрической литературы. Но самъ сознавая его многочисленныя слабыя стороны, я въ то же время позволяю себѣ считать за нимъ и немногія небольшія достоинства. Первымъ изъ нихъ является правильность постановки вопроса о человѣческой преступности. Последняя разсматривается мною, какъ постепенно подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій вырабатывающаяся порочность психо-физической организаціи человѣка, предрасполагающая его къ преступленію, но предрасполагающая не безусловно, а въ зависимости отъ извѣстныхъ условій или предрасполагающихъ причинъ. Поэтому не всякій предрасположенный че-

ловѣкъ дѣлается дѣйствительнымъ преступникомъ. Для того чтобы онъ сдѣлался таковымъ, кромѣ вліянія внутреннихъ факторовъ, необходимо еще присоединеніе и вліянія факторовъ внѣшнихъ, безъ чего такой человѣкъ, будучи, можетъ быть, очень дурнымъ и порочнымъ человѣкомъ, все-таки остается лишь предрасположеннымъ субъектомъ, не переступающимъ предѣловъ закономъ дозволеннаго. При такой точкѣ зрѣнія вполне правильно выясняется доля участія какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго элементовъ въ этиологию человѣческой преступности.

Вторымъ достоинствомъ своего труда я позволяю себѣ считать то, что онъ является выраженіемъ искренняго и глубокаго убѣжденія, постепенно выработавшагося въ теченіе многихъ лѣтъ занятій, наблюденій и размышленій, чуждыхъ какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній. Я безпристрастно по мѣрѣ силъ искалъ только истины въ фактахъ и результатъ этихъ исканій излагаю теперь. Насколько я приблизился къ истинѣ—судить, конечно, не мнѣ. Съ своей стороны я буду считать свою задачу выполненной, если мнѣ удалось хоть отчасти намѣтить болѣе правильную постановку одного изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ, тѣсно связаннаго съ самыми болевыми и темными сторонами общественной жизни.

Въ настоящемъ второмъ выпускѣ и въ то же время въ первой половинѣ первой части я рассмотрѣлъ только самыя общія психо-физическія условія преступности. За ними должно слѣдовать ученіе объ органическихъ типахъ и ихъ особенностяхъ, изученіе которыхъ и составить собою предметъ второй половины первой части моей работы о малолѣтнихъ преступникахъ.

Дмитрій Дриль.

Москва. ноябрь, 1887 г.

МАЛОЛѢТНІЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ ней.

The real problem is not so much to improve prisons as to abolish them,—not so much to make them better as to make them useless.

E. C. Wines (The State of Prisons, p. 73).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Психологія преступности.

Mens sana in corpore sano.

I.

Вступительныя замѣчанія.

Говоря о вліяніи закона наслѣдственности на передачу психо-физическихъ особенностей нисходящимъ поколѣніямъ, я имѣлъ уже случай указывать во введеніи къ этому сочиненію, что въ мірѣ живыхъ существъ наряду съ закономъ наслѣдственности и въ противоположеніи съ нимъ повсюду дѣйствуетъ другой законъ—законъ приспособляемости къ измѣненіямъ въ окружающей средѣ. «Необходимо, чтобы между нравственнымъ человѣкомъ и его нравственной средою», справедливо замѣчаетъ Ribot, «какъ и между человѣкомъ физическимъ и его физическою средою, существовало соотвѣтствіе. Кто не можетъ приспособляться къ новымъ условіямъ жизни,—долженъ погибать, хотя можетъ быть и медленно, но неизбежно. Онъ можетъ продолжать существованіе, только какъ странный и бесполезный предметъ, слишкомъ мало приспособленный къ средѣ, чтобы не исчезнуть окончательно» ¹⁾). Одно изъ подтвержденій вліянія этого закона

¹⁾ L'hérédité psychologique, изд. II, 137.

въ нравственной области мы съ удобствомъ можемъ наблюдать на душевно-больныхъ. «Развѣ мы не знаемъ» замѣчаетъ д-ръ Luys, «что когда индивидуумъ перестаетъ быть проницаемымъ для внѣшнихъ возбужденій, то онъ мало по малу становится глухъ къ запросамъ извнѣ и постепенно отвлекается отъ окружающей его дѣйствительности. Отсутствіе соприкосновеній съ окружающей средою, отсутствіе проницаемости, нѣкотораго рода анестезія чувствилища (*sensorium*) представляетъ поэтому одно изъ капитальныхъ явленій душевнаго расстройства. Сумасшедшій перестаетъ понимать, что совершается вокругъ него и не регистрируетъ болѣе окружающихъ явленій» ²⁾). Такимъ образомъ мы видимъ, что если разъ значительно уменьшается или прекращается приспособляемость внутренняго міра къ измѣняющимся условіямъ окружающей его среды, то вмѣстѣ съ нею значительно уменьшается или исчезаетъ и пригодность человѣка къ жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ. Душевно больной тогда сосредоточивается и замыкается (это явленіе вполнѣ рельефно наблюдается, конечно, только при нѣкоторыхъ формахъ душевныхъ расстройствъ) въ своемъ внутреннемъ мірѣ, мірѣ болѣзненныхъ ощущеній, къ которымъ онъ чутко прислушивается, и какъ бы игнорируетъ міръ внѣшній, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ личности болѣе или менѣе нормальной и приспособленной къ обществу, какой онъ могъ быть прежде, становится личностью ненормальной, мѣсто для которой только въ домѣ сумасшедшихъ.

Законъ наслѣдственности — это законъ консерватизма, законъ сохраненія разъ приобрѣтеннаго; законъ приспособленія—законъ измѣняемости, *а при благоприятныхъ внѣшнихъ воздействіяхъ*, законъ совершенствованія и прогресса. На этихъ двухъ законахъ, повсемѣстно и ежедневно наблюдаемыхъ, и покоится все ученіе Дарвина о медленной, но постоянной измѣняемости и сопутствующей ей сравнительно долговременной устойчивости животныхъ видовъ.

Будучи однимъ изъ членовъ животнаго царства, появляющееся на свѣтъ человѣческое существо не представляется и въ это время, какъ я старался показать въ главѣ о наслѣдственности ³⁾, какой то *tabula rasa*, а, напротивъ, приносить съ собою въ жизнь опредѣленный зачатокъ, который есть результатъ и какъ бы отпечатокъ жизненной исторіи его предковъ, ихъ жизненныхъ опытовъ и упражненій, ихъ добродѣтелей и пороковъ, ихъ страстей и заблужденій, и въ кото-

²⁾ Traité clin. et prat. des maladies mentales, 110.

³⁾ См. первый выпускъ этой работы, 267—316.

ромъ уже кроются тѣ или иныя особенности, стремящіяся опредѣлить будущій нравственно-умственный обликъ его личности.

Но хотя этотъ унаслѣдованный зачатокъ, приносимый въ міръ тою или другою данною личностью А., и является прирожденнымъ и потому въ своемъ существованіи и въ своихъ особенностяхъ независимымъ отъ внѣшнихъ воздѣйствій на эту самую личность А., тѣмъ не менѣе въ своей исторіи и онъ, въ свою очередь, представляется результатомъ дѣятельности тѣхъ же внѣшнихъ факторовъ. На это я считаю нужнымъ обратить особое вниманіе, считаю нужнымъ подчеркнуть и отбѣнить это рѣшительное вліяніе внѣшнихъ воздѣйствій, внѣшней окружающей среды на весь обликъ умственно-нравственной личности чловѣка, вліяніе, съ которымъ намъ постоянно приходится считаться въ исторіи личности вообще и въ исторіи преступленія въ частности ⁴⁾.

Если подѣ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій, какъ учить ежедневный опытъ, въ теченіи жизни всякой данной личности А. наслѣдственно ей переданный зачатокъ постоянно и постепенно частично измѣняется, то понятно, что такія же частичныя измѣненія должны были происходить и въ теченіи жизни каждаго ряда ея восходящихъ, т. е. въ теченіи жизни ея родителей В. и С., дѣдовъ D. и F., G. и H. и т. д. Поэтому, если бы мы прослѣдили крайне сложную и долгую исторію постепенной выработки наслѣдственного зачатка психическаго механизма личности А. въ ряду ея восходящихъ, то при этомъ мы получили бы постоянно упрощающіяся психическія величины, въ которыхъ, при переходахъ отъ послѣдующихъ къ предыдущимъ, постоянно и постепенно отпадала бы часть ихъ сложности, приходящаяся на долю внѣшнихъ вліяній, дѣйствовавшихъ въ теченіи жизни этихъ послѣдующихъ. Такъ, напр., при переходѣ отъ А. къ его родителямъ В. и С. въ наслѣдственно передаваемомъ зачаткѣ механизма психической личности произошло бы первое упрощеніе, такъ какъ отпала

⁴⁾ Въ своемъ сочиненіи «Du suicide, de l'alienation mentale et des crimes contre les personnes», 17, Cazauvielh совершенно вѣрно различаетъ три вида предрасположеній: 1) предрасположенія переданныя или наслѣдственныя (отъ восходящихъ вообще); 2) предрасположенія, рожденныя съ чловѣкомъ или прирожденныя; 3) предрасположенія, имъ пріобрѣтенныя. Первые два вида, разсматриваемые въ ихъ генезисѣ, сводятся, однако, какъ увидимъ далѣе, къ послѣднему виду. Поэтому, проф. Arndt совершенно основательно разсматриваетъ нервную систему, этотъ матеріальный субстратъ всей психической жизни и всей психической личности вообще, какъ аппаратъ, въ которомъ на пользу всего организма перерабатываются внѣшнія воспріятія чувственной сферы. Lehrbuch der Psychiatrie, 6.

бы доля участія ви́шнихъ вліяній, дѣйствовавшихъ въ теченіи жизни А., при переходѣ отъ В. и С. къ D. и F., G. и H. отпала бы доля участія ви́шнихъ вліяній, дѣйствовавшихъ во время жизни В. и С. и т. д. вплоть до весьма упрощенныхъ психическихъ величинъ, у которыхъ непосредственная связь между ви́шними стимулами и конечными эффектами улавливается сравнительно легко. Поэтому мы можемъ сказать, что характеръ всей дѣятельности человѣка въ каждый данный моментъ строго опредѣляется особенностями его психо-физического механизма, реагирующаго на ви́шніе стимулы, но, въ свою очередь, эти особенности представляются болѣе или менѣе быстро выработавшимся результатомъ постепенныхъ частичныхъ измѣненій, совершавшихся подъ вліяніемъ тѣхъ же ви́шнихъ факторовъ въ рядѣ восходящихъ поколѣній.

Такое сведеніе нравственныхъ особенностей къ ви́шнимъ вліяніямъ нисколько не потрясаетъ и не ослабляетъ нравственныхъ ученій, ни мало не умаляетъ нравственной стороны человѣка и не затрагиваетъ вопроса о сущности сознанія, о сущности души, которая, при любомъ углѣ зрѣнія, навсегда останется для человѣка неразрѣшимой, хотя и неотразимо заманчивой и мучительной загадкой бытія⁵⁾. Напротивъ, вытекающее отсюда ученіе вполне признаетъ неизмѣримо важное значеніе чуткой и развитой совѣсти, устойчиваго чувства долга и хорошо организованнаго механизма воли — всѣхъ этихъ лучшихъ плодовъ умственно-нравственной культуры человѣка, всегда совершавшейся и продолжающей совершаться путемъ постоянныхъ, даже незначительныхъ взаимодействій — взаимодействій повседневно-семейной и общественной жизни. Оно лишь выясняетъ дѣйствительный процессъ ихъ образованія и освѣщаетъ тотъ путь, которымъ должно слѣдовать для образованія возможно совершенной умственно-нравственной личности.

Не рѣдко приходится слышать, что тѣ или другія предлагаемыя улучшения, представляющіяся весьма симпатичными мечтаніями, на самомъ дѣлѣ не соотвѣтствуютъ, будто бы, природѣ человѣка. И по отношенію къ данному времени и данному мѣсту такое утвержденіе часто бываетъ совершенно правильно. Учрежденія, какъ они существуютъ въ дѣйствительной жизни, постепенно создаются и развиваются

⁵⁾ «Когда мысленно достигаешь до крайнихъ предѣловъ дѣленія матеріи — совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Mosso — до конечныхъ локализаций психическихъ явленій, тогда ясно сознаешь, что бесполезно опредѣлять, принадлежишь ли къ спиритуалистамъ или къ матеріалистамъ. Обѣ доктрины сливаются въ тщетъ нашего невѣжества. Сущность матеріи не менѣе непостижима, нежели и сущность духа». См. его сочиненіе «La peur», 61.

вѣками и всегда вполнѣ соотвѣтствуютъ и отражаютъ особенности природы ихъ носителей—людей даннаго времени. Но вопросъ представится нѣсколько въ иномъ видѣ, если мы спросимъ себя: о природѣ какихъ людей при этомъ идетъ рѣчь? Если мы встрѣчаемъ крайнихъ индивидуалистовъ, узкихъ эгоистовъ, которые не проявляютъ никакой благожелательности къ людямъ и спокойно попираютъ важные общественные интересы ради своихъ даже незначительныхъ выгодъ, которые не чувствуютъ никакого влеченія дѣлать что-либо для другихъ и не ощущаютъ никакого удовольствія при видѣ ихъ довольства и благосостоянія, то наряду съ ними мы встрѣчаемъ и такихъ, которые посвящаютъ все свои силы служенію общему благу и беззаветно жертвуютъ всеми своими интересами своимъ ближнимъ, радуются чужими радостями, наслаждаются чужимъ счастьемъ, страдаютъ чужимъ горемъ, отзывчиво откликаются на нужды окружающихъ и почти не знаютъ разницы между моимъ и твоимъ (въ ходѣ послѣдующаго изложенія мы будемъ имѣть случай познакомиться съ такими типами въ реальныхъ явленіяхъ жизни). Лучшее и полнѣйшее отраженіе подобнаго совершеннѣйшаго образа мы находимъ въ Евангеліи съ его міровою любовью. Въ различные періоды преобладаютъ и различные характеры, различные породы людей съ ихъ многочисленными разновидностями, налагающими особую окраску на всякое данное время. Въ ходѣ исторіи передъ нами проходятъ непрерывною чередой вѣка и эпохи, а вмѣстѣ съ ними проходятъ и различные умственно-нравственные типы людей. Римлянинъ начала республики и римлянинъ времени упадка, какъ болѣе общіе типы, суть двѣ различные, разнохарактерныя величины съ своими различными вкусами и стремленіями. Первый, это—человѣкъ, полный жизни, съ развитымъ чувствомъ долга и умѣющей спокойно полагать «душу свою за други свои», а второй, это—Неронъ, это Каракалла, это обжора Вителій, это, наконецъ тотъ, что восклицаетъ: «Мы слабы лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что нужно выдержать. Мы не можемъ выносить ни труда, ни удовольствій, ни даже нашего собственнаго существованія». И все эти различные типы суть люди и имѣли природу людей. А между тѣмъ какая громадная между ними разница! Одни развивали и укрѣпляли общественность, а другіе все своимъ порочнымъ существомъ и всеми его дурными проявленіями подрывали ее въ самой ея основѣ. Не мудрено поэтому, что то, что удовлетворяло и соотвѣтствовало природѣ однихъ, оказалось несоотвѣтствующимъ природѣ другихъ, и наоборотъ.

Но чѣмъ же, спрашивается, обуславливаются подобныя рѣзкія различія въ природѣ людей? Различіями въ особенностяхъ остова ихъ

психической личности, въ особенностяхъ инстинктивной природы человѣка, налагающихъ рѣзкій отпечатокъ на все его умственно-нравственное существо и, какъ учить опытъ, постепенно слагающихся подъ постояннымъ вліяніемъ всей безъ исключенія совокупности внѣшнихъ воздѣйствій повседневной домашне-семейной и общественной жизни. Всѣ особенности человѣка, всѣ его вкусы, влеченья и стремленья, всѣ его навыки и привычки суть результатъ медленно сложившейся приспособленности путемъ воспитанія и унаслѣдованія слѣдовъ прежде бывшихъ воздѣйствій къ тѣмъ или другимъ направленіямъ, къ тѣмъ или другимъ идеаламъ. Въ виду этого люди, живя обществами, въ которыхъ, по самому ихъ существу, дѣйствія одного такъ или иначе, въ большей или меньшей мѣрѣ, отражаются и на всѣхъ остальныхъ, въ интересахъ общаго блага и счастья, наряду съ закономъ наслѣдственности, который есть законъ консерватизма, законъ сохраненія разъ прибрѣтеннаго, должны въ широкой мѣрѣ пользоваться и закономъ приспособленія, который есть законъ измѣняемости, а при благопріятныхъ условіяхъ законъ усовершенствованія и прогресса. Для возможно полнаго осуществленія цѣлей общественности они должны организовать могущественныя внѣшнія воздѣйствія въ систему напередъ разсчитанныхъ разумныхъ мѣръ для постепеннаго подготовленія въ подростяющихъ поколѣніяхъ типа соціальныхъ личностей въ истинномъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, и для выработки въ нихъ навыковъ и привычекъ, соответствующихъ требованіямъ общественности. Только такимъ путемъ, путемъ постепеннаго нравственнаго совершенствованія породы, а наряду съ этимъ и упорядоченія всего строя будничной сѣренькой жизни въ ея мельчайшихъ деталяхъ, и можетъ быть вѣрно достигнуто устраненіе общественныхъ нестроений вообще и преступленій въ частности.

Во введеніи я уже имѣлъ случай замѣтить ⁶⁾, что для разумнаго и индивидуализированнаго воспитанія, преслѣдующаго, съ одной стороны, цѣль исправленія дурныхъ унаслѣдованныхъ или прибрѣтенныхъ особенностей, а съ другой—развитіе и привітіе хорошихъ и полезныхъ задатковъ и качествъ, дѣлающихъ человѣческую личность возможно болѣе соціальной, воспитателю всегда необходимо имѣть въ виду особенности остова психической личности воспитываемаго и уже въ зависимости отъ нихъ выбирать тѣ или другія воспитательныя воздѣйствія. Слишкомъ частое и рѣзкое нарушеніе этого основнаго правила воспитанія нерѣдко приводитъ къ самымъ печальнымъ

⁶⁾ См. 315 стр. I выпуска.

послѣдствіямъ. Къ воспитываемымъ предъявляются требованія, которыми или со стороны ихъ качествъ, или со стороны ихъ мѣры они по основнымъ особенностямъ своей психо-физической организаціи въ данное время часто при всемъ своемъ желаніи удовлетворить не могутъ. Результатомъ такого рѣшительнаго несоотвѣтствія предъявляемыхъ требованій и наличнаго матеріала обыкновенно бываетъ чрезмѣрная напряженность, перераздраженіе съ его печальными слѣдствіями, частыя невыполненія и нарушенія требованій и запретовъ со стороны воспитываемыхъ, отчаянные протесты ихъ чрезмѣрно насилуемой организаціи, выражающіеся въ той или иной формѣ, и какъ ихъ слѣдствіе, крайне строгія и частыя карательныя мѣры со стороны воспитателей, а въ концѣ всего вмѣсто улучшенія значительное ухудшеніе, а иногда и конечная порча.

Понятно поэтому, что попыткѣ уясненія вопроса о малолѣтнихъ преступникахъ, вопроса, который, почти по общему теперь признанію, неразрывно связанъ съ вопросомъ о правильныхъ пріемахъ перевоспитанія, необходимо должно предшествовать изученіе типовъ остова психической личности и вытекающихъ изъ особенностей этихъ типовъ наклонностей къ преступленіямъ, къ чему я и перейду теперь, предварительно предпославъ нѣсколько необходимыхъ пояснительныхъ замѣчаній.

Непосредственной задачей нашего ближайшаго изученія будетъ механизмъ психической жизни. Между тѣмъ современная наука не знаетъ отдѣльной психики, а только нераздѣльную психо-физику, въ которой физическое и психическое переплетаются и сливаются такъ, что представляютъ собою двѣ нераздѣльныя стороны одного и того же явленія. Разъ существуетъ опредѣленный психическій процессъ, всегда наряду съ нимъ и въ основѣ его существуетъ и опредѣленный физическій процессъ, соединенный съ первымъ связью необходимаго существованія. Говоря поэтому о типахъ остова психической личности, мнѣ придется касаться и физиологической подкладки психическихъ явленій и выражать ихъ иногда въ органическихъ терминахъ. Имѣя однако въ виду психическую сторону, я буду касаться органическихъ основъ явленій исключительно постольку, поскольку это будетъ необходимо для болѣе яснаго пониманія ихъ механизма.

При изученіи различныхъ типовъ остова психической личности, которая представляетъ собою крайне сложное цѣлое, состоящее изъ взаимно связанныхъ частей, намъ необходимо придется анализировать и расчленять его, выдѣлять его отдѣльныя составныя части, изолированно изучать ихъ и слѣдить лишь за вліяніемъ выдѣленныхъ,

временно игнорируя всё прочія. Таковъ необходимый приёмъ изученія сложныхъ много-факторныхъ явленій, подобныхъ психической жизни человѣка. Но по необходимости поступая такимъ образомъ, мы при этомъ не можемъ и не должны ни на минуту забывать, что это лишь приёмъ изученія и что въ дѣйствительности эти обособленные нами болѣе или менѣе развитыя составныя части не существуютъ и не вліяютъ на психическую жизнь изолированно, а всегда въ связи съ другими также болѣе или менѣе развитыми частями, которыя видоизмѣняютъ ихъ вліяніе, многообразно варьируютъ и ослабляютъ его. Въ природѣ мы не найдемъ тѣхъ однородныхъ, или, правильнѣе, одностороннихъ типовъ, которые получаются при изученіи выдѣленныхъ составныхъ частей, а лишь сложные типы, создаваемые взаимодействіемъ различныхъ органическихъ факторовъ въ ихъ разнообразныхъ и разномѣрныхъ комбинаціяхъ. Поэтому въ дѣйствительной жизни, при столкновеніяхъ съ живыми людьми намъ нельзя будетъ ограничиваться подведеніемъ подъ вполне готовые образцы, а напротивъ придется каждый разъ самостоятельно расчленять сложные явленія и относить замѣченныя особенности на долю того или другаго изъ взаимодействующихъ факторовъ. Изученные типы могутъ послужить намъ лишь въ качествѣ руководящихъ началъ при анализѣ и оцѣнкѣ сложныхъ явленій, представляемыхъ душевною жизнію наблюдаемыхъ людей.

Я счелъ нужнымъ сдѣлать это замѣчаніе и подчеркнуть его, чтобы тѣмъ самымъ хотя отчасти предупредить возможность неправильнаго пониманія значенія общихъ типовъ остова психической личности.

Теперь еще одно и послѣднее замѣчаніе. Въ предстоящемъ очеркѣ намъ придется вступить въ область довольно еще темныхъ явленій души. Въ матеріалѣ, въ строго проверенныхъ фактахъ мы не будемъ имѣть недостатка; такими фактами изобилуетъ медицинская литература вообще и психіатрическая и криминалистическая въ частности. Но фактъ, какъ ни велико его значеніе, только камень или единица матеріала, изъ котораго воздвигается постройка. Кромѣ него необходима обобщающая, связующая мысль, созидаящая все зданіе. Только эта послѣдняя указываетъ надлежащее мѣсто каждому отдѣльному факту, только она освѣщаетъ его истинный смыслъ и значеніе. Безъ нея собраніе фактовъ — куча беспорядочно сваленнаго матеріала, пока еще не приносящаго пользы. Творецъ истиннаго знанія — испытующій разумъ человѣка, цементирующій отдѣльные факты въ великое зданіе науки. «Опытъ» (*l'expérience*), совершенно справедливо замѣчаетъ Bouchut, «не приводитъ ни къ чему безъ разума или генія, которые его освѣща-

ють» ⁷⁾. При изученіи психическихъ явленій главную трудность именно и составляетъ вѣрность освѣщенія, правильность указанія составнымъ частямъ крайне сложнаго зданія ихъ соответствующаго мѣста; въ проверенныхъ же фактахъ нѣтъ недостатка и они находятся подъ рукою, въ изобиліи. Темная область психическихъ явленій, въ ихъ многочисленныхъ и совмѣстно дѣйствующихъ факторахъ почти только начинается освѣщаться и преимущественно со стороны клиники душевныхъ разстройствъ, не легко однако поддающихся аналитическому изученію, хотя, по справедливому замѣчанію д-ра Tebaldi, и представляющихъ собою какъ бы «психологическіе эксперименты», которые для насъ дѣлаетъ природа ⁸⁾. Въ наукѣ о механизмѣ душевныхъ явленій еще мало вполне безповоротно установленныхъ истинъ, но моментъ уже наступилъ, чтобы—по удачному выраженію проф. Mosso—«засучить рукава для произведенія вивисекціи человѣческаго сердца посредствомъ научныхъ методовъ» ⁹⁾. Поэтому въ этой области попытки объясненія необходимо еще отличаются нѣсколько гипотетическимъ характеромъ, который есть неизбѣжное слѣдствіе всѣхъ начальныхъ научныхъ шаговъ, что нисколько однако не умаляетъ значенія послѣднихъ ¹⁰⁾. Требованіе, которое можетъ и безусловно должно быть предъявляемо въ подобныхъ случаяхъ, состоитъ лишь въ томъ, чтобы выводы имѣли подъ собою строго проверенное фактическое основаніе и чтобы путь, которымъ они получены, былъ у всѣхъ на виду и всегда допускалъ новую проверку.

Но мнѣ пожалуй замѣтятъ: неужели же вы хотите положить еще отличающееся нѣсколько гипотетическимъ характеромъ въ основу практическихъ мѣропріятій? Это возраженіе, часто и съ разныхъ сторонъ слышащееся, на первый взглядъ можетъ казаться весьма вѣскимъ и рѣшающимъ, а потому я и считаю нужнымъ рассмотреть его и показать его неосновательность, по меньшей мѣрѣ въ данномъ случаѣ.

Есть научная область, гдѣ, останавливаясь передъ запутаннымъ явленіемъ, мы можемъ сказать себѣ: *ignotamus*, а затѣмъ можемъ

⁷⁾ Histoire de la médecine, I, 186.

⁸⁾ Ragione e pazzia, 21.

⁹⁾ Цит. уже соч., 10.

¹⁰⁾ Несомнѣнно, что медицинская наука и литература вообще и психіатрическая въ частности и въ настоящемъ своемъ состояніи представляютъ уже солидныя базы для прикладныхъ наукъ. Въ нихъ мы находимъ и руководящія начала—знаніе многихъ общихъ законовъ органическихъ явленій и многочисленный и проверенный матеріалъ.

успокоиться и ждать новых успѣховъ и открытій. Эта область—есть область чистой науки, чистаго знанія ¹¹⁾. Въ ней если что и заставляетъ торопиться, то только естественно присущая намъ любознательность и жажда скорѣе постигнуть невѣдомое. Но онѣ могутъ и иногда должны быть сдерживаемы, и удовлетвореніе ихъ можетъ и иногда должно быть отсрочиваемо.

Не то по отношенію ко множеству задачъ прикладныхъ общественныхъ наукъ. Въ этой области запросы ставятся самою жизнію и при томъ часто ставятся, какъ запросы, не терпящіе отлагательства и безусловно требующіе того или инаго отвѣта. Жизнь не стоитъ, не ждетъ и не терпитъ отсрочекъ, а настоятельно требуетъ удовлетворенія своихъ нуждъ и запросовъ. Не даетъ его наука—она пойдетъ за нимъ къ знахаркѣ, пойдетъ къ вовсе неподготовленному и часто наобумъ дѣйствующему практику и отъ нихъ получить отвѣты ¹²⁾. И жизнь права. Сталкиваясь, напр., съ преступленіемъ и преступникомъ, она не можетъ сказать: *ignotamus* и ждать, пока психологія возведетъ всѣ свои положенія на степень безповоротныхъ истинъ и дастъ непреложный отвѣтъ. Нѣтъ, она должна дѣйствовать и дѣйствовать неотложно, ей необходимо предстоитъ выбирать между часто ни на чемъ не основанными или ошибочно обоснованными измышленіями и приемами неподготовленной практики, съ одной стороны, и между хотя еще нѣсколько гипотетическими, но обоснованными на знаніи общихъ законовъ и тщательномъ изученіи фактовъ дѣйствительности правилами прикладной науки, съ другой. Инаго выхода нѣтъ и быть не можетъ, и лично я не колеблясь всегда избралъ бы послѣдній, хотя и не безошибочный, но сравнительно гораздо болѣе надежный путь, всегда допускающій тщательную провѣрку и необходимыя поправки. Полагаю, что со мною согласятся всѣ, хотя сколько нибудь вдумывавшіеся въ этотъ спорный вопросъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, казавшихся мнѣ необходимыми, перейдемъ теперь къ очерку типовъ остова психической личности.

¹¹⁾ См. I выпускъ, стр. 246 и сл.

¹²⁾ Развѣ исторія не была свидѣтельницею самыхъ ужасающихъ кровожадныхъ истязаній какъ душевно-больныхъ, такъ и преступниковъ, которыми, по измышленію грубыхъ натуръ и невѣжественныхъ умовъ, хотѣли поразить толпу и тѣмъ самымъ предохранить ее отъ дальнѣйшаго развитія въ ней пороковъ и преступленій.

II.

Соотносительное развитіе различныхъ нервныхъ центровъ и его отраженіе въ явленіяхъ психической жизни.

Изученіе психологіи преступности мы начнемъ съ изученія нѣкоторыхъ основныхъ органическихъ условій, представляющихъ собою необходимый анатомическій субстратъ психической жизни человѣка. Отъ этихъ основныхъ условій мы перейдемъ затѣмъ къ ученію о темпераментахъ или органическихъ типахъ, въ основѣ которыхъ лежитъ преобладаніе въ органической конституціи того или другаго человѣка той или другой системы органовъ, преобладаніе, налагающее рѣзкій отпечатокъ на всѣ особенности психической личности, а главное на особенности ея, такъ называемой, инстинктивной природы, составляющей основу нравственнаго существа человѣка. При этомъ клиника душевныхъ разстройствъ доставитъ намъ богатый матеріалъ, которымъ я и воспользуюсь въ широкой мѣрѣ ¹³⁾).

Начнемъ съ самыхъ краткихъ указаній строенія и функцій нервной системы—этого механизма психической жизни ¹⁴⁾).

На виѣшной поверхности тѣла, въ органахъ чувствъ, въ органахъ растительной жизни и въ мускулахъ размѣщено множество концевыхъ аппаратовъ нервныхъ волоконъ, которые или расположены отдѣльно, или скучены вмѣстѣ и иногда, какъ, напр., въ глазу, имѣютъ очень сложное строеніе. Они представляютъ собою окончанія нервныхъ волоконъ, которыя на дальнѣйшемъ своемъ пути отъ поверхности къ центру соединяются вмѣстѣ и образуютъ нервные стволы различной толщины. Каждое нервное волокно представляется сложнымъ органомъ, состоящимъ въ своей средней части, извѣстной

¹³⁾ Широкое пользованіе клиническимъ матеріаломъ и весьма рѣзко выраженными явленіями душевныхъ болѣзней для выясненія явленій относительнаго здоровья представляетъ вполне правильный приѣмъ. Въ психіатрической, какъ и во всякой другой клиникѣ, мы наблюдаемъ тѣ же общіе, только болѣе рѣзко выраженные, органическіе процессы и ихъ болѣе рѣзко выраженное вліяніе. Клиническіе случаи—это какъ бы специмены, на которыхъ, при значительной рѣзкости ихъ очертаній, иногда особенно удобно изучать тѣ или другія психофизическія явленія. Все въ природѣ, не исключая явленій здоровья и болѣзни, представляетъ собою лишь степени и неумовные переходы.

¹⁴⁾ Я воздержусь вдаваться при этомъ въ какія либо подробности и ограничусь только безусловно необходимымъ. Интересующіеся могутъ найти подробности въ спеціальныхъ трактатахъ.

подъ именемъ осевого цилиндра ¹⁵⁾, изъ тончайшихъ нервныхъ нитей или фибриллей ¹⁶⁾. Начиная отъ поверхности, нервныя волокна идутъ не прерываясь и заканчиваются въ двухъ большихъ скопленіяхъ нервнаго вещества, одно изъ которыхъ замкнуто въ сложную костную трубку спины—спинной мозгъ, а другое—въ полость головы—головной мозгъ; въ этомъ послѣднемъ нервныя волокна перекрещиваются такъ, что волокна одной стороны тѣла переходятъ въ половину мозга противоположной стороны ¹⁷⁾.

Только что описанныя нервныя волокна суть волокна, приводящія съ поверхности, по своей функціи иначе называемыя чувствующими. Скопленія нервнаго вещества, въ которыхъ они заканчиваются, кромѣ связующаго вещества, состоятъ, съ одной стороны, изъ большаго или меньшаго количества микроскопическихъ тѣлецъ различной величины и формы, извѣстныхъ подъ именемъ нервныхъ клѣтокъ. Скопленія этихъ послѣднихъ, окрашенныя желтовато-бурымъ цвѣтомъ, зависящимъ отъ пигментаціи, извѣстны подъ названіемъ сѣраго вещества мозга. Нервныя клѣтки имѣютъ удлиняющіеся и вѣтвящіеся отростки ¹⁸⁾. Одни изъ этихъ клѣточныхъ отростковъ служатъ для соединенія клѣтокъ съ нервными волокнами (приводящими и выводящими), составляющими своими скопленіями вторую часть мозга, извѣстную подъ названіемъ бѣлаго его вещества ¹⁹⁾. Другіе отростки служатъ для многообразнаго соединенія нервныхъ клѣтокъ между собой. Изъ нихъ-то и образуются проѣзжіе, если можно такъ выразиться, пути самаго мозга, взаимно соединяющіе въ разныхъ направленіяхъ разныя его части ²⁰⁾. Благодаря такому строенію, спинно-головной мозгъ отъ одного своего предѣла въ спинномъ каналѣ и до другаго въ корковомъ или поверхностномъ слое

¹⁵⁾ Нервныя волокна не вездѣ имѣютъ особую оболочку около осевого цилиндра, который только одинъ и составляетъ неотъемлемую часть нервнаго волокна. Duval: «Leçons sur la physiologie du système nerveux», 27.

¹⁶⁾ См. Вундтъ: „Основанія физиологической психологіи“, I, объ элементахъ нервной системы, 29 и сл.; Luys: „Traité clinique et pratique des maladies mentales“, Anatomie, 6 и сл.; Meynert. Psychiatrie. Klinik der Erkrankungen des Vorderhirns, отдѣлъ Der feinere Bau des Gehirns вообще и стр. 57 и 58 въ частности.

¹⁷⁾ Bastian: „Le cerveau organe de la pensée“, 81, 117.

¹⁸⁾ См. Ferrier: The functions of the brain, 2 и сл.; Duval: „Leçons sur la physiol. du syst. nerv.“. 37 и сл.; Луэ, цитир. сочиненіе 5 и 6; Meynert, цитир. сочин. 59.

¹⁹⁾ Meynert, тамъ же, 59—65, 138, 141; Луэ, тамъ же, 47 и сл.

²⁰⁾ Meynert, тамъ же, 37—62, 140 и 141. Duval, цитир. сочин., 30.

головного мозга представляет собою одну непрерывную массу, состоящую из множества по всемъ направлениямъ связанных между собою элементовъ ²¹⁾. Отъ этой массы къ периферіи отходятъ другія нервныя волокна: выводящія или двигательныя, заканчивающіяся въ мускулахъ, сокращеніемъ которыхъ (т. е. мускуловъ) и производятся всѣ работы организма. Центральная нервная система съ своими приводящими и выводящими волокнами представляетъ, такимъ образомъ, какъ бы внутреннее чувствующее и распоряжающееся существо, помѣщенное въ организмъ.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ составныя части нервной системы животной жизни. Наряду съ нею въ животномъ организмѣ существуетъ другая нервная система, система растительной жизни, заведывающая растительными функциями и называемая симпатической.

Еще древніе (напр., Пифагоръ и Галенъ) отличали въ человѣкѣ нѣсколько душъ, имѣющихъ и разныя сѣдалища: чувственную, водную и разумную ²²⁾. «Въ человѣкѣ», замѣчаетъ Pinel, «нужно различать два важныя подраздѣленія, провозглашенныя всеми фізіологами, два весьма различныя существа: одно, которое питается и воспроизводится, и другое, которое движется и думаетъ» ²³⁾.

Симпатическая нервная система, заведывающая всеми отправленіями «питающагося и воспроизводящагося человѣка» составляетъ краеугольный камень всей органической, а слѣдовательно и психической жизни—поистинѣ фундаментъ личности. «Организмъ», совершенно справедливо замѣчаетъ Truquet de Fontange, «долженъ сохраняться, возобновляться и жить прежде, нежели поддерживать сношенія съ окружающею средою. Низшія животныя не имѣютъ ни головного, ни спиннаго мозга, ни чувствующихъ нервовъ; только по мѣрѣ повышенія въ животной лѣстницѣ жизнь дополняется; между животными устанавливаются отношенія: послѣдовательнымъ развитіемъ, которое у человѣка достигаетъ своего высшаго выраженія, къ нуждамъ, порождаемымъ сохраненіемъ оживленной матеріи, прибавляется потребность въ совмѣстной и разумной жизни» ²⁴⁾. Въ то время, когда высшія функціи «думающаго человѣка» еще не существуютъ или вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ отпадаютъ, функціи симпатической нервной системы продолжаютъ существовать

²¹⁾ Meynert, цитир. сочин. 42—44, 70—126.

²²⁾ Dacier: «Bibliothèque des anciens philosophes», I, 195; Semelaigne: «Études historiques sur l'alienation mentale», 189.

²³⁾ Physiologie de l'homme aliéné. 1833 г. стр. 148.

²⁴⁾ Pathologie clinique du grand sympathique, 3 и 4.

и еще часто повышаются въ своей интенсивности. Симпатическая система—это «самая сущность животности», тогда какъ «головно-спинной аппаратъ есть, собственно говоря, лишь аппаратъ роскоши, аппаратъ прибавочный къ первичному плану творенія» ²⁵⁾). Симпатическая нервная система появляется въ животной лѣстницѣ ранѣе спино-головной; она постоянно бодрствуетъ и завѣдуетъ основными органическими функціями, функціями питанія, она же завѣдываетъ и кровообращеніемъ ²⁶⁾), отъ особенностей котораго зависятъ основныя особенности остова психической личности. Всѣ эксцессы, напр., пьянство, обжорство, развратъ, прежде всего поражаютъ основу органической жизни—симпатическую систему, и тѣмъ самымъ постепенно готовятъ ея полное помутнѣніе и разложеніе, предварительно возмѣщаемое временными замѣшательствами и расстройствами, рѣзко всегда отражающимися на настроеніи ²⁷⁾). Эту зависимость системы высшей отъ системы низшей необходимо уяснить себѣ вполне; только при такомъ условіи намъ вполне выяснится скрытый, но основной механизмъ психической жизни, и зависимость ея особенностей отъ темныхъ процессовъ органической жизни, которые, какъ увидимъ далѣе, при помощи общаго чувства, обуславливающаго настроеніе, отражаются въ зеркалѣ нашего сознанія, изображаясь въ немъ особыми знаками. Только понявъ все это, мы поймемъ безусловно рѣшающее значеніе развитой, здоровой и прочной физической основы для всей качественной стороны нашей психической личности.

Различные внутренніе органы иннервируются особыми нервными волокнами, симпатическими, которыя берутъ свое начало изъ такъ называемыхъ симпатическихъ нервныхъ узловъ или «маленькихъ мозговъ», какъ удачно выражается д-ръ Descuret ²⁸⁾); главнымъ между ними является солнечное сплетеніе, «которое анатомы и медики называли прежде брюшныхъ мозгомъ» ²⁹⁾). Всѣ эти узлы соединены нервными волокнами между собой и въ своей совокупности образуютъ нервную систему, въ вѣдѣніи которой и стоятъ процессы

²⁵⁾ Тамъ же, 4.

²⁶⁾ Bouchut: „Histoire de la médecine“, II, 162 и сл.; Marey: „La circulation du sang“ 389 и сл.

²⁷⁾ См. цитир. сочин. Truquet de Fontange, 44, 45, 63, 64, 116; Leven: „Estomac et cerveau“, 56 и сл.; См. также 24 гл. въ сочин. Шуле: «Душевные болѣзни», изданіе Хавкина, 1880.

²⁸⁾ Les merveilles du corps humain, 37.

²⁹⁾ Leven, цитир. сочин. 2.

растительной жизни ³¹⁾). Эта система, однако, не представляется обособленной, а напротивъ тѣсно соединяется съ спинно головнымъ мозгомъ ³¹⁾ и только гармоническое развитіе двухъ системъ и ихъ взаимная уравновѣшенность могутъ способствовать образованію совершеннаго человѣка ³²⁾).

На концевые аппараты приводящихъ или чувствующихъ первичныхъ волоконъ воздѣйствуютъ совершающіяся повсюду въ природѣ разнообразныя движенія или пространственныя перераспредѣленія отдѣльныхъ матеріальныхъ частицъ, извѣстныя подъ именемъ явленій дѣйствія силъ. Этими вліяніями или толчками концевымъ аппаратамъ передается происходящее вокругъ нихъ движеніе и они приводятся въ особое дѣятельное состояніе, извѣстное подъ именемъ состоянія возбужденія. Передача движенія этимъ не заканчивается; движеніе по первному волокну распространяется далѣе и несется отъ периферіи къ центру. Воспринимающіе концевые аппараты нервныхъ волоконъ мы можемъ сравнить поэтому съ разбросанными повсюду на поверхности наблюдательными станціями, собирающими извѣстія о всемъ, совершающемся какъ во внѣшней средѣ, такъ и во внутреннихъ органахъ. Этимъ собираніемъ свѣдѣній роль концевыхъ аппаратовъ приводящихъ волоконъ и заканчивается. Собранныя извѣстія не остаются въ наблюдательныхъ станціяхъ; они отправляются далѣе къ центрамъ управленія—узламъ и спинно-головному мозгу, въ различныхъ частяхъ котораго приводящія волокна, идущія отъ различныхъ органовъ тѣла, имѣютъ свои окончанія ³³⁾). Каждая такая часть по отношенію къ органу, иннервируемому заканчивающимися въ немъ приводящими волокнами, представляетъ собою его первый центръ или станцію управленія ³⁴⁾). Понятно, что чѣмъ богаче иннервация того или другаго органа, и, слѣдовательно, чѣмъ ярче его чувствительность у того или другаго лица, тѣмъ значительнѣе будетъ представительство этого органа въ мозгу, иначе говоря, тѣмъ развитѣе будетъ его мозговой центръ. Въ сущности такіе центры съ иннервируемыми ими органами составляютъ

³⁰⁾ См. цитир. сочин. Tramet de Fontarge, 6—29; см. также Carpenter: „Mental Physiology“, параграфы 112—115 включительно.

³¹⁾ Bastian, цитир. сочин., 113 и сл.; Tramet de Fontarge, цитир. сочинен. 67, 179, 180.

³²⁾ См. цитир. сочин. Descuret, 52.

³³⁾ Припомню, напр., опытъ Flourens'a съ вырѣзкой бугровъ четверохолмія, сопровождавшейся парализаціей ретины и ириса глаза противоположной стороны. См. его „De la vie et de l'intelligence“, 12.

³⁴⁾ См. Ferrier цитир. сочин., 24 и сл.; Вундтъ, I, 205 и сл.; Ковалевскій: «Психіатрія». I, 16, 23, 24.

одно нераздѣльное цѣлое—ихъ станція управленія, и отдѣльные органы развиваются наряду съ развитіемъ центровъ своей иннервации и выражаются вмѣстѣ съ ними ³⁵). Проф. Меуперт, говоря о мозговыхъ локализацияхъ, замѣчаетъ, напр., что у животныхъ, которыя, разыскивая пахучія вещества, держать носъ близко къ землѣ, обонятельная доля представляется весьма развитой и большой, а у человѣка и обезьяны, для которыхъ обоняніе имѣетъ меньшее значеніе и которые меньше его упражняютъ, она мала. У водяныхъ млекопитающихся, живущихъ на сушѣ и въ водѣ, эта доля по своимъ размѣрамъ приближается къ человѣческой, а у китообразныхъ она вовсе отсутствуетъ ³⁶).

Различіемъ въ развитіи у отдѣльныхъ личностей различныхъ мозговыхъ центровъ, — различіемъ, зависящимъ отъ различій въ количествахъ упражненій органа не только въ теченіе жизни самого индивида, но и въ теченіе жизни его восходящихъ, удовлетворительно объясняется какъ съ психической, такъ и съ фізіологической стороны повседневно наблюдаемое и рѣзко бросающееся въ глаза различіе въ напряженности у этихъ личностей различныхъ функцій, отъ котораго, на основаніи всего извѣстнаго намъ о механизмѣ организма, мы въ правѣ заключать къ неравномѣрному развитію ихъ органовъ. Одинъ изъ примѣровъ неравномѣрно-усиленной напряженности одной функціи и, слѣдовательно, неравномѣрно-усиленного развитія ея органа съ его нервными центрами намъ представляетъ знаменитый Моцартъ. Будучи еще трехъ лѣтъ отъ роду, онъ уже съ величайшимъ удовольствіемъ отыскивалъ терціи на фортепіано. Съ этихъ раннихъ поръ усиленное и обусловленное прирожденными особенностями развитіе однихъ частей организациі уже рѣзко проявлялось у него и необходимо было слѣдить, чтобы ребенокъ не забывался за фортепіано. Его чувствительность къ звукамъ, ясно указывающая на усиленную и богатую иннервацию соотвѣствующихъ органовъ, была настолько велика, что звукъ трубы вызывалъ у него конвульсіи. Гайднъ также съ самаго ранняго возраста испытывалъ величайшее наслажденіе при звукахъ музыки и слушаніе ея всегда предпочиталъ всѣмъ дѣтскимъ играмъ. Усиленное развитіе определенныхъ частей организациі ясно проявлялось и у него въ необы-

³⁵) См., напр., описаніе явленій внѣшняго физическаго вырожденія, соотвѣствующихъ внутреннему вырожденію нервной системы, въ сочин. Morel'a: „De la formation du type dans les variétés dégénérées“, 19 и сл. и „De l'hérédité morbide progressive“, 8 и сл.

³⁶) Psychiatrie, 129. Ковалевскій: „Психіатрія“, I, 1886, 17.

чайномъ влеченіи къ музыкѣ, которое деспотически заставляло его, еще восьмилѣтняго ребенка, усиленно заниматься ею по 16 и 17 часовъ въ сутки, рѣшительно забывая о привлекательныхъ для всѣхъ другихъ дѣтей дѣтскихъ играхъ. Подобно этому Микель-Анджело проявлялъ усиленную раннюю склонность къ краскамъ и рисованію ³⁷⁾ Еще можетъ быть болѣе рельефный примѣръ преобладанія въ развитіи однихъ центровъ надъ другими намъ представляетъ полная лишений жизнь венгерскаго ученаго Mentelli, который, не смотря на свои обширныя знанія, открывавшія ему широкій путь въ жизни, отказался рѣшительно отъ всего и все принесъ въ жертву своему неодолимому влеченію къ знанію. Полный жажды къ нему, бѣднякъ Mentelli покинулъ родную страну, чтобы пѣшкомъ выходить всю Европу, все увидѣть, все узнать. Въ Парижѣ онъ спалъ въ ящикѣ, питался хлѣбомъ, картофелемъ и водой, отказывался отъ употребленія бѣлья и все свое время посвящалъ наукѣ. Одинъ лишній кусокъ пищи производилъ уже растройство въ его организмѣ, а одинъ стаканъ вина вызывалъ у него лихорадочныя явленія. Во время осады Парижа непріятельскія бомбы начали падать въ садъ, гдѣ жилъ Mentelli. Его пришли предупредить объ опасности и застали за какой-то

37) Letourneau: Physiologie des passions, 2 изд., 27. Въ рассказъ гр. Толстаго „Альбертъ“ мы находимъ прекрасно и вѣрно нарисованный образъ чловѣка съ усиленно развитой, определенной способностью, въ которой какъ бы и сосредоточиваются всѣ силы его души. Вотъ онъ играетъ на скрипкѣ: „Лицо сіяетъ непрерывною, восторженною радостью, глаза горятъ свѣтлымъ сухимъ блескомъ, ноздри раздуваются, красныя губы раскрываются отъ наслажденія“. „Иногда онъ быстро выпрямляется, выставляетъ ногу, и чистый лобъ, и блестящій взглядъ, которымъ онъ окидываетъ комнату, сіяютъ гордостью, величіемъ, сознаніемъ власти. Одинъ разъ пианистъ ошибся и взялъ невѣрный аккордъ. *Физическое страданіе* выразилось во всей фигурѣ и лицѣ музыканта“. „Пианистъ поправился, Альбертъ закрылъ глаза, улыбнулся и, снова забывъ себя, другихъ и весь міръ, *съ блаженствомъ отдался своему долгу*“. Но вотъ онъ кончилъ, господствующая нота перестала мощно звучать и спина его согнулась, голова опустилась, губы сложились, глаза потухли и онъ, какъ бы стыдясь себя, робко оглядываясь и путаясь ногами, прошелъ въ другую комнату“. Даже въ пьяномъ бреду движенія его души сосредоточивались на томъ, что, въ силу особенностей его органическаго развитія, составляло весь смыслъ, всю красоту его жизни. „Онъ, какъ соломенка, сгорѣлъ весь отъ того священнаго огня, которому мы всѣ служимъ“, въ бреду звучалъ ему голосъ — „но онъ исполнилъ все то, что было вложено въ него Богомъ“. „Онъ всѣхъ одинаково любитъ или презираетъ, что все равно; а служить только тому, что вложено въ него свыше. Онъ любитъ одно — красоту, единственное несомнѣнное благо въ мірѣ“. См. II часть, 129 и сл.

задачей. Онъ поднялъ голову и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ сказалъ пришедшимъ: «Что эти бомбы имѣютъ общаго со мной? Оставьте ихъ падать, но и оставьте меня въ покоѣ» ³⁸⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ обрисовался весь человѣкъ. Въ Mentelli мы, по-видимому, имѣемъ передъ собою личность съ сравнительно мало развитыми центрами жизни растительной и, напротивъ, съ усиленно развитыми центрами жизни мыслительной. Последніе, какъ значительно сильнѣйшіе, и предъявляютъ свои повелительныя требованія, господствуютъ надъ всеми остальными безъ протеста, придаютъ особый отпечатокъ всему существу и могущественно опредѣляютъ ихъ обладателя къ соответствующимъ дѣйствіямъ.

Особенно ясно выступаетъ это неравномѣрное развитіе различныхъ нервныхъ центровъ и протекающая отсюда неравномѣрная напряженность ихъ функций въ случаяхъ идиотизма и прирожденнаго или первичнаго слабоумія, когда, вслѣдствіе недоразвитости многихъ важныхъ частей физиологическаго механизма, сложные психическіе процессы, обыкновенно значительно затрудняющіе изученіе, отпадаютъ, вся душевная жизнь значительно упрощается и становится доступнѣе анализу. У однихъ изъ этихъ «пасынковъ природы», при крайней бѣдности или даже почти полномъ отсутствіи какой бы то ни было умственной жизни, замѣчается одностороннее развитіе у однихъ музыкальных способностей, у другихъ способности къ ручнымъ занятіямъ, у третьихъ—къ счисленію и т. д., развитіе особенно рѣзко контрастирующее съ полной душевной нищетою во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ³⁹⁾. Такъ, напр., одинъ мальчикъ—идіотъ въ Ирльсвудѣ проявлялъ большую способность въ рѣшеніи наизусть ариметическихъ дѣйствій.—«Онъ складывалъ и множилъ трехзначное число на трехзначное съ поразительною скоростью». «Я видѣлъ», пишетъ Мистеръ Аткинсонъ, «одну женщину—идіотку, которая обладала этой способностью въ чрезвычайной степени—занятіе ариметическими вопросами доставляло ей только наслажденіе» ⁴⁰⁾.

То же неравномѣрное развитіе различныхъ нервныхъ центровъ, а слѣдовательно и ихъ функций, проявляется, конечно, и въ томъ фактѣ, что дѣти людей изъ «преступнаго класса» представляютъ, по замѣчанію д-ра Thomson'a, прирожденные влеченія къ дѣятельности нѣкоторыхъ низшихъ способностей и, наоборотъ, подавленности высшихъ

³⁸⁾ Descuret: «La médecine des passions», II, 399 и сл.

³⁹⁾ Legrain: «Du délire chez les dégénérés», 20 и сл.

⁴⁰⁾ Айрландъ: «Идиотизмъ и тупоуміе», 303. См. также случай у Trelot. «Fol. luc.» 20.

способностей и чувствъ, органы которыхъ не упражнялись и не развивались ихъ восходящими ⁴¹⁾.

Изъ такихъ, только что описанныхъ взаимно связанныхъ между собою нервныхъ центровъ, заведывающихъ различными функциями, и состоитъ спинно-головной мозгъ, который поэтому не представляетъ собою однороднаго органа, а напротивъ ассоціацію или федерацію отдѣльныхъ органовъ, какъ выражается проф. Шарко ⁴²⁾. Этой раздѣльностью взаимно связанныхъ между собою мозговыхъ центровъ и объясняется, почему, напр., у вторично слабоумныхъ часто поражаются одни способности и остаются нетронутыми другія.

Нервные центры не одного порядка; они представляютъ собою какъ бы іерархію центровъ ⁴³⁾. Всѣ органы въ симпатическихъ узлахъ и въ спинно-головномъ мозгу, повидимому, имѣютъ свои высшіе и низшіе центры. Послѣдніе и пространственно помѣщаются ниже, соединясь связующими путями съ выше ихъ лежащими центрами сознательной жизни ⁴⁴⁾. Самая верхняя и разнообразно изборужденная часть головного мозга, составляющая его наружную поверхность и первая бросающаяся въ глаза при вскрытіи черепа и удаленіи твердой мозговой оболочки, представляетъ собою совокупность высшихъ центровъ, повидимому, для всѣхъ органовъ тѣла ⁴⁵⁾. Это въ полномъ смыслѣ слова высшее центральное управленіе, состоящее изъ самостоятельныхъ, хотя и взаимно связанныхъ центровъ; это такъ называемый корковый слой полушарій, представляющій скопленіе различной величины и формы нервныхъ клѣтокъ, расположенныхъ въ нѣсколько слоевъ и взаимно связанныхъ своими отростками. Въ различныхъ частяхъ коркового слоя расположены центры для внутреннихъ органовъ, центры движеній, центры слуха, зрѣнія и наконецъ центры высшихъ разсудочныхъ процессовъ и инициативы, на долю дѣятельности которыхъ выпадаютъ важнѣйшіе акты разумной жизни человѣка и регулирующее вліяніе въ его дѣятельности. Сложный корковый слой мозговыхъ полушарій съ его безчисленнымъ множествомъ различной величины и формы нервныхъ клѣтокъ представляетъ собою высшій конечный этапъ, высшее, хотя и состоящее изъ различныхъ отдѣловъ центральное мѣсто управленія, къ которому сходятся, предварительно пройдя станціи низшаго порядка, приводя-

⁴¹⁾ The Psychology of criminals, 335.

⁴²⁾ О локализаціяхъ въ болѣзняхъ головного мозга, стр. 3.

⁴³⁾ Luys, цитир. соч. 163, 4 и 5; Letourneau, цитир. соч. 123, 136, 147.

⁴⁴⁾ Bastian, цитир. соч., 82, 83, 87 и 88.

⁴⁵⁾ Luys, цитир. соч., стр. 115.

шіе нервныя пути отъ всѣхъ органовъ тѣла, и отъ котораго въ свою очередь расходятся выводящіе нервныя пути также ко всѣмъ органамъ тѣла. «Между нервными элементами», замѣчаетъ Luys, «одни, наиболѣе низшіе съ точки зрѣнія іерархической конституціи, исключительно посвящены актамъ питанія периферическихъ тканей, тогда какъ другіе, въ центрахъ, имѣютъ въ своемъ завѣдываніи большія колеса живой машины; одни изъ нихъ регистрируютъ операціи чувства, другіе завѣдуютъ двигательными процессами. Наконецъ, на вершинѣ находится область психической дѣятельности, сѣрые элементы коры, которые, несмотря на особыя свойства, тѣмъ не менѣе въ своихъ динамическихъ проявленіяхъ обнаруживаютъ тѣ же основныя особенности живой матеріи вообще и нервныхъ клѣтокъ въ частности: чувствительность, автоматизмъ и свойство сохранять полученныя впечатлѣнія» ⁴⁶⁾.

Таково въ общихъ чертахъ устройство нашего психофизическаго механизма. Соотносительное развитіе и совмѣстная гармоническая дѣятельность отдѣльныхъ частей, а въ то же время и іерархическая подчиненность механизмовъ низшихъ единству направляющаго вліянія механизмовъ высшихъ—высшихъ разсудочныхъ центровъ—таковы, повидимому, его основныя особенности.

Случается однако, что подчиненность и гармонія нарушаются и направляющее вліяніе высшихъ центровъ (иногда отъ ихъ ослабленія, а иногда отъ усиленной повышенности возбужденія центровъ низшихъ) или временно значительно уменьшается, а иногда почти и вовсе отпадаетъ, или же, какъ у первично-слабоумныхъ, устойчиво поражается недоразвитіемъ и тогда дѣятельность низшихъ уже высвободившихся и неподчиняющихся центровъ получаетъ полный просторъ и, не сдерживаемая въ должныхъ границахъ, часто порождаетъ вредныя, а иногда и крайне уродливыя явленія.

Этотъ фактъ нервной организаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и психической жизни оказываетъ самое рѣшающее вліяніе на всѣ явленія души какъ отдѣльнаго человѣка, такъ иногда и цѣлыхъ народностей въ нѣкоторыя эпохи ихъ существованія, когда онѣ, вслѣдствіе различныхъ эксцессовъ, начинаютъ утрачивать медленно пріобрѣтенное, и имъ объясняется механизмъ весьма многихъ душевныхъ движеній, который на первый взглядъ кажется иногда столь загадочнымъ и непонятнымъ. Съ вліяніемъ этого факта намъ постоянно приходится

⁴⁶⁾ Цитир. соч., 126. См. также схему соотношеній нервныхъ центровъ на 107 стр.

встрѣчаться и считаться какъ въ крупныхъ, такъ въ мелкихъ явленіяхъ повседневной жизни и этимъ вліяніемъ часто объясняются какъ великіе подвиги человѣческой души, такъ и мелкія погрѣшности ея проявленій.

Высотой степени подчиненности чувственныхъ влеченій, порождаемыхъ дѣятельностью низшихъ органовъ и ихъ центровъ, разумнымъ велѣніямъ центровъ высшихъ и объясняется, напр., существованіе въ душѣ у нѣкоторыхъ людей столь сильнаго сознанія чувства долга или сознанія полезности, что они почти безъ труда направляютъ всѣ ихъ дѣйствія и подчиняетъ всѣ нехорошія или вредныя движенія ихъ души и всѣ нечистые ея порывы, не позволяя имъ переходить въ дѣятельность. Напротивъ, слабостью этого подчиненія, слабостью столь часто встрѣчающагося въ нашъ нервно-истощенный вѣкъ и зависящей или отъ слишкомъ малаго развитія медленно вырабатывавшейся задерживательной власти высшихъ разсудочныхъ центровъ надъ центрами низшими или же отъ усиленнаго развитія и возбужденности этихъ послѣднихъ и объясняется та нравственная распушенность и дряблость, та слабость направляюще-задерживательнаго вліянія, несчастные носители которыхъ, хорошо сознавая весь вредъ или нравственную некрасивость своихъ поступковъ, тѣмъ не менѣе не бѣгаютъ въ силахъ воздержаться отъ нихъ, легко увлекаются могучими влеченіями своей инстинктивной природы и легко падаютъ въ возникающей кратковременной борьбѣ или только непродолжительныхъ колебаніяхъ. По собственному признанію Альфіери, только благодаря безумной любви къ занятіямъ, онъ избѣжалъ ига любовныхъ страстей, сумасшествія и самоубійства ⁴⁷⁾. Въ этомъ случаѣ сильное влеченіе къ высшей умственной дѣятельности было еще достаточно властно, чтобы уравновѣсить и даже побороть ясно сознававшіяся въ ихъ мощи бурныя движенія души, вытекавшія изъ особенностей инстинктивной природы. Не то въ другихъ, еще болѣе выраженныхъ случаяхъ душевной неуравновѣшенности, когда сравнительно слабая задерживательная сила высшихъ разсудочныхъ центровъ легко уступаетъ и поборается энергичными чувственными влеченіями низшаго порядка. Одинъ изъ подобныхъ примѣровъ намъ можетъ представить хотя бы та наслѣдственница дипсоманка, о которой рассказываетъ д-ръ Магнап и которая, подъ вліяніемъ ясно говорившаго въ ней сознанія пагубности ея влеченія къ искусственнымъ возбуждителямъ, дѣлала всевозможныя усилія, чтобы удержаться отъ своей ужасной

⁴⁷⁾ Letourneau, цитир. соч., 247.

страсти и съ этою цѣлью примѣшивала къ вину всевозможныя мерзости и даже собственные испражнения. Но ничто не помогало, могучее влеченіе брало верхъ надъ ослабленною силою задерживающаго вліянія высшихъ разсудочныхъ центровъ, ужасная смѣсь выпивалась, при чемъ несчастная «имѣла рѣшительное желаніе возможно скорѣе потерять разсудокъ, чтобы не присутствовать долѣе при собственномъ позорѣ», которому помѣшать у нея не хватало силъ ⁴⁸⁾.

Въ другомъ случаѣ, наблюдавшемся также д-мъ Магнапомъ, у одной выраждавшейся личности въ весьма раннемъ возрастѣ уже пробудилось и вспыхнуло усиленное влеченіе, подъ вліяніемъ котораго она предалась практикѣ онанизма и продолжала ее до 18 лѣтъ. Нерѣдко она пыталась противостоять своему влеченію, порождавшемуся, повидимому, преждевременнымъ развитіемъ или возбужденіемъ низшаго центра половой жизни, «но безъ успѣха, потому что ея потребность, какъ рассказывала она сама, была *слишкомъ принудительна* (impérieux)». Позднѣе у нея родилось неодолимое желаніе имѣть сношенія съ женщиной, при чемъ оно не сосредоточивалось на какой-либо опредѣленной личности и, подчиняясь ему, она отдавалась безъ разбору многимъ лицамъ, которыхъ вовсе не любила, съ исключительнымъ желаніемъ получить удовлетвореніе своей чувственности. Впослѣдствіе она имѣла дѣйствительную привязанность къ одному человѣку и при этомъ—что особенно интересно—сама хорошо различала свои состоянія и чувствовала себя иначе въ то время, когда имѣла лишь одно чувственное влеченіе (возбужденіе одного низшаго центра) и тогда, когда къ нему присоединялось еще чувство симпатическаго влеченія и чувство любви (совмѣстное возбужденіе низшаго и болѣе высшихъ хотя и однородныхъ центровъ) ⁴⁹⁾.

Въ сочиненіи д-ра Legrand du Saulle ⁵⁰⁾ мы находимъ слѣдующій интересный для насъ случай. Нѣкто François N., представлявшійся въ разговорѣ вполне разсудительнымъ и разумнымъ, *уже съ самаго ранняго дѣтства проявлялъ буйный и неукротимый характеръ. Онъ имѣлъ частыя ссоры съ сверстниками и представлялъ рѣзкіе переходы отъ веселости къ печали и наоборотъ,—особенность, обыкновенно отмѣчающая нервно слабую и подбитыя натуры. При малѣйшихъ упре-*

⁴⁸⁾ Leçons cliniques sur la dipsomanie, 134.

⁴⁹⁾ Saury: «Étude clinique sur la folie héréditaire», 103. Интересно, что въ этомъ случаѣ, на ряду съ раздраженіями въ половой сферѣ, наблюдалось, какъ это очень часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и влеченіе къ убійству и самоубійству.

⁵⁰⁾ Étude médico-legale sur les épileptiques, 139 и сл.

какъ родителей онъ начиналъ кататься по полу и предавался не-
удержимому бѣшенству. Рано женившись и рано начавъ злоупотреб-
лять алкоголемъ, онъ вскорѣ какъ то неестественно возненавидѣлъ
жену и дѣтей и, оставаясь вполне разумнымъ на словахъ, сдѣлалъ
жизнь ихъ адомъ. Жена вынуждена была бѣжать изъ дому и не разъ
подвергалась опасности *быть убитой мужемъ*. На разспросы доктора,
Н. съ вспыхнувшей и дурно сдерживаемой злобой воскликнулъ: «Я
уничтожу ея жизнь или она мою; я ихъ разорю, я ихъ обезчещу и
затѣмъ убью себя, потому что нельзя жить при такихъ страданіяхъ,
какъ мои». Въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ передъ собою челоуѣка,
у котораго сдерживающее и умиряющее вліяніе высшихъ разсудоч-
ныхъ центровъ, регулирующихъ дѣятельность, почти не развилось,
а, напротивъ, ослабилось привычкой и алкоголемъ, а потому почти
отсутствуетъ, вслѣдствіе чего дурные влеченія и порывы, возникаю-
щіе изъ тайниковъ неправильно тонирующей растительной жизни,
получаютъ полный просторъ и, не сдерживаемые, являются полно-
властными опредѣлителями безобразныхъ дѣйствій и поступковъ.

Тою же крайнею недостаточностью подчиненія *въ данное время* объ-
ясняется и наблюдаемая иногда въ челоуѣкѣ импульсивность, при
наличности которой чувственные влеченія, стремящіеся перейти въ
дѣятельность и зарождающіеся въ тѣхъ или иныхъ низшихъ центрахъ,
всецѣло овладѣваютъ челоуѣкомъ, превращаютъ его въ какое то слѣ-
пое орудіе и опредѣляютъ къ нежеланной и даже ужасъ наводящей
дѣятельности.

Чтобы ближе, полнѣе и всестороннѣе познакомиться съ интересую-
щимъ насъ механизмомъ явленій, мы его изучимъ теперь въ тѣхъ
многочисленныхъ фактахъ душевной жизни, въ которыхъ, вслѣдствіе
болѣе или менѣе устойчиваго нарушенія гармоніи въ совмѣстной дѣ-
ятельности сложною цѣлью, яснѣе освѣщается роль отдѣльныхъ час-
тей. Начнемъ съ простѣйшихъ величинъ.

Особенно удобно наблюдается механизмъ всѣхъ подобныхъ явленій
на различныхъ ступеняхъ лѣстницы челоуѣческаго вырожденія. По-
слѣдняя представляется состоящей изъ безчисленнаго множества по-
степенныхъ переходныхъ стадій, начиная отъ низшихъ степеней иди-
отизма до явленій только душевной неуравновѣшенности, носители ко-
торой нерѣдко отличаются даже блестящими умственными качествами.
Для нашей цѣли мы воспользуемся прежде всего первично слабоум-
ными, въ лицѣ которыхъ сама природа какъ бы производитъ нуж-
ный для насъ экспериментъ, значительно задерживая развитіе выс-
шихъ разсудочныхъ и регулирующихъ центровъ. Въ этихъ весьма поу-

чительныхъ случаяхъ естественнаго упрощенія осложняющій элементъ разумно-предусматривающей и разсудочно-направляющей дѣятельности въ значительной мѣрѣ отпадаетъ, а взамѣнъ того на первый планъ выступаетъ несдерживаемое господство чувственныхъ влеченій и порывовъ, зараждающихся и всплывающихъ изъ тайниковъ по большей части неуравновѣшенной растительной жизни отъ возбужденій и раздраженій низшихъ центровъ. Въ этихъ случаяхъ естественнаго упрощенія, при значительномъ пониженіи осложняющей интеллектуальной дѣятельности, ясно и не замаскированно уже обнаруживаются рѣзкія различія по индивидуумамъ въ инстинктивныхъ особенностяхъ и въ ихъ теперь самостоятельномъ вліяніи на дѣятельность. У первично-слабыхъ часто непропорціонально развитыя тѣ или иные особенности инстинктивной стороны рѣзко окрашиваютъ весь характеръ субъекта въ тотъ или иной опредѣленный нравственный цвѣтъ⁵¹⁾; они безраздѣльно господствуютъ надъ всѣмъ его существомъ, вызываютъ въ немъ опредѣленные представленія, порождаютъ соотвѣтствующія имъ желанія, которыя почти безъ задержки и переходятъ въ дѣятельность.

Этотъ процессъ, т. е. процессъ вызванія опредѣленныхъ представленій и порожденія соотвѣтствующихъ имъ желаній и въ этомъ случаѣ совершается, конечно, тѣмъ же путемъ, какъ и у сравнительно нормальныхъ субъектовъ, съ тою лишь разницею, что развитая разсудочная дѣятельность является у послѣднихъ въ болѣе замаскированной роли всевластнаго правителя и судьи, рѣшенія котораго на самомъ дѣлѣ подсказываются иными факторами — вспыхнувшими чувствованіями и соотвѣтствующими имъ влеченіями и желаніями. Въ случаяхъ первичнаго слабоумія, вслѣдствіе сравнительной простоты и неосложненности психическихъ процессовъ, на-

⁵¹⁾ То же наблюдается и у сравнительно нормальныхъ людей съ достаточно сильно тонирующей растительной сферой. Это прекрасно, хотя и въ немногихъ словахъ отгѣнено гр. Толстымъ въ его высоко-художественномъ произведеніи: „Дѣтство, отрочество и юность“, изд. V, часть I. „Но ничему я не завидовалъ столько“, говоритъ Николинъка, „какъ счастливому, благородно-откровенному характеру Володи, особенно рѣзко выражавшемуся въ ссорахъ, случавшихся между нами“. „Я чувствовалъ, что онъ поступаетъ хорошо, но не могъ подражать ему“, потому что — прибавлю я отъ себя — въ его нравственной природѣ звучали иные органическіе тоны, опредѣлявшіе его внѣшнія проявленія. Стр. 151 и 2. Вообще можно только рекомендовать названное мною произведеніе гр. Толстаго для внимательнаго изученія. Живо и ярко обрисовываются въ немъ недалекое прошлое нашей русской жизни съ ея особенностями, и наряду съ этимъ и внутреннія состоянія нѣсколько уже нервно затронутой натуры.

противъ болѣе ясно выступаетъ значеніе и вліяніе качествъ инстинктивной природы человѣка на всю его дѣятельность. Въ этихъ случаяхъ и хорошія и дурныя черты характера проявляются съ силой инстинкта въ своей полной наготѣ, не прикрываемыя находящимися у нихъ часто на послугахъ логическими рассужденіями и сложными оправдательными выводами.

Наблюдая первично слабоумныхъ, мы видимъ, что всѣ они отличаются инстинктивностью и слабостью инициативы и воли и потому легко становятся послушными орудіями въ рукахъ другихъ. Но при этомъ одни изъ нихъ отъ природы кротки, добры даже до излишества и одушевлены самыми лучшими чувствами не только къ своимъ окружающимъ, но и къ людямъ вообще. Другіе, напротивъ, также отъ природы узко-эгоистичны, надменны и жестоки, при чемъ эта жестокость часто проявляется у нихъ по отношенію къ животнымъ, которыхъ, вслѣдствіе странныхъ влеченій своей дурной природы, они мучатъ съ наслажденіемъ самыми разнообразными и изысканными способами. Третьи рѣзко проявляютъ вовсе ничѣмъ не мотивированные инстинкты разрушенія, четвертые всѣми способами стремятся причинять вредъ другимъ и представляются раздражительными, злобными, сварливыми, обжорами, лѣнтяями и лгунами. Нѣкоторые съ раннихъ поръ начинаютъ проявлять усиленную половую похотливость ³²⁾, а нѣкоторые, стоящіе на низшихъ ступеняхъ лѣстницы вырожденія, представляются лишенными самыхъ элементарныхъ чувствъ, на которыхъ зиждится общежитіе и безъ которыхъ оно становится невозможно. Въ предисловіи къ французскому переводу судебной медицины Нойбауера, сдѣланному Chamberlain'омъ съ примѣчаніями Esquirol'я, мы находимъ разсказъ объ одной идиоткѣ, которая могла произносить только слоги ма, ма. Помѣщенная въ Salpêtrière она родила тамъ, при чемъ кусала всѣхъ окружающихъ. Черезъ четверть часа послѣ родовъ ей представили ея ребенка, но она не проявила при этомъ и тѣхъ чувствъ, которыя естественно проявляютъ даже самки хотя сколько нибудь высокостоящихъ животныхъ. Она даже

³²⁾ Одинъ изъ такихъ слабоумныхъ, будучи 11 лѣтъ отъ роду, уже пытался совершить актъ совокупленія съ своей матерью, а другой поднималъ юбки у матери и сестеръ и при этомъ приходилъ въ возбужденіе. См. цитиров. уже сочиненіе Legrain, 19 и сл. Dr. Max Simon разсказываетъ про двухъ слабоумныхъ, которые, захвативъ маленькую дѣвочку въ уединенномъ мѣстѣ, безъ всякаго сговора и приступовъ, какъ бѣшеные, разомъ бросились на нее, причемъ каждый старался ее изнасиловать. „Crimes et délits dans la folie“, 199 и 200.

не взглянула на новорожденного и ничѣмъ нельзя было привлечь ея вниманія къ нему. Опытъ повторялся нѣсколько разъ и всегда съ одинаковымъ результатомъ ⁵³⁾. Въ этомъ весьма характерномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою какъ бы дурно сдѣланную машину, въ которой недостаетъ многихъ нужныхъ частей и которая поэтому крайне плохо функционируетъ.

Чтобы еще лучше отмѣтить значеніе занимающихъ насъ особенностей инстинктивной стороны, я приведу здѣсь нѣсколько контрастирующихъ клиническихъ случаевъ лицъ слабоумныхъ и тѣмъ дамъ возможность читателю наблюдать различія и противоположности въ явленіяхъ живой дѣйствительности.

Нѣкто Charles C..., первично-слабоумный, происходилъ также изъ слабоумной крестьянской семьи, нѣкоторые члены которой, какъ это видно изъ скудныхъ свѣдѣній о его родословной, отличались нервною и впечатлительностью.

Самъ Charles, получившій крайне элементарное образованіе, также всегда былъ впечатлителенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушенъ, тихъ, трудолюбивъ и всегда имѣлъ искреннее желаніе быть во всемъ полезнымъ своимъ ближнимъ, особенно принадлежавшимъ къ тѣмъ общественнымъ классамъ, которые онъ считалъ загнанными и несчастными. Его усиленныя филантропическія влеченія начали проявляться у него съ самыхъ раннихъ поръ, и онъ уже съ ранняго дѣтства воодушевлялся нѣкоторыми вопросами, касавшимися блага и счастья его ближайшихъ (очевидно, что эти движенія души, такъ рѣзко выдѣлявшія его изъ ряда его сотоварищей, непосредственно вытекали изъ тайниковъ его унаслѣдованной инстинктивной природы, независимо отъ какихъ либо разсужденій или отъ пріемовъ только личнаго воспитанія, которое у него, какъ и у другихъ его содеревенцевъ, не отличалось такими особенностями, которыя бы могли объяснить эти различія). Все, что онъ имѣлъ, онъ раздавалъ нуждающимся и былъ извѣстенъ въ деревнѣ подъ именемъ Св. Vincent de Paul.

⁵³⁾ Médecine légale relative aux aliénés et aux sourds muets, 1827, VIIj. Въ другомъ случаѣ, разсказанномъ д-мъ Doursont, у идиота, происходившаго отъ пьяницы отца и лишеннаго всякихъ симпатическихъ чувствъ, кромѣ другихъ дурныхъ склонностей проявлялись еще и кровожадные влеченія. Онъ нападалъ и убивалъ животныхъ, бросалъ въ воду и хотѣлъ утопить свою бабу, однажды онъ былъ захваченъ матерью въ то время, когда вооружившись болшимъ ножомъ, онъ уже успѣлъ изрѣзать губы и ротъ находившемуся у нея питомцу — грудному ребенку и готовился продолжать начатое. См. послѣд. книжку „Annales médicopsychologiques“ за 1886 г. „Observations sur la descendance des alcooliques“, 388 и сл.

Въ юношескомъ возрастѣ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ незначительныхъ органическихъ особенностей, онъ вообразилъ себя неспособнымъ къ браку, *хотя послѣдній ему улыбался и манилъ его съ очень раннихъ поръ* (небезынтересная черта, указывающая на нѣкоторыя особенности его инстинктивной природы, которыя въ свою очередь выясняютъ многія черты его характера и указываютъ на струны, повидимому особенно сильно звучавшія въ немъ); это обстоятельство глубоко поразило его и причиняло ему много горя и тяжелыхъ страданій. Впослѣдствіи онъ хотѣлъ даже жениться на какой либо публичной женщинѣ, такъ какъ бракъ съ женщиной честной при такихъ условіяхъ ему казался невозможнымъ.

Горячо мечтая о счастіи брачной жизни, онъ однако не переставалъ въ то же время попрежнему воспламеняться и общественными вопросами и рѣшилъ всецѣло посвятить себя дѣлу угнетаемыхъ, по его мнѣнію, крестьянъ. Съ этою цѣлью онъ хотѣлъ отправиться къ различнымъ вліятельнымъ лицамъ, чтобы ходатайствовать у нихъ о крестьянскихъ интересахъ. Совершенные имъ нѣкоторые странные поступки, вызванныя его усиленными филантропическими влеченіями, привели его въ заведеніе для душевно-больныхъ, гдѣ онъ и сдѣлался предметомъ наблюденій ⁵⁴⁾.

Въ другомъ весьма рельефномъ случаѣ одного первично-слабоумнаго только что занимавшая насъ усиленно выраженная черта характера, обусловленная повышеннымъ развитіемъ опредѣленныхъ частей нервной системы, еще болѣе рѣзко отѣняется въ своемъ инстинктивно - машинообразномъ характерѣ, если можно такъ выразиться. Такъ какъ правильная оцѣнка этого случая, въ которомъ наследственная передача психическихъ особенностей ясно наблюдается, возможна лишь при его изученіи въ его наследственно-историческомъ развитіи, то мы и начнемъ съ родословной героя, Константина О., осужденнаго за подлогъ.

Его дѣдъ съ материнской стороны былъ крайне добродушный оригиналъ, отличавшійся необычайной филантропіей (въ дальнѣйшемъ изложеніи мы попытаемся найти органическій источникъ этой черты характера). Въ теченіе своей жизни онъ дѣлалъ множество добрыхъ дѣлъ и затратилъ на нихъ столько, что подъ конецъ вынужденъ былъ тяжелымъ личнымъ трудомъ зарабатывать средства своего существованія.

Его дочь, мать Константина, съ раннихъ поръ, отличалась значи-

⁵⁴⁾ Legrain, цит. соч., 29 и сл.

тельной неуравновѣшенностью. Въ ней замѣчались нѣкоторыя черты сходства съ ея отцомъ и въ ея характерѣ, повидимому, отчасти выбрировали тѣ же органическія струны, только значительно иначе настроенныя и потому дававшія иные душевные звуки. Влеченіе къ людямъ, выражавшееся у отца въ стремленіи оказывать возможную помощь имъ, у дочери выродилось въ иное влеченіе. Съ 14 лѣтъ она уже стала стремиться оставить родительскій домъ и начать веселиться. Впослѣдствіи она очертя голову вышла замужъ, съ цѣлью, какъ объясняла сама, получить возможность свободно *развратничать*. Своею требовательностью и эксцентричностями она сдѣлала мужа несчастнымъ, но послѣдній былъ вынужденъ терпѣть ея дурной и буйный характеръ. Она страстно любила удовольствія, ничѣмъ не занималась и проживала весь заработокъ мужа. Во время его пребыванія въ больницѣ, она въ собственномъ домѣ предавалась съ солдатами самому отчаянному пьянству и разврату. Подмѣтивъ, что ея сынъ (вѣроятно по унаслѣдованному сходству съ матерью) бѣгалъ за женщинами, она сама завлекла въ свой домъ и свела съ нимъ дочь одного рабочаго, говоря при этомъ: «Пока онъ будетъ имѣть ее—онъ не будетъ имѣть другихъ». Плодомъ связи было двое дѣтей. Не смотря на это и на горячія просьбы сына, она ни за что не соглашалась на его свадьбу съ любовницей. На бракъ другаго сына она дала свое согласіе, но лишь подъ условіемъ, чтобы онъ уступилъ ей часть своего наслѣдства. Она же подтолкнула Константина на подлогъ, за который онъ и подвергся осужденію.

Бабка Константина съ отцовской стороны страдала оніоманіей (одинъ изъ синдромовъ психическаго вырожденія) или неудержимымъ влеченіемъ къ покупкамъ различныхъ вовсе ненужныхъ для нея предметовъ, которые она выбрасывала потомъ. Подмѣтивъ время, когда она такимъ путемъ освобождалась отъ купленнаго, рабочіе потихоньку стали брать выбрасываемое ею: куръ, рыбу и пр. Узнавъ однажды объ этомъ, она, по странному движенію души, измѣнила мѣсто и начала выкидывать свои покупки въ помойную яму.

Ея сынъ, отецъ Константина, всегда представлялся весьма неуравновѣшеннымъ субъектомъ. Въ первые годы послѣ своей женитьбы онъ былъ очень развратенъ, злоупотреблялъ абсентомъ и сильно велъ игру. Впослѣдствіи онъ сталъ человѣкомъ примѣрнаго поведенія (замѣчательны эти рѣзкія колебанія и перемѣны характера, съ которыми мы часто будемъ встрѣчаться у нервно-подбитыхъ натуръ), хотя по прежнему слабохарактернымъ и почти безвольнымъ. Онъ всегда былъ расточителемъ, но послѣ женитьбы у него развился уна-

слѣдованный имъ отъ матери синдромъ — манія покупокъ, которой онъ страдалъ въ теченіе послѣдующихъ 17 лѣтъ до своей смерти. Въ этотъ періодъ онъ безпрестанно неудержимо покупалъ и почти тотчасъ перепродавалъ или раздавалъ всевозможные ни на что ему ненужные предметы. Разъ онъ видѣлъ какую либо вещь, которая вызывала у него желаніе — необходимо было, чтобы онъ приобрѣлъ ее какою бы то ни было цѣной. И онъ дѣйствительно приобреталъ ее и при этомъ пускалъ въ оборотъ все, чѣмъ только располагалъ въ данное время (здѣсь крайне интересно отмѣтить этотъ особый и въ данномъ случаѣ ярко выраженный оттѣнокъ слабоумія, если можно такъ назвать его, оттѣнокъ, при наличности котораго, казалось бы, вполне логичный человѣкъ не можетъ регулироваться и направлять своей дѣятельности предвѣдѣніемъ ея будущихъ вредныхъ послѣдствій и всецѣло отдается влеченіямъ настоящей минуты, представляя себѣ только самое ближайшее пріятное для него будущее. Этотъ оттѣнокъ психической дефективности, только не столь рѣзко выраженный, въ настоящее время, повидимому, встрѣчается сравнительно очень не рѣдко).

Братъ Константина хотя и не страдалъ и не страдаетъ оніоманіей, но всегда былъ весьма расточителенъ, крайне вспыльчивъ и легко отдавался и отдается вспышкамъ гнѣва.

Самъ Константинъ О... слабоуменъ и при этомъ весьма вспыльчивъ, но добродушенъ. Особенности своего характера онъ, повидимому, унаслѣдовалъ съ двухъ сторонъ, — съ материнской необычайную доброту и филантропію своего дѣда, которыя проявлялись у него съ самого ранняго дѣтства; уже въ эту пору своей жизни онъ отдавалъ своимъ товарищамъ все, что имѣлъ, и его величайшее удовольствіе состояло въ томъ, чтобы дѣлать раздачи различныхъ предметовъ, купленныхъ на его карманные деньги. Съ отцовской стороны онъ унаслѣдовалъ бабкину и отцовскую оніоманію, которая стала проявляться у него въ періодъ между 20 и 22 годами (интересна эта рѣзко выраженная раздѣльность даже по времени наслѣдственности наружно сходныхъ чертъ характера съ двухъ сторонъ). Въ это время онъ неудержимо началъ покупать разные совершенно ненужные ему предметы, потомъ закладывалъ, выкупалъ, перепродавалъ ихъ, покупалъ новые и такъ безъ конца. Стоило ему на нѣсколько минутъ остановиться передъ какою-нибудь лавкою и онъ уже неудержимо увлекался своею страстью къ безразсуднымъ покупкамъ. Говоря объ одной изъ такихъ покупокъ, о покупкѣ лошади, онъ самъ охарактеризовалъ свое внутреннее состояніе слѣдующимъ образомъ: «Это было

неодолимо; я не могъ разсуждать; я былъ въ отчаяніи, *но я былъ слабѣйшій*» (*j'étais le moins fort*). Однажды, совѣмъ израсходовавшись на свои безпрестанныя покупки, онъ крайне нуждался въ деньгахъ и во что бы то ни стало хотѣлъ достать ихъ для новыхъ столь же безразсудныхъ закупокъ. Мысль о деньгахъ вполне поглащала его и онъ, не разсуждая долго, по совѣту своей матери, сдѣлалъ фальшивую подпись одного знакомаго негоціанта и, будучи всецѣло поглощенъ своимъ влеченіемъ, даже не позаботился поддѣлать росчеркъ. Онъ былъ легко уличенъ и въ послѣдствіи горько раскаивался въ своемъ поступкѣ. Въ своей семейной жизни онъ всегда былъ прекраснымъ мужемъ и отцомъ, полнымъ лучшихъ чувствъ ³⁵⁾.

Въ только что разсказанныхъ двухъ случаяхъ мы имѣли передъ собою не осложненный примѣръ проявленія нѣкоторыхъ хорошихъ прирожденныхъ качествъ инстинктивной природы. Для контраста приведу теперь также неосложненный примѣръ проявленія, но уже противоположныхъ особенностей прирожденного характера.

Нѣкто De la T.... и съ виѣшней стороны представлялъ многіе весьма рѣзко выраженные признаки вырожденія и слабоумія — результатъ значительно отягощенной дурной наслѣдственности.

Его прадѣдъ съ отцовской стороны предавался алкоголическимъ эксцессамъ. Его отецъ, человѣкъ съ очень ограниченными умственными способностями (большая или меньшая степень слабоумія есть нерѣдкое слѣдствіе родительскихъ злоупотребленій алкоголемъ), былъ весьма добродушенъ, но слабохарактеренъ и никогда не могъ совладать съ своимъ сыномъ.

Дѣдъ De la T... съ материнской стороны былъ мистикъ и отличался чрезмѣрнымъ ханженствомъ, а бабка умерла отъ апоплексіи (обстоятельство далеко не безразличное для оцѣнки наслѣдственности). Его двоюродный братъ представлялся дурно уравновѣшеннымъ субъектомъ. Одна его тетка умерла въ заведеніи для душевно-больныхъ. Она имѣла необычайно сильные любострастные порывы и страдала эротическимъ бредомъ. Одинъ изъ его дядей былъ очень образованный, но дурно уравновѣшенный субъектъ, предававшійся многочисленнымъ эксцессамъ, а другой скоростижно умеръ 20 лѣтъ, вслѣдствіе злоупотребленій алкоголемъ; третій умеръ также въ молодомъ возрастѣ послѣ пятнадцатилѣтней развратной жизни.

Самъ De la T.... всегда отличался крайне страннымъ характеромъ. Хотя онъ и обладалъ весьма хорошимъ воспитаніемъ, но его знанія

³⁵⁾ Legrain, цит. уже соч., стр. 79 и сл.

были не координированы и онъ былъ неспособенъ сосредоточенно слѣдить за мыслию и никогда и ни въ чемъ не былъ полезенъ, при этомъ онъ былъ весьма нечистоплотенъ и лѣнивъ. Его физическое развитіе представляло задержки. Въ дѣтствѣ онъ перебивалъ во множествѣ воспитательныхъ учрежденій, но нигдѣ не могъ оставаться долго, по причинѣ своего дурнаго характера, лѣни и непостоянства. Онъ перемѣнилъ также множество профессій, но ни на одной не могъ сосредоточиться и часто оставлялъ свои занятія крайне страннымъ образомъ. Съ товарищами De la T... никогда не уживался и былъ весьма склоненъ видѣть въ себѣ жертву несправедливостей. Онъ всегда представлялся дурно уравновѣшеннымъ субъектомъ, имѣвшимъ множество дурныхъ нравственныхъ сторонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ De la T... былъ очень набоженъ, старательно выполнялъ религіозныя предписанія и хотѣлъ даже вступить въ монастырь (при этомъ интересно слѣдить за психологическою наслѣдственностью отъ дѣда съ материнской стороны черезъ первое поколѣніе послѣдняго ко второму). Съ половой стороны онъ былъ вполнѣ холоденъ и инстинктивное сладострастіе не проявлялось въ немъ. По его собственнымъ словамъ, онъ никогда не думалъ о женщинахъ и не чувствовалъ къ нимъ никакого влеченія и никого не любилъ даже платонической любовью. Весьма скрытный глупъ, онъ много разъ совершалъ кражи, одна изъ которыхъ и привела его въ госпиталь S-te Anne, гдѣ онъ и сталъ предметомъ наблюденія. Насколько были слабы его умственные способности, показываетъ, напр., слѣдующій случай. Отецъ помѣстилъ было его въ одинъ магазинъ для занятій. Черезъ нѣсколько дней онъ вдругъ среди дня бросилъ отпертымъ ввѣренное ему помѣщеніе и отправился бродить по улицамъ Парижа. Во время этой прогулки ему захотѣлось имѣть деньги и онъ, не долго думая, вошелъ въ одинъ магазинъ, купилъ въ немъ галстухъ, а въ уплату въ качествѣ 20 фр. монеты отдалъ жетонъ съ изображеніемъ королевы Викторіи и затѣмъ нахально сталъ требовать сдачи. «Я виноватъ», пояснялъ онъ впослѣдствіи, «но я думалъ что это можетъ удасться» ⁵⁶⁾).

Во всѣхъ приведенныхъ мною случаяхъ, вслѣдствіе значительнаго умаленія осложняющаго элемента—дѣятельности высшихъ разсудочныхъ и регулирующихъ центровъ, на первый планъ весьма ясно выступаютъ особенности инстинктивной стороны, обусловленные различіями въ соотносительномъ развитіи частей нервной системы. Представляетъ ли такое развитіе конечную или только посредствующую

⁵⁶⁾ Legrain, цит. соч., 32 и сл.

причину—другой вопрос, вопрос о сущности вещей, которого я поэтому касаться и не стану. Для насъ будетъ вполне достаточно одного установленія связи между этимъ развитіемъ и соответствующимъ развитіемъ опредѣленныхъ особенностей инстинктивной природы, которая въ данныхъ случаяхъ, вслѣдствіе ослабленія контролирующаго вліянія, почти безраздѣльно господствуютъ и придаютъ особую окраску всему нравственному существу человѣка, и направляютъ его къ опредѣленной дѣятельности. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ все совершается какъ-то инстинктивно, безъ предварительныхъ и сопутствующихъ обсужденій, и различныя душевныя состоянія всплываютъ готовыми изъ неизвѣстной душевной глубины отъ тонаціи различныхъ органическихъ струнъ⁵⁷⁾. При этомъ особенности инстинктивной природы по индивидуумамъ представляются, какъ мы видѣли, крайне различными. Въ то время какъ одинъ по непосредственнымъ темнымъ влеченіямъ своей природы, порожденнымъ безчисленнымъ множествомъ организовавшихся жизненныхъ опытовъ и упражненій восходящихъ поколѣній, постоянно и инстинктивно направляется къ хорошимъ дѣйствіямъ и къ помощи своимъ ближнимъ, другой вовсе не уживается съ ними, вредитъ имъ и вредитъ очевидно не по злему умыслу, а также по какимъ-то темнымъ влеченіямъ своей натуры, пахочащимъ свое объясненіе въ особенностяхъ органическихъ—въ особенностяхъ соотносительнаго развитія различныхъ частей нервной системы—этого необходимаго носителя какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ душевныхъ качествъ человѣка. У лицъ разсматриваемой нами категоріи темныя влеченія, зарождающіяся въ тайникахъ ихъ по большей части дурно уравновѣшенной растительной жизни отъ раздраженія низшихъ чувственныхъ центровъ, нерѣдко неожиданно всплываютъ въ формѣ немотивированныхъ желаній, которые, не встрѣчая сколько нибудь достаточной задержки въ дѣятельности слабо отъ природы развитыхъ высшихъ разсудочныхъ и направляющихъ центрахъ, пріобрѣтаютъ силу, становятся принудительными и немедля

⁵⁷⁾ Max-Simon рассказываетъ объ одномъ первично слабоумномъ (imbécile), совершенно лишенномъ нравственнаго чувства. Онъ совершилъ отцеубійство съ единственнымъ желаніемъ унаслѣдовать имущество, чтобы пойти танцовать. Во время экспертизы единственное его желаніе состояло въ томъ, чтобы получить табакъ или шоколаду. Онъ такъ никогда и не понялъ, что было ужаснаго въ его дѣйствіи. „Другой слабоумный“, говоритъ тотъ же авторъ, „совершилъ убійство подъ вліяніемъ раздраженія, вызваннаго тѣмъ, что онъ не могъ удовлетворить своей половой страсти; онъ было хотѣлъ изнасиловать свою сестру, а такъ какъ она сопротивлялась, то онъ и убилъ ее“. См. цитир. сочиненіе, 103 и 104.

свободно переходить въ дѣйствія ⁵⁸). Подъ вліяніемъ такихъ темныхъ и внезапныхъ влеченій первично-слабоумные нерѣдко и совершаютъ самыя разнообразныя и неожиданныя преступленія отъ воровства и поджога да убійства включительно ⁵⁹).

Кромѣ первично-слабоумныхъ для выясненія механизма занимающихъ насъ психофизическихъ явленій другой рядъ прекрасныхъ примѣровъ и притомъ примѣровъ въ различныхъ степеняхъ ясности выраженія намъ могутъ представить эпилептики. Въ случаѣ слабоумія мы имѣемъ дѣло съ прирожденнымъ недоразвитіемъ направляющаго вліянія высшихъ разсудочныхъ центровъ, а въ случаяхъ эпилепсіи — съ временнымъ болѣе или менѣе продолжительнымъ его отпаденіемъ ^{59*}), явленіями котораго мы и займемся теперь.

Дѣятельность высшихъ разумно-разсудочныхъ направляющихъ центровъ у эпилептиковъ иногда вовсе отпадаетъ на довольно продол-

⁵⁸) Въ сочиненіи Marc'a («De la folie considérée dans ses rapports avec les questions médico-judiciaires», II, 330 и сл.) мы находимъ, напр., случай подобнаго перехода. Названный авторъ рассказываетъ про одного маленькаго и нѣсколько слабоумнаго поджигателя, въ которомъ заброшенное и дурное воспитаніе не только не укрѣпило, но еще ослабило самообладаніе. *«Это у меня явилось вдругъ, такъ что я вынужденъ былъ сдѣлать это»*, такъ онъ самъ впоследствии объяснялъ свой поджогъ. «Приведенныя далѣе наблюденія», замѣчаетъ д-ръ Magandon de Montyel, «укажутъ, напротивъ существованіе у нашихъ пиромановъ многочисленныхъ психическихъ дефектовъ, но сами по себѣ эти дефекты не составляютъ вида душевной болѣзни; то что его составляло—это именно внезапно возникавшая потребность поджигать, которая, казалось, *всплывала изъ глубины безсознательнаго*». «De la pyromanie». Arch. de Neurol. 1887. Янв.

⁵⁹) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются слабоумные, занимающіе, сравнительно, высокое мѣсто въ лѣстницѣ вырождающихся, бываетъ необходимо, какъ указываетъ Max-Simon, чтобы къ прирожденной слабости развитія задерживающаго вліянія высшихъ центровъ присоединилось еще добавочное ослабляющее вліяніе (такое иногда и оказывается алкоголемъ) для того, чтобы появились неудержимые импульсы. Названный авторъ приводитъ при этомъ примѣръ наблюдавшагося имъ первоначально безобиднаго слабоумнаго, который подъ вліяніемъ пьянства сталъ совершать поджоги. См. цитир. уже соч., 146.

^{59*)} Нѣкто К..., поденщикъ, 44 л., отличавшійся безусловной трезвостью, пояснялъ, напр., что онъ имѣетъ причуды (lubies): *«Иногда я совершенно спокойно работаю гдѣ нибудь и честно зарабатываю средства своего существованія»*, рассказывалъ онъ, *«какъ вдругъ причуда овладѣваетъ мною (une lubie me prend) и будь это во время работы, или во время ужина, или когда я уже нахожусь въ постели—все равно, я тогда бросаю все,—жену, дѣтей, инструменты, деньги, вещи и пускаюсь по дорогѣ, которая передо мной. Въ теченіе всего времени, пока это меня охватываетъ, я не могу разсуждать»*. См. Legrand du Saulle: «Etud. med.-lég. sur les épilept.», 92.

жительные периоды времени и они впадаютъ тогда въ особое состояніе, въ теченіе котораго совершаютъ ряды безумныхъ, но крайне сложныхъ дѣйствій, указывающихъ на дѣятельность центровъ головного мозга, и при томъ совершаютъ ихъ такъ, что часто долго не останавливаютъ на себѣ особаго вниманія со стороны окружающихъ. Въ клиникѣ проф. Krafft-Ebbing'a мнѣ пришлось видѣть одного субъекта, который въ такомъ состояніи уѣхалъ изъ Богеміи въ Грацъ и здѣсь былъ задержанъ лишь потому, что полицейскому показался страннымъ его вопросъ о мѣстѣ нахожденія общества, снаряжающаго экспедицію въ Африку. Доставленный въ наблюдательный отдѣлъ, онъ ничего не помнилъ о случившемся ⁶⁰⁾. Въ другомъ сходномъ случаѣ молодой интеллигентный человѣкъ съ свѣтскими привычками и аристократическими вкусами, принадлежавшій къ семьѣ съ очень высокимъ общественнымъ положеніемъ, по временамъ испытывалъ всегда тожественное ощущеніе со стороны желудка: въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ чувствовалъ себя охваченнымъ какимъ-то туманомъ, при чемъ его умственныя способности мутились и отпадали. Когда потомъ, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, а иногда и двухъ, трехъ дней, онъ приходилъ въ себя, то къ удивленію его оказывалось, что онъ находится или въ поѣздѣ желѣзной дороги, или въ тюрьмѣ, или еще въ какомъ нибудь мѣстѣ, усталый, покрытый грязью и пылью, съ карманами, полными различныхъ вещей, накраденныхъ въ толпѣ, на пароходѣ, въ вагонѣ и т. д. И всегда во время его припадковъ правильно повторялись одни и тѣ же явленія, сопровождавшіяся полнымъ отсутствіемъ воспоминаній о всемъ случившемся ⁶¹⁾.

Иногда же въ дѣятельности эпилептиковъ, подъ вліяніемъ «эпилептического удара», какъ бы уничтожающаго на время наиболѣе высшіе центры мозговыхъ полушарій, наблюдаются импульсы, отличающіяся характеромъ «роковой неудержимости», вслѣдствіе которыхъ они нерѣдко совершаютъ ужасающія своимъ варварствомъ, но не мотивированныя преступленія ⁶²⁾. Слѣдующій случай прекрасно описуетъ намъ психическій механизмъ подобныхъ явленій.

⁶⁰⁾ Legrand du Saulle также рассказываетъ объ одномъ подобномъ субъектѣ, который въ такомъ состояніи уѣхалъ изъ Франціи въ Бомбай, гдѣ и очутился ничего не вѣдая о своей поѣздкѣ. *Etud. méd.-lég. sur les épilep.* III. Другой также ничего не вѣдая, изъ Пуатье очутился въ Парижѣ, гдѣ и былъ задержанъ за насилія надъ прохожими. Magnan: „Leçon. clin. sur l'épilepsie“, 54.

⁶¹⁾ См. цит. соч. Max-Simon, 184.

⁶²⁾ См. цит. уже соч. Legrand du Saulle; Magnan: *Leçons cliniques sur l'épilepsie*, 3. Въ этихъ случаяхъ особаго вниманія заслуживаетъ та устойчи-

Нѣкто Pagez, 56 л., вслѣдствіе время отъ времени повторявшихся странныхъ приступовъ, былъ извѣстенъ въ округѣ за человѣка страннаго и причудливаго. Случалось, что безъ всякой видимой причины онъ покидалъ свой домъ и бродилъ по полямъ и пустырямъ безъ ночлега и часто безъ пищи. Подъ вліяніемъ одного веденнаго имъ процесса имъ овладѣла сильная тоска. Къ этому вскорѣ присоединилась смерть жены, послѣ которой его удрученное состояніе стало ухудшаться съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало возрастать и его всегдашнее расположеніе къ уединенію. Онъ продолжалъ однако работать и сосредоточилъ всѣ свои привязанности на дѣтяхъ.

«Въ концѣ февраля» — такъ рассказываетъ онъ самъ, — «мнѣ вдругъ

востъ, иногда даже тожество, которыя наблюдаются по отдѣльнымъ субъектамъ въ ихъ темныхъ немотивированныхъ влеченіяхъ, въ ихъ вытекающихъ изъ нихъ дѣйствіяхъ и часто въ самыхъ способахъ совершенія. Въ то время, какъ у однихъ всегда развиваются неудержимые импульсы къ убійству, у другихъ столь же неудержимые импульсы къ кражамъ, у третьихъ — къ насиліямъ и т. д. Случается иногда, что больные при этомъ слышатъ внутренніе голоса, повѣлывающіе имъ сдѣлать то, а не иное. Одинъ изъ подобныхъ примѣровъ молодой эпилептики-поджигательницы, слышавшей внутренній голосъ, который приказывалъ ей совершить поджогъ, а затѣмъ убить себя, между прочимъ, рассказанъ у Marc'a (см. цит. соч. II, 358 и сл.). Въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, измѣняется только форма влеченій и они облачаются въ голосовые звуки, но сами влеченія остаются и сохраняютъ ту же удивительную устойчивость. Одна простая ссылка на болѣзненность и эпилепсію, здѣсь, конечно, ничего не объясняетъ, подобно тому, какъ и извѣстный отвѣтъ: *quare opium facit dormire? quia est in eo virtus dormitiva quae facit sopire*. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, у одного, хотя бы и подъ вліяніемъ эпилепсіи, всегда развивается темное влеченіе къ убійству, а у другаго — подъ вліяніемъ той же эпилепсіи, къ воровству, у третьяго — къ поджогамъ и т. д. Дѣйствительное объясненіе, повидимому, надо искать, съ одной стороны, въ локализацияхъ болѣзненныхъ раздраженій въ различныхъ опредѣленныхъ частяхъ органическаго механизма, а съ другой — въ различіяхъ по индивидуумамъ въ особенностяхъ ихъ инстинктивной природы, которая, при отпаденіи или значительномъ ослабленіи разсуждающей дѣятельности и ея задерживающаго вліянія, всегда болѣе рѣзко проявляются. Приведу одинъ примѣръ. Нѣкто Д. имѣлъ очень отягощенную двухстороннюю наслѣдственность. Однажды ночью, когда онъ спалъ рядомъ съ женой, онъ внезапно проснулся, всталъ, разбилъ стеклянную дверь, вошелъ въ спальню своей кузины, изнасиловалъ ее, возвратился въ свою комнату и заснулъ глубокимъ сномъ. Только его отецъ и пострадавшая знали о его поступкѣ, о которомъ онъ не сохранилъ воспоминанія, такъ что, когда на другой день ему сказали о немъ, то онъ вспыхнулъ, не вѣрилъ и требовалъ слѣдствія. «Ничто не можетъ послужить мнѣ для объясненія этого сквернаго поступка», говорилъ онъ; «я жилъ съ кузиной, какъ братъ съ сестрой, и никогда не испытывалъ по отношенію къ ней никакого вождѣлнія».

пришла мысль убить моихъ дѣтей». Эта мысль, внезапно и какъ бы безпричинно возникшая внѣ связи со всѣмъ остальнымъ мышленіемъ, очевидно была автоматическимъ продуктомъ какого то аномальнаго органическаго раздраженія, шедшаго изъ тайниковъ всегда, повидимому, дурно тонировавшей растительной жизни. Всплывши, если можно такъ выразиться, изъ органической глубины, эта странная и навязчивая гостья среди другихъ мыслей, вызванныхъ или разнообразными воздѣйствіями внѣшняго міра, или ассоціаціей идей, понятно, должна была явиться чѣмъ то насильственнымъ и чуждымъ, такъ какъ источникъ ея былъ иной и при томъ источникъ неумовимый для сознанія.

«Еще господинъ самого себя» продолжаетъ разсказывать Pagez, — «я могъ спать». Здѣсь я обращаю вниманіе на ясно звучащую въ этихъ словахъ нѣкоторую двойственность, отражающую дѣйствительную двойственность органическаго процесса. «Я еще господинъ самого себя», говоритъ Pagez. Въ этихъ словахъ, судя по формѣ выраженія, я является и дѣйствующимъ субъектомъ, и, въ то же время, претерпѣвающимъ воздѣйствія объектомъ. И такая форма выраженія, повторяю опять, является отраженіемъ дѣйствительной двойственности органическаго процесса. Выраженіе: «я еще господинъ самого себя» иными словами можно выразить слѣдующимъ образомъ: задерживательное вліяніе и власть моихъ высшихъ разсуждающихъ центровъ, дѣятельность которыхъ, вѣроятно, и создаетъ сознаніе индивидуальности, какъ, напр., можно думать по нѣкоторымъ опытамъ съ гипнотизированными, еще достаточно сильно, чтобы господствовать надъ стимулами къ дѣятельности, исходящими отъ возбужденія моихъ центровъ низшихъ. «Я чувствовалъ» — разсказываетъ далѣе Pagez — «какъ бы тяжесть на желудкѣ (не изъ этихъ ли областей, подъ вліяніемъ игры органическихъ состояній, и поднималось первоначальное раздраженіе, промежуточно вліяя и на другія органическія сферы) ⁶³⁾; я имѣлъ

⁶³⁾ Крайне интересный и много поясняющій случай приводитъ Despine. Къ нему однажды явился одинъ негоціантъ Х. «Докторъ» — сказалъ онъ — «я страдаю крайне удивительной болѣзнію. По временамъ мною овладѣваютъ весьма странныя идеи, въ которыхъ я не могу дать себѣ отчета. Я имѣю восьмилѣтняго ребенка и очень люблю его. И что же? По временамъ я его ненавижу. Одновременно я чувствую тогда и отвращеніе къ моей женѣ. Если мнѣ противорѣчатъ, если мнѣ даже говорятъ, — то гнѣвъ овладѣваетъ мною; я раздражаюсь противъ всѣхъ, противъ моего тестя и тещи — прелестныхъ стариковъ. Эти идеи, продлившись нѣсколько дней, совсѣмъ исчезаютъ (очевидно, что эти идеи вызываются какимъ-то временно-дѣйствующимъ внутреннимъ автоматическимъ раздраженіемъ опредѣленныхъ нервныхъ центровъ); тогда я ощущаю самое живѣйшее сожалѣніе по поводу происшедшаго; я спрашиваю себя, какъ я

головныя боли и не ѣлъ болѣе. Кровотеченія изъ носу, которыя у меня постоянно бывали съ самого дѣтства, исчезли около того времени, когда со мной случилось недоброе (и значить кровь, *обычно* выходявшая въ этомъ направленіи, должна была направиться въ какую либо иную часть организма. Значеніе этого важнаго обстоятельства намъ выяснится нѣсколько ниже). Я почувствовалъ тогда, что я не былъ какъ обыкновенно; моя голова была тяжела утромъ до такой степени, что я чувствовалъ необходимость опираться». «Иногда я старался забыться, *но я не былъ сильнѣйшимъ* (*je n'étais pas le plus fort*). Также очень характерное выраженіе, указывающее на ту же ясно ощущавшуюся двойственность органическаго процесса). Въ теченіе четы-

могъ имѣть такія мысли (очевидно, что на этотъ вопросъ, вслѣдствіе автоматичности раздраженія, онъ отвѣтитъ и не можетъ). Я плачу отъ гнѣва и прошу прошеніе за ругательства и грубости, сказанныя мною. Сверхъ того, въ теченіе трехъ лѣтъ, въ различные періоды, я съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ мою своюченицу; когда же эти нехорошія мысли меня оставляли, я оплакивалъ мое поведение и искренно раскаивался. Въ такіе періоды я не могъ отдать себѣ отчета въ этой страсти, такъ какъ моя жена гораздо лучше своей сестры. Наконецъ, мнѣ случалось нѣсколько разъ безумно влюбляться въ женщинъ старыхъ, дурныхъ и противныхъ; тогда я постоянно думалъ о нихъ и онѣ мнѣ казались самыми красивыми въ свѣтѣ (здѣсь я отмѣчу крайне интересную связь приступовъ раздраженія, бурной ненависти, даже какъ будто отъняющейся кровожадностью, съ похотливыми влеченіями. Эта связь будетъ весьма важна для насъ при дальнѣйшемъ выясненіи роли различныхъ тонацій половой сферы въ жизни души). Когда мои дурныя *идеи овлаждаютъ мною* (*mes mauvaises idées me prennent*). Очень характерное выраженіе; указывающее, что влеченія, автоматически поднимающіеся изъ глубины тайниковъ растительной жизни, насильственно втискиваются въ ходъ другихъ мыслей, вызываемыхъ возбужденіями изъ внѣшняго міра или ассоціаціей идей, овлаждаютъ вниманіемъ и берутъ перевѣсъ надъ задерживающе-направляющимъ вліаніемъ высшихъ разсудочныхъ центровъ и въ противность ему опредѣляютъ или стремятся опредѣлить къ дѣйствію), тогда онѣ преслѣдуютъ меня и во время сна сновидѣніями, которыя я громко рассказываю». «Я не знаю, не сумасшествіе ли это? Но это было не оно.

Съ физической стороны этотъ странный больной представлялъ слѣдующія особенности: крайне упорные запоры и, во время приступовъ «черныхъ мыслей», головныя боли, тѣгостное и неопредѣленное ощущеніе въ груди, тяжесть въ эпигастріи и сжатіе горла. Подъ вліаніемъ повторныхъ приѣмовъ слабительныхъ, умѣряющаго режима, длительныхъ и частыхъ ваннъ, больной выздоровѣлъ и его странныя психическія состоянія послѣ того не повторялись болѣе. См. *Psychologie naturelle*, II, 81 и сл. Въ этомъ случаѣ раздраженіе низшихъ нервныхъ центровъ, какъ исходнаго момента странныхъ влеченій, въ свою очередь одѣвавшихся, какъ платьемъ, и соотвѣтствующими представленіями, выступаетъ вполне ясно.

рехъ или пяти мѣсяцевъ, пока я думалъ объ этомъ, я чувствовалъ, что погибаю изо дня въ день». *«Я былъ толкаемъ на это злодѣяніе. Я не имѣлъ возможности сказать себѣ: Нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого. Я постоянно имѣлъ эту мысль; я пытался отдѣлаться отъ нея, но она ночью, какъ и днемъ, всегда возвращалось снова, даже во время работъ»* (и не могла не возвращаться, потому что органическое раздраженіе, заставлявшее ее всплывать изъ тайниковъ дурно уравновѣшенной растительной жизни, продолжало существовать, хотя, какъ таковое, ясно и не улавливалось сознаниемъ).

«Я работалъ въ продолженіе двухъ или трехъ дней до злодѣянія, но это подтапливало меня. Въ теченіе трехъ ночей я поднимался, чтобы убить моихъ дѣтей». Наконецъ, на третью ночь, послѣ долгой, мучительной борьбы, онъ вошелъ въ ихъ комнату со свѣчею въ одной рукѣ и съ заступомъ въ другой. «Постель моего сына», — рассказываетъ далѣе Pagez, — «была пуста и, при видѣ ея, я почувствовалъ сильное внутреннее облегченіе. Но мои дочери были въ своей кровати. Я приблизился и, чтобы быть сильнѣе, поставилъ лѣвую ногу на стулъ, который былъ около постели, и началъ наносить учащающіеся удары по ихъ головамъ. Онѣ спали и не сдѣлали ни одного движенія». Такъ совершилось убійство. Задерживательное вліяніе высшихъ разсудочныхъ центровъ не устояло передъ могучимъ напоромъ какого то темнаго душевнаго движенія, исходившаго изъ органической глубины, и отецъ немотивированно, безъ всякой сколько нибудь осмысленной причины, противъ своего горячаго желанія и въ то же время сознательно обагрилъ руки въ крови нѣжно любимыхъ дѣтей. Послѣ убійства несчастный даже не поглядѣлъ на трупы и на нѣкоторое время почувствовалъ значительное облегченіе отъ своего мучительно-напряженного состоянія, — облегченіе, которое въ послѣдствіи перешло въ приступы раскаянія и тяжелаго сожалѣнія о случившемся ⁶⁴⁾. Что толкало его? На этотъ вопросъ анализомъ логической стороны мы не подыщемъ отвѣта. Все, что могутъ дать намъ наблюденіе и анализъ смѣны исключительно сознательныхъ состояній, — констатированіе факта, но не болѣе того. Чтобы выяснитъ занимающее насъ странное явленіе въ его неизбѣжной связи съ другими, т. е. въ его закономерности, намъ придется внимательно присмотрѣться и заглянуть въ тайники безсознательной жизни, изъ которыхъ поднимались своеобразныя ощущенія, опредѣлившія настроеніе, а черезъ него движенія чувства, мышленія и наконецъ дѣйствія ⁶⁵⁾.

⁶⁴⁾ Descourtis: «Du fractionnement des opérations cérébrales», 24 и сл.

⁶⁵⁾ При этомъ необходимо различать, съ одной стороны, тѣ случаи, въ кото-

Еще крайне интересный ряд освѣщающихъ фактовъ намъ представляютъ явленія, наблюдаемыя въ естественномъ сомнамбулизмѣ и въ различныхъ фазахъ искусственно вызваннаго гипнотизма, когда дѣятельность высшихъ разсудочныхъ центровъ въ большей или меньшей мѣрѣ, повидимому, парализуется и отпадаетъ, и когда у загипнотизированнаго часто «нѣтъ болѣе ни воли, ни личнаго характера» и на

рыхъ темное влеченіе, поднимавшееся изъ органической глубины, являлось не замаскированнымъ и какъ бы голымъ, если можно такъ выразиться, и принимало форму неудержимаго и немотивированнаго стремленія къ тому или другому нежеланному, даже ужасъ наводящему дѣйствію, какъ, напр.: въ только что разсказанномъ случаѣ. Такія явленія, по большей части развивающіяся на болѣе или менѣе ясно выраженной болѣзненной почвѣ, суть явленія преимущественно клиническія. Впрочемъ, и во многихъ сравнительно нормальныхъ, по общему признанію, случаяхъ механизмъ явленія представляется почти въ томъ же голомъ видѣ, хотя и въ нѣсколько иной формѣ. Для примѣра воспользуемся художественнымъ образомъ, созданнымъ гр. Толстымъ въ его разсказѣ «Записки маркера». Это образъ молодого Нехлюдова—личности, очевидно, наслѣдственно уже нѣсколько тронутой со стороны нервной системы. Однажды, почти случайно, начавши игру, нѣсколько уже предрасположенный Нехлюдовъ потомъ постепенно, но неудержимо, затягивается въ кутежи, игру и пьянство, быстро нравственно падаетъ и унижается, и, несмотря на свое желаніе и усилія противостоять, не можетъ сдержаться, теряетъ власть надъ самимъ собой и, наконецъ, въ безсильномъ отчаяніи отъ своей нравственной слабости и позора кончаетъ съ собой. Въ своей предсмертной запискѣ онъ открываетъ намъ свой внутренній міръ, свою безвыходную борьбу и тяжелыя мученія своей ставшей дряблой души. «Богъ далъ мнѣ все, чего можетъ желать человѣкъ: богатство, имя, умъ, благородныя стремленія», говоритъ онъ. «Я хотѣлъ наслаждаться и *затотпалъ въ грязь* все, что было во мнѣ хорошаго. Я не безчестенъ, не несчастенъ, не сдѣлалъ никакого преступленія; но я сдѣлалъ хуже: *я убилъ свои чувства, свой умъ, свою молодость*. Я опутанъ грязною сѣтью, изъ которой не могу выпутаться и къ которой не могу привыкнуть. Я безпрестанно падаю, чувствую свое паденіе и не могу остановиться». «Гдѣ тѣ свѣтлыя мысли о жизни, о вѣчности, о Богѣ, которыя съ такою ясностью и силой наполняли мою душу? Гдѣ *безпредметная* сила любви (чрезвычайно характерное выраженіе для опредѣленія органическаго происхожденія психической тонаціи), отрадною теплотой согрѣвавшая мое сердце? «Я говорилъ себѣ: *употреблю все, что есть у меня воли, и не могу*. Когда я оставался одинъ, мнѣ становилось неловко и страшно съ самимъ собой. Когда я былъ съ другими, я уже вовсе не слыхалъ внутренняго голоса и падалъ все ниже и ниже. Наконецъ, я *дошелъ до страшнаго убѣжденія, что не могу подняться*, переставъ думать объ этомъ и хотѣлъ забыться; но безнадежное раскаяніе еще сильнѣе тревожило меня. Тогда мнѣ въ первый разъ пришла мысль о самоубійствѣ». «Я думалъ прежде, что близость смерти возвыситъ мою душу. Я ошибался. Черезъ четверть часа меня не будетъ, а взглядъ мой нисколько не измѣнился. Я также вижу, также слышу, также думаю; *та же страшная непосредственность, шаткость и легкость въ мысляхъ*». Ч. II. 71—93.

его мѣстѣ есть «только автоматъ, вполне готовый къ услугамъ того, кто его усыпилъ», автоматъ, утратившій понятіе собственной личности, понятія мѣста и времени, и по произволу другихъ могущій совершать дѣйствія, рѣшительно идущія въ разрѣзъ съ его нравственностью и съ его идеалами ⁶⁶⁾).

Во время подобныхъ состояній, представляющихъ различныя фазы и степени, отпаденіе центровъ высшихъ проявленій психической жизни наблюдается не въ одинаковой мѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ загнипнотизированный отчасти еще сохраняетъ собственную инициативу и особенности своего характера ⁶⁷⁾, тогда какъ въ другихъ онъ, какъ уже замѣчено выше, превращается въ полнаго автомата, въ какую-то игрушку въ чужихъ рукахъ ⁶⁸⁾. Въ теченіе нѣкоторыхъ изъ названныхъ мною состояній субъектомъ по собственному почину совершаются иногда весьма сложныя дѣйствія, указывающія на участіе и

Съ другой стороны, необходимо отличать тѣ случаи, когда темныя влеченія у дурно уравновѣшенныхъ натуръ съ ослабленной задерживательной силой высшихъ центровъ являются не въ формѣ неудержимыхъ и немотивированныхъ стремленій, а только вызываютъ соответствующія сильныя желанія, какъ бы подсказываютъ опредѣленные представленія (представленія о предстоящихъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ), порождаютъ повышенныя возбужденія, подыскиваютъ оправдательныя соображенія и пр. Въ сущности, и здѣсь чувственныя влеченія, зарождающіяся отъ раздраженія усиленно развитыхъ или усиленно функционирующихъ въ данное время низшихъ центровъ столь же принудительны по ихъ вліянію, хотя послѣднее въ значительной мѣрѣ болѣе замаскировано. Въ этой своей формѣ и въ этомъ осложненномъ процессѣ власть чувственныхъ вождѣлнй наблюдается наиболѣе часто въ тѣхъ случаяхъ, съ которыми приходится имѣть дѣло криминалисту.

⁶⁶⁾ Berjon: «La grande hystérie chez l'homme», 33. Bottey: «Le magnétisme animal, étude critique et expérimental sur l'hypnotisme», 60 и 71. Въ анналахъ французскаго уголовного суда извѣстенъ случай, въ которомъ отвратительный націй привелъ дѣвушку въ такое состояніе, лишилъ ее невинности, водилъ за собою, какъ собаку, въ теченіе нѣсколькихъ дней и заставлялъ ее исполнять всѣ свои приказанія. См. Despine: «Psych. natur.» I 587 и сл.

⁶⁷⁾ Bottey, цит. соч. 67.

⁶⁸⁾ Тамъ же, 71. Bernheim: „De la suggestion“ 9, 25. Pinel упоминаетъ объ одной наблюдавшейся имъ идиоткѣ, у которой, какъ у таковой, высшіе центры конечно были не развиты, и которая проявляла неудержимое влеченіе подражать всему совершавшемуся при ней. Она, напр., автоматически повторяла все, при ней сказанное, копировала видѣнные жесты и т. д. Тотъ же авторъ упоминаетъ събъ одной душевно-больной, которая, какъ и загнипнотизированные, рабски выполняла все то, что ей приказывали; она прыгала, смѣялась, плакала и пр. по волѣ внушавшаго ей. См. его Traité, 99.

съ повышенной энергіей нервныхъ центровъ, занимающихъ весьма высокое мѣсто въ нервной іерархіи. Въ состояніи сомнамбулизма Кондильякъ писалъ, напр., прекрасныя страницы ⁶⁹⁾; одинъ проповѣдникъ въ такомъ состояніи писалъ прекрасныя проповѣди, а одинъ господинъ, потрясенный взрывомъ и вслѣдствіе того впавшій въ сомнамбулизмъ, уѣхалъ въ Италію, гдѣ и путешествовалъ нѣсколько недѣль; прійдя въ себя, онъ, какъ и epileptiques, не сохранилъ о своемъ путешествіи никакихъ воспоминаній ⁷⁰⁾.

При отпаденіи дѣятельности нѣкоторыхъ высшихъ центровъ, дѣятельность другихъ, сравнительно низшихъ центровъ, у загипнотизированныхъ часто значительно повышается и достигаетъ такихъ степеней, какихъ она никогда не достигаетъ у нихъ въ нормальномъ состояніи. Нѣкоторые изъ нихъ свободно читаютъ, напр., въ сравнительной темнотѣ, при которой въ обыкновенныхъ состояніяхъ они не могутъ разобрать ни единого слова; другіе подмѣчаютъ глазомъ многія особенности, рѣшительно неуловимыя для всѣхъ окружающихъ, и пр. ⁷¹⁾. Всего же интереснѣе то, что при отпаденіи дѣятельности высшихъ центровъ центры низшіе, повидимому, легче поддаются усиленному возбужденію, которое сохраняется нѣкоторое время и при восстановленіи дѣятельности первыхъ, и тогда уже всплываетъ въ сознаніи въ формѣ темныхъ неодолимыхъ влеченій, о происхожденіи которыхъ субъекты ничего не знаютъ и не могутъ подавить ихъ, разъ они достигли ранѣе извѣстной степени напряженности. Bottey приводитъ, напр., слѣдующій случай. Онъ внушилъ загипнотизированной имъ молодой дѣвушкѣ, что она полюбитъ прислужника анатомическаго театра, всѣми своими особенностями внушавшаго отвращеніе. Послѣ пробужденія дѣвушка начала усиленно плакать, но долго отказывалась объяснить причину слезъ. Послѣ многихъ разспросовъ она пояснила, наконецъ, что ее влечетъ какая то неодолимая сила къ прислужнику, къ которому она въ то же время чувствуетъ и ужасное отвращеніе. Bottey успѣшилъ загипнотизировать ее снова и далъ ей противоположное внушеніе, чѣмъ и положилъ конецъ ея ненормальному, но неодолимому влеченію. Другой дѣвицѣ тѣмъ же экспериментаторомъ было внушено, что черезъ двѣ недѣли при встрѣчѣ съ нимъ она не въ состояніи будетъ удержаться отъ того, чтобы не ударить его. Въ назначенный срокъ дѣвица исполнила внушеніе, при чемъ, какъ и

⁶⁹⁾ Ball: «Leçons sur les maladies mentales». 48 и 49.

⁷⁰⁾ Battey, цит. соч. 54, 204 и 205.

⁷¹⁾ «De la suggestion mentale» par le Dr. Ochorowicz avec une préface de Charles Richet, 391 и сл.; Bottey, цит. соч., 45, 50, 51, 54, 56, 57.

слѣдуетъ ожидать, крайне растерялась, расплакалась и стала просить прощенье, говоря, что она дѣйствовала подъ вліяніемъ какой то силы, которую не могла превозмочь ⁷²). Вообще подъ вліяніемъ внушеній загнипнотизированные по пробужденіи могутъ совершать самыя разнообразныя и въ томъ числѣ запрещенныя дѣйствія, напр., кражи назначенныхъ предметовъ и другія преступленія, причемъ стремленіе къ нимъ въ ихъ сознаніи оттѣняются характеромъ неодолимыхъ влеченій.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы, повидимому, имѣемъ дѣло какъ бы съ игрой на системѣ кровеносныхъ сосудовъ мозга, даже въ мельчайшихъ подраздѣленіяхъ послѣднихъ. При помощи этого разнообразно варіируемаго наигрыванія, если можно такъ выразиться, экспериментаторъ и можетъ по произволу лишать экспериментируемаго тѣхъ или иныхъ чувственныхъ и двигательныхъ функций, можетъ, напр., на время сдѣлать его глухимъ, слѣпымъ, можетъ лишить его обонянія, кожной чувствительности, измѣнить и извратить его чувствительность общую или можетъ заставить его на время потерять представленіе извѣстной цифры, буквы и т. д. ⁷³).

Всѣ эти и подобныя имъ явленія мы можемъ объяснить, какъ мнѣ кажется, только рассматривая мозгъ, какъ сложный органъ, какъ систему органовъ, изъ которыхъ каждая часть завѣдуетъ особою функциею ⁷⁴), причемъ дѣятельность такихъ частей или органовъ указаннѣмъ уже вліяніемъ экспериментатора можетъ быть парализована, болѣе или менѣе повышена, или ослаблена и измѣнена.

Направляющая и задерживающая власть высшихъ центровъ надъ центрами низшими и потому подчиненными не представляетъ собою у всѣхъ людей и всегда величину постоянную, какъ отчасти уже можно было видѣть и изъ приведенныхъ фактовъ. Она измѣняется, во-первыхъ, по индивидуумамъ въ зависимости отъ ихъ унаслѣдованныхъ особенностей и отъ ихъ послѣдующаго развитія и воспитанія, которое въ значительной мѣрѣ можетъ повышать или понижать ее.

⁷²) Bottey, 92, 93, 94. Всѣ подобныя факты искусственно воспроизводятъ намъ многое изъ того, съ чѣмъ мы встрѣчаемся и въ уголовныхъ лѣтописяхъ и что намъ часто кажется загадочнымъ въ нихъ.

⁷³) Beaunis: «Le somnambulisme provoqué» 45 и сл., 70 и сл. 73 и сл. 81 и сл.; Ochogowicz, цит. соч. 527; Bernheim цит. соч. 26, 76 и сл., 85 и сл.; Bottey: цит. соч., 73, 78, 88, 125, 131.

⁷⁴) Это нисколько не устраниваетъ возможности замѣстительства, которое, при многочисленныхъ и тѣсныхъ связяхъ всѣхъ частей мозга, въ некоторыхъ случаяхъ, повидимому, и наблюдается.

Говоря о слабомъ изнѣживающемъ воспитаніи, дѣйствительно составляющемъ язву весьма многихъ хорошихъ семей, д-ръ Krauss совершенно справедливо замѣчаетъ, что «даже при благопріятнѣйшихъ жизненныхъ положеніяхъ продукты такого воспитанія, вслѣдствіе несдерживанія ихъ аффектовъ и вслѣдствіе необузданія ихъ страстей, по меньшей мѣрѣ, подвергаются опасности придти въ столкновеніе съ закономъ». «Но, если жизненныя условія изнѣженнаго воспитаніемъ неблагопріятны, то привитыя къ нему отвращеніе къ работѣ и жажда наслажденій сдѣлають изъ него праздношатающагося, гуляку, искателя приключеній или преступника. У важныхъ преступниковъ гораздо чаще, нежели даже можно ожидать, необходимо указать на изнѣживающее воспитаніе» ⁷⁵).

Развить въ человѣкѣ задерживательную силу высшихъ центровъ, а, слѣдовательно, и самообладаніе, и ослабить господство центровъ низшихъ и тѣмъ самымъ сдѣлать его господиномъ его страстей и чувственныхъ влеченій,—важнѣйшая и труднѣйшая, но, во всякомъ случаѣ, доступная задача воспитанія. Укрѣпленіе, путемъ постоянныхъ упражненій, соответствующихъ нервныхъ центровъ и выработка соответствующихъ привычекъ—таковы могущественныя средства, находящіяся въ рукахъ у способнаго воспитателя ⁷⁶).

Задерживательная сила высшихъ центровъ измѣняется и по возрастамъ жизни: она отсутствуетъ въ раннемъ дѣтствѣ, она мала въ отрочествѣ и юности, постепенно увеличивается до полного развитія, если ничто тому не препятствуетъ, а затѣмъ, повидимому, также постепенно уменьшается съ поступательнымъ движеніемъ къ глубокой старости или вторичному дѣтству. Она измѣняется и колеблется также и въ зависимости отъ временныхъ органическихъ состояній,

⁷⁵) Psychologie des Verbrechens, 201. См. также на 201 и 202 стр. подтверждающій примѣръ 16 л. преступника Карла Арнольда.

⁷⁶) Мелочи обыденной жизни, ея неуклонный порядокъ и система имѣють при этомъ громадное значеніе. Укажу хотя бы на важное воспитательное вліяніе соблюденія различныхъ ограничительныхъ обычаевъ повседневной жизни, напр., постовъ, во время которыхъ, подъ вліяніемъ признаваемыхъ имъ предписаній, человѣкъ добровольно налагаетъ сравнительно значительное ограниченіе на свои чувственныя влеченія и сознательнымъ усиліемъ воли подавляетъ порождаемые ими запросы и тѣмъ самымъ постоянно приучаетъ себя быть хозяиномъ одного изъ сильнѣйшихъ влеченій своей чувственной природы. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія соблюденіе подобныхъ ограничительныхъ правилъ, обыкновенно устанавливавшихся подъ вліяніемъ какихъ либо соображеній полезности, имѣетъ чрезвычайно важное воспитательное и душевно-гигіеническое значеніе.

то повышаясь, то понижаясь, а иногда временно нисходя почти до нуля.

Высшіе направляющіе и регулирующіе центры представляют собою высшій и сравнительно менѣе устойчивый продуктъ нервнаго развитія, а потому дѣятельность ихъ, развиваясь позже и замирая раньше, легче и временно ослабляется и отпадаетъ, тогда какъ болѣе устойчивые центры растительной жизни съ зарождающимися въ нихъ чувственными влеченіями продолжаютъ оставаться въ звоей силѣ и, лишённые высшаго контроля, какъ бы разнуздываются. «Если области сознательной церебраціи ослабляются со стороны ихъ динамической энергіи, — замѣчаетъ д-ръ Luys, — если ихъ дѣятельность прекращается обморокомъ или постепенно истощается медленною порчею органическаго субстрата, служащаго ихъ основою, тогда съ тѣсными связями жизни мозга происходитъ то же, что происходитъ и тогда, когда вивисекція или травма производятъ раздѣленіе спиннаго и головного мозга. Въ этомъ случаѣ командованіе ослабляется и подчиненныя области присваиваютъ себѣ самостоятельность, возбуждаются и становятся не подчиняющимися» ⁷⁷⁾).

Примѣръ унаслѣдованныхъ и прирожденныхъ дефектовъ въ задерживательно - направляющей силѣ высшихъ нервныхъ центровъ, и, притомъ, дефектовъ самыхъ разнообразныхъ степеней, намъ представляютъ идіоты и первично - слабоумные ^{77*)}. У нихъ, вслѣдствіе большей или меньшей недоразвитости высшихъ центровъ, внутренне-несдерживаемыя движенія низшаго порядка часто проявляются съ такою силою, что вышнее постоянное регулированіе и задержка для нѣкоторыхъ изъ нихъ безусловно необходимы. «Эта задняя область», замѣчаетъ д-ръ Magnan, «есть сѣдалище чувственныхъ влеченій (аппетитовъ) и инстинктовъ. По скольку лобная область остается закрытой, по стольку субъектъ предоставляется идіотизму. Онъ пользуется дѣятельностью своихъ чувствъ, но безъ контроля, безъ умѣряющей власти, которой обладаютъ переднія области (высшіе центры). Онъ представляется прожорливымъ, воромъ и склоннымъ къ отвратительнымъ дѣйствіямъ; онъ спинно-задне-мозговой, — однимъ словомъ, онъ вполне инстинктивенъ» ⁷⁸⁾).

⁷⁷⁾ Цитированное сочиненіе, 164.

^{77*)} Trelat рассказываетъ, напр., про одного слабоумнаго, который отличался полнымъ отсутствіемъ воли. Для него существовала только воля другихъ. Онъ не отличалъ добро отъ зла и обладалъ лишь способностью подражанія и одинаково подражалъ какъ хорошему, такъ и худому. Онъ не могъ ничего предвидѣть, ничего сохранить. *La folie lucide*, 22.

⁷⁸⁾ *Annales médico-psychologiques*, 1 №, 1886, 94. См. также 95.

Примѣръ же ослабленія задерживательно-направляющей власти высшихъ нервныхъ центровъ, постепенно приобретаемаго въ теченіе жизни индивидуума, намъ представляютъ хроническіе алкоголики. Неумѣренно поглощаемый ими алкоголь крайне разрушительно дѣйствуетъ на ихъ нервныя центры и, понижая чрезъ то ихъ умственныя способности вообще, въ то же время значительно ослабляетъ задерживательно-направляющую силу высшихъ центровъ, дѣлаетъ ихъ людьми почти безвольными, почему они нерѣдко «стыдятся», какъ, напр., больной Magnan'a, «своего поведенія» и раскаиваясь въ своихъ поступкахъ, въ то же время не могутъ сдержаться и изо дня въ день повторяютъ одни и тѣ же эксцессы ⁷⁹⁾, и у нихъ ипогда развиваются тѣ же неодолимые влеченія къ тѣмъ или другимъ часто вредоноснымъ дѣйствіямъ, съ механизмомъ которыхъ мы уже достаточно познакомились выше ⁸⁰⁾. Сходно, хотя и не въ равной степени, вліяютъ, повидимому, злоупотребленія всякими возбужденіями вообще. Въ 1883 г. въ клиникѣ проф. Krafft-Ebing'a, въ Гратцѣ, мнѣ пришлось наблюдать весьма интересный случай шестнадцати-лѣтняго мальчика, у котораго, вслѣдствіе крайняго нервного истощенія—продукта различныхъ эксцессовъ—сознательная жизнь съ ея задерживательно-направляющимъ вліяніемъ какъ бы отпала, но за то сила различныхъ несдерживаемыхъ больше движеній, происшедшихъ изъ тайниковъ растительной жизни, значительно повысилась ⁸¹⁾.

Сходная съ эпилептиками и алкоголиками черты инстинктивности, импульсивности и слабости задерживательно-направляющей силы высшихъ центровъ, хотя и нѣсколько менѣе рѣзко выраженные, наблюдаются и между преступниками ⁸²⁾. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, по словамъ тщательно изучавшаго ихъ д-ра Ferrus'a, наряду *«съ крайней слабостью воли»* замѣчается «рѣшительное преобладаніе процессовъ растительной жизни» и значительная сила различныхъ низшихъ влеченій (конечно, объясняющаяся усиленнымъ развитіемъ отъ наслѣдственныхъ упражненій нервныхъ центровъ этихъ влеченій и ихъ питаніемъ), *приближающая ихъ къ зверству* ⁸³⁾. «Дѣти лицъ порочныхъ и преступ-

⁷⁹⁾ De l'alcoolisme, 179—187.

⁸⁰⁾ См. цитирован. сочиненіе Max-Simon'a, 57 и сл.

⁸¹⁾ Интересно, что и съ наступленіемъ состоянія гипноза рефлексы также повышаются, какъ я это имѣлъ случай наблюдать по указанію д-ра A. Voisin въ его клиникѣ въ 1886 г.

⁸²⁾ Указанныя явленія у нихъ должно отнести отчасти на долю наслѣдственности и, слѣдовательно, прирожденности, а отчасти на долю дурнаго воспитанія, всевозможныхъ эксцессовъ и всей жизненной обстановки вообще.

⁸³⁾ Des prisonniers, de l'emprisonnement et des prisons, 188.

ныхъ», въ свою очередь замѣчаетъ д-ръ Thomson, «имѣють унаслѣдованныя склонности къ дѣятельности нѣкоторыхъ способностей, между тѣмъ какъ тѣ высшія способности и чувствованія, назначеніе которыхъ контролировать низшія, остаются въ оцѣненіи» ⁸⁴). То же подтверждаетъ и д-ръ Nicolson. Онъ говоритъ про нѣкоторыхъ преступниковъ, что «воля у нихъ настолько слаба или настолько несовершенно образована (imperfectly formed), что она неспособна представить дѣйствительное противодѣйствіе даже тогда, когда съ ея стороны требуется только незначительная энергія» ⁸⁵). «Я былъ по природѣ *лѣнивъ и жестокъ*» — такъ рассказывалъ, говоря о послѣдней жертвѣ «своего ужаснаго характера», нѣкто Chadron, осужденный на казнь за многочисленныя убійства. «И сказать вамъ откровенно, я *любилъ кровь*», «у меня есть въ душѣ, я не знаю, что то, что *дѣлаетъ меня жестокимъ противъ моей воли*» (очевидно, поясню я отъ себя — особенности органическихъ тонацій въ господствующемъ характерѣ построения, которымъ и опредѣляется общій колоритъ отношеній къ окружающимъ). «Я не гоюсь болѣе ни на что; мои преступления гнетутъ меня; я въ нихъ раскаиваюсь и между тѣмъ я не чувствовалъ бы въ себѣ силы (конечно, если бы не измѣнились органическія тонаціи) оставаться честнымъ человѣкомъ» ⁸⁶). Другой, еще двадцати-лѣтній молодой человѣкъ, пожизненно осужденный за ночную кражу на большой дорогѣ, такъ характеризовалъ себя: «Я и самъ не знаю, что такое толкаетъ меня *дѣлать зло съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ въ разумный возрастъ*, но ничто меня не исправляетъ. Я уже былъ два раза въ тюрьмѣ Claiavaux; тамъ я много страдалъ, но товарищи, которыхъ я имѣлъ, въ первый разъ меня такъ хорошо обучили ремеслу, что это стало *сильнѣе меня и необходимо, чтобы я воровалъ*. Я виноватъ, я огорченъ этимъ, но *такова уже моя судьба, чтобы быть такимъ*». На вопросъ автора о томъ, грамотенъ ли онъ, тотъ же осужденный, какъ бы сознавая, хотя и весьма не ясно, дѣйствительныя органическія причины странныхъ душевныхъ явленій, отвѣтилъ ему: «Нѣтъ; если бы я былъ менѣе невѣжественъ (иначе говоря, если бы упражненіемъ были развиты и подняты въ силѣ высшіе разсудочные и задерживательные центры), то я не былъ бы столь преступенъ» ⁸⁷).

⁸⁴) The Psychology of criminals, 335.

⁸⁵) The Morbid Psychology of criminals, Journal of Ment. Science, XIX, 1874, 404.

⁸⁶) Appert: Bagne, prisons et criminels, II, 6.

⁸⁷) Тамъ же, I, 320 и 321. Despine также рассказываетъ про одного убійцу,

Ослабленіе власти направляющихъ центровъ наблюдается, какъ уже замѣчено выше, и въ зависимости отъ временныхъ колебаній въ органическихъ состояніяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этого рода оно является, повидимому, результатомъ преимущественно значительнаго повышенія возбужденности тѣхъ или другихъ низшихъ центровъ, зависящей отъ вліянія какихъ либо необычныхъ раздражителей. Въ другихъ же случаяхъ того же рода ослабленіе власти, повидимому, бываетъ слѣдствіемъ преимущественно ослабленія и истощенія самихъ высшихъ направляющихъ центровъ. Въ томъ и другомъ рядѣ явленій наблюдается болѣе или менѣе рѣзко выраженная импульсивность, достигающая иногда очень опасныхъ степеней, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто у нѣкоторыхъ въ періодъ полового развитія, когда въ организмахъ подростковъ начинаютъ совершаться важныя измѣненія, и когда въ нравственной сторонѣ ихъ характеровъ начинаютъ звучать новыя органическія струны и они начинаютъ испытывать новыя состоянія настроенія, часто рѣзко измѣняющія ихъ отношенія ко всему окружающему. Одно изъ подобныхъ наблюденій приводитъ, напр., д-ръ Morel. У одной дѣвушки, Marie R..., въ періодъ нѣсколько задержаннаго и затрудненнаго полового развитія появились извращенія нравственной стороны и неудержимыя влеченія къ поджогамъ и кражамъ, за которыя она судилась и потомъ была помѣщена въ азіль. Сама она слѣдующимъ образомъ характеризовала свое состояніе за это время: «я сдѣлалась нестерпима, меня нельзя было держать въ домѣ». Говоря о своихъ поджогахъ, она поясняла: «я не знала, что я дѣлала». Когда у нея половое развитіе потомъ закончилось и менструаціи установились — ея характеръ измѣнился къ лучшему и ея неодолимыя влеченія миновали ⁸⁸). Еще болѣе рѣзко выраженные примѣры приведены въ сочиненіи Max Simon'a. Въ нихъ поджоги сов-

Gottin, осужденнаго на казнь, который даже въ послѣднія страшныя минуты говорилъ утѣшавшему его священнику: «Я признаюсь вамъ, что предпочитаю смерть отпавкѣ въ Каенну, *идѣ бы я подвергся опасности новаго паденія*» (даже въ такую минуту онъ не чувствуетъ въ себѣ, при данномъ состояніи своей психо-физической организаціи, достаточно силы, чтобы успѣшно бороться съ своими инстинктами). Тотъ же авторъ приводитъ случай одного осужденнаго, въ числѣ двухъ другихъ, италіанскаго бандита, который, узнавъ о наступившемъ часѣ своей казни, самъ сказалъ: «Это лучшее для меня, потому что если бы мнѣ оставили жизнь, я бы, можетъ быть, *не могъ противостоять моимъ инстинктамъ*; я бы пытался бѣжать и, безъ сомнѣнія, снова впалъ въ тѣ же тяжкія преступленія, которыя мнѣ предстоитъ искупить». Psychol. natur. II, 202 и сл., 207 и сл.

⁸⁸) «Etudes cliniques», I, 319—323.

падали съ періодами болѣзненно устанавливавшихся менструацій, сопровождавшихся безпричинной тоской, неодолимыми влеченіями и соответствующими галлюцинаціями ⁸⁹⁾.

Неодолимые влеченія въ періоды менструаціи развиваются иногда не только у подростковъ, но и у нѣкоторыхъ вполне взрослыхъ, чаще же они наблюдаются въ періоды беременности, когда беременная матка своимъ давленіемъ на другіе органы производитъ раздраженіе тѣхъ или другихъ нервныхъ центровъ и какъ бы нажимаетъ различные клавиши психическаго инструмента. Подобные случаи, конечно, извѣстны всякому или по собственнымъ наблюденіямъ или по рассказамъ другихъ ⁹⁰⁾.

Колебанія въ задерживательно-направляющей силѣ высшихъ центровъ въ сравнительно весьма краткіе промежутки времени можно наблюдать также у алкоголиковъ, у которыхъ къ вечеру, когда усталость увеличивается и «воля ослабляется» и когда они менѣе становятся «господами самихъ себя», обыкновенно усиливаются всевозможныя галлюцинаціи и иллюзіи, являющіяся продуктами внутренняго раздраженія подчиненныхъ низшихъ центровъ, становящихся съ ослабленіемъ командованія болѣе самостоятельными въ своей дѣятельности ⁹¹⁾.

Крайне интересные случаи временнаго высвобожденія дѣятельности подчиненныхъ и направляемыхъ центровъ изъ подъ власти центровъ

⁸⁹⁾ См. цитированное уже сочиненіе, 138—143.

⁹⁰⁾ См. Max-Simon, цитир. сочинен., 190. Иногда ослабленіе власти высшихъ центровъ, повидимому, проявляется въ нѣсколько иной формѣ, въ формѣ невозможности волевымъ импульсамъ вынудить низшіе подчиненные центры выполнять желаемыя субъектомъ дѣйствія. Одинъ изъ подобныхъ примѣровъ, примѣръ нотариуса, который хотя и желалъ чего нибудь, но въ то же время не могъ «волить», какъ онъ выражался, иначе говоря, не могъ, несмотря на всѣ усилія, осуществить желаемое въ соответствующихъ дѣйствіяхъ, я уже приводилъ въ первомъ выпускѣ настоящей работы, 148 ст. Этотъ случай первоначально былъ обнародованъ д-мъ Billod въ *Annal. méd.-psych.* за 1847. Въ 1882 г. наблюденіе это вошло въ изданное имъ сочиненіе: «*Des maladies mentales et nerveuses*» I, 175 и сл. Сходные случаи приводитъ и Carpenter (*Mental Psychology*, 385). Въ одномъ изъ нихъ одинъ господинъ по временамъ также не могъ выполнить того, что хотѣлъ. Всѣ его умственные способности, исключая воли, были при этомъ въ полномъ порядкѣ. Однажды приказавъ подать себѣ стаканъ воды онъ не могъ, несмотря на всѣ усилія, взять его и продержалъ полчаса стоявшаго передъ нимъ слугу. Онъ и другой такой же господинъ, описывая свои внутренніе состоянія, говорили, что «будто другое лицо взяло въ свое обладаніе ихъ волю».

⁹¹⁾ Magnan: «*De l'alcoolisme*», 49.

высшихъ не рѣдко наблюдается и у нервно-истощенныхъ и наследственно - вырождающихся организацій, обыкновенно отличающихся и внутренней неуравновѣшенностью. Одинъ случай этого рода мы находимъ разсказаннымъ, напр., въ статьѣ проф. Charcot и д-ра Magnan'a ⁹²⁾. Наблюдавшійся ими субъектъ, вслѣдствіе ослабленія сдерживающаго и направляющаго вліянія и власти высшихъ разсудочныхъ центровъ, подъ конецъ превратился какъ бы въ машину, слѣпо направляемую къ дѣйствіямъ какими-то внутренними раздражителями мозговыхъ центровъ низшаго порядка. Этотъ субъектъ—нѣкто М. S. Его дѣдъ съ отцовской стороны былъ извѣстенъ за челоуѣка страннаго и отличававшагося чудачествами. Его отецъ былъ страстный игрокъ (условіе, значительно способствующее вырожденію и наследственной передачѣ нервно-истощенной организаціи потомству) ⁹³⁾. Его дядя съ отцовской стороны умеръ душевно-больнымъ. Одна изъ его сестеръ послѣ родовъ имѣла маниакальный приступъ, а другая, одержимая хроническимъ бредомъ, продолжала еще оставаться въ лечебницѣ и во время наблюденія М. S.

Самъ М. S. отличался крайне неровнымъ и безпорядочнымъ характеромъ и такими же нравами. Онъ растратилъ свое состояніе и никогда не могъ отдаться никакому послѣдовательному занятію. Онъ издавна пріобрѣлъ привычку онанизма (условіе, весьма способное породить нервную истощенность), а въ послѣдствіи сталъ предаваться и педерастіи. Въ теченіе своей жизни онъ много разъ впадалъ въ состояніе подавленности; въ послѣдніе же годы у него появилась и мысль о самоубійствѣ.

Въ 1884 г. у М. S., при встрѣчѣ съ однимъ знакомымъ, впервые зародилось неодолимое стремленіе во что бы то ни стало припоминать имена лицъ, ускользавшія у него изъ памяти. Это стремленіе,

⁹²⁾ «De l'onomatomanie» Arch. de Neurolog., № 29, Septemb., 1885, 159 и слѣд.

⁹³⁾ Страстный игрокъ, ежедневно и еженочно переживая крайне интенсивныя волненія надежды, радости, страха и раздраженія, и испытывая состоянія усиленнаго нервного напряженія, забираетъ слишкомъ много отъ жизни впередъ, сравнительно быстро изнашиваетъ свой организмъ и безразсудно расходуетъ свой органическій капиталъ. А все это не можетъ проходить безнаказанно, и несчастный рабъ своей несчастной страсти, если не привзойдутъ оздоровляющія вліянія, неминуемо несетъ тяжелое наказаніе въ потомствѣ и приходится къ конечному органическому разоренію въ его лицѣ,—къ умственно-нравственному измельчанію, а часто (разумѣется, смотря по количеству начальнаго органическаго капитала и степени послѣдующихъ злоупотребленій имъ) къ постепенному вымиранію своего нравственно дурно одареннаго рода.

при первомъ же своемъ возникновеніи, уже отѣнилось принудительнымъ характеромъ. И вотъ долгія и неудачныя припоминанія стали сопровождаться безпокойнымъ состояніемъ, отчаяніемъ, плачемъ и пр., при чемъ М. S. не могъ владѣть собой и не могъ отвлечь своего вниманія отъ навязчиваго и мучительнаго процесса припоминанія. Первоначально стремленіе припоминать и узнавать, существовавшее при полной логичности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, ограничивалось лишь именами знакомыхъ, но впослѣдствіи оно распространилось и на имена лицъ незнакомыхъ, — всѣхъ видѣнныхъ прохожихъ и проезжихъ. Къ концу третьяго мѣсяца къ этому комплексу явленій присоединилось еще неодолимое стремленіе считать всевозможные предметы, отъ чего жизнь М. S. стала еще болѣе невыносимой. Онъ *неволею* считалъ все, что ему подавалось за обѣдомъ, и каждый разъ составлялъ табличку, въ которую и заносилъ число кусковъ хлѣба, говядины, число ложекъ воды, вина, число капель молока въ ложкѣ и пр. Для чего занимался онъ такимъ счетомъ? По его словамъ, «онъ и самъ того не зналъ; и это, конечно, странно, *но онъ долженъ дѣлать такъ*». Если ему подавали помѣ-дамуръ, то онъ спѣшилъ пересчитать число содержащихся въ немъ зернышекъ; то же дѣлалъ онъ съ яблоками и грушами. Однажды ему случилось съѣсть 20 вишенъ, при чемъ онъ собралъ только 19 косточекъ. Тогда онъ старательно началъ отыскивать двадцатую и пришелъ къ мысли, что онъ, вѣроятно, проглотилъ ее. И вотъ, подъ вліяніемъ неодолимаго желанія найти пропавшую, онъ съ вечера и до утра безостановочно разминалъ пальцами свои испражненія. Передъ утромъ онъ заснулъ, но скоро же проснулся и съ большимъ еще жаромъ продолжалъ свое занятіе до вечера, когда, послѣ новаго испражненія, желанная косточка наконецъ нашлась. Находка успокоила его, онъ взялъ ванну и спокойно заснулъ.

Въ только что разсмотрѣнномъ случаѣ М. S. раздраженіе центровъ низшаго порядка, о вѣроятныхъ причинахъ котораго я буду говорить далѣе, и относительное значительное ослабленіе задерживающаго и направляющаго вліянія высшихъ центровъ придаютъ всему процессу вполнѣ машинообразный характеръ и превращаютъ дурно-уравновѣшеннаго субъекта, какъ и въ нѣкоторыхъ предшествующихъ примѣрахъ, въ какой-то беспорядочно-дѣйствующій механизмъ.

Въ другомъ случаѣ, приводимомъ въ сочиненіи Saury⁹⁴⁾, особенности механизма занимающихъ насъ психическихъ явленій выступаютъ даже еще болѣе рельефно.

⁹⁴⁾ «Étude clinique sur la folie héréditaire», стр. 97 и сл.

Одна дѣвица Х., принадлежавшая къ высокопоставленной семьѣ, страдала *невольнымъ* произнесеніемъ грубыхъ и безстыдныхъ выраженій, сопровождавшихся *конвульсивными* явленіями въ плечахъ, рукахъ и лицѣ. Х. принадлежала къ невропатической семьѣ и приведенное явленіе стало замѣчаться у нея съ девяти-лѣтняго возраста. *Въ состояніи спокойствія она никогда не произносила такихъ выражений.* Въ присутствіи постороннихъ лицъ, при помощи *напряженныхъ* усилій воли она также могла подавить звуки и, *конвульсивно сжавши зубы*, могла воспрепятствовать тому, чтобы произносимыя слова были поняты; *въ такихъ случаяхъ слышалось только какое то неразборчивое ворчаніе* (крайне интересныя картины происходящей борьбы вѣлѣній высшихъ разсудочныхъ центровъ съ неудержимымъ прорываніемъ наружу раздраженія низшихъ). Становясь же свободной отъ стѣсняющаго ее присутствія, она принималась потомъ произносить свои привычныя выраженія въ необыкновенномъ изобиліи, какъ бы торопясь опорожниться отъ временно задержаннаго внутренняго раздраженія, которое тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, прорывается наружу. Однажды вечеромъ, услышавъ подъ окномъ лай собакъ, Х. до поздней ночи также *мимовольно* подражала слышанному лаю.

Сходные случаи рассказываетъ и д-ръ Magnan ⁹³⁾. Одна изъ наблюдавшихся имъ, нѣкто Клотильда С., имѣвшая съ отцовской и материнской стороны весьма дурную душевную наслѣдственность, съ двѣнадцатилѣтняго возраста по временамъ иногда теряла *волевою властью* надъ своими движеніями, оставаясь въ то же время вполнѣ сознательной. Въ такіе моменты она противъ своего желанія *неудержимо* шла куда нибудь и совершала различныя мимовольныя движенія, носившія рефлекторный характеръ. Движенія эти, *несмотря на все ея желаніе и усилія, она не могла задержать.* Однажды на похоронахъ своего дѣда, смертью котораго Клотильда была весьма огорчена, она безъ всякаго повода принялась хохотать среди плача родныхъ и не была въ состояніи подавить свой, повидимому, безпричинный (конечно, если не принимать во вниманіе внутренняго раздраженія соотвѣствующихъ низшихъ нервныхъ центровъ) позывъ къ смѣху. По временамъ она также *противъ воли* принималась произносить грубыя и неприличныя выраженія.

Одна изъ подобныхъ же личностей, противъ желанія произносив-

⁹³⁾ См. цитиров. сочиненіе Saury, 100 и сл. и Ann. méd.-psych., 1886, № 1, 97 и 98.

шая нѣкоторыя слова, весьма выразительно характеризовала свое внутреннее состояніе названіемъ «насилованія словомъ» (*viol de parole*) ^{95*}). Д-ръ Billod рассказываетъ про одну весьма образованную и блестящую маркизу, которая по временамъ не могла удержаться, чтобы не произнести какого нибудь безстыднаго ругательства или не ушибнуть и не толкнуть своего сосѣда и т. д. При этомъ она дѣлала страшныя усилія надъ собой, краснѣла, потупляла глаза, приходила въ смущеніе, на нѣсколько мгновений задерживала начатое выраженіе, которое, въ концѣ концовъ, все-таки прорывалось. Такъ, сказавъ иногда: «Вы...», она замолкала, видимо боролась съ собой, а затѣмъ съ неудержимой силой произносила какой нибудь ругательный эпитетъ ^{95**}).

Въ работѣ д-ра Legrain мы также находимъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Въ одномъ изъ нихъ у одной вырождающейся М. Р. развилось *мимовольное неудержимое* функционированіе различныхъ низшихъ подчиненныхъ центровъ, вслѣдствіе чего она совершала самыя разнообразныя мимовольныя движенія, *насилъственно* произносила хульныя слова и ощущала сильнѣйшее влеченіе отдаться первому встрѣчному ⁹⁶).

Тотъ же авторъ приводитъ другое наблюденіе одного вырождающагося субъекта Д..., очень интеллигентнаго и образованнаго чело-вѣка, но съ весьма отягощенной въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ наслѣдственностью какъ съ материнской, такъ и съ отцовской стороны, у котораго, между прочимъ, однажды при выходѣ изъ банка внезапно появилось неодолимое влеченіе къ игрѣ въ карты. Съ этихъ поръ

^{95*)} Descourtis, цитированное уже сочин., 21.

^{95**)} «Des maladies mentales et nerveuses», I, 218 и сл. Не трудно видѣть, какое важное значеніе, для правильнаго пониманія, имѣетъ изученіе на нейтральныхъ субъектахъ механизма всѣхъ подобныхъ явленій, нерѣдко, повидимому играющихъ весьма важную роль въ области преступленія.

⁹⁶⁾ См. цитированное уже сочиненіе, 15 и сл. Недавно мнѣ пришлось слышать крайне интересный рассказъ одного больного объ испытываемомъ имъ по временамъ, какъ онъ выражается, «дробленіи его личности». Въ эти моменты цѣлостность его личности какъ бы уничтожается и онъ ясно начинаетъ ощущать какъ бы раздѣльными и самостоятельными всѣ органы своего тѣла, — руки, ноги, сердце, желудокъ и пр. Его «я» въ это время какъ будто отдѣляется куда-то въ сторону и всѣ органы становятся самостоятельными: они начинаютъ обладать отдѣльной чувствительностью, какъ бы отдѣльными желаніями и самостоятельной дѣятельностью. Въ это время ему стоитъ большаго труда заставить отдѣльные подчиненные органы выполнять отъ центра исходящія велѣнія. Минуетъ это состояніе — и единство личности снова восстанавливается, раздѣльность чувствительности и управленія исчезаетъ и на мѣсто множественности снова является единое управляющее «я».

онъ всецѣло отдался своей неожиданно развившейся страсти и все оставилъ для нея. «Я былъ увлеченъ *противъ моей воли*», пояснялъ Д.... Онъ боролся съ своимъ влеченіемъ, мучился имъ, дѣлалъ всевозможныя усилія, горько упрекалъ себя и умолялъ окружающихъ удержать его, но все было напрасно, влеченіе дѣлало свое дѣло и онъ неудержимо продолжалъ игру. Однажды онъ назначилъ своему корреспонденту свиданіе въ Лилѣ; поѣздъ остановился въ Крейлѣ, откуда шель и другой поѣздъ въ Парижъ. Здѣсь Д... былъ охваченъ своимъ неудержимымъ влеченіемъ и, забывъ все, уѣхалъ съ парижскимъ поѣздомъ въ игорный кружекъ. Иногда, оставаясь позднею ночью въ кружкѣ, онъ давалъ деньги слугамъ, чтобы только продолжать партію, потому что ему *во что бы то ни стало необходимо* было играть. По прошествіи года такого ужаснаго существованія, его влеченіе исчезло также быстро, какъ быстро оно зародилось.

Кромѣ неудержимаго влеченія къ игрѣ въ карты, у Д... развивались и другія темныя влеченія,—однажды какой-то порывъ къ убійству, а въ другой разъ какой-то бессознательный половой порывъ, подъ вліяніемъ котораго онъ и совершилъ изнасилованіе своей двоюродной сестры ⁹⁷⁾.

Во всѣхъ приведенныхъ мною демонстративныхъ случаяхъ задерживательно-направляющая сила высшихъ разсудочныхъ центровъ, вслѣдствіе ли ихъ недоразвитости путемъ долгихъ упражненій или вслѣдствіе ихъ болѣе или менѣе устойчиваго ослабленія, оказывалась недостаточной, чтобы съ успѣхомъ сдерживать бурный напоръ чрезмерно развитыхъ и упитанныхъ ⁹⁸⁾ или только повышенно возбужденныхъ центровъ чувственныхъ влеченій, дѣятельность которыхъ, не встрѣчая вслѣдствіе того достаточныхъ задержекъ, всецѣло управляла человѣкомъ и дѣлала его игрушкой его страстей, чувственныхъ влеченій и порывовъ. Вообще, повидимому, можно утверждать, повторяю опять, что большая или меньшая задерживательная сила и распорядительная власть высшихъ разсудочныхъ центровъ надъ дѣятельностью центровъ инстинктивной жизни обуславливается большимъ или меньшимъ соотносительнымъ ихъ развитіемъ по индивидуумамъ,

⁹⁷⁾ См. цитир. сочиненіе, 45—53 и 82—85.

⁹⁸⁾ Въ этомъ отношеніи интересны опыты проф. Тарханова съ ускореніемъ развитія нервныхъ центровъ путемъ повышеннаго питанія мозга. См. его работу: «О психомоторныхъ центрахъ и развитіи ихъ у человѣка и животныхъ», 114 и слѣд.

а также и временнымъ соотносительнымъ состояніемъ ихъ силы или истощенія въ каждый данный моментъ жизни индивидуума ⁹⁹⁾).

Этотъ фактъ нервной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и психической организаціи оказываетъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, крайне важное и даже рѣшающее вліяніе на всѣ явленія души какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ народовъ. Есть полное основаніе думать, что высвобожденіемъ низшихъ центровъ съ развивающимися въ нихъ чувственными влеченіями изъ подъ власти высшихъ разсудочныхъ центровъ и знаменуется, по меньшей мѣрѣ при современныхъ условіяхъ культуры съ ея сложными формами, начало процесса вырожденія, знаменуются его тонкіе, трудно уловимые оттѣнки, изъ которыхъ, если только не привзойдутъ оздоравлиющія вліянія, развиваются уже, какъ необходимыя слѣдствія, дальнѣйшія особенности психо-физическаго вырожденія. Преобладаніе въ томъ или другомъ человѣкѣ низшихъ чувственныхъ влеченій и отсутствіе у него достаточной силы сдерживать ихъ велѣніями разсудка и предвѣдніемъ будущаго—все это рѣшительно противорѣчитъ и возможности устойчиваго благосостоянія организма, и истинной природѣ общества, а слѣдовательно и правильному умственно-нравственному развитію и преуспѣянію личности, которыя возможны для нея лишь въ правильно развивающемся человѣческомъ обществѣ. Въ указанныхъ ея особенностяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дефектахъ, вслѣдствіе непреложной связи явленій, уже заключается зародышъ дальнѣйшаго умственно-нравственнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и физическаго паденія, которое есть неизбежное слѣдствіе дурныхъ качествъ психо-физической организаціи человѣка и неприспособленности послѣдней къ единственно свойственной ей средѣ—человѣческому обществу, подчиненному непреложнымъ законамъ его развитія. Истинный умственно-нравственный прогрессъ человѣка и состоитъ въ борьбѣ и въ разумномъ ограниченіи, по указаніямъ предвѣднія будущаго, грубыхъ чувственныхъ влеченій, обусловливаемыхъ дѣятельностью низшихъ центровъ растительной жизни,

⁹⁹⁾ Для выясненія этихъ положеній я привелъ въ числѣ демонстративныхъ примѣровъ не мало патологическихъ случаевъ въ тѣсномъ значеніи этого слова. При этомъ я имѣлъ въ виду, что эти случаи, какъ болѣе рѣзко и рельефно выраженные, яснѣе оттѣняютъ намъ дѣйствительный механизмъ явленій, хотя и во всѣхъ другихъ случаяхъ, какъ, напр., въ случаяхъ, такъ называемыхъ, слабовольныхъ и безвольныхъ людей, этотъ механизмъ построенъ по тому же самому типу, съ тою лишь разницею, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ его очертанія менѣе ясны и что въ нихъ отдѣльные его части болѣе теряются и какъ бы прячутся въ трудно прозрѣваемыхъ глубинахъ инстинктивной жизни съ ея внутренними замаскированными и почти неуловимыми стимулами.

которые стремятся стать неумѣренными, хотя часто и скрытыми опредѣлителями мыслей, желаній и дѣйствій. Поэтому, подчиненіе этихъ влеченій велѣніямъ разума, руководствующагося яснымъ предвѣдѣніемъ будущаго, есть обязанность человѣка, налагаемая на него какъ его собственнымъ благомъ, такъ и благомъ общества.

Сказанное объ отдѣльномъ человѣкѣ вполне примѣнимо и къ цѣлымъ народамъ, и къ цѣлымъ обществамъ, паденіе и регрессъ которыхъ, повидимому, начинаются съ того времени, когда въ нихъ въ изобиліи нарождаются чувственные личности, носящія въ себѣ указанные начальные зародыши дальнѣйшаго физическаго и нравственнаго вырожденія и оскудѣнія породы, личности, лишеныя властнаго чувства долга, а потому, по основнымъ особенностямъ своей природы, мало или и вовсе неспособныя къ ограниченію себя и, слѣдовательно, къ сколько нибудь длительному подчиненію своихъ личныхъ чувственныхъ вожделѣній цѣлямъ и интересамъ общественнымъ. Поэтому съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что горе тому народу и горе тому обществу, въ которыхъ, особенно въ ихъ тонѣ задающихъ классахъ, своимъ примѣромъ опредѣляющихъ общественныя теченія, безпрепятственно и быстро развиваются значительно повышенныя стремленія къ различнымъ чувственнымъ наслажденіямъ, обусловливаемыя интензивными чувственными влеченіями—результатомъ дѣятельности усиленно развитыхъ и мало подчиненныхъ низшихъ центровъ. Въ такомъ народѣ или въ такомъ обществѣ въ этотъ моментъ ихъ существованія можетъ быть и будутъ слышаться хорошія рѣчи, можетъ быть и будутъ высказываться хорошіе планы, но при всемъ томъ многочисленные и часто руководящіе члены ихъ, въ большинствѣ случаевъ, будутъ оставаться рабами своихъ страстей и чувственныхъ вожделѣній, у которыхъ слово и дѣло часто будутъ рѣзко расходиться. Въ такомъ народѣ и въ такомъ обществѣ въ этотъ моментъ ихъ существованія неминуемо усиленно будутъ развиваться и многочисленные разнообразныя преступленія, съ одной стороны, какъ результатъ необузданныхъ чувственныхъ влеченій (аппетитовъ), а съ другой—какъ результатъ значительнаго физическаго и нравственнаго оскудѣнія, являющагося неминуемымъ слѣдствіемъ и послѣдующей стадіей вольнаго и невольнаго, но грубаго нарушенія законовъ жизни ^{99*}).

^{99*)} Типичная и многоговорящая въ этомъ отношеніи картинка мастерски нарисована въ прекрасной повѣсти гр. Толстаго: «Два гусара». Въ ней передъ нами проходятъ два поколѣнія, изъ которыхъ второе—хотя и прямой наслѣдникъ перваго—значительно уже оскудѣлое, въ которомъ почти перестали звучать нѣкоторыя струны. II, 167 и сл.

Указанныя явленія разнуздыванія чувственныхъ влеченій находятъ особенно благоприятную почву для своего возникновенія и дальнѣйшаго развитія тогда, когда народность, въ которой, въ ея массѣ, сравнительно еще слабо развиты явленія высшей интеллектуальной жизни, а слѣдовательно и ихъ фізіологическій субстратъ—высшіе разсудочные центры, сталкивается въ своемъ цѣломъ съ высшею культурой и съ продуктами ея—удобствами и матеріальными благами жизни, а также и съ эксцессами ими. Не будучи еще достаточно подготовлена, чтобы единовременно, быстро, и въ достаточной степени воспринять и лучшія особенности этой культуры, служащія задержкою и противовѣсомъ стремленію къ излишествахъ, она легко, даже въ лицѣ своихъ тонъ задающихъ классовъ, съ жадностью кидается на матеріальныя блага и начинаетъ торопиться безъ мѣры пить чашу чувственныхъ наслажденій. Тогда, если во время не привходятъ оздоровляющія вліянія, легко наступаетъ значительная порча условій и порядка повседневной будничной жизни, порча нравовъ, порча семьи, наступаетъ развитіе всевозможныхъ эксцессовъ и начинается народженіе въ значительномъ числѣ грубо-чувственныхъ натуръ, съ потрясеннымъ нервнымъ, а слѣдовательно, и психическимъ равновѣсіемъ.

Не трудно понять, какую важную роль должна играть только что разсмотрѣнная особенность психическаго механизма во всей душевной жизни человѣка и какія важныя указанія можетъ извлечь изъ яснаго ея пониманія всякій способный воспитатель, особенно воспитатель заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей. Послѣднія, по большей части вслѣдствіе дурной и порочной наслѣдственности, а также и вслѣдствіе дурнаго начальнаго воспитанія, часто отличаются крайнею слабостью воли и контроля и отсутствіемъ той внутренней нравственной дисциплины, которая одна только и представляетъ собою вѣрный оплотъ противъ напора бурныхъ чувственныхъ влеченій. Такія дѣти обыкновенно падки на всякія удовольствія; они склонны къ лѣни, представляются нравственно распушенными и сдерживаются преимущественно вліяніемъ ежеминутно вновь возбуждаемаго страха или примѣненіемъ внѣшнихъ ограниченій. Разъ же эти вліянія отпадаютъ, и они, не медля, увлекаются сильными влеченіями своей порочной натуры. Среди заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей мы находимъ множество такихъ, которыя представляютъ «дѣйствительныя состоянія вырожденія умственнаго, физическаго и нравственнаго» ¹⁰⁰⁾. Среди нихъ, особенно въ послѣднее время, встрѣчается много дѣтей застарѣлыхъ пьяницъ, ко-

¹⁰⁰⁾ Morel: «Traité des maladies mentales», 81.

торые втеченіе собственной жизни, а иногда и втеченіе жизни предшествующихъ поколѣній постепенно медленнымъ ядомъ убивали въ себѣ лучшія стороны человѣческой природы и ослабляли, иногда низводя до minimum'a, ту власть, которую разумъ и его органическій субстратъ—вышіе разсудочные центры имѣютъ надъ низшими движеніями души. Истощенное и безумно растраченное органическое богатство они наслѣдственно передаютъ и своимъ несчастнымъ дѣтямъ, которыя уже съ раннихъ поръ отличаются усиленно развитыми чувственными влеченіями, нравственной распущенностью и слабостью внутреннего нравственнаго контроля ¹⁰¹⁾. По отношенію къ этимъ дѣтямъ можно только повторить сказанное Могельемъ: «Я имѣлъ случай, говоритъ онъ, наблюдать такихъ дѣтей (изъ дурныхъ семей) въ ихъ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и я могъ убѣдиться, что преступленія, въ которыхъ ихъ обвиняютъ и которыя ежегодно увеличиваютъ уголовно-статистическія таблицы, очень часто находятъ свое объясненіе въ прирожденныхъ порочныхъ склонностяхъ» ¹⁰²⁾. Въ отмѣткахъ заведеній для заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей, мнѣ всегда приходилось встрѣчать слѣдующія краткія характеристики ихъ воспитанниковъ: 1) Родители бѣдняки, отецъ честный человѣкъ, а мать порочная женщина, пьяница и развратница, всѣ дѣти, не исключая и воспитанника, которому 14 лѣтъ, почти идіоты; онъ отличается нѣсколько дикимъ характеромъ, наклонностью къ бродяжеству и воровству, и предается пьянству при первой возможности. 2) Родители пьяницы и бѣдняки. Во время рожденія, матери было 43 г., а отцу 40. Воспитанникъ, которому 11 л., лѣнтяй, бродяга и непослушный. 3) Родители бѣдняки, отецъ пилъ, братъ также; воспитанникъ, которому 13 л., отличается дурнымъ характеромъ, мрачнымъ и недовольнымъ настроеніемъ духа, наклонностью къ бродяжеству; онъ имѣетъ приступы предсердечной тоски, судороги и считаетъ себя жертвою ¹⁰³⁾. И такъ далѣе, и такъ безъ конца.

¹⁰¹⁾ Какъ примѣръ крайне ранняго пробужденія непропорціонально развитыхъ чувственныхъ влеченій можно привести случай, разсказанный д-мъ Raseri. Это мальчикъ, наблюдавшійся имъ въ туринскомъ исправительномъ заведеніи—La Generala. Съ двѣнадцати лѣтъ онъ началъ посѣщать женщинъ; въ 18 лѣтъ онъ бѣжалъ, укравъ у отца 3,000 лиръ, а у матери всѣ ея драгоценности, въ Триестъ съ одною женщиною, съ которой и сожительствовалъ, пока та его не бросила, проживъ и прокутивъ съ нимъ все украденное. См. Studio antropometrico e medico-legale su 120 giovani minorenni etc. Оттискъ изъ журнала Rivista Clinica, 1877, стр. 16.

¹⁰²⁾ Etudes cliniques, 168.

¹⁰³⁾ Эти выписки сдѣланы изъ документовъ швейцарской колоніи Serix близъ

III.

Соединительные первные пути и ихъ роль въ явленіяхъ душевной жизни человѣка.

Изъ основныхъ органическихъ условій на особенности явленій душевной жизни данного человѣка, можетъ быть, не менѣе важное вліяніе, сравнительно съ соотносительнымъ развитіемъ различныхъ нервныхъ центровъ, оказываетъ и установленіе помощью постепенныхъ упражненій привычно проторенныхъ, а потому и легко проѣзжихъ соединительныхъ путей спинно-головного мозга. Ихъ совокупность, по замѣчанію проф. Меунерга, составляетъ основу «я» абстрактныхъ психологовъ, иначе говоря, составляетъ основу индивидуальности человѣка. Если соотносительное развитіе различныхъ нервныхъ центровъ опредѣляетъ, какіе органы будутъ сильнѣйшими и потому въ общей сложной жизни организма наиболѣе вліятельными, то установленіе бойко проѣзжихъ путей опредѣляетъ, въ какихъ именно комбинаціяхъ и въ какой послѣдовательности дѣятельности этихъ органовъ будутъ входить слагающими въ общее слитное цѣлое. Если составъ оркестра по инструментамъ и по искусству исполнителей придаетъ опредѣленный характеръ исполняемой пьесѣ, то, можетъ быть, не въ меньшей мѣрѣ придаютъ ей опредѣленный характеръ и различныя комбинаціи, и различная послѣдовательность въ дѣятельности составляющихъ оркестръ единицъ.

Я уже упоминалъ выше, что какъ отдѣльныя нервныя клѣтки, такъ и различныя первные центры спинно-головного мозга не представляются изолированными и стоящими внѣ связи другъ съ другомъ. Напротивъ, всѣ эти слагающія части нервной системы взаимно соединяются между собой связующими нервными волокнами ¹⁰¹⁾, или путями, которые и дѣлаютъ возможнымъ распространеніе нервныхъ возбужденій отъ однихъ нервныхъ элементовъ къ другимъ, съ ними связаннымъ. Подобно всѣмъ прочимъ путямъ, и пути нервные, въ качествѣ *проѣзжихъ* путей, не суть пути одного порядка. Нѣкоторые изъ нихъ еще только пути въ возможности, другіе—пути однажды пройденные, третьи—хотя и установлены, но еще мало наѣзжены, четвертые—пути вполне торные и т. д.

Огонъ. Можно бы привести множество другихъ такихъ же выписокъ, но и этихъ вполне достаточно, такъ какъ всѣ онѣ въ значительной мѣрѣ похожи другъ на друга.

¹⁰¹⁾ L'encéphale, 1887, I, Luys, „Structure du cerveau“, 23, 25, 27 и слѣд., 33 и сл., 38 и сл.

Эти особенности въ проходимости различныхъ нервныхъ путей, особенности, играющія, какъ увидимъ далѣе, столь важную роль во всѣхъ явленіяхъ жизни организма, вырабатываются подъ вліяніемъ упражненій, иначе говоря, подъ вліяніемъ большаго или меньшаго числа повтореній, устанавливающихъ приспособленіе. Нервная энергія, какъ и всякій видъ силы или, иначе говоря, какъ и всякій видъ движенія вообще, подчиняется общему для всѣхъ нихъ закону, по которому всякое движеніе и всегда распространяется въ направленіи наименьшаго сопротивленія и при этомъ распространеніи въ большей или меньшей мѣрѣ уничтожается и сглаживается на своемъ пути всѣ встрѣчающіяся препятствія. Вслѣдствіе этого разъ выбранный путь стремится стать путемъ постояннымъ, и съ каждымъ новымъ повтореніемъ дѣлается легчайшимъ и болѣе проходимымъ и по немъ стремятся распространяться возбужденія каждаго изъ мѣстъ, имъ соединяемыхъ ¹⁰⁵). Въмѣстѣ съ этимъ уменьшается и размѣръ внутренней работы, необходимой для устраненія сопротивленій распространяющимся по этому пути возбужденіямъ. Слѣдствія этого закона очевидны: 1) при количественно равныхъ стимулахъ, установленіе проторенныхъ проѣзжихъ путей усиливаетъ конечный эффектъ; 2) при равенствѣ результатовъ, онъ обусловливаетъ достаточность сравнительно слабѣйшаго стимула ¹⁰⁶). Мало того, привычные пути, какъ уже замѣчено выше, суть пути легчайшіе, по которымъ возбужденіе течетъ быстро и свободно, а потому оно прежде всего проскальзываетъ на нихъ и только за неимѣніемъ почему либо выхода въ этомъ

¹⁰⁵) Ribot приводитъ, напр., слѣдующій интересный случай, заимствованный изъ сочиненія Troussseau: *Leçons cliniques*, t. II, XLI, § 2. Одинъ музыкантъ, игравшій въ оркестрѣ и страдавшій эпилепсіей, часто быстро терялъ сознаніе во время игры. Это обстоятельство однако нисколько не мѣшало ему продолжать исполненіе начатой пьесы и выдерживать тактъ. Такимъ образомъ, не смотря на полное временное отпаденіе волевыхъ импульсовъ и сознательнаго руководства со стороны разсудочныхъ центровъ, возбужденіе продолжало правильно распространяться только по опредѣленнымъ нервнымъ путямъ, соединеннымъ долгимъ упражненіемъ какъ бы въ одинъ выводящій механизмъ, и автоматически, но безошибочно выполняло, при помощи прочно установленныхъ связей, крайне сложныя и правильно послѣдовательныя движенія. См. *Les maladies de la mémoire*, 9.

¹⁰⁶) У субъектовъ, уже нѣсколько разъ гипнотизированныхъ, въ противоположность съ лицами, подвергающимися гипнозу въ первый разъ, бываетъ уже достаточно самаго слабаго слухового или зрительнаго воздѣйствія, чтобы получить желанный результатъ—гипнотическое состояніе. См. Bottey, цитиров. сочин. 19, 31, 36.

направленіи переходить и на другіе. Д-ръ Kennedy рассказываетъ, напр., про себя слѣдующій интересный случай. Однажды онъ ѣхалъ съ поѣздомъ желѣзной дороги въ Дублинъ. Ночь была очень бурная и частичка горячаго угля вѣтромъ была занесена въ его глазъ. Пріѣхавъ рано утромъ на мѣсто, онъ немедленно отправился къ извѣстному окулисту д-ру Wilde, но нашелъ его глубоко спящимъ и никакъ не могъ его разбудить. Оклики, потряхиванія и пр.—одинаково были безуспѣшны, такъ что онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Но тутъ ему пришла удачная мысль затронуть непробудно спящаго съ наиболѣе доступной стороны. Онъ наклонился къ его уху и шепотомъ сказалъ: Wilde, въ моемъ глазу постороннее тѣло; я прошу васъ взять вашъ ланцетъ и удалить его; мой глазъ въ агоніи. Этого было вполне достаточно и эффектъ былъ быстръ. Wilde вскочилъ съ постели, немедленно взявъ свѣчу изъ рукъ д-ра Kennedy, усадилъ его въ кресло и быстро, но автоматически продолжалъ всѣ сложныя движенія операциі, даже, повидимому, не прійдя въ себя ¹⁰⁷).

Въ этомъ случаѣ, кромѣ указанія на значительно большую впечатлительность часто функционирующихъ нервныхъ территорій, мы имѣемъ и нѣчто другое. Въ то время, когда всѣ прочіе первыя пути, погруженные сномъ въ бездѣтельное состояніе, были еще не проходимы для притекашаго извне сравнительно слабаго раздраженія отъ органа слуха—привычные пути, связывавшіе территоріи, служившіе анатомическимъ субстратомъ часто приходившихъ въ дѣятельное состояніе представленій, съ нервно-двигательными центрами, уже были свободны для выхода наружу полученнаго возбужденія, которое немедленно на нихъ и проскользнуло и съ поразительною вѣрностью произвело цѣлый рядъ крайне сложныхъ и тонкихъ дѣйствій.

На этой-то легчайшей проводимости накатанныхъ нервныхъ путей, повидимому, и основывается привычность вообще. Многократныя повторенія однихъ и тѣхъ же движеній (въ широкомъ смыслѣ этого слова), причемъ съ каждымъ разомъ все болѣе накатываются проходимые нервные пути, составляющіеся изъ отдѣльныхъ частей нервной системы, связываютъ эти части въ одинъ общій, часто весьма сложный выводищій механизмъ, по которому и будутъ стремиться распространяться всѣ послѣдующія возбужденія соответствующихъ частей. Дѣятельность такихъ установившихся сложныхъ выводящихъ механизмовъ особенно удобно наблюдать у загипнотизированныхъ, у кото-

¹⁰⁷) См. Take: «Illustrations of the influence of the mind upon the body, I, 67 и сл.

рыхъ — что особенно интересно — начально можно затронуть конечный периферическій членъ механизма и тѣмъ самымъ искусственно вызвать воспроизведеніе всего процесса, но только въ обратномъ порядкѣ. Стоитъ, напримѣръ, придать рукамъ находящагося въ каталептическомъ состояніи положеніе напряженного отталкиванія, которое обыкновенно совершается при усиліяхъ устранить отъ себя что либо страшное, какъ лицо его въ свою очередь немедленно начинаетъ представлять выраженіе страха. Напротивъ, если приложить его руку къ губамъ такъ, какъ она прикладывается для воздушнаго поцѣлуя, то и выраженіе лица также немедленно измѣняется и становится смѣющимся и т. д. ¹⁰⁸⁾). Еще болѣе рельефно дѣятельность и вліяніе этихъ привычно ассоціированныхъ частей, упражненіями соединенныхъ въ одинъ общій весьма сложный выводящій механизмъ, наблюдались у извѣстнаго истеричнаго Louis V... ¹⁰⁹⁾, у котораго на ряду съ измѣненіями органическихъ состояній всегда быстро рѣзко и однообразно измѣнялась или, правильнѣе, преображалась и вся его психическая личность вообще: измѣнялось выраженіе лица, измѣнялись навыки, привычки, знанія и вообще всѣ умственно - нравственныя проявленія, и даже память и ея проявленія — воспоминанія, при такихъ измѣненіяхъ, всегда приурочивались, или, точнѣе, ограничивались опредѣленными по различными эпохами его жизни. Произведенныя изслѣдованія и опыты ясно показали, что «между психическими и тѣлесными состояніями существовало роковое соотвѣтствіе», и что раздраженіями опредѣленныхъ частей у него по произволу можно было вызывать рѣзкія и притомъ также всегда строго опредѣленныя измѣненія характера его психической личности. Такъ, напр., давленіемъ на сухожилья ноги и колѣна у него вызывались контрактуры нижнихъ конечностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно перемѣщались чувствующія и анестезированныя зоны, а также и сама его психическая личность немедленно рѣзко измѣнялась и какъ бы переносилась въ ту эпоху его жизни, когда ему было 15 лѣтъ и когда у него существовали тѣ же контрактуры. При этомъ его воспоминанія ограничивались исключительно только этимъ временемъ его жизни и онъ весь какъ бы перерождался. Раздраженіемъ другихъ областей вызывались и другія органическія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и психическія состоянія, сопровождавшіяся столь же рѣшительными измѣненіями въ содержаніи воспоминаній и во всемъ характерѣ. Изъ маленькаго ребенка Louis разомъ становился взрослымъ, переносился въ другую

¹⁰⁸⁾ Bottey, цитир. сочин., 40

¹⁰⁹⁾ Его начальная исторія рассказана и въ одной изъ моихъ статей «Психологическіе этюды», помѣщенной въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1885 г., № 4.

мѣстность (въ одну изъ тѣхъ, гдѣ онъ дѣйствительно былъ въ тотъ или другой періодъ своей жизни, искусственно теперь воспроизводимый субъективно) и пріобрѣталъ иныя проявленія: изъ вѣжливаго и робкаго онъ становился буйнымъ, надменнымъ, грубымъ и т. д. Такимъ образомъ, этими измѣненіями областей раздраженія можно было искусственно вызывать передъ зрителемъ послѣдовательное «развертываніе» личности и доставлять ему возможность прослѣдить въ короткое время всю жизнь Louis. Этимъ путемъ достигли того, что «возстановили всю книгу его жизни» «многочисленные листы которой были не только стерты, но и изорваны», и познакомились «день за день съ фазами этого достаточно бурнаго существованія». Благодаря дѣятельности прочно ассоціировавшихся выводящихъ механизмовъ, Louis въ рукахъ экспериментатора представлялъ собою какъ бы машину, которая при нажатіи той или другой ея части повторяла всегда одну и ту же исторію, исторію того или другаго строго опредѣленнаго періода ея существованія ¹¹⁰⁾.

Проложеніемъ проторенныхъ проѣзжихъ нервныхъ путей обуславливается, какъ это не трудно видѣть даже и изъ всего предшествующаго, не только привычность простыхъ и сложныхъ движеній, но также привычность и образа мыслей, привычность тѣхъ или другихъ душевныхъ волненій и проч. «Каждая страсть, каждый капризъ, даже каждая причуда и порча, замѣчаетъ Maudsley, дѣлають болѣе легкимъ другой шагъ въ томъ же направленіи. Что личность сѣсть однажды—будь оно дурно или хорошо—плоды того она соберетъ позднѣе» ¹¹¹⁾. «То, что часто дѣлають, становится потребностью и эта потребность будетъ впослѣдствіи получать свое удовлетвореніе уже безъ всякаго вмѣшательства мысли, какъ бы актомъ рефлекса» ¹¹²⁾. Всѣмъ, конечно, извѣстно, какое важное значеніе въ каждомъ дѣлѣ имѣетъ начало и начальные приемы: ими впервые прокладываются выводящіе пути и тѣмъ самымъ закладываются начала привычекъ,

¹¹⁰⁾ Verjon, цитиров. сочинен., 58 и сл.; интересна вся книга. Очевидно, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ раздраженіе отъ опредѣленныхъ областей всегда распространялось въ одномъ установившемся направленіи, и всегда проходило притомъ только по строго опредѣленнымъ частямъ психофизическаго механизма и притомъ въ опредѣленномъ направленіи и порядкѣ, что придаетъ всему процессу особый характеръ автоматичности. «Когда Braid», замѣчаетъ д-ръ Maudsley, «придавая тѣлу соотвѣтствующія положенія, вызывалъ въ умѣ гипнотизированныхъ имъ опредѣленные идеи, ассоціированныя съ этими положеніями, то онъ тѣмъ самымъ, при посредствѣ мускульныхъ актовъ, вызывалъ душевныя состоянія, съ ними связанныя». *La pathologie de l'esprit*, 41.

¹¹¹⁾ Цитирован. сочиненіе, 240.

которые будутъ стремиться къ повтореніямъ и къ установленію шаблонности дѣйствій. При ближайшемъ наблюденіи всегда не трудно подмѣтить, что все въ психо-физической жизни организма, начиная отъ мельчайшихъ и до высшихъ ея проявленій, по большей части, регулируется привычностью какъ пріобрѣтенной, такъ и унаслѣдованной, часто еще отъ далекихъ восходящихъ предковъ. Органическіе процессы, разнообразныя представленія (зрительныя, слуховыя, осязательныя и пр.) различныя душевныя волненія и состоянія, многократно повторяясь другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ, органически (проторенными нервными путями) связываются между собой, а потому при возникновеніи, вслѣдствіе какихъ либо причинъ, одного члена ряда стремятся возникнуть и всѣ остальные, иначе говоря, возбужденіе отъ одного члена по установившимся привычнымъ путямъ стремится распространиться и на другіе ¹¹²). Особенно удобно наблюдается это, напр., у эпилептиковъ во время ихъ приступовъ, когда сознаніе, за временнымъ отпаденіемъ высшихъ разсудочныхъ центровъ, у нихъ отсутствуетъ и на сцену выступаетъ дѣятельность центровъ низшаго порядка. Въ эти періоды у нихъ съ удивительнымъ однообразіемъ повторяются даже мельчайшіе особенности ихъ припадковъ. «Устанавливается нѣкотораго рода привычка, замѣчаетъ о нихъ д-ръ Voisin, вслѣдствіе которой такой-то индивидуумъ всегда будетъ ощущать одну и ту же ауру (аурами называются тѣ крайне своеобразныя и разнообразныя ощущенія, которыя являются обыкновенно предвѣстниками эпилептического приступа), всегда будетъ испускать крикъ и притомъ одинъ и тотъ же крикъ, всегда будетъ падать однимъ и тѣмъ же мѣстомъ тѣла, лбомъ, затылкомъ и т. д., будетъ повреждать себя однимъ и тѣмъ же образомъ, всегда будетъ представлять тѣ же самыя конвульсивныя движенія, будетъ закусывать себѣ языкъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, будетъ вывихивать

¹¹²) Krauss: «Die Psychologie des Verbrechens», 210.

¹¹³) Въ первомъ выпускѣ этой работы я уже приводилъ случай, рассказанный James Paget, который наблюдалъ у одной своей пациентки особый способъ краснѣнія: сначала появилось густое красное пятно на щекѣ и уже за нимъ только слѣдовали другія пятна на самомъ лицѣ и на затылочной части шеи. На вопросъ, обращенный къ матери дѣвушки, послѣдняя отвѣтила, что этотъ способъ краснѣнія унаслѣдованъ дочерью отъ нея, причемъ и сама покраснѣла именно также. См. Beard: «Die Nervenschwache», 44. Въ этомъ случаѣ зрительныя и слуховыя раздраженія, вызывающія краску стыда, очевидно, всегда переходили и распространялись по вазомоторнымъ нервамъ въ одномъ и томъ же издавна установившемся и привычномъ порядкѣ и направленіи.

себѣ одно и то же плечо и всегда будетъ охватываться бредомъ послѣ приступа» ¹¹⁴⁾. Max Simon рассказываетъ, напр., про одну очень образованную молодую особу, страдавшую эпилепсіей, которая во время приступовъ сначала произносила нѣсколько всегда однихъ и тѣхъ же любострастныхъ словъ, потомъ поднимала свои юбки, дѣлала циническіе жесты и старалась разорвать носимыя ею глухіе панталоны ¹¹⁵⁾. И все это однообразно повторялось при каждомъ приступѣ, во время которыхъ раздраженіе отъ внутреннихъ стимуловъ, очевидно, распространялось по привычнымъ путямъ въ строго опредѣленномъ направленіи и послѣдовательности и на строго опредѣленные центры, причемъ, послѣдніе, при наличности безсознательнаго состоянія, начинали функционировать автоматически.

Д-ръ Legrand du Saulle также рассказываетъ про одного эпилептика, осужденнаго на казнь за убійство, нѣкоего Lescouff, который *всегда* видѣлъ пламя передъ глазами, когда ему противорѣчили. И въ этомъ случаѣ между центрами волненій (эмоцій), которыми обыкновенно сопровождаются раздраженія отъ противорѣчій у людей раздражительныхъ, каковы эпилептики, и зрительными сферами, повидимому, установился проторенный проѣзжій путь, вслѣдствіе чего возбужденіе отъ первыхъ всегда легко переходило по этому пути и на вторыя и раздраженіемъ ихъ вызывало субъективныя видѣнія пламени ¹¹⁶⁾.

¹¹⁴⁾ Leçons clin. sur les malad. ment. 578; см. также цитир. сочин. Max-Simon'a, 183.

¹¹⁵⁾ Max Simon, цитир. сочин. 220.

¹¹⁶⁾ La folie devant les tribunaux, 418 и 419. Одна изъ больныхъ Legrand du Saulle сказала, уходя отъ него: «у васъ на этомъ столѣ 44 тома, а на васъ жилетъ съ 7 пуговицами. Извините, *это невольна*, но необходимо чтобы я считала». Переводя это объясненіе на другой языкъ, мы, повидимому, можемъ сказать, что и въ этомъ случаѣ возбужденіе, вызывавшееся видомъ нѣсколькихъ однородныхъ предметовъ, по установившимся протореннымъ путямъ противъ воли, иначе говоря въ противность усиліямъ соотносительно ослабленныхъ направляющихъ центровъ, легко проскальзывало по этимъ путямъ на нервныя центры, функционирующіе при счетѣ и автоматически приводило ихъ въ дѣятельное состояніе, см. Saury «Folie Héréditaire», 87. Чѣмъ начально обуславливалось въ данномъ случаѣ установленіе легко проходящихъ путей отъ однихъ центровъ къ другимъ — сказать, конечно, трудно. Установленіемъ проторенныхъ проѣзжихъ путей между извѣстными идейными территориями и нѣкоторыми отдѣлами вазомоторовъ Tuke въ значительной мѣрѣ объясняетъ также явленія, наблюдавшіяся у извѣстной истеричной стигматизованной Louise Lateau, у которой въ дни страданія Христа черезъ кожу сочилась кровь на соответствующихъ ранамъ мѣстахъ. См. цитирован. уже сочиненіе, 126.

Особенно важное вліяніе на психическія проявленія и характеръ личности можетъ оказывать установленіе проторенныхъ нервныхъ путей между тѣми или другими ощущеніями, впечатлѣніями и представленіями, съ одной стороны, и центрами душевныхъ волненій или эмоцій — съ другой. Всякое ощущеніе и всякое представленіе, пока къ нимъ не присоединилась болѣе или менѣе значительная доля волненія, остаются на степени спокойныхъ душевныхъ состояній, легко поддающихся задерживающему и направляющему вліянію высшихъ разсудочныхъ центровъ. Напротивъ, присоединяющееся къ нимъ болѣе или менѣе сильное волненіе придаетъ всему процессу неспокойный характеръ, значительно повышенную напряженность и стремленіе разряжаться въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, часто необдуманныхъ и даже безразсудныхъ. Душевные волненія, присоединяющіяся къ актамъ ощущенія или мысли, ослабляютъ, такимъ образомъ, управляющую власть высшихъ центровъ и наряду съ этимъ увеличиваютъ силу центровъ низшихъ и подчиненныхъ, а потому понижаютъ, а иногда даже парализуютъ волевые процессы и легко могутъ породить неудержимыя стремленія къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ. Во время волненій съ наибольшою силой выступаютъ обыкновенно особенности прирожденной инстинктивной природы — наслѣдіе опытовъ цѣлаго ряда восходящихъ поколѣній — почему въ такіе моменты всего яснѣе и наблюдаются дѣйствительныя качества того, что называютъ «натурой человѣка». Присоединяющаяся къ тому или другому процессу ощущеній или мыслей большая или меньшая возбужденность придаетъ ему субъективно характеръ болѣе или менѣе напряженной желательности въ томъ или другомъ направленіи, легко подкупаетъ сужденія, какъ то инстинктивно подсказываетъ благопріятствующіе и оправдывающіе доводы, иногда же временно (именно въ моментъ рѣшимости) задерживаетъ возникновеніе контрастирующихъ представленій и связанныхъ съ ними чувствъ, и такимъ образомъ, маскируетъ или даже совсѣмъ затемняетъ тогда истинный смыслъ и значеніе желаемого и предпринимаемого. Благодаря, повидимому, этому то въ большей или меньшей степени всегда присоединяющемуся элементу, у многихъ наслѣдственно и приобрѣтенно столь чувствительному, низшія влеченія часто и оказываютъ столь могущественное, непреодолимое вліяніе на рѣшеніе человѣка, на его дѣйствія и на всю его дѣятельность.

Слѣдующее наблюденіе можетъ послужить намъ прекраснымъ примѣромъ для выясненія значенія того механизма, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Правда, это случай нѣсколько болѣзненный, случай порожденный процессомъ наслѣдственного физическаго, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и психическаго вырожденія, но это нисколько не мѣшаетъ ему быть весьма демонстративнымъ и для соответствующихъ явленій жизни болѣе нормальныхъ и уравновѣшенныхъ людей. Передавая его, мы заглянемъ прежде всего въ наслѣдственность, которая окрашиваетъ судьбы потомства и которая отчасти уже напередъ знакомитъ насъ съ его обликомъ.

Отецъ дѣйствующей личности М... былъ человѣкъ *лимфатическаго темперамента и нервннтельнаго характера*. Ея мать была всегда *нервозна, раздражительна и крайне вспыльчива* (легкая возбудимость центровъ волненій); склонная къ приливамъ крови, она страдала обыкновенно головными болями и различными невралгіями. Во время беременности интересующей насъ дочерью М... она испытывала—что особенно нужно подчеркнуть—сильныя нравственныя потрясенія, которыя должны были истощать и безъ того ея достаточно истощенную нервную систему.

Одна изъ тетокъ М... съ материнской стороны была меланхолична и гипохондрична, она забросила всѣ свои дѣла и вполнѣ изолировалась.

Этими данными наслѣдственности обликъ личности интересующей насъ М... уже въ значительной мѣрѣ опредѣляется. Нетрудно предвидѣть, что могъ дать брачный союзъ лицъ, подобныхъ родителямъ М..., особенно при столь неблагопріятныхъ условіяхъ для утробнаго развитія послѣдней.

И дѣйствительно, психофизическія качества М... представлялись въ значительной мѣрѣ соответствующими наслѣдственнымъ факторамъ. М. была слабаго сложенія и весьма золотушна (лимфатическій темпераментъ отца и слабый въ нервномъ отношеніи темпераментъ ея матери); она также представляла нѣкоторые наружные признаки вырожденія и, подобно своей матери, часто страдала мигренями, различными невралгіями и сердцебіеніями (очевидно, усиленная нервная раздражительность сердца), ея менструаціи были неправильны (очень важное обстоятельство). Въ дѣтствѣ она была довольно жива, рѣзва и весела, хотя всегда имѣла наклонность къ мнительности и озабоченности всякими пустяками (здѣсь не мѣшаетъ припомнить нерѣшимость отца, нравственныя потрясенія матери во время беременности и наклонность тетки, родной сестры ея матери, къ меланхоличности и гипохондричности). Въ періодъ полового развитія, особенно къ 16 годамъ, характеръ М... значительно измѣнился и у нея стали появляться волненія страха, но страха безотчетнаго (по видимому, какіе то внутренніе раздражители стали вліять на впечат-

лительные центры эмоцій). Эти волненія пока оставались однако обособленными, происходили отъ какихъ то внутреннихъ причинъ и еще не связывались ни съ какими впечатлѣніями и ихъ продуктами—тѣми или другими представленіями. Они лишь являлись состояніями готовыми, даже ищущими, если можно такъ выразиться, вступать въ такую связь. И дѣйствительно, М... инстинктивно какъ бы придира-лась ко всякому случаю и всякій пустякъ печалилъ ее и *уже парализоваль свободу ея разсудка*. Она на все рѣшалась медленно, постоянно колебалась (припомнимъ отца) и приходила въ волненіе. Но все это было лишь подготовительной стадіей и хотя составные элементы были уже на лицо, но самыя связи еще не были установлены. Последнее однако не замедлило случиться. Однажды, когда послѣ выкидыша М... была въ постели, разбился съ трескомъ пузырекъ съ лѣкарствомъ. Этого, повидимому, незначительнаго обстоятельства на подготовленной почвѣ оказалось вполне достаточно и съ нервно-впечатлительной М. сдѣлался припадокъ общей дрожи, при чемъ она испытала во всемъ тѣлѣ ощущеніе вонзившихся осколковъ стекла. Съ этихъ поръ не только видъ разбитыхъ стеколъ, но и представление о нихъ уже повергало ее въ состояніе ужаса (очевидно, что между территоріями опредѣленныхъ представлений и центрами моцій-установился проторенный проѣзжій путь и возбужденіе стало легко перескакивать по немъ съ однихъ на другіе). Спустя нѣсколько времени, вслѣдствіе какого то обстоятельства (вѣроятно, по нѣкоторому сходству идей), ужасъ сталъ возбуждаться и представленіемъ о стеклярусѣ. Въ первое время по установленіи описанныхъ ассоціацій, М... еще оставалась въ нѣкоторыхъ границахъ, продолжала заниматься своимъ хозяйствомъ и пользовалась относительнымъ спокойствіемъ. Но вотъ послѣдовала новая беременность и новые роды (подѣйствовавшіе конечно ослабляюще и на безъ того уже ослабленную организацію) и у М... послѣ нихъ къ поводамъ ея прежнихъ страховъ присоединились новые — боязнь иголокъ, булавокъ и острыхъ предметовъ. Стоило только М... увидѣть иголку, булавку или разбитое стекло, какъ легко вызываемое у нея возбужденіе, по установившимся и легко проходимымъ путямъ, устремлялось къ центрамъ волненій и ее охватывалъ ужасъ: ея лицо сначала блѣднѣло, потомъ краснѣло, на тѣлѣ выступалъ холодный потъ, пульсъ становился малымъ и частымъ, а сердце начинало безпокойно биться. Затѣмъ слѣдовалъ плачь, крики, вздохи и состояніе крайней ажитаціи, длившееся иногда нѣсколько часовъ и только потомъ смѣнявшееся относительнымъ спокойствіемъ, сопровождавшимся однако головными бо-

лями, сердцебіеніемъ и ощущеніями *уколовъ во всея тѣла*, до половыхъ органовъ включительно.

Вслѣдствіе этихъ страховъ, М. начала старательно уединяться. Она ясно сознавала свое положеніе и была вполне разсудительна; она и сама желала бы излѣчиться, но была безсильна противъ своихъ страховъ. По ея словамъ, она охотно бы развлекалась и посѣщала театры, собранія и пр., но боится, что тамъ можетъ увидать одинъ изъ пугающихъ ее предметовъ и тогда она уже болѣе не властна въ себѣ, потому что—замѣчу я—возбужденіе по протореннымъ путямъ легко и свободно проскользнетъ отъ привычныхъ слѣдовъ къ нервнымъ механизмамъ волненій и тогда ея психическое существо неминуемо всколышется противъ ея воли до самыхъ его основаній¹¹⁷⁾.

Выше я имѣлъ уже случай замѣтить, что приведенное наблюденіе весьма демонстративно и для выясненія механизма множества соотвѣтствующихъ явленій въ жизни болѣе нормальныхъ и уравновѣшенныхъ людей. Приведу, какъ подтверждающій примѣръ, рассказъ проф. Mosso, объ одномъ старомъ солдатѣ, который на его вопросъ, чего онъ болѣе всего боялся въ своей жизни, отвѣтилъ ему: «Мнѣ уже 70 лѣтъ и я глядѣлъ въ лицо смерти безчисленное число разъ и ни при какой опасности не терялъ присутствія духа. Но когда я прохожу мимо стоящей въ тѣни лѣса маленькой церкви или около уединенной церкви въ горахъ, то я всегда вспоминаю заброшенную часовню моей деревни и тогда чувствую страхъ; я осматриваюсь кругомъ, какъ будто я долженъ увидѣть трупъ зарѣзаннаго человѣка, который я видѣлъ, когда еще былъ ребенкомъ, и съ которымъ для моего усмиренія хотѣла меня запереть одна старая служанка»¹¹⁸⁾. Прошли года, десятки лѣтъ, а глубокій слѣдъ остался, и совмѣстно вызванныя и ассоціировавшіяся состоянія,—впечатлѣніе отъ часовни

117) См. Saugy, цитированное сочинен., 83 и сл. Сходный случай рассказываетъ Trelat. Нѣкто г-жа У., еще будучи молодой дѣвушкой, испытывала приступы безотчетной тоски и столь же безотчетнаго страха. Во время первой беременности это прежде безотчетное волненіе страха, вслѣдствіе какихъ-то неизвестныхъ обстоятельствъ, ассоціировалось съ нелѣпою мыслію о возможности отравленія въ стиркѣ ея бѣлья. Съ этихъ поръ г-жа У., въ другихъ отношеніяхъ, повидимому, вполне логичная женщина, стала отдавать все свое время, не исключая отчасти и ночи, утомительной работѣ постоянного перебирания своего бѣлья и платья, что поглотило все ея время и все ея силы и сосредоточило на себѣ весь ея интересъ. «La folie lucide», 23 и сл. Весьма можетъ быть, что отчасти сходный механизмъ лежитъ и въ основѣ многихъ другихъ странныхъ побужденій, волненій и страховъ у нервныхъ людей.

118) La peur, 142.

и трупа мертвеца и волненія страха—по прежнему сохранили свою связь, такъ что возбужденіе по привычнымъ путямъ отъ одного слѣда легко проскальзываетъ и къ другому, вызывая неодолимый страхъ, который ни доводы ума, ни привычное присутствіе духа задержать и поборотъ не могутъ.

И случаевъ подобныхъ твердыхъ ассоціацій различныхъ душевныхъ волненій и чувствъ съ различными ощущеніями и представленіями, особенно установленныхъ въ добрую пору крайне воспріимчиваго ранняго дѣтства и отрочества, ассоціацій, часто оказывающихъ самое рѣшительное вліяніе на поступки и всю дѣятельность вообще, въ жизни каждаго при ближайшемъ наблюденіи найдется не мало и ими объясняется многое множество на первый взглядъ странныхъ, загадочныхъ, а часто и роковыхъ влеченій, привычекъ и комбинацій чувствъ.

Не менѣе важную роль въ экономіи душевной жизни человѣка играетъ, повидимому, установленіе проторенныхъ проѣзжихъ нервныхъ путей и зависящее отъ того сравнительно легкое проскакиваніе и распространеніе получаемыхъ возбужденій на системы иннерваціи тѣхъ или другихъ внутреннихъ органовъ. Ниже, говоря о чувствительности, мы увидимъ, что каждая часть организма, не исключая и внутренностей, имѣетъ свою, только ей свойственную, болѣе или менѣе яркую чувствительность, которая входитъ составною частью въ общее чувство и соотвѣтственно своей количественной сторонѣ принимаетъ большее или меньшее участіе въ окраскѣ сложнаго тона настроенія, которое въ значительной мѣрѣ какъ бы подсказываетъ содержаніе мыслительныхъ процессовъ и могущественно опредѣляетъ характеръ отношеній человѣка ко всему окружающему. Болѣе легкое, привычно установившееся проскакиваніе возбужденій, порождаемыхъ тѣми или другими внѣшними импульсами на системы иннерваціи тѣхъ или другихъ внутренностей, повышаетъ возбужденность послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ чувствительность, которая вслѣдствіе того начинаетъ сильнѣе звучать въ общемъ тонѣ общаго сложнаго чувства, начинаетъ громче и авторитетнѣе подавать свой голосъ и стремиться опредѣлять человѣка къ тому, а не другому способу реакціи на послѣдовавшія раздраженія. Этими то спеціальными тонами, повидимому, и придаются особые оттѣнки субъективнымъ состояніямъ по различнымъ индивидуумамъ. Кому не приходилось видѣть, какъ сильно дѣйствующія событія одновременно, но различно воспринимаются различными лицами и заставляютъ громко звучать въ нихъ и различныя органическія струны: въ одномъ немедля заговариваетъ инстинктъ самосохраненія и онъ начинаетъ думать и беспокоиться только о собствен-

ныхъ интересахъ, въ другомъ, напротивъ, пробуждается чувство благожелательности къ людямъ и мысль о себѣ отходить на задній планъ; одинъ злорадствуетъ, другой печалится, тогда какъ третій приходитъ въ какое то восторженное состояніе и т. д. Въ чемъ же, спрашивается, кроется ближайшая причина всѣхъ этихъ различій въ окраскѣ немедленной, непосредственной реакціи на послѣдовавшее тождественное виѣшнее впечатлѣніе или рядъ ихъ? Очевидно, въ тѣхъ различіяхъ чувствъ и настроеній, которыя прежде всякихъ обдумываній охватили всѣхъ этихъ людей отъ послѣдовавшаго извнѣ толчка, заставившаго сильнѣе зазвучать вибрирующія въ нихъ органическія струны, а такими, какъ увидимъ далѣе, повидимому, и являются системы иннерваціи различныхъ болѣе или менѣе развитыхъ внутреннихъ органовъ. Часто весьма странныя, а иногда и вполне извращенныя органическія тонаціи послѣднихъ, ассоціированныя путемъ унаслѣдованнаго или пріобрѣтеннаго опыта съ тѣми или другими представленіями, повидимому, играютъ чрезвычайно важную роль во всей экономіи душевной жизни и болѣе или менѣе часто — смотря по индивидуумамъ — врываются сильной волной въ обычно спокойные процессы интеллектуальной жизни, нарушаютъ ихъ правильное теченіе, и придаютъ имъ особую и всегда крайне своеобразную окраску, а также и склонность сравнительно быстро переходить въ соотвѣтствующую дѣятельность. Въ сферѣ преступленія мы часто встрѣчаемся съ такими странными, а иногда и извращенными тонаціями, и онѣ тяжелыми гирями падаютъ на вѣсы, опредѣляющіе дѣятельность. Ими же, главнымъ образомъ, повидимому, и обусловливается та родственная психическая связь, которая соединяетъ область преступленія и область душевной болѣзни, не сливая, однако, вообще обѣ области въ одно нераздѣльное цѣлое: сильно, хотя неустойчиво и неправильно тонирующая внутренняя сфера съ ея своеобразными звуками, является, повидимому, общей особенностью той и другой группы явленій. Что у сравнительно правильно развитаго и достаточно хорошо уравновѣшаннаго человѣка наблюдается только въ исключительныя минуты сильныхъ потрясеній, когда воспринятый толчекъ отдается во всѣ стороны и заставляетъ усиленно вибрировать всѣ органическія струны, — то у натуръ съ раздражительными системами иннерваціи различныхъ внутреннихъ органовъ наблюдается какъ болѣе обыденное и постоянное явленіе. Стоитъ, напр., повнимательнѣе прислушаться къ описаніямъ душевно-больными ихъ внутреннихъ состояній, чтобы понять рѣшающее значеніе такихъ сильныхъ, а часто и извращенныхъ тонацій. Припомнимъ также извѣстнаго убійцу Philippp'a, который, говоря объ

убійствахъ своихъ любовницъ, поясняя: «Я очень люблю женщинъ и расправляюсь съ ними хорошо; я ихъ душу и перерѣзаю имъ горло» ¹¹⁹). Упомяну и о другомъ случаѣ одного отличавшагося безнравственностью отравителя, который, будучи уволенъ хозяевами за свое дурное поведеніе, подъ вліяніемъ однихъ лишь подозрѣній напряженно *возненазидплъ* своихъ товарищей «непримиримую ненавистью», какъ выразился онъ самъ, и рѣшился отмстить имъ, «хотя бы черезъ 20 лѣтъ». Плодомъ такой тонаціи въ его настроеніи, вызванномъ извѣстнымъ внѣшнимъ событіемъ, было покушеніе на отравленіе одного рабочаго и, повидимому, два дѣйствительныхъ отравленія — жены и другаго рабочаго, умершихъ со всѣми признаками отравы. Осужденный на вѣчныя каторжныя работы онъ нанесъ себѣ, но только не вслѣдствіе сожалѣній и раскаянія, рану въ животъ, говоря, что предпочелъ бы казнь назначенному наказанію ¹²⁰). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ особыми органическими тонаціями въ настроеніи, которыя обычно не звучатъ у другихъ людей, не подсказываютъ имъ и не наталкиваютъ ихъ на такія безобразныя и кровожадныя дѣйствія, очевидно находящіяся въ полномъ соотвѣтствіи съ господствующими особыми органическими тонами, звучащими въ данныхъ случаяхъ. Только ими, этими органическими тонами, съ различными источниками которыхъ мы познакомимся ниже, повидимому, и можетъ быть выяснена эта странная, какая то сладострастная кровожадность и эта «непримиримая ненависть», не знающая границъ и во времени. Впрочемъ, здѣсь я только вскользь касаюсь этого интереснаго вопроса, который гораздо болѣе выяснится намъ въ главѣ о чувствительности и въ другихъ послѣдующихъ за нею главахъ.

Проложеніе проторенныхъ проѣзжихъ нервныхъ путей не совершается, какъ уже замѣчено выше, только въ теченіе жизни даннаго индивида; нѣтъ, оно въ значительно большей степени представляетъ собою результатъ былого-прошлаго. Человѣкъ наследуетъ отъ множества рядовъ своихъ восходящихъ поколѣній не только большую или

¹¹⁹) Этотъ случай разсказанъ на 71 стр. перваго выпуска этой работы. Такая кровожадная, отщепенная какимъ то злобымъ наслажденіемъ тонація въ настроеніи, при мысли объ убійствѣ, конечно, можетъ зазвучать иногда при сильномъ потрясеніи (напр., при очень усиленно чѣмъ либо возбужденной ревности) и у нѣсколько болѣе правильно уравновѣшеннаго человѣка, но у него она будетъ исключительнымъ состояніемъ временно бурно всколыхнутой страсти, тогда какъ у этого выроodka она звучитъ обыденно и почти постоянно.

¹²⁰) Despine: «Psychol. natur.». II, 340 и слѣд.

меньшую степень развитія тѣхъ или другихъ нервныхъ центровъ, — степень, постепенно вырабатывавшуюся повседневными жизненными опытами этихъ поколѣній, — но также наследуетъ и въ значительной мѣрѣ уже готовыя системы выводящихъ и связующихъ нервныхъ путей, многообразно ассоциирующихъ различные нервные центры, возбужденіе которыхъ и служить физиологическою подкладкой различныхъ душевныхъ состояній. «Даже поверхностное наблюденіе души ребенка, если его способности развиты воспитаніемъ, показываетъ намъ, чѣмъ онъ обязанъ наследственности», справедливо замѣчаетъ Maudsley. «Посмотрите, какъ скоро выучиваетъ европейскій ребенокъ то, на обученіе чему онъ употребилъ бы многіе года — достигни онъ даже того — если бы его конституція не обладала благами культуръ вѣковъ минувшихъ, и если бы онъ не представлялъ собою, такъ сказать, квинтъ-эссенціи ихъ. Подобно тому, какъ онъ наследуетъ мускулы, приспособленные къ нѣкоторымъ особымъ движеніямъ, которыя вслѣдствіе того онъ легко можетъ выполнять послѣ немногихъ упражненій, точно также наследуетъ онъ въ своемъ мозгу и нервные субстраты, представляющіе собою приобрѣтеніе цивилизаціи его расы и послѣ немногихъ упражненій могущіе поражать функціи, обусловленныя постепеннымъ развитіемъ расы путемъ жизненныхъ опытовъ изъ году въ годъ» ¹²¹⁾).

Чтобы лучше познакомиться съ интересующимъ насъ теперь явленіемъ унаслѣдованія, приведу здѣсь нѣсколько демонстративныхъ примѣровъ.

Дарвинъ передаетъ, напр., словами Гальтона, слѣдующій интересный случай. «Жена одного весьма хорошо поставленнаго джентельмена замѣтила у него чрезвычайно странную привычку, проявлявшуюся, когда онъ спалъ въ кровати на спинѣ; именно, онъ поднималъ медленно правую руку передъ лицомъ, приблизительно насупротивъ лба, и затѣмъ опускалъ и бросалъ ее съ силою, такъ что кисть руки тяжело падала на переносицу. Движеніе это повторялось не каждую ночь, и не стояло ни въ какой видимой зависимости отъ какихъ либо извѣстныхъ обстоятельствъ. Иногда движеніе повторялось непрерывно въ теченіе цѣлаго часа и даже больше. Носъ у этого господина былъ довольно выдающійся и на переносицѣ отъ частыхъ ударовъ появилась ранка».

«Много лѣтъ спустя послѣ его смерти, сынъ его женился на дѣвушкѣ, никогда не слышавшей объ этой семейной привычкѣ. Она

¹²¹⁾ La pathologie de l'esprit, 95.

однако скоро замѣтила какъ разъ тѣ же привычку у своего мужа». «Движеніе это никогда не случается при дремотѣ, напр., когда онъ дремлетъ въ креслѣ, но едва онъ заснетъ крѣпко, какъ движеніе можетъ повториться. Привычка эта у него также перемежающаяся, какъ у его отца, то прекращается иногда на нѣсколько ночей, а иногда повторяется каждую ночь. Движеніе производится правою рукою, какъ и у его отца».

«Одна изъ его дѣвочекъ (внучка перваго) наслѣдовала ту же привычку. Она производитъ то же движеніе правою рукою, однако въ слегка измѣненной формѣ: именно, поднявши руку, она не даетъ кисти упасть на переносицу, но ладонь ея полусжатой руки падаетъ косо на носъ и скользитъ по немъ внизъ очень быстро. Привычка эта очень прерывиста у этой дѣвочки, исчезая иногда на нѣсколько мѣсяцевъ, но затѣмъ повторяясь почти непрерывно» ¹²²⁾.

Таковъ фактъ. Въ немъ передъ нами въ теченіе по меньшей мѣрѣ трехъ поколѣній устойчиво передающаяся привычка—почти какой-то инстинктъ, въ основѣ котораго, очевидно, лежитъ унаслѣдованіе цѣлаго сложнаго выводящаго механизма, по которому, вслѣдствіе его устойчивой привычности, постоянно, хотя и съ странными перемежками, распространяется во время сна возбужденіе, идущее отъ какого-то центра и однообразно выполняющее довольно сложное движеніе.

Въ сочиненіи Ribot мы находимъ еще болѣе интересный примѣръ унаслѣдованія нервно-психической ассоціаціи, заимствованный имъ изъ сочиненія Gratiolet: «Anatomie comparée du système nerveux». Въ этомъ послѣднемъ Gratiolet рассказываетъ про одну маленькую собачку, у которой кусокъ старой кожи волка, вытертый до самой кожи, своимъ ослабѣвшимъ запахомъ всегда вызывалъ ужасъ, сопровождавшійся конвульсіями. «Маленькая собачка», замѣчаетъ по этому поводу Ribot, «никогда не видала волка; какъ же объяснить тотъ ужасъ, если не наслѣдственной передачей нѣкоторыхъ чувствованій *связанными съ нѣкоторыми обонятельными воспріятіями*» ¹²³⁾?

¹²²⁾ О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. 8 прим. къ I глав., стр. 315 и сл.

¹²³⁾ L'hérédité psychologique, 51. Конечно, связанными передаются не самыя чувствованія и воспріятія, а тѣ нервные субстраты, функционированіемъ которыхъ они обуславливаются. «Возьмите двухъ совершенно сходныхъ охотничьихъ собакъ изъ одного помета», говоритъ проф. Мовзо, «водите одну изъ нихъ постоянно на охоту и оставляйте другую постоянно дома. Заставьте ихъ потомъ воспроизводиться и онѣ дадутъ вамъ два различныхъ рода, изъ которыхъ одинъ будетъ помогать человѣку подстергать дичь, а другой своимъ лаемъ будетъ

Не менѣе интересный примѣръ унаслѣдованія нервно-психическихъ ассоціацій мы находимъ рассказаннымъ и въ сочиненіи Descuret.

Нѣкто Charles C., человекъ весьма крѣпкаго сложенія, сдѣлался по причинѣ своей необычайной трусости забавой для своей деревни. Желая узнать, до чего можетъ простираться его трусливость, сосѣди заставили однажды его смотрѣть на голову мертвеца. Видъ послѣдней вызвалъ у несчастнаго труса столь сильное потрясеніе, что онъ тутъ же подвергся сильнѣйшему эпилептическому припадку и съ этихъ поръ сталъ страдать эпилепсіей. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ начала болѣзни, у него родились двѣ дочери, которыя обѣ унаслѣдовали его прирожденную пугливостъ. Въ 1814 г. одна изъ нихъ, кормившая въ то время ребенка, была такъ напугана казаками, занявшими деревню, что у нея сразу остановилось молоко, и она умерла черезъ 2 дня. Кормившаяся тогда ею дочь унаслѣдовала семейную особенность: она почти всегда имѣла холодную кожу и застывшія ноги. Менструаціи, появившіяся на 13 г., не смотря на ея сангвиническій темпераментъ, у нея почти всегда были неправильны, мало обильны и, вслѣдствіе постоянныхъ испуговъ, часто прекращались. Въ дальнѣйшій періодъ у нея появились скрофулы. Она сама рассказывала доктору, что не проходило дня, чтобы она не испытывала приступовъ сильнаго страха, который *«переворачивалъ ей внутренности»* и *леденилъ ее* даже во время самыхъ большихъ жаровъ: *шаги человека, поднимающагося къ ней по лѣстницѣ, порывъ вѣтра, трескъ мебели во время ночи и пр. были уже достаточны, чтобы привести ее въ состояніе ужаса* ¹²⁴).

Чтобы лучше отбѣнить то рѣшительное вліяніе, какое имѣетъ и можетъ имѣть въ жизни человека и во всей его дѣятельности установленіе привычно проторенныхъ проѣзжихъ нервныхъ путей между

извѣщать его о входящихъ въ домъ постороннихъ лицахъ. Можно быть вполне увѣреннымъ, что черезъ четыре или пять генерацій инстинкты будутъ глубоко измѣнены. Если черезъ десять лѣтъ взять, на примѣръ, по одному потомку каждаго изъ этихъ двухъ родовъ, происходящихъ отъ одной начальной отрасли, воспитать ихъ въ одномъ мѣстѣ и въ одинаковыхъ условіяхъ, вдали отъ всякаго грохота, и повести ихъ, когда они сдѣлаются большими, на лугъ, то при первомъ же ружейномъ выстрѣлѣ мы увидимъ, что потомокъ собакъ, дрессированныхъ для охоты, будетъ олядываться вокругъ себя, какъ бы ища птицу, тогда какъ другой убѣжитъ въ испугѣ». См. «La peur», 172. И въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть передъ собою цѣлый унаслѣдованный выходящій механизмъ или путь, слагающійся изъ многихъ прочно ассоціировавшихся отдѣльныхъ частей.

¹²⁴) Descuret: «La médecine des passions» II, 81 и сл.

отдѣльными территоріями его нервнаго механизма, я приведу здѣсь слѣдующій демонстративный случай, заимствованный мною у Charcot и Magnan'a.

Наблюдавшійся субъектъ, нѣкто М. L., 37 лѣтъ, крѣпкаго тѣлосложенія, происходитъ изъ весьма эксцентричной семьи. Его отецъ большой оригиналъ и человѣкъ весьма безпорядочный въ своихъ привычкахъ: онъ ѣстъ во всякое время дня, проводитъ ночи на пролетъ за чтеніемъ романовъ, часто выдается своими крайне странными поступками и нѣсколько разъ уже имѣлъ галлюцинаціи.

Сестра М. L., 38 лѣтъ, живетъ съ отцомъ; она никогда не имѣла влеченій къ браку и два раза отвѣчала отказомъ на очень выгодныя предложенія. Но будучи однажды въ театрѣ, она вдругъ почувствовала весьма сильное и странное желаніе выйти замужъ за одного очень стараго актера, игравшаго на сценѣ, котораго она вовсе не знала.

Братъ М. L., 32 лѣтъ, бывшій всегда крайне недисциплинированнымъ человѣкомъ (припомнимъ характеръ отца), пользуется цвѣтущимъ физическимъ здоровьемъ. Онъ учился мало и, испробовавъ нѣсколько профессій, кончилъ тѣмъ, что сдѣлался кучеромъ и женился на кухаркѣ.

Самъ М. L. всегда былъ прилеженъ, но учился съ трудомъ. Не имѣя достаточнаго образованія для какой либо либеральной профессіи, онъ въ теченіе жизни перемѣнилъ много занятій и такъ же, какъ и его отецъ, всегда отличался большими странностями. Онъ былъ очень тихій и конфузливый человѣкъ, всегда легко смущался и въ такихъ случаяхъ неразборчиво бормоталъ, и былъ рѣшительно неспособенъ писать что либо, разъ онъ замѣчалъ, что его наблюдаютъ (явленія, повидимому, указывающія на большую впечатлительность и неустойчивость вазомоторной иннервации и на протекающую отъ того легкость уклоненія въ распредѣленіи крови по работающимъ центрамъ).

Будучи пяти лѣтъ отъ роду, онъ спалъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ въ одной кровати съ однимъ своимъ родственникомъ, тридцатилѣтнимъ человѣкомъ. Въ этотъ періодъ времени онъ впервые почувствовалъ преждевременное половое возбужденіе и эрекцію, которыя наступали, какъ только онъ видѣлъ своего компаньона надѣвающимъ ночной колпакъ ¹²⁵⁾. Въ это же время онъ имѣлъ случаи видѣть раз-

¹²⁵⁾ Первоначальное возбужденіе повидимому и безъ того крайне впечатлительной половой системы ребенка, по всѣмъ вѣроятіямъ, и было вызвано раз-

дѣвающейся и старую служанку (этотъ фактъ наглядно показываетъ намъ, какъ надо быть осторожнымъ при наблюденіи за тѣмъ, что видятъ, слышать и воспринимаютъ дѣти); и вотъ, какъ только послѣдняя надѣвала на голову *ночной чепецъ*—онъ начиналъ чувствовать весьма сильное половое возбужденіе и немедленную эрекцію ¹²⁵). Позднѣе одно уже представленіе о морщинистой и старой служанкѣ въ ночномъ чепцѣ вызывало усиленное половое возбужденіе. Одинъ же видъ ночного чепца дѣйствовалъ слабо, но его прикосновеніе производило эрекцію, а иногда и истеченіе сѣмени. Напротивъ, онапизмъ, видъ голаго мужчины или женщины не дѣйствовали на него и онъ не искалъ ненормальныхъ сношеній. До 32 лѣтъ—времени его свадьбы—онъ оставался цѣломудреннымъ. Женился же онъ по любви на молодой и весьма красивой женщинѣ. Въ первую ночь онъ однако оказался безсиленъ. Во вторую—состояніе сначала было то же самое. Охваченный отчаяніемъ, онъ вызвалъ тогда въ своемъ умѣ знакомый образъ старой женщины въ ночномъ чепцѣ. Результатъ не заставилъ себя долго ждать и онъ выполнилъ свои супружескія обязанности.

Въ послѣдующей своей брачной жизни онъ также всегда былъ вынужденъ прибѣгать къ вызыванію въ своемъ воображеніи привычно излюбленнаго и прочно ассоціированнаго образа старой сморщенной женщины въ ночномъ чепцѣ, безъ чего онъ, молодой и любящій человекъ, оставался совсѣмъ безсиленъ.

Онъ скорбитъ, что долженъ профанировать любимую жену, но отдѣлаться отъ вліяній ранняго дѣтства онъ рѣшительно не можетъ. Изрѣдка онъ имѣетъ галлюцинаціи, начавшіяся еще съ десятилѣтняго возраста: онъ видитъ какое-то черное животное, которое хочетъ схватить за горло. По временамъ онъ ощущаетъ издавна начавшіяся у него приступы тоски и влеченіе къ самоубійству (въ первомъ вы-

драженіями отъ совмѣстнаго сна и прикосновеній. Повторившись нѣсколько разъ отъ непосредственныхъ раздраженій вслѣдъ за извѣстными обстоятельствами (различныя дѣйствія раздѣванія и укладыванія въ постель) возбужденіе, вслѣдствіе установившейся связи, стало уже возникать и съ наступленіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ, вѣроятно почему либо болѣе заинтересовавшихъ сопутствующихъ обстоятельствъ. Такова, повидимому, причина первой прочной ассоціаціи между впечатлѣніемъ отъ надѣванія ночного колпака и вспышками послѣдующаго полового возбужденія.

¹²⁶) Повидимому, и въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ только что указанный механизмъ явленія. Преждевременное половое возбужденіе, вызванное неосторожными раздраженіями, легко, но устойчиво соединяется съ одновременными и наиболѣе по чему-либо остановившими вниманіе впечатлѣніями.

пускъ этого труда я уже указывалъ на связь между влеченіемъ къ убійству, самоубійству и уклоненіями въ тонаціяхъ половой сферы) и иногда ему навязывается мысль удавиться, утопиться или отравиться, но онъ не чувствуетъ въ себѣ для этого достаточной храбрости. По временамъ его охватываютъ также различные неосновательные страхи ¹²⁷⁾).

Въ этомъ крайне интересномъ случаѣ мы, повидимому, имѣемъ передъ собою организацію съ нѣкоторыми унаслѣдованными уклоненіями въ тонаціяхъ могуче вліяющей половой нервной системы. Еще въ раннемъ дѣтствѣ нашего субъекта, вѣроятно, *подъ вліяніемъ неосторожно* допущенныхъ раздраженій, эта и безъ того крайне впечатлительная у него система преждевременно пробудилась, какъ это повидимому нерѣдко бываетъ у наслѣдственникововъ, къ усиленной дѣятельности, и вызванныя состоянія усиленнаго полового возбужденія случайно совпали при этомъ, какъ уже замѣчено выше, съ впечатлѣніями отъ ночнаго колпака и отъ лица старой, дурной и сморщенной женщины въ ночномъ чепцѣ. И вотъ эти впечатлѣнія, почему-то болѣе сосредоточившія на себѣ вниманіе во время сосуществованія съ ними возбужденнаго состоянія, оставили свои глубокіе слѣды; представляющіе матеріальные субстраты соответствующихъ представлений, и эти слѣды связались привычно протореннымъ проѣзжими путями съ центрами волненій, повышенно функціонирующихъ при возбужденіяхъ половой сферы, и съ самой системой половой иннервации. Съ этихъ поръ установленный путь, ставши постояннымъ, началъ оказывать рѣшительное вліяніе на важную сферу отношеній въ жизни субъекта: только образъ сморщенной и дурной старухи въ ночномъ чепцѣ и могъ служить основаніемъ для его супружескихъ отношеній, а также и возможнымъ основаніемъ для совершенія различныхъ, а въ томъ числѣ и противоправныхъ дѣйствій, какъ это дѣйствительно и имѣло мѣсто въ другомъ сходномъ случаѣ, приведенномъ въ той же работѣ Charcot и Magnan'a съ тою лишь разницею, что роль ночнаго чепца въ немъ игралъ бѣлый фартукъ. Я приведу его здѣсь въ виду его крайне интересной связи съ областью преступленія.

Нѣкто С.... (Auguste), происходившій изъ органически дурно отнѣченной, и слѣдовательно, уже предрасположенной семьи, и имѣвшій отцомъ алкоголика, всегда представлялся личностью весьма дурно уравновѣшенной. Въ возрастѣ полового развитія ему случилось од-

127) Inversion du sens génital et autres perversions sexuelles, 30 и сл.

нажды увидеть развѣвавшійся на солнцѣ бѣлый фартукъ. Весьма можетъ быть, что видъ этого бросавшагося въ глаза своей бѣлизной фартука, по установившейся прежде связи идей, вызвалъ у него представление о какой либо женщинѣ, а оно въ свою очередь затронуло крайне возбужденную въ эту пору, и при томъ у него и безъ того повидимому весьма впечатлительную половую сферу. Какъ бы то ни было, но онъ подошелъ и взялъ фартукъ, подвязалъ его и отправился предаваться онанизму въ соприкосновеніи съ нимъ. Этимъ первоначально и установилась странная связь. И вотъ съ этихъ поръ видъ бѣлыхъ фартуковъ началъ какъ бы притягивать его, и онъ не могъ уже удержаться, чтобы не воровать ихъ и не предаваться онанизму въ соприкосновеніи съ ними ¹²⁸). (Очевидно, что возбужденіе, разъ связавши протореннымъ проѣзжимъ нервнымъ путемъ опредѣленный слѣдъ впечатлѣній, потомъ уже легко стало распространяться отъ него какъ бы на объединенные съ нимъ половые центры и центры волненій, и стало вызывать цѣлостное состояніе, сложившееся изъ отдѣльныхъ ассоціировавшихся элементовъ). Когда онъ видѣлъ чело- вѣка въ бѣломъ фартукѣ, то онъ, не обращая никакого вниманія на его полъ, слѣдовалъ за нимъ, неудержимо привлекаемый видомъ его фартука. Въ свою очередь представление о развѣвающимся бѣломъ фартукѣ, какимъ онъ его видѣлъ въ первый разъ, всегда вызывало въ немъ усиленное половое возбужденіе и онъ предавался кражамъ бѣлыхъ фартуковъ, гдѣ бы ни встрѣчалъ ихъ. Чтобы положить конецъ его специальнымъ воровствамъ, родители опредѣлили его во флотъ. Здѣсь, *не видя болѣе своихъ излюбленныхъ предметовъ, онъ успокоился: «Я ихъ не видалъ и не думалъ о нихъ»*, рассказывалъ онъ. Но относительное спокойствіе продолжалось не долго, и когда онъ, вернувшись изъ плаваній во Францію, снова увидалъ своихъ любимцевъ, то старыя состоянія, благодаря привычнымъ путямъ, снова воскресли въ немъ, и возбужденіе стало легко проскальзывать на ассоціированные центры и онъ снова неудержимо началъ воровать бѣлые фартуки и онанировать въ соприкосновеніи съ ними. Чтобы отдѣлаться отъ своихъ тяжелыхъ одержаній, онъ было вступилъ въ

¹²⁸) При этомъ я однако далекъ отъ мысли утверждаетъ, что все въ данномъ случаѣ обуславливалось одною только ассоціаціей элементовъ. Напротивъ, другія порочныя особенности психо-физической организаціи, — усиленная половая раздражительность, отсутствіе способности владѣть собой и проч., несомнѣнно обуславливали весьма многое въ этомъ комплексѣ явленій. Установленіе же ассоціаціи опредѣляло только направленіе, въ которомъ дѣйствовали другіе факторы.

монастырь и съ горячностью предался подвигамъ умерщвленія плоти (интересное совпаденіе, съ которымъ мы еще будемъ встрѣчаться и тогда попытаемся освѣтить его смыслъ и значеніе; теперь же напомнимъ только читателю о 204 пр. перваго выпуска этой работы). Отсутствіе соотвѣствующихъ впечатлѣній принесло съ собою относительный покой. Черезъ три года религіозная ревность, повидимому, миновала и онъ оставилъ монастырь, который устранилъ на время, но не уничтожилъ совсѣмъ его одержаній: видъ бѣлыхъ фартуковъ по прежнему возбуждалъ его и приводилъ къ онанизму. Арестованный за одну изъ своихъ послѣдующихъ кражъ, онъ былъ подвергнутъ изслѣдованію и помѣщенъ въ больницу для душевно-больныхъ — S-te Anne въ Парижѣ ¹²⁹⁾.

¹²⁹⁾ См. цитир. уже работу, 32 и сл. Сходный случай приводитъ и д-ръ Краусс. Нѣкто К. судился за кражу женскаго бѣлья. Слѣдствіе открыло много и другихъ совершенныхъ имъ подобныхъ же кражъ, исключительно бѣлья и притомъ женскаго, которое онъ все хранилъ у себя. Прикосновенія къ этому бѣлью вызывали въ немъ сладострастные ощущенія и другія слѣдствія полового возбужденія, *при которомъ онъ вызывалъ въ своемъ воображеніи образы красивыхъ женщинъ*. Часто онъ приходилъ въ особое состояніе (повидимому вызывавшееся какимъ то внутреннимъ раздраженіемъ половой сферы): тогда его голова становилась тяжела, онъ не могъ ни о чемъ думать и не могъ ничего дѣлать. Въ этомъ состояніи для него было невозможно противостоятъ влеченію овладѣвать женскимъ бѣльемъ, гдѣ бы оно ему ни попадалось. См. цитир. уже сочин. стр. 190 и сл.

Какъ установилась эта связь въ данномъ случаѣ между впечатлѣніями отъ женскаго бѣлья и состояніями полового возбужденія — намъ неизвѣстно, но несомнѣнно, что оба элемента прочно ассоціировались проторенными путями и одинъ изъ нихъ сталъ вызывать другой. При этомъ нужно замѣтить, что причины установленія тѣхъ, а не иныхъ привычныхъ связей между различными душевными состояніями, связей, представляющихся иногда столь странными и загадочными, часто необходимо искать въ отдаленномъ прошломъ уже сошедшихъ со сцены поколѣній, какъ мы это имѣли уже случай видѣть на нѣсколькихъ примѣрахъ. Тщательное изученіе исторіи семей ясно показываетъ, что наслѣдственная передача имѣетъ гораздо большее вліяніе даже на детальныя особенности душевной жизни, нежели это можно бы думать съ перваго взгляда. Въ сочиненіи того же д-ра Краусс'а мы находимъ, напримѣръ, рассказаннымъ очень интересный случай извращеній въ сферѣ полового чувства. Нѣкто Karl Bertle, виноторговецъ, съ 14 лѣтъ почувствовалъ усиленное половое возбужденіе и при этомъ рѣшительное отвращеніе къ нормальнымъ сношеніямъ съ женщинами, которыхъ онъ не имѣлъ и впоследствии. Тогда уже *у него неизвестно откуда и какъ явилось влеченіе и зародилась мысль*, что если онъ поранитъ какую нибудь молодую дѣвушку, то получитъ отъ того половое удовлетвореніе. Въ то время онъ однако не рѣшился привести свою мысль въ исполненіе и осуществилъ ее, когда ему минуло уже 19 лѣтъ, и тогда его охватило недо-

Подобныя ассоціаціи (особенно ассоціаціи различныхъ ощущений и чувствъ), устанавливающіяся въ теченіе жизни индивидуума и составляющія привычки въ собственномъ смыслѣ этого слова, представляютъ собою, повидимому, значительно меньшую часть всѣхъ психическихъ ассоціацій, играющихъ столь важную роль въ окраскѣ характера человека. Большая же часть суть, повидимому, ассоціаціи инстинктивныя — плодъ долгой жизни и жизненныхъ опытовъ предшествующихъ поколѣній. Изъ нихъ въ значительной мѣрѣ и слагаются глубоко вѣзанныя особенности національнаго и родового характеровъ, которыя столь ярко отмѣчаютъ членовъ различныхъ народностей и членовъ различныхъ родовъ. Сравните, напр., англичанина, француза, германца, итальянца и пр. — и вы увидите, какая между ними значительная разница въ основныхъ чертахъ ихъ національнаго характера, въ развитіи ихъ отдѣльныхъ способностей, въ окраскѣ ихъ ощущений и чувствъ, въ комбинаціяхъ послѣднихъ и пр., и пр. Но гдѣ и въ чемъ, спраши-

лимое влеченіе легкимъ порѣзомъ поранить дѣвушку и тѣмъ вызвать, *какъ онъ почему то предчувствовалъ*, половое наслажденіе, обыкновенно вызываемое сношеніями съ женщиной. Онъ дѣйствительно причинилъ самыя легкія пораненія разнѣзными нѣсколькимъ дѣвушкамъ, которыя сопровождались у него истеченіемъ сѣмени и половымъ удовлетвореніемъ. До 1832 г. онъ довольствовался нанесеніемъ такихъ самыхъ легкихъ пораненій, служившихъ ему суррогатами сношеній съ женщинами, но въ 1836 г. влеченіе разгорѣлось съ повышенной силой и въ немъ какъ-то инстинктивно произошло, повидимому, ничемъ не мотивированное новшество: онъ пытался сжимать дѣвушкамъ шею или руку — это однако не помогало; тогда онъ пытался сдѣлать иначе и, зажавъ къ себѣ дѣвушку, сказалъ ей: «я тебя колю» и при этомъ дотронулся до нея кинжаломъ въ ножнахъ. Такъ оказалось лучше, но полного удовлетворенія все же не получилось, и у него возникло неодолимое желаніе ранить дѣвушку, но только уже не разнѣзомъ, а колоньемъ, *при чемъ онъ воображалъ, что она мучительно истекаетъ кровью.*

Сколько нибудь опасныхъ ранъ онъ не наносилъ, потому что — такъ поясняетъ онъ самъ — *былъ слишкомъ религіозенъ*. Онъ выбиралъ красивыхъ дѣвушекъ, но ни въ какомъ случаѣ не женщинъ. При арестѣ у него была найдена цѣлая коллекція кинжаловъ, ножей и проч. Одинъ уже видъ блестящаго лезвія вызывалъ у него сладострастное возбужденіе.

Хотя мы и не знаемъ всѣхъ мельчайшихъ обстоятельствъ жизни Bertle, но констатированныя детали случая, повидимому, дѣлаютъ менѣе вѣроятнымъ установленіе интересующей насъ ассоціаціи влеченій въ теченіе жизни самаго дѣйствующаго субъекта и, напротивъ, болѣе вѣроятнымъ наслѣдственную передачу какого-то предрасположенія къ такой ассоціаціи. Въ пользу послѣдняго предположенія говорить, напримѣръ, какое-то странное предчувствіе со стороны 14 лѣтняго мальчика, что пораненіе дѣвушки послужитъ для него суррогатомъ акта половыхъ сношеній и проч.

вается, нужно искать причины этих несомненных различий, всегда и всеми столь ясно замечаемых. Во всем долгом прошлом этих наций, во их вековых жизненных опытах, во образе их прошлой повседневной жизни, который заставлял звучать и тем самым самым развивал в них те, а не иные органические тоны, во том, а не ином их порядке и комбинациях. В таком унаследовании, которое, будучи рассматриваемо с национальной и родовой точки зрения, невольно наводит на много размышлений, кроется повсюду наблюдаемая власть веков минувших — отдаленного прошлого родов, народов и семей на нравственно-умственный облик действующих личностей.

Воспитание, конечно, может оказать весьма важное влияние, с одной стороны, как закладка фундамента будущего, а с другой — и как могущий фактор судеб живущих поколений, фактор, первоначально определяющий не национальные и родовые, а индивидуальные особенности личности. Но даже и этот фактор, несмотря на всю свою величайшую важность, решительно не в силах сгладить в течение одного поколения все следы часто пагубного прошлого и уничтожить издавна установившиеся прочные ассоциации ощущений и чувств, которые часто придают однако столь возвышенный или столь низменный характер инстинктивным движениям и порывам. Поэтому правильно освещенный закон наследственности во всем многообразном сцеплении своих многочисленных условий громко и много говорит уму и о тесной связи членов общества, и о жизненных интересах последнего, соединенных с деятельностью всех и каждого, и с поддержанием общей нравственности, стоящей в столь тесной связи с строем повседневной будничной семейно-общественной жизни; громко говорит он и о многом другом.

Таково решительное влияние наследственно или в течение жизни человека установленных нервных связей или проторенных путей нервных путей между отдельными нервными центрами, по которым возбуждения, зародившиеся под влиянием какого либо внешнего или внутреннего стимула, легко и свободно, а часто и вовсе незамечено для самих действующих распространяются от одного нервного центра к другим. Не трудно видеть из всего предшествующего, что совокупность привычных соединительных нервных путей, также как и совокупность соотносительно развитых отдельных нервных центров, функционирующих при различных душевных проявлениях, действительно служат основой индивидуальности, и что ими поэтому определяется характер личности, ее нрав-

ственный обликъ и степень и особенности объединенія раздѣльныхъ элементовъ душевной жизни—психическое единство нашего «я».

Привычными нервными путями соединяются между собой, какъ это можно видѣть изъ выше приведенныхъ примѣровъ, отдѣльныя представленія, представленія и различныя ощущенія и чувствованія, зараждающіяся въ различныхъ органахъ тѣла подъ вліяніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ стимуловъ, представленія и различныя волненія и т. д. Такимъ образомъ, этими путями опредѣляется, какіе элементы душевной жизни и въ какомъ порядкѣ соединятся между собой, а слѣдовательно и въ какомъ порядкѣ и комбинаціяхъ они будутъ возникать въ сознаніи. Будетъ ли видъ какой нибудь старой сморщенной женщины въ ночномъ чепцѣ вызывать приступы страстнаго полового возбужденія или другія движенія души; будетъ ли данное представленіе сопровождаться тонаціей сочувствія къ людямъ и стремленіемъ помочь имъ, или же оно будетъ порождать какое либо противоположное душевное состояніе—все это, очевидно, зависитъ отъ прочныхъ связей указанныхъ душевныхъ элементовъ, вслѣдствіе которыхъ они и возникаютъ въ сознаніи въ извѣстныхъ комбинаціяхъ. А между тѣмъ своевременностью и пропорціональностью различныхъ органическихъ тонацій въ значительной мѣрѣ и опредѣляется совершенство психического механизма, совершенство душевныхъ проявленій. Вспыхнетъ ли во время чувство гнѣва и негодованія, смѣнится ли оно столь же своевременно полными тонами чувства любви или благожелательности, заискрится ли кстати и въ мѣру душевныя проявленія веселой радостью и зазвучать ли въ нужномъ случаѣ тоны снисходительности, а подъ часъ и нужной суровой строгости и т. д.— все это составляетъ величайшее или одно изъ величайшихъ совершенствъ психо-физической организаци и оказываетъ самое рѣшающее вліяніе на гармонію и степень выгодности взаимныхъ соотношеній между личностью и окружающей ее средою (см. ниже, стр. 614).

Нетрудно понять, какую важную роль можетъ и должно играть установленіе, помощью постоянныхъ систематическихъ упражненій, особенно въ періодъ ранняго дѣтства, когда организмъ особенно пластиченъ для прочнаго воспріятія и усвоенія внѣшнихъ вліяній, привычныхъ соединительныхъ нервныхъ путей и основывающихся на нихъ привычекъ. Ими въ значительной мѣрѣ и будетъ опредѣляться привычный образъ мыслей, привычный образъ чувствованій и привычный образъ дѣйствій, однимъ словомъ, характеръ личности, ея нравственный обликъ¹³⁰⁾. Появляясь на свѣтъ со множествомъ уже готовыхъ вы-

¹³⁰⁾ Говоря о приобрѣтенныхъ извращеніяхъ полового чувства, о тѣхъ ихъ

водящихъ нервныхъ механизмовъ, унаслѣдованныхъ отъ восходящихъ поколѣній, ребенокъ, будучи предоставленъ себѣ и своимъ прирощеннымъ склонностямъ, инстинктивно будетъ стремиться развиваться какъ бы въ предустановленномъ направленіи, опредѣляемомъ особенностями его наслѣдственности, которыя могутъ быть дурны или хороши. Этимъ и намѣчается роль воспитанія. Оно, какъ сумма внѣшнихъ измѣняющихъ вліяній, можетъ и должно или усилить до возможнаго въ данномъ случаѣ максимумъ или, напротивъ, ослабить до возможнаго минимумъ различныя влеченія и склонности и даже вовсе парализовать нѣкоторыя изъ нихъ, приведя ихъ къ болѣе полезнымъ комбинаціямъ. Для достиженія подобныхъ результатовъ, воспитаніе должно быть крайне внимательно ¹³¹⁾, разумно и послѣдовательно; оно должно быть рядомъ однообразныхъ и систематическихъ упражненій или же задержки ихъ ¹³²⁾. Этимъ единственнымъ пріемомъ унаслѣдованныя полезныя особенности будутъ усилены и укрѣплены, а вредныя, напротивъ, будутъ ослаблены и низведены до возможнаго

случаяхъ, когда они являются результатомъ сладострастія и развращенія, д-ръ Chevalier замѣчаетъ: У нихъ—*это голова развращена*, ихъ страсть на столько принудительна, что они часто подвергаютъ себя болѣе ужаснымъ послѣдствіямъ, нежели шантажъ, потому что предумышленные убійства далеко не рѣдки. Они мало по малу впали въ порокъ. Это педерасты по вкусу, по сладострастію; извращеніе обыкновенно является у нихъ только въ преклонномъ возрастѣ; его *raison d'être* всецѣло въ развратѣ“. См. его «De l'inversion de l'instinct sexuel», 93. Иначе говоря, въ этихъ случаяхъ постепенно установившаяся привычка фиксирования мыслей, послѣдовательная практика въ извѣстныхъ упражненіяхъ воображенія — яркій примѣръ чего я представляю ниже — первоначально по большей части, конечно, подсказывавшіеся особенностями въ развитіи половой системы, а иногда примѣромъ и вліяніемъ другихъ, становятся впоследствии принудительными.

¹³¹⁾ «Дѣти, родители которыхъ приучаютъ ихъ придавать много важности вѣщимъ незначительнымъ болямъ, предрасположены къ ипохондріи», замѣчаетъ проф. Mosso, см. цит. сочин., 178. Ту же мысль высказываетъ и Michéa, объясняя это *привычностью* концентраціи вниманія, а слѣдовательно и возбужденія на внутренностяхъ. См. его «Du siège de la nature intime, des symptômes et du diagn. de l'hypochondrie», 626.

¹³²⁾ «Не менѣе удивительно» замѣчаетъ пр. Mosso, «видѣть исчезающими въ послѣдовательныхъ генерацияхъ не только инстинкты, но также и органы, когда послѣдніе перестаютъ функционировать. Насѣкомыя, ракообразныя, рыбы и амфибіи, которыя живутъ въ пещерахъ и нѣсколько генераций которыхъ жили во мракѣ, почти совершенно потеряли глаза. И это, конечно, не вслѣдствіе подбора, потому что глаза не были бы вредны даже для живущихъ во мракѣ; это единственно потому, что эти органы, переставъ функционировать, мало по малу атрофировались». См. цит. соч., 171.

minimum'a, и воспитываемый ребенокъ въ рано установленныхъ, а потому сравнительно прочныхъ и полезныхъ привычкахъ повседневной будничной жизни, привитыхъ къ нему разумнымъ воспитаніемъ, впоследствии найдетъ сравнительно твердую опору противъ вредныхъ влеченій и порывовъ. Такое тщательное и бдительное воспитаніе, не забывающее даже самыя незначительныя мелочи будничной жизни, изъ которыхъ, однако, слагается вся гигиена тѣла и души, особенно необходимо имѣть въ виду воспитателю порочныхъ и преступныхъ дѣтей, въ которыхъ обыкновенно такъ сильны прирожденные дурныя влеченія, безъ чужаго противодѣйствія всецѣло господствующія надъ ними и вполне порабошающія ихъ. Только путемъ выработки прочныхъ, полезныхъ и даже мелочныхъ привычекъ повседневной жизни можно искусственно создать въ нихъ какъ бы вторую натуру, въ которой будетъ отражаться чужая творческая мысль и воля, и которая можетъ болѣе или менѣе успѣшно противостоять ихъ унаслѣдованнымъ дурнымъ склонностямъ. Правда, подобное воспитаніе требуетъ отъ воспитателя большаго труда, постоянной бдительности, постоянной осторожности, умѣнья, спокойствія и, главное, настойчивости,—но только имъ, какъ по отношенію къ порочнымъ дѣтямъ, такъ и по отношенію къ дѣтямъ вообще, могутъ быть достигнуты цѣли дѣйствительно плодотворнаго развитія отдѣльныхъ личностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и составляющагося изъ нихъ общества. Безъ такого воспитанія, прививающаго и развивающаго нравственныя начала—эти безусловно необходимыя базы общественности—всегда будутъ тщетны всѣ усилія какими бы то ни было учрежденіями развить и укрѣпить общественное благосостояніе. Будетъ форма, но содержанія не будетъ, потому что не будетъ соответствующихъ живыхъ носителей тѣхъ или другихъ учрежденій, которые только и представляютъ собою дѣйствительно прочныя гарантіи послѣднихъ.

Къ стр. 612. Большой интересъ представляютъ наблюденія надъ людьми, находившимися въ исключительномъ и, казалось бы, одинаково подавлявшемъ положеніи, въ положеніи ожиданія близкой смертной казни. Въ подобныхъ примѣрахъ крайне поучительно слѣдить, какъ и по какимъ различнымъ путямъ распространялось у нихъ, казалось бы, потрясающее возбужденіе, вызванное страшнымъ извѣстіемъ о наступившихъ послѣднихъ дняхъ или минутахъ ихъ жизни. Внимательно присматриваясь къ различнымъ людямъ въ этотъ своеобразный и крайне напряженный моментъ ихъ существованія, когда собственно интеллектуальная дѣя-

тельность у нѣкоторыхъ весьма ослаблена или подавлена вовсе, не трудно замѣтить, что роковой толчекъ у различныхъ личностей съ различною силою приводитъ въ колебанія и различныя системы иннервации сложнаго цѣлаго—ихъ психо-физическаго существа, вслѣдствіе чего въ каждомъ изъ нихъ въ это время вспыхиваютъ различныя и разномѣрныя чувствованія отъ ихъ различныхъ внутреннихъ органовъ. Повидимому зависитъ это, съ одной стороны, отъ развитія и впечатлительности самыхъ системъ иннервации, а съ другой—отъ ихъ болѣе или менѣе тѣсныхъ привычныхъ связей съ различными центрами начальныхъ воспріятій, вслѣдствіе чего возбужденіе отъ этихъ послѣднихъ и притомъ въ своей наибольшей массѣ всегда распространяется въ томъ, а не въ иномъ направленіи ¹³³). Перейду къ примѣрамъ.

Нѣкто Granet, уже одиннадцать разъ осужденный за кражи, бродяжество, побои, нанесенія ранъ и попытки побѣга съ разбитіемъ дверей, всегда проявлялъ буйный, неподчиняющійся и мстительный характеръ, весьма склонный къ напряженной ненависти. Малѣйшее наказаніе или противорѣчіе выводили его изъ себя и въ такіе моменты часто слышали, какъ онъ говорилъ: «я не хочу умирать на постели, я слою свою голову на эшафотъ». Въ тюрьмахъ онъ наводилъ невольный ужасъ на своихъ сотоварищей и на своихъ надзирателей.

¹³³) Послѣ ученыхъ древности (Галенъ, напр.,) на вліяніе расстройствъ внутреннихъ на строй жизни души настойчиво указывали арабскіе писатели. Въ XVII ст. ту же мысль упорно проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ Théophile Bonet, всегда отмѣчавшій и подчеркивавшій расстройства внутреннихъ. См. Marcé: „Traité pratique des maladies mentales“, 10 и 20. «То окончанія (периферическія) нервной системы и центры чувствительности, размѣщенные въ различныхъ областяхъ», замѣчаетъ Esquirol, «то кровеносная и лимфатическая системы, то пищеварительный аппаратъ, то печень и зависящіе отъ нея органы, то органы воспроизведенія суть исходные пункты болѣзни. При этомъ естественно выступаютъ соображенія о вліяніи различныхъ органовъ въ ихъ физиологическомъ и патологическомъ состояніяхъ на чувствованія, на идеи, на разсудокъ, на волю, на страсти и на опредѣленія человека, о вліяніи, такъ хорошо оцѣненномъ Cabanis'омъ, Cogan'омъ, Crichton'омъ, Moreau de la Sarthe». «Боязнь и страхъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «заставляютъ непроизвольно выдѣляться урину и испраженія; гнѣвъ вызываетъ геморрагіи и выдѣленія жолчи; бѣшенство увеличиваетъ выдѣленія слюны; радость, нѣжныя эмоціи сердца и печаль заставляютъ течь слезы». Des maladies mentales I, 38 и 45. Факты рѣшительнаго вліянія расстройствъ въ различныхъ внутреннихъ органахъ и въ ихъ системахъ иннервации на явленія души собраны въ отдѣлахъ общихъ трактатовъ и въ особыхъ работахъ о такъ называемыхъ симпатическихъ душевныхъ расстройствахъ—folie sympathique. Въ самое послѣднее время особенно тщательную разработку начинаетъ получать этотъ вопросъ въ работахъ по изученію извращеній полового чувства и ихъ вліянія.

Свою карьеру онъ закончилъ тѣмъ, что убилъ двухъ заключенныхъ и одного тюремнаго служителя, послѣ чего хвалился, что сдѣлалъ все это вполнѣ спокойно и только сожалѣлъ, что не убилъ еще двухъ заключенныхъ и другаго служителя. Выслушавъ свой смертный приговоръ, онъ съ граціозной улыбкой поблагодарилъ президента и присяжныхъ, а по возвращеніи въ тюрьму немедленно съѣлъ свой бульонъ (замѣчательно, что роковой приговоръ не произвелъ никакого вліянія на его пищеварительный каналъ), и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Свое спокойствіе онъ сохранялъ потомъ до самой смерти.

Нѣкто Guignard, еще полумальчикъ, 19 лѣтъ, всегда представлялъ собою крайне чувственную натуру и предавался всевозможнымъ эксцессамъ и *разврату*. *Наскучивъ упреками* отца и сестеръ за свое дурное поведеніе и мошенничества, онъ *порѣшилъ убить ихъ* (замѣчательна эта необычайная легкость возникновенія мысли о тройственномъ убійствѣ самыхъ близкихъ людей; раздраженіе, вызванное сравнительно незначительнымъ поводомъ—упреками, свободно проскальзываетъ на опредѣленную систему иннерваціи и вызываетъ опредѣленные ея тонированія съ какимъ-то кровожаднымъ оттѣнкомъ, которыя въ свою очередь легко подсказываютъ мысль объ убійствѣ, столь же легко переходящую въ рѣшимость) и ограбить домъ, что и выполнилъ съ *удивительной жестокостью*, *превративъ своихъ жертвъ въ какое-то битое мясо*. Покончивъ сначала съ двумя сестрами, онъ пошелъ къ отцу и, ничего не отвѣтивъ на окликъ послѣдняго, изъ засады нанесъ ему страшный ударъ съ циническимъ возгласомъ: «Это я!» Уличенный въ преступленіи, онъ сознался и съ *удивительнымъ хладнокровіемъ и невозмутимостью* передалъ всѣ ужасныя подробности тройнаго убійства и вскорѣ же крѣпко заснулъ (очевидно, что ни одна струна въ это время сильно не вибрировала въ немъ). Онъ одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ въ залѣ безстрастно выслушалъ свой смертный приговоръ и, вернувшись въ тюрьму, потребовалъ свой супъ и съѣлъ его съ величайшей жадностью.

Другой осужденный Bouseguі, надъ которымъ уже тяготѣло подозрѣніе въ убійствѣ его матери и бабки и множество другихъ преступленій, былъ осужденъ за убійство и поджогъ, *совершенные подъ вліяніемъ мести*. Онъ всегда велъ разгульную и *развратную* жизнь. Вскорѣ послѣ двойнаго убійства матери и бабки его нашли *спокойно играющимъ на билліардѣ*. Приведенный къ трупамъ, онъ равнодушно поглядѣлъ на нихъ и невозмутимо отрицалъ свою виновность. Свой смертный приговоръ онъ выслушалъ вполнѣ равнодушно и въ тюрьмѣ не переставалъ веселиться, со страстью предавался игрѣ въ карты

(замѣчательна возможность подобныхъ тонацій въ такія минуты) и все время оставался спокоенъ. Когда ему пришли сказать, что его послѣдній часъ насталъ, то онъ съ обычной невозмутимостью отвѣтилъ: «Я готовъ, когда угодно». Онъ также спокойно одѣлся, взялъ нѣсколько имѣвшихся у него монетъ и бросилъ ихъ на дворъ гулявшимъ заключеннымъ. Надзиратель выразилъ было желаніе, чтобы эта сумма была отдана его сотоварищу по кельѣ, нѣкому Romade, но Bouseguі отвѣтилъ: «Ни Ropad'у, ни Roman'у; я хочу, чтобы онѣ принадлежали тому, кто ихъ подниметъ». Онъ со вниманіемъ выслушалъ наставленія священника, а потомъ остановилъ удалявшагося тюремнаго дѣлопроизводителя замѣчаніемъ: «Господинъ дѣлопроизводитель, вы мнѣ забываете прочесть приговоръ», когда же послѣдній пояснилъ, что эта формальность не нужна, такъ какъ онъ отказался отъ кассациі, то онъ отвѣтилъ: «Этого довольно, я вамъ очень благодаренъ», и спокойно отправился на эшафотъ (въ этомъ случаѣ нельзя не отмѣтить той удивительной невозмутимости, которая давала ему возможность *подмывать и сосредоточиваться мыслию* на различныхъ мелочахъ, и которая указывала, что никакое сильное волненіе и никакое сильное чувство не говорили въ немъ, и что многіе нервныя пути въ его организаціи были мало проходимы даже, казалось бы, при сильнѣйшихъ потрясеніяхъ).

Нѣкто Patetot былъ осужденъ за убійство жены, а народной молвой обвинялся еще и въ причиненіи смерти одному изъ своихъ дѣтей. Patetot былъ человѣкъ крайне скупой, злой и жестокій, наводившій страхъ на окружающихъ и особенно на дѣтей и жену, съ которой онъ отвратительно обращался и которую не разъ грозилъ убить. На судѣ онъ съ необычайнымъ спокойствіемъ разсказалъ обстоятельства совершеннаго имъ убійства (очевидно, что у него чувства сожалѣнія и благожелательности не были ассоціированы и соединены легко проходимыми привычными путями съ впечатлѣніями и представленіями о чужихъ страданіяхъ, иначе эти чувства при воспоминаніи затонировали бы и потрясли черствое спокойствіе его души) и отказался отъ кассациі, говоря, что предпочитаетъ смерть гніенію въ каторжныхъ работахъ. Когда его разбудили въ тюрьмѣ, чтобы возвѣстить ему, что часъ казни его насталъ, то онъ спокойно всталъ, собралъ свою одежду и аккуратно сложилъ ее (интересно это могучее вліяніе привычки и проторенныхъ путей, установленныхъ упражненіями въ теченіе долгой жизни, даже въ такую исключительную минуту), потомъ попросилъ поѣсть и ѣлъ спокойно. Когда же вошли исполнители, то спокойствіе было измѣнило ему: онъ началъ плакать и испускать

крики, говоря, что онъ не хочетъ умирать. Но скоро онъ овладѣлъ собой и спокойствіе вернулось къ нему и уже не покидало его до самаго конца: онъ твердой поступью вошелъ на эшафотъ, при видѣ котораго ни малѣйшее волненіе не отразилось на лицѣ его, что, конечно, послѣдовало бы, еслибы возбужденіе хлынуло въ разныя стороны по легко проходимымъ путямъ на различныя системы иннервации.

Нѣкто Dumolard, извѣстный подъ именемъ убійцы служанокъ, *всегда былъ развратенъ*, жилъ кражами и грабежами и работалъ только по принужденію, говоря, что преступленіе предпочитаетъ работѣ. *Его отецъ былъ осужденъ за убійство*. Самъ онъ отличался буйнымъ, мрачнымъ и необщительнымъ характеромъ. На судѣ онъ смѣялся и равнодушно выслушалъ свой смертный приговоръ, замѣтивъ: «Ну хорошо! Что же мнѣ отъ этого?» То же спокойствіе сохранилъ онъ и въ тюрьмѣ, гдѣ думалъ и заботился только о своемъ полѣ, о своемъ виноградникѣ и скотѣ. Онъ оставался вполнѣ холоденъ ко всѣмъ увѣщаніямъ духовника раскаяться и всегда старался отклонять такой разговоръ. *«Этотъ священникъ мнѣ не нравится»*, сказалъ онъ однажды, *«вотъ уже двѣ недѣли, какъ онъ общается мнѣ бутылку вина и кусокъ жаренаго, но до сихъ поръ еще не далъ»* (интересно отмѣтить, что привычно - сильныя у него ощущенія отъ пищевого канала и въ эти страшныя минуты ожиданія громко и настойчиво предъявляли свои права и вызывали опредѣленный привычный строй мыслей). Свое невозмутимое спокойствіе онъ сохранилъ и на эшафотѣ.

Если въ этомъ случаѣ чувство раскаянія и отрывочныя тонаціи религіознаго чувства или только чувства страха передъ загробною отвѣтственностью, повидимому, вовсе не звучали у этой крайне грубой натуры даже и на порогѣ позорной смерти, когда человѣкъ особенно расположенъ искать состраданія, помощи и утѣшеній, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдалось и большее. Такъ одинъ осужденный Chandelet, равнодушно выслушавшій свой смертный приговоръ, послѣ того занимался въ тюрьмѣ только тѣмъ, что спокойно рассказывалъ о своихъ убійствахъ, или распѣвалъ безстыдныя пѣсни и однажды просилъ надзирателя достать ему проститутку (замѣчательно, что даже въ моменты предсмертныхъ ожиданій половыя вибраціи не переставали звучать въ этой развращенной натурѣ и привычный строй ея мышленія не переставалъ наталкивать вниманіе на скабрзности). Онъ рѣшительно оставался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ священника и съ цинизмомъ отвѣтилъ ему однажды, что никогда не видалъ, чтобы душа испарялась изъ его жертвъ.

То же настроеніе наблюдаемъ и у другаго убійцы, Latour. Въ немъ въ предсмертныя моменты не только не вспыхивало чувство раскаянія или хотя бы и поблѣкшіе отъ времени проблески давно забытаго религіознаго чувства, но онъ еще все время поносилъ религію и ея служителей, старавшихся принести ему утѣшеніе, и до самаго эшафота изрыгалъ безстыдные слова и распѣвалъ специально для того имъ сочиненныя пѣсни.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ насъ невольно поражаетъ съ одной стороны, крайняя неправильность взаимныхъ сочетаній отдѣльныхъ душевныхъ элементовъ и происходящая отъ того несвоевременность и крайняя дисгармонія органическихъ тонацій, представляющая собою нѣчто отталкивающее и уродливое, и невольно напоминающее испорченную шарманку, въ которой грубо нарушена первоначальная правильность въ послѣдовательномъ сочетаніи отдѣльныхъ звуковъ, отчего нѣкоторые изъ нихъ не во время и рѣзко рѣжутъ ухо. Съ другой стороны, насъ не менѣе поражаетъ и крайняя безчувственность этихъ странныхъ существъ (повидимому, между прочимъ, зависящая отъ отсутствія правильно установленныхъ привычныхъ связей между сферами воспріятій и центрами волненій и различными системами иннерваций), вслѣдствіе чего они могутъ оставаться совершенно равнодушны, безучастны и безчувственны въ самыя страшныя минуты жизни, когда у другихъ, болѣе уравновѣшенныхъ людей, обладающихъ правильно установленными привычными нервными связями отдѣльныхъ душевныхъ элементовъ, противъ ихъ воли и желанія потрясается все нравственное существо до самыхъ его глубочайшихъ основаній и въ немъ, отъ хлынушаго въ разныя стороны возбужденія, начинаютъ мощно звучать различные побочные сопутствующіе тоны своеобразныхъ чувствъ.

Не то въ другихъ сходныхъ по положеніямъ случаяхъ. У нѣкоторыхъ изъ дѣйствовавшихъ въ нихъ лицъ до самаго конца не переставала говорить непримиримая ненависть, vibraціи органическихъ струнъ которой, поглощая все вниманіе, продолжали могуче звучать и въ страшныя предсмертныя минуты, несмотря на перспективу наступающей казни; другихъ, напротивъ, охватывало чувство страха, подавляло всѣ ихъ способности, всѣ ихъ помыслы и разстроивало ихъ органическіе процессы; у третьихъ начинало звучать жгучее чувство стыда предъ позорной казнью, или тяжелое и подавляющее чувство раскаянія и многія другія чувства. Приведу примѣры.

Нѣкто Lechaux судился за отцеубійство. У него по поводу денежныхъ счетовъ зародилась упорная ненависть къ отцу (и, конечно,

установились легко проходимыя пути къ соотвѣтствующимъ системамъ иннерваций) и онъ всецѣло сосредоточился на вибраціяхъ этого чувства, причемъ много разъ открыто и страстно выражалъ намѣреніе убить отца. Совершивъ наконецъ убійство, онъ заперся въ своей комнатѣ и занялся подведеніемъ счетовъ и приведеніемъ своихъ дѣлъ въ порядокъ (здѣсь интересны ассоціаціи: денежные счета вызываютъ ненависть, ненависть порождаетъ убійство, а послѣднее снова сейчасъ же вызываетъ мысль о счетахъ). На требованіе полицейскаго отворить дверь, онъ отвѣтилъ: «Сейчасъ, будьте спокойны, я не хочу убить себя, я не сдѣлаю этой чести моему семейству и взойду на эшафотъ». Онъ холодно рассказалъ о своемъ преступленіи и въ теченіе всего разбирательства дѣла продолжалъ выражать упорную ненависть къ убитому отцу. Послѣ осужденія на смерть, онъ немного поддался увѣщаніямъ духовника, но и въ то время, несмотря на борьбу и проблески раскаянія, по временамъ возвращался къ прежнему и слова упорной ненависти къ отцу продолжали вырываться у него, свидѣтельствуя о существованіи усиленныхъ вибрацій опредѣленныхъ нервныхъ струнъ.

Еще рельефнѣе проявилось это упорное длящееся чувство ненависти, повидимому, свидѣтельствовавшее о легкомъ проскальзываніи возбужденій на извѣстный путь и объ усиленномъ вибрированіи опредѣленныхъ системъ иннервации, въ другомъ случаѣ одного торговца, Vouquet, уже отбывшаго вмѣстѣ съ женою одно наказаніе по суду (ихъ сынъ во время послѣдняго преступленія находился также въ тюрьмѣ). Онъ и жена его, получивъ свободу, не переставали раздражаться угрозами и клялись отмстить судьямъ за свое прежнее осужденіе. Клятвы не остались пустымъ звукомъ, и жена Vouquet безъ всякаго особаго повода выстрѣлила однажды въ проходившаго мимо ихъ лавки президента суда. Мужъ, повидимому вполне родственнѣй ей по натурѣ, немедленно поддержалъ ее и произвелъ вторичный выстрѣлъ, которымъ и ранилъ президента. Послѣ этого онъ баррикадировался вмѣстѣ съ женою и съ оружіемъ въ рукахъ отражалъ нападавшихъ, причемъ убилъ одного полицейскаго. Арестованные наконецъ, супруги выражали только сожалѣніе, что имъ не удалось убить свою жертву; но мужъ не терялъ надежды и высказывалъ увѣренность, что сынъ — этотъ наслѣдственный носитель ихъ качествъ — докончитъ начатое. Осужденный на казнь Vouquet не переставалъ проявлять свою неукротимую ненависть. Когда ему пришли объявить о наступленіи часа смерти, то онъ разразился передъ священникомъ въ ругательствахъ и проклятiahъ судьямъ, и эти проклятiя, несмотря ни на какія увѣ-

шанія, не переставалъ громко и страстно повторять до самаго момента казни.

Нѣкто Pierre Rivière, желая избавить любимаго имъ отца отъ семейныхъ непріятностей, убилъ свою мать, сестру и маленькаго брата. Совершивъ преступленіе, онъ впалъ въ отчаяніе, плакалъ, катался по землѣ и въ теченіе мѣсяца укрывался въ лѣсахъ и на берегу моря, питаясь кореньями и ракушками. Во время судебного разбирательства онъ съ трудомъ отвѣчалъ на вопросы и былъ всецѣло углубленъ въ свои мрачныя думы. Когда ему показали окровавленное орудіе преступленія, то онъ съ глубокимъ и долгимъ стономъ отвернулся отъ него и заявилъ, что желаетъ возможно скорѣе умереть. Послѣ своего осужденія онъ также постоянно выражалъ желаніе покончить возможно скорѣе и даже покушался на самоубійство. Всѣ способности его души въ это время, казалось, были поглощены мыслию о стыдѣ смерти на эшафотѣ на глазахъ у всѣхъ, и религіозными размышленіями и чувствами, которыя сильно звучали въ немъ. Вѣсть о своемъ помилованіи онъ выслушалъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ будто дѣло шло о другомъ.

Рядъ интересныхъ контрастовъ въ интересующихъ насъ отношеніяхъ представляютъ знаменитый Lescaigne, обвинявшійся во многихъ мошенничествахъ, убійствахъ и кражахъ, и его сообщникъ Avril. Во время судебного разбирательства Lescaigne былъ веселъ, безпечень и циничень; онъ бравировалъ своимъ положеніемъ, хохоталъ на судѣ и заявлялъ, что не проситъ о пощадѣ и не держится за жизнь. Avril, напротивъ, былъ унылъ и подавленъ. Другой сообщникъ Lescaigne'a, Martin, былъ также блѣденъ, лицо его было искажено и выражало сильное волненіе. Онъ бросалъ на Lescaigne'a взгляды, полные угрозы и гнѣва. Обличавшія его показанія свидѣтелей приводили его въ ярость (*чему Lescaigne хохоталъ до слезъ*); въ своемъ послѣднемъ словѣ онъ ругалъ и поносилъ Lescaigne'a. Наступилъ моментъ произнесенія приговора. Lescaigne поблѣднѣлъ и былъ подавленъ, но потомъ оправился и въ тюрьмѣ казался спокоенъ и веселъ, ѣлъ и спалъ хорошо (повидимому, предвѣдніе даже близкаго будущаго оказывало на него очень мало вліянія). Напротивъ, Avril, выслушавъ свой смертный приговоръ, бросилъ бѣшенный взглядъ на присяжныхъ и клялся Богомъ, что онъ невиненъ. Черезъ два дня онъ однако признался, простилъ Lescaigne'a, котораго всегда считалъ виновникомъ своей гибели, значительно успокоился и въ послѣднемъ своемъ письмѣ даже называлъ себя счастливымъ, потому что очистилъ свою совѣсть признаніемъ. Передъ казнію Lescaigne отказался отъ по-

мощи священника, но потомъ совершенно палъ духомъ, по его тѣлу пробѣжала дрожь, черты исказились, колѣна задрожали и онъ съ большимъ трудомъ вошелъ на эшафотъ, поддерживаемый палачами. Avril, проявивъ религіозный порывъ, напротивъ, все время былъ твердъ, сравнительно спокоенъ (очевидно, возбужденіе отхлынуло на иные пути), поцѣловался съ Лесенаиго^{мъ} и до послѣдняго своего момента ободрялъ его. Третій сообщникъ, Martin, осужденный въ каторжныя работы и выставленный къ позорному столбу, выказалъ возмутительный цинизмъ (припомнимъ, что у Rivier'a даже только при мысли о позорной смерти вызывались приступы дѣлашагося стыда): «Я возвращусь въ Парижъ, говорилъ онъ, привязанный къ столбу, но чтобы закончить то, что я началъ выполнять».

Нѣкто Pierre Boggié убилъ свою мать, которую ему поручили помѣстить въ госпиталь. Уже тотчасъ послѣ преступленія Pierre сдѣлался мраченъ и безпокоенъ. Онъ не могъ болѣе спать у себя и даже стукъ вѣтромъ захлопываемой двери сильно пугалъ его. Онъ не переставалъ до конца отвергать свою виновность. Крайній упадокъ духа, проявлявшійся имъ во все время судоговоренія, удвоился, когда онъ услышалъ свой смертный приговоръ; послѣ этого онъ могъ вернуться въ тюрьму только поддерживаемый жандармами.

Въ судебныхъ отчетахъ мы находимъ крайне характерную картину момента, предшествовавшаго произнесенію приговора надъ знаменитой шайкой Lemaire, Villet, Hugot и др., судившейся за многочисленныя убійства, поджоги и кражи, картину, въ которой каждое дѣйствующее лицо выступаетъ съ своими особыми комбинаціями чувствованій. Выписываю дословно.

«Передъ произнесеніемъ приговора упадокъ духа отражается на всѣхъ лицахъ, исключая Н. Villet и его сына Prosper'a. Отецъ ужасенъ; его впалые глаза мечутъ мрачныя молніи. Его сынъ имѣетъ демоническое выраженіе лица; бѣшенство выражается въ его чертахъ и онъ могъ бы позировать гениемъ мести; кажется, онъ грезитъ ужасными репрессаліями. Lemaire сохраняетъ свой глуповатый видъ. Hugot смертельно блѣденъ, глаза его свирѣпы. Bourse сохраняетъ покорный и меланхолическій видъ. Prosper Villet и его сестра Félicie, страшась смерти, говорятъ, что они не могутъ отвѣчать за своихъ родителей». Последняя, «послѣ приговора, присуждающаго ее къ срочнымъ каторжнымъ работамъ, испускаетъ крики отчаянія и не перестаетъ изрыгать проклятія своей матери, которую она не хочетъ болѣе видѣть».

Въ тюрьмѣ, въ ожиданіи смерти, «Lemaire беззаботенъ и никогда не говоритъ о своемъ дѣлѣ. Онъ обкуриваетъ трубки, играетъ въ

пробки, покоренъ и, повидимому, чистосердечно раскаивается». «Bourse всегда сохраняетъ лицемѣрное выраженіе и надѣется на помилованіе, что онъ однако старается скрыть, говоря всѣмъ: «Я бы хотѣлъ, чтобы завтра наступилъ послѣдній день». Свое время онъ проводитъ въ игрѣ въ дамки. По временамъ онъ кажется склоннымъ къ раскаянію, но его добрыя чувства длятся недолго. Особенности его характеризуются показаніемъ одного свидѣтеля, который сказалъ, что совершивъ кражу или дурное дѣяніе, Bourse, какъ и итальянскій бандитъ, *шелъ преклонять колѣна и молиться въ церковь*».

«Hugot почти безучастенъ. Онъ проводитъ свое время въ томъ, что грѣется и читаетъ».

«H. Villet, *раздраженіе котораго прежде было ужасно*, мало по малу смягчился. Онъ сохранилъ свой гнѣвъ противъ Lemaig'a и Hugot, свидѣтельствовавшихъ и указывавшихъ на него, какъ на человѣка, бывшаго душою всѣхъ преступныхъ дѣяній. Онъ сталъ доступенъ увѣщаніямъ духовника, не придавая имъ, впрочемъ, большого значенія. Ему предлагали молиться: «Молиться я не имѣю силъ», отвѣтилъ онъ. «До судебного разбирательства я прочиталъ пять «Pater» и пять «Ave» за каждого изъ присяжныхъ, за президента и императорскаго прокурора; это не помогло, и я не имѣю охоты начинать снова». За нѣсколько дней до своей казни онъ ѣлъ съ трудомъ, чтобы поддержать себя, и былъ задумчивъ. Онъ утверждалъ, что онъ не воръ и не убійца и умереть невиннымъ». «Онъ *оплакивалъ своихъ дѣтей, особенно своего сына, присужденнаго на вѣчныя каторжныя работы. Онъ хотѣлъ продать немногія вещи, которыя имѣлъ, чтобы послать ему деньги*» (интересно, что у этой жестокой и развращенной натуры и притомъ въ такой тяжелый моментъ ея существованія какъ то автоматически начинаютъ звучать тоны привязанности къ дѣтямъ, заслоняющіе заботу о себѣ) ¹³⁴⁾.

Въ каждомъ изъ этого ряда интересныхъ примѣровъ передъ нами проходятъ крайне различныя лица съ своеобразными комбинаціями волненій и чувствъ. Отъ начальнаго сильнаго толчка во многихъ изъ нихъ мимовольно, независимо отъ всѣхъ разсужденій и чисто инстинктивно начинаютъ звучать и притомъ въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ сильныя побочныя сопутствующіе чувственные тоны, придающіе своеобразную нравственную окраску каждой дѣйствующей личности. Эти сопутствующіе тоны, начинающіе вибрировать вслѣд-

¹³⁴⁾ См. Despine, Psych. nat II, 188 и сл., 295 и сл., 289 и сл., 367 и сл., 173 и сл., 180 и сл., 306 и сл., 345 и сл., 316 и сл., 423 и сл., 313 и сл., 403 и сл.

ствіе проскальзыванія повышенныхъ возбужденій въ моменты или періоды ослабленія высшаго контроля (а они у нервно истощенныхъ и обѣднѣлыхъ организацій постоянны) на привычные пути различныхъ системъ иннерваціи, пути, *проложенные долгими опытами и упрямленіями всей прошлой личной и родовой будничной стрѣнкой жизни*, звучать противъ воли, противъ желанія и придаютъ человѣку тотъ или иной оттѣнокъ и въ значительной мѣрѣ опредѣляютъ его дѣятельность. У лицъ вырождающихся — а таковы почти всѣ въ сферѣ преступленія — эти тоны обыкновенно начинаютъ звучать крайне несвоевременно и непропорціонально и ими то объясняется много страннаго въ поступкахъ преступниковъ, напр., во все ненужная жестокость, опрометчивость и пр., и пр. Часто, присматриваясь къ тому или другому преступленію, мы невольно поражаемся странностями дѣйствій преступника: отчего онъ не сдѣлалъ такъ, вѣдь это было столь легко и выгодно для него, изумленно спрашиваемъ мы себя. Да отъ того, что въ этотъ моментъ въ немъ вовсе несвоевременно, съ точки зрѣнія совершенствъ устройства психическаго механизма, началъ звучать тотъ или иной невыгодный въ данное время для него побочный тонъ, который, какъ сильный органическій тонъ, помимо его воли измѣнилъ для него самого окраску всего окружающаго, повліялъ на его мышленіе, на его намѣренія, рѣшимость и т. д. Сколько разъ несвоевременно зазвучавшій страхъ, сильная вспышка полового влеченія, порывъ слѣпой ненависти или приступъ тоски, отчаянія и безнадежности губили, казалось бы, выгодно обставленнаго преступника, въ самый рѣшительный моментъ подкашивали въ немъ необходимую энергію и предприимчивость, затемняли мысль объ опасности или выгодахъ, порождали какое то странное равнодушіе и апатію и т. д. Эти сопутствующие тоны, часто звучащіе съ страшною силою, играютъ крайне важную роль въ темной и весьма прихотливой области преступленія. Въ этой области мы обыкновенно встрѣчаемся съ личностями неуравновѣшенными, личностями, нерѣдко нервно истощенными или лишеніями, или всевозможными эксцессами, и часто потому испытывающими тяжелыя и странно-своеобразныя состоянія настроенія, личностями, у которыхъ органическія струны обыкновенно неправильно и несвоевременно тонируютъ и тѣмъ самымъ поражаютъ часто гибельную для нихъ дисгармонію съ условіями окружающей ихъ обстановки. «Все взаимно связано въ организмъ», замѣчаетъ Michéa. Душа связана съ тѣломъ и способности духа соответствуютъ функциямъ внутренностей (см. цитир. соч., стр. 638).

Поразительно вѣрный художественный образъ для нѣкоторыхъ категорій преступниковъ намъ даетъ Достоевскій въ своемъ романѣ «Преступленіе и наказаніе». Въ немъ онъ анатомируетъ, если можно такъ выразиться, внутренній міръ преступнаго человѣка и ярко воспроизводитъ передъ нами—что особенно интересно въ данномъ случаѣ—его неправильное, дисгармоническое внутреннее тонированіе, которымъ обыкновенно порождается какъ самое преступленіе, такъ и его позднѣйшія слѣдствія. Несомнѣнно, что мы впали бы въ весьма крупную ошибку, если бы вообразили себѣ, что въ сферѣ преступленія все и всегда неизмѣнно совершается по тому же самому шаблону. Нѣтъ, въ этой области много разнообразныхъ типовъ. Въ ней дѣйствуетъ не мало личностей слабоумныхъ, даже идіотичныхъ, въ ней дѣйствуетъ много заживо разлагающихся алкоголиковъ и пр., у которыхъ процессъ совершенія преступленій представляетъ уклоненія. Тѣмъ не менѣе для вѣрнаго пониманія значенія и вліянія неправильныхъ внутреннихъ тонацій инстинктивной сферы, для пониманія генезиса преступленія образъ Раскольникова представляетъ собою прекрасный художественный образъ, необычайно ярко воспроизводящій передъ нами дурно уравновѣшенный внутренній міръ преступника вообще, въ которомъ если и не все, и не всегда совершается именно такъ, то во всякомъ случаѣ многое совершается подобно и въ значительной мѣрѣ по сходному типу внутренняго механизма.

О прошломъ Раскольникова мы знаемъ сравнительно мало. Его мать была робкая, уступчивая и, повидимому, нервно нѣсколько предрасположенная женщина, которая при потрясеніи сравнительно легко начала страдать «какой то странной, нервной болѣзнію, чѣмъ то въ родѣ помпшательства». Самъ Раскольниковъ всегда былъ странный ребенокъ, рано привыкшій копаться въ себѣ, въ своихъ внутренностяхъ и издавна склонный къ ипохондрическимъ состояніямъ. «Его характеру я никогда не могла довѣриться», рассказывала про него мать, «даже тогда, когда ему было только пятнадцать лѣтъ. Я увѣрена, что онъ и теперь вдругъ что нибудь можетъ сдѣлать съ собой такое, чего ни одинъ человѣкъ никогда и не подумаетъ сдѣлать». Раскольниковъ обыкновенно былъ «угрюмъ, мраченъ, надменъ и гордъ»; иногда *«великодушенъ и добръ, а иногда холоденъ и безчувственъ до безчеловѣчія, точно въ немъ два характера поочередно смѣнялись* (обычная черта нервныхъ и затронутыхъ людей). Себя онъ «ужасно высоко цѣнилъ» и самолюбіе, безмѣрное самолюбіе (эта особенность также весьма часто наблюдается у нервно затронутыхъ личностей) составляло одну изъ самыхъ основныхъ осо-

бенностей его характера. Даже послѣ своего осужденія и всѣхъ испытанныхъ мукъ «совѣсть его не находила никакой особой вины въ его прошломъ». Онъ только «стыдился именно того, что онъ, Раскольниковъ, погибъ такъ слѣпо, безнадежно, *глупо и мучительно*», и что онъ «*вошь и больше ничего*» (замѣчательный тонъ до болѣзненности развитого самолюбія). Его умственный міръ, какъ это бываетъ всегда, былъ только отзвукомъ тонацій его самолюбивой натуры, жадной до славы и извѣстности. Ему уже рисовался «*настоящій властелинъ, которому все разрѣшается*» (при этомъ нельзя не припомнить тѣхъ душевно больныхъ, у которыхъ струнка усиленно развитого и громко и полно звучащаго самочувствія сказывается даже въ содержаніи бреда измѣненія личности, и которые воображаютъ себя высоко поставленными, историческими, царственными лицами и даже Богомъ; въ этомъ въ свою очередь сказывается механизмъ одѣванія ощущеній представленіями, который имѣетъ крайне важное значеніе въ экономіи душевной жизни: см. по этому поводу замѣчанія Legrand du Saulle въ его «*Folie héréditaire*», 47), и всѣ люди для него подраздѣлялись на «необыкновенныхъ», «*имѣющихъ даръ сказать новое слово*», и на людей «низшихъ» или простой «матеріаль». Первые, ради своей идеи, могли «*по совѣсти дать себѣ разрѣшеніе перешикнуть и черезъ кровь*» (это разрѣшеніе обыкновенно дается особенностями ихъ инстинктивной природы), тогда какъ вторые должны были руководствоваться правилами ходячей морали. Такова была его общая отвлеченная теорія. Но онъ не ограничился и, конечно, не могъ ограничиться ею и пожелалъ опыта частнаго примѣненія. Онъ сказалъ себѣ, что «власть (а она неудержимо манила его самолюбивую натуру) дается лишь тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее», и онъ захотѣлъ «осмѣлиться» и узнать «*тварь ли онъ дрожащая или право имѣетъ*» (въ этомъ сказался весь человѣкъ). Онъ осмѣлился и совершилъ убійство, къ которому былъ подготовленъ всѣмъ своимъ ближайшимъ предшествовающимъ: и крайними лишеніями, породившими состояніе нервнаго раздраженія, и полной замкнутостью, копаньемъ внутри себя, а главное, усиленно звучащимъ въ немъ крайнимъ самолюбіемъ, которое неудержимо манило его на пьедесталь.

Посмотримъ же, какъ совершилось убійство и какими внутренними тонами сопровождалось оно.

Послѣ перваго знакомства съ своей будущей жертвой — старухой закладчицей — Раскольниковъ почувствовалъ къ ней яркое и «неодолимое отвращеніе». Уже въ этотъ первый разъ инстинктивная тонація подсказала ему «*страшную мысль*», которая «*наклеивалась въ*

его головѣ, какъ изъ яйца цыпленокъ (очень образное и вѣрное уподобленіе) и очень, очень занимала его» (интересна эта легкость зарожденія подобной активной мысли). А тутъ онъ еще случайно слышитъ въ трактирѣ и подходящую теорію: «Одна смерть, смерть вредной старушенки и сто жизней взамѣнъ», теорію, которая въ сущности уже была его собственной теоріей и потому нашла готовую почву: его собственные внутреннія тонаціи уже подсказали ему «такія же точно мысли». Прошелъ мѣсяць, онъ вполне освоился съ ними и онѣ стали привычными гостями въ его сознаніи. Подъ ихъ могучимъ вліяніемъ онъ пошелъ дѣлать пробу, но это новое столкновеніе со старухой также инстинктивно вызвало другіе, было забытые тоны: «О Боже! какъ все это отвратительно! И неужели, неужели я...». «На какую грязь способно однако мое сердце». При этомъ *«чувство безконечнаго отвращенія»* достигло въ немъ такого размѣра и такъ ярко выяснилось, что онъ не зналъ, *куда двгаться отъ тоски своей*. Онъ зашелъ и выпилъ стаканъ пива. Подъ вліяніемъ искусственного возбуждителя смолкли болѣзненные тоны: «тотчасъ же все отлегло и мысли его прояснились». На другой день тонація снова измѣнилась и «онъ проснулся желчный, раздражительный, злой, и съ ненавистью посмотрѣлъ на свою каморку». А тутъ еще тяжелое письмо отъ матери. Внутри снова возникли вопросы «старые, наболѣвшіе, давнишніе, истерзавшіе ему сердце». «Давнымъ-давно какъ зародилась въ немъ вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась и въ послѣднее время созрѣла и концентрировалась». «Вдругъ онъ вздрогнулъ» и мысль, въ сущности *глубоко коренившаяся* и подсказываемая внутренними привычными звуками, «опять пронеслась въ его головѣ», но «въ какомъ то новомъ грозномъ и совсѣмъ незнакомомъ ему видѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ одна чашка вѣсовъ значительно склонилась и мысль объ убійствѣ облеклась даже въ фантастическіе образы сновидѣній. «Господи, неужели?» въ мучительной тоскѣ воскликнулъ проснувшійся Раскольниковъ. «Господи!» молилъ онъ, «покажи мнѣ путь мой, а я отрекусь отъ этой проклятой мечты моей!» Но тщетны были мольбы. Внутренніе тоны, ихъ сочетанія и порожденные ими мысли—все стало привычно, а условія и обстановка остались прежнія и вліяли по прежнему. Между тѣмъ тутъ необходима была рѣзкая перемѣна, необходимъ былъ отдыхъ и успокоеніе и необходима была чужая внимательная и разумная помощь во время. Но всего этого, какъ чаще бываетъ всегда, не послѣдовало, и Раскольниковъ «почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно». Внутренніе звуки, ихъ ассоціаціи

между собой и съ порожденными мыслями—все установилось, и его повлекло, «будто кто-то взялъ за руку и потянулъ къ себѣ неотразимо, сильно, съ неестественною силой, безъ возраженій (при ослабѣвшемъ высшемъ контролѣ, возбужденіе по установившимся выводящимъ путямъ потекло свободно и безъ задержекъ) и *«тупая, звѣрская злоба закипѣла въ немъ»*. Судьба старухи была рѣшена. По дорогѣ у него какъ молнія мелькнула было мысль о приговоренныхъ къ казни, но «онъ самъ поскорѣй погасилъ» ее. На одно мгновеніе пронеслось было: «не уйти ли»? Но онъ не далъ себѣ отвѣта. Прежніе тоны продолжали господствовать и заглушали всѣ остальные. «Умъ его какъ бы померкалъ мгновеніями, а тѣла своего онъ почти и не чувствовалъ на себѣ» (очевидно, напряженность концентрировалась на чемъ то одномъ). Совершилось долго подготавливавшееся убійство. Во время его ранѣ сложившійся механизмъ внутреннихъ сочетаній работалъ, повидимому, автоматически, но потомъ концентрація возбужденія прекратилась; новые болевые тоны, обусловленные прошлыми сочетаніями и всѣмъ состояніемъ его истощенной организациі, опустившейся послѣ сильнаго подъема, автоматически зазвучали въ немъ. Сначала «страхъ охватывалъ его все больше и больше»; потомъ стало подниматься отвращеніе «и росло въ немъ съ каждою минутою». Но вотъ подходить къ дверямъ, звонять и ломаться въ нихъ; ему грозитъ неминуемая гибель, а тутъ въ немъ какъ-то странно начинаетъ звучать новый, какимъ-то внутреннимъ раздражителемъ вызванный тонъ: «приходила мысль кончить все разомъ и крикнуть имъ изъ-за дверей. *Порой хотѣлось ему начать ругаться съ ними, дразнить ихъ, покамѣстъ не отперли*» (это ли не дисгармонія внутреннихъ состояній съ условіями окружающей обстановки). А потомъ опять состояніе ужаса и помутнѣлаго сознанія.

Наступилъ другой день; Раскольниковъ очнулся. «Въ первое мгновеніе онъ думалъ, что съ ума сойдетъ». Его «вдругъ ударилъ такой ознобъ, что чуть зубы не выпрыгнули; и все въ немъ такъ и заходило». Онъ сталъ прятать вещи за обои и радостно думалъ, что все уже кончено, но вотъ онъ весь вздрогнулъ отъ ужаса: «Боже мой», шепталъ онъ въ отчаяніи,—«что со мною? Развѣ такъ прячутъ?» Сходя съ лѣстницы онъ снова вспомнилъ о вещахъ, но при этомъ въ немъ вовсе не кстати зазвучалъ какой-то новый странный тонъ: «цинизмъ гибели вдругъ овладѣлъ имъ, онъ махнулъ рукой и пошелъ дальше». Въ кварталѣ, куда онъ пришелъ, съ нимъ совершилось «что-то совершенно незнакомое, новое, внезапное и никогда не бывалое». Какое-то новое «непосредственное ощущеніе, мучительнѣйшее

ощущение изъ всѣхъ до сихъ поръ жизни пережитыхъ имъ ощущений охватило его, а слѣдомъ затѣмъ начался какой-то странный зудъ: «встать сейчасъ, подойти къ квартальному и рассказать ему все вчерашнее, все до послѣдней подробности». Но это продолжалось не особенно долго, хотя и съ значительною силой. Затѣмъ тонація чувства самосохраненія снова зазвучала въ немъ и страхъ быть открытымъ опять охватилъ его. На улицѣ ему все казалось, что всѣ встрѣчающіеся пристально смотрятъ на него, «какъ будто имъ и дѣло только до него». При этомъ новый странный органическій тонъ: «какое-то безконечное, почти физическое отвращеніе ко всему встрѣчавшемуся и окружающему, упорное, злобное, ненавистное. Ему гадки были всѣ встрѣчные, — гадки были ихъ лица, походки, движенія. Просто наплеваль бы на кого нибудь, укусилъ бы, кажется, если бы кто нибудь заговорилъ». Въ такомъ настроеніи онъ было зашелъ къ товарищу, но тутъ инстинктивно почему-то *«вся желчь поднялась въ немъ. Онъ чуть не захлебнулся отъ злобы на самого себя, только что переступилъ порогъ Разумихина»*. Онъ быстро и грубо ушелъ отъ него и очутился на Невѣ. Тутъ новыя странныя тонаціи разстроеннаго самочувствія: все прошлое какъ бы уходило отъ него и казалось «умъ улеталъ куда-то вверхъ и все исчезало въ глазахъ его». Онъ бросилъ поданный ему на милостинку двугривенный и «ему показалось, что онъ какъ будто ножницами отрѣзалъ себя отъ всѣхъ и всего въ эту минуту». Нѣсколько дней спустя, Раскольниковъ столкнулся и заговорилъ въ трактирѣ съ письмоводителемъ квартального и при этомъ ему «ужасно вдругъ захотѣлось опять языкъ высунуть. Ознобъ, минутами, проходилъ по спинѣ его». Странный и пагубный для него инстинктивный, неодолимый зудъ взялъ наконецъ перевѣсъ: *«засверкали глаза; онъ ужасно поблѣднѣлъ; верхняя губа его дрогнула и запыржала»*. Онъ склонился къ Заметову какъ можно ближе, и сталъ шевелить губами, ничего не произнося; такъ длилось съ полминуты; онъ зналъ, что дѣлалъ, но не могъ сдержатъ себя (очевидно, внутреннее раздраженіе нѣкоторыхъ центровъ было уже слишкомъ повышено). Страшное слово, какъ тогдашній запоръ въ дверяхъ, такъ и прыгало на губахъ (отъ постоянно длящагося вліянія внутренняго раздражителя центра): вотъ-вотъ сорвется; вотъ-вотъ только спустить его, вотъ-вотъ только выговорить! — А что если это я старуху и Лизавету убилъ? проговорилъ онъ вдругъ и — опомнился». Выходя потомъ изъ трактира, онъ задрожалъ «отъ какого-то дикаго истерическаго ощущенія, въ которомъ, между тѣмъ, была часть нестерпимаго наслажденія» (какъ странно все въ этихъ не-

своевременныхъ и дисгармоничныхъ тонаціяхъ). Вскорѣ послѣ происшествія въ трактирѣ *его что-то неудержимо повлекло* на квартиру, гдѣ свершилось убійство, и онъ, въ присутствіи свидѣтелей и самъ не зная зачѣмъ, сталъ дергать и прислушиваться къ знакомому звуку колокольчика, причемъ «прежнее, мучительно страшное, безобразное ощущеніе начинало все ярче и живѣе припоминяться ему, онъ вздрагивалъ съ каждымъ ударомъ, и ему *все пріятнѣе и пріятнѣе становилось*».

Въ этотъ періодъ времени, слѣдовавшій за убійствомъ, прежде любимыя мать и сестра стали ему въ тягость: «Можетъ быть, все воскреснетъ!»... говорилъ онъ матери. «А теперь, когда любите меня. откажитесь... Иначе, *я васъ возненавижу, я чувствую... Прощайте!*» Въ это же время особые тоны, тоны повышеннаго самолюбія, смѣшанные съ благожелательностью, звучать въ немъ: «Я не тебѣ поклонился», говоритъ онъ, припадая къ полу и цѣлуя ногу Сони, «я всему страданію человѣческому (т. е. преимущественно своему) поклонился». Начинается борьба со слѣдователемъ, который играетъ съ нимъ, какъ съ мышью кошка. Все существо Раскольниковъ тонируетъ при этомъ самымъ дисгармоничнымъ образомъ и онъ то дрожитъ передъ Порфиріемъ, то ненавидитъ его всѣми силами души, то чувствуетъ къ нему неодолимое отвращеніе и даже хочетъ убить его, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ постоянные промахи и выдаетъ себя. Но когда ему вдругъ кажется, что слѣдователь пересталъ подозрѣвать его, «то онъ почувствовалъ приливъ какого-то новаго испуга. Мысль о томъ, *что Порфирій считаетъ его за невиннаго, начала вдругъ пугать его*» (интересно это вліяніе уже установившагося и привычнаго). Наконецъ, онъ не выдержалъ и непрошенно пошелъ рассказать все Сонѣ. Та посоветовала ему признаться во всемъ, но тутъ въ какомъ-то невольномъ разговорѣ прежній челоѣкъ со всѣми его уже знакомыми намъ особенностями и струна повышеннаго самолюбія прежде всего прозвучала въ немъ. «Не пойду», отвѣтилъ онъ. «И что я скажу: что убилъ, *а денегъ взять не посмѣлъ*, подъ камень спряталъ?—прибавилъ онъ съ ѣдкою усмѣшкой.—Такъ вѣдь *они же надо мной сами смѣются будутъ, скажутъ: дуракъ, что не взялъ. Трусъ и дурнакъ!*» Однако нравственное изнеможеніе взяло перевѣсъ и онъ пошелъ. Ему вспомнились слова Сони: «поди на перекрестокъ, поклонись народу, поцѣлуй землю, потому что ты и передъ ней согрѣшилъ и скажи всему міру вслухъ: «я убійца». Онъ весь задрожалъ, припомнивъ это» и «такъ и ринулся въ возможность этого цѣльнаго, новаго, полнаго ощущенія. Какимъ-то припадкомъ оно къ нему вдругъ подступило: загорѣлось въ душѣ одною искрой и вдругъ, какъ огонь,

охватило всего. Все разомъ въ немъ размягчилось и хлынули слезы»

Такова картина этого, во многомъ рѣдкаго преступленія и картина этого внутренне-дурноуравновѣшеннаго существованія съ его дисгармоничными и часто не впадъ звучащими органическими тонами. Въ прошедшій передъ нами періодъ времени, заполненный преступленіемъ и его слѣдствіями, почти все въ этомъ существованіи было инстинктивно. Побочные сопутствующіе тоны, обыкновенно оказывающіе самое рѣшительное вліяніе на всѣ поступки и всю дѣятельность, вспыхивали или замирали благодаря внѣшнимъ ударамъ по тѣмъ или другимъ автоматическимъ клавишамъ органическаго механизма, и благодаря происходившимъ отъ того переливамъ по ассоціированнымъ привычнымъ путямъ нервныхъ возбужденій. Все здѣсь было — инстинктъ и механическая связь тонацій, надъ которыми, вслѣдствіе всего предшествующаго, ослабѣла власть высшихъ центровъ управленія.

IV.

Внѣшніе и внутренніе раздражители или стимулы и ихъ посредственное вліяніе на проявленія души.

Въ предшествующихъ главахъ мы рассмотрѣли вліяніе двухъ основныхъ органическихъ элементовъ психической жизни, — во-нервныхъ, соотносительно развитыхъ и возбужденныхъ нервныхъ центровъ, а, вторыхъ, установленныхъ привычныхъ и потому легко проходимыхъ соединительныхъ нервныхъ путей спинно-головнаго мозга. Въ этихъ элементахъ данъ органическій субстратъ, особенностями котораго въ *каждый данный моментъ его существованія* и определяется характеръ душевныхъ явленій, характеръ отвѣтовъ даннаго психо-физическаго механизма на раздраженія, воспринимаемая отъ окружающей его и волнующейся вокругъ него внѣшней среды съ ея многообразными движеніями. Перейдемъ теперь къ изученію раздражителей или стимуловъ, которыми даются начальные толчки и которые служатъ исходными моментами для послѣдующаго развитія различныхъ психическихъ процессовъ.

Возбужденіе отъ раздраженія тѣхъ или другихъ концевыхъ нервныхъ аппаратовъ, расположенныхъ какъ на внѣшней, такъ равно и на внутренней поверхностяхъ тѣла, достигнувъ центральной нервной системы, — спинно-головнаго мозга, или остается здѣсь на степени безсознательнаго, или же становится болѣе или менѣе яркимъ чувствованіемъ ¹³³). Такое чувство, какъ актъ сознанія, представ-

¹³³) Употребляю этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ, какъ охватывающій ощущенія и впечатлѣнія, однимъ словомъ въ смыслѣ состоянія сознанія.

ляетъ собою, повидимому, элементарное, а потому и неразложимое дальше психическое явленіе, не поддающееся въ своей сущности никакимъ объясненіямъ. Что такое чувствованіе? Непокосимый фактъ нашей психической жизни, непреложно констатируемый нашимъ личнымъ и общечеловѣческимъ внутреннимъ опытомъ. Таковъ единственно возможный отвѣтъ на поставленный вопросъ, который вѣроятно останется вопросомъ навсегда, ибо нѣтъ и не можетъ быть элементовъ для его разрѣшенія. Мы можемъ изучать условія зарожденія и прекращенія чувствованій, ихъ измѣненій, колебаній и проч., но поднять завѣсу ихъ сущности,—повидимому, выше познавательныхъ силъ человѣка. Есть-ли чувствованіе въ своемъ существѣ только органическая функція, или элементарный актъ какого-то инаго начала?—Не знаемъ, не понимаемъ, а потому и остаемся безъ отвѣта на этотъ вопросъ. Дальше этого элементарнаго психическаго явленія не можетъ идти научный анализъ; здѣсь предѣлъ науки, за которымъ начинается область произвольныхъ гаданій и область вѣрованій, которая, какъ таковая, и не входитъ въ сферу научнаго знанія. Одно, что мы можемъ утверждать, не рискуя впасть въ ошибку,—что «нравственное проявляется при помощи матеріальнаго» ¹³⁴⁾, и что

¹³⁴⁾ Thomson: „Journal of Ment. Science“, XVI, 327. Къ сожалѣнію, только что указанная единственно правильная и единственно научно оправдываемая точка зрѣнія на извѣстной ступени умственнаго развитія усваивается крайне трудно или вовсе не усваивается. На этой ступени обыкновенно ищутся и требуются, даже отъ науки, радикальныя рѣшенія, различія которыхъ, какъ таковыя, сводятся между тѣмъ только къ различію въ словахъ, — матеріализмъ, идеализмъ. На самомъ же дѣлѣ одинаковое безсиліе дать отвѣтъ и одинаковое незнаніе. Этотъ научный радикализмъ неподготовленныхъ умовъ, во чтобы то ни стало ищущихъ познанія сущности вещей, не уясняющихъ себѣ своего безсилія и недовольствующихся относительнымъ знаніемъ, приносятъ однако не малый вредъ. Пререкансь изъ-за словъ, онъ вноситъ страстность въ безстрастную научную сферу и своими безплодными и безсодержательными спорами лишь затрудняетъ уясненіе той относительной научной истины, которая только и доступна для ограниченно-познающаго человѣческаго ума. Къ сожалѣнію таковъ уже неизбѣжный удѣлъ низшихъ ступеней научно-умственнаго развитія, которое совершается крайне медленно. «Жизненныя явленія на столько таинственны въ ихъ образованіи», писалъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи еще, напр., Georget («De la folie», Paris, 1820, стр. 48 и сл.), «что фیزیологъ (а тѣмъ болѣе психологъ) долженъ довольствоваться ихъ наблюденіемъ и опредѣленіемъ необходимыхъ условій ихъ воспроизведенія, не стремясь проникнуть въ тайны, которыя для насъ вѣроятно навсегда останутся таковыми. Пусть наблюденіе идетъ всегда напередъ; гипотеза не замедлитъ явиться во время, чтобы удовлетворить воображенія, болѣе склонныя къ чудесному, нежели расположенныя къ истинѣ». Прошло около трехъ четвертей вѣка и при томъ вѣка блестящихъ научныхъ открытій и быстрыхъ успѣховъ, а между тѣмъ этотъ истинно

«физическое и нравственное» для науки «сбѣшиваются въ своемъ источникѣ» ¹³⁵⁾).

Превратится ли вызванное раздраженіемъ концевыхъ аппаровъ первное возбужденіе въ ясное чувствованіе, иначе, въ элементарный актъ сознанія, или же оно останется только на степени безсознательнаго процесса, — это, повидимому, обусловливается тѣмъ, достигнетъ ли оно только до автоматическихъ нервныхъ центровъ, или же по связующимъ нервнымъ путямъ распространится и дальше къ выше лежащимъ центрамъ сознательной жизни ¹³⁶⁾. Искусственно упрощенный примѣръ перваго представляютъ обезглавленные животныя, у которыхъ сохранены лишь автоматическіе центры спиннаго мозга и которымъ, какъ показываетъ опытъ, совершенно чужды высшія сознательныя явленія. Раздраженіе накожныхъ нервовъ у такихъ жи-

научный взглядъ далеко еще не сталъ общимъ достояніемъ даже людей, такъ или иначе причастныхъ наукѣ, которые и до сихъ поръ продолжаютъ еще вести на ея почвѣ възвовой и бесплодный споръ о матеріализмѣ научныхъ возрѣній, не отдѣляя области знанія отъ области упованій и вѣрованій, которыя зиждутся не на доказательствахъ, а на чувствѣ и настроеніи.

¹³⁵⁾ Cabanis, «Rappor. du phys. et du mor. de l'homme», 73.

¹³⁶⁾ Говоря это, я вовсе не имѣю въ виду затрогивать многихъ крайне деликатныхъ сторонъ тонкаго вопроса о сознаніи, къ числу которыхъ принадлежить, напр., вопросъ о томъ, могутъ ли быть относимы функціи субкортикальных (подкорковыхъ) узловъ головного мозга къ числу сознательныхъ. Есть основаніе думать, что сознательность представляетъ множество отдѣлковъ, и что элементъ сознательности въ неизмѣримо минимальной степени присущъ, можетъ быть, всякой чувствующей нервной клѣткѣ, входящей въ составъ организма (см. Meynert, «Psychiatrie», 126). Но—повторяю опять—все это вопросы крайне деликатные, которыхъ я не имѣю ни нужды, ни желанія касаться въ данномъ случаѣ. Говоря выше о сознательности, я имѣлъ въ виду такія ясныя состоянія сознанія, которыя обусловливаются участіемъ въ дѣятельности высшихъ центровъ головного мозга, и которыхъ недостаетъ, напр., какому-нибудь эпилептику во время его приступовъ. Многія интересныя изъ относящихся сюда указаній см. въ преніяхъ по сообщенію д-ра Gudden по вопросу о локализациахъ функцій въ корѣ головного мозга на ежегодномъ конгрессѣ Общества германскихъ психіатровъ 1885 г. Отчетъ о преніяхъ можно найти, между прочимъ, въ 37 № Arch. de Neurol. 1887 г., 95 и сл. Но какъ самъ по себѣ ни интересенъ вопросъ о томъ, существуютъ ли въ корѣ головного мозга особыя, сравнительно строго обограниченныя территоріи, изъ которыхъ каждая завѣдуетъ и особой функціей, къ чему, теперь склоняется, повидимому, большинство ученыхъ, или же такихъ территорій въ корѣ не существуетъ, какъ это утверждаетъ Goltz и его послѣдователи, и какъ ни интересенъ этотъ споръ въ томъ видѣ, какъ онъ ведется сторонниками двухъ взглядовъ,—тѣмъ не менѣе всякое его рѣшеніе не можетъ затрогивать и подрывать проводимаго въ настоящей работѣ взгляда о локализациі различныхъ

вотныхъ «всегда, то-есть роковымъ образомъ» ¹³⁷⁾ вызываетъ сокращеніе опредѣленныхъ мускуловъ и цѣлесообразныя и осмысленныя по внѣшности движенія, направленныя къ удаленію раздражителя, а чрезъ-то и самого раздраженія.

Подобныя движенія можно наблюдать и у спящихъ животныхъ, которымъ въ это время также чужды высшія сознательныя явленія, и сознательная память которыхъ, если можно такъ выразиться, по пробужденіи не сохраняетъ о томъ никакихъ воспоминаній.

Всѣ эти движенія суть движенія отраженныя или рефлекторныя, происходящія по слѣдующей схемѣ: 1) раздраженіе концевыхъ нервныхъ аппаратовъ тѣми или другими стимулами; 2) распространеніе вызванныхъ раздраженіемъ нервныхъ возбужденій по приводящимъ нервнымъ волокнамъ до нервныхъ центровъ — до ихъ воспринимающихъ или чувствующихъ клѣтокъ; 3) переходъ возбужденій по соединительнымъ волокнамъ отъ этихъ послѣднихъ на выводящія или двигательныя клѣтки; 4) распространеніе нервныхъ возбужденій отъ двигательныхъ клѣтокъ вплоть до мускуловъ, и, наконецъ, 5) конечный актъ всего процесса — мускульныя сокращенія. Выраженная короче, схема эта сводится къ слѣдующему: 1) распространеніе вызванныхъ раздраженіемъ нервныхъ возбужденій отъ концевыхъ аппаратовъ къ центрамъ; 2) измѣненіе въ направленіи движенія нервныхъ возбужденій въ этихъ послѣднихъ; 3) распространеніе нервныхъ возбужденій отъ центровъ къ периферіи, — къ входящимъ въ ея составъ мускуламъ. Въ этой схемѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, два крайнихъ члена: приведеніе и выведеніе нервныхъ возбужденій, и одинъ средній — движеніе возбужденій въ центрахъ.

Во всѣхъ движеніяхъ только что описаннаго типа, движеніяхъ, которыми особенно богато раннее дѣтство человѣка ¹³⁸⁾, твердое соотношеніе между раздраженіями опредѣленныхъ концевыхъ аппаратовъ и конечными эффектами — опредѣленными мускульными сокращеніями, обусловливается, какъ это ясно видно, по меньшей мѣрѣ,

функций въ опредѣленныхъ нервныхъ центрахъ спинно-головнаго мозга, а также о соотносительномъ развитіи и іерархіи послѣднихъ, которыя доказываются подавляющей массой фактовъ. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что существованіе въ мозгу гдѣ бы то ни было не одного, а нѣсколькихъ однородныхъ, но іерархически и функціонально не однозначныхъ центровъ, заставляющихъ одними и тѣми же психическими движеніями, чему ясныя и наглядныя доказательства я представляю ниже, всего лучше подтверждаютъ такую локализацию.

¹³⁷⁾ Сьченовъ, „Психологическіе этюды“, 7.

¹³⁸⁾ Perez: «La psychologie de l'enfant», 12 и сл.

въ простѣйшихъ рефлекторныхъ движеніяхъ, установленною твердою связью отдѣльныхъ частей нервнаго механизма, въ которыхъ циркулируетъ нервное возбужденіе, причемъ все происходитъ безъ участія въ процессѣ высшихъ центровъ, психическій элементъ въ дѣятельности которыхъ и представляетъ столь значительное осложненіе, во многомъ маскирующее характеръ явленій.

Другой типъ движеній и дѣйствій — движенія и дѣйствія сознательныя, при которыхъ возбужденіе по приводящимъ волокнамъ достигаетъ сначала высшихъ центровъ и призываетъ здѣсь къ участію въ дѣятельности большее или меньшее число нервныхъ элементовъ, а потому и остается въ центрахъ болѣе или менѣе долгое время и только затѣмъ уже переходитъ на выводящій двигательный путь и вызываетъ болѣе или менѣе сложныя движенія и дѣйствія.

Этотъ второй типъ движеній, если, конечно, разсматривать его только со стороны его основнаго механизма, а не сущности присоединяющагося къ нему элемента сознательности ¹³⁹⁾, въ значительной мѣрѣ, впрочемъ, сходенъ съ первымъ. И здѣсь мы имѣемъ тѣ же три члена: 1) приведеніе возбужденія извнѣ къ центрамъ; 2) выведеніе его наружу и его разряженіе въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, и 3) наконецъ, одинъ средній членъ — распространеніе и циркуляція возбужденія въ центрахъ. Но въ случаяхъ этого типа средній членъ, представляющійся часто крайне удлиненнымъ, сопровождается яснымъ сознаніемъ.

Наконецъ, повидимому, можетъ быть и третій типъ движеній и дѣйствій, типъ смѣшанный и сложный: одна часть нервнаго возбужденія переходитъ на выводящій путь въ нижележащихъ автоматическихъ центрахъ, а другая часть въ то же время распространяется къ вышележащимъ высшимъ центрамъ сознательной жизни. Движенія и дѣйствія послѣдняго типа, по своей часто наблюдаемой замаскированности, имѣютъ весьма важное значеніе, при обсужденіи дѣятельности человека вообще и преступной его дѣятельности въ частности. Случается, что начальный членъ всего процесса, т. е. возбужденіе, идущее отъ периферіи къ центру, зарождается въ темныхъ областяхъ растительной жизни и, поднимаясь отсюда черезъ автоматическіе центры, въ нихъ одною своею частію переходитъ въ дѣйствіе, не предшествуемое поэтому размышленіемъ и только сопровождаемое послѣдователь-

¹³⁹⁾ Чтобы избѣжать всякихъ недоразумѣній и путаницы въ понятіяхъ, считая нужнымъ еще разъ оговориться, что все изученіе доступной намъ стороны сознательной жизни не составляетъ даже начальнаго шага въ изученіи и пониманіи сущности сознанія, которая остается столь же непостижима послѣ изученія, какъ и до него.

ной сознательностью ¹⁴⁰). Такія движенія и дѣйствія, часто весьма сложныя, суть движенія и дѣйствія необдуманныя: они только улавливаются сознаниемъ, но предварительно не опредѣляются высшими сознательными процессами—процессами разсужденія. На большее или меньшее ихъ преобладаніе въ дѣятельности человѣка въ данное время оказываютъ вліяніе многія условія,—предшествующее развитіе, сила начального возбужденія, временныя состоянія нервной системы, обусловливаемые правильностью ея питанія и соразмѣрностью ея предшествующей работы, а также привычность, въ установленіи которой важную роль играютъ навыки дѣтства и ранней юности. Ими въ значительной мѣрѣ и обусловливается наклонность человѣка опредѣляться къ дѣйствію въ зависимости отъ предварительныхъ размысленій и обдуманности, или же преимущественно въ зависимости отъ напора темныхъ возбужденій, непосредственно переходящихъ на двигательные пути и разряжающихся въ болѣе или менѣе сложныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Важное вліяніе на всю послѣдующую жизнь ребенка въ этомъ отношеніи могутъ и дѣйствительно оказываютъ приемы и дѣятельность воспитателей. Отъ послѣднихъ въ значительной мѣрѣ зависитъ, оставлять ли покоиться и бездѣйствовать высшіе центры воспитываемыхъ и тѣмъ самымъ почти все предоставлять въ нихъ непосредственному вліянію темныхъ возбужденій при ежедневныхъ мелкихъ событіяхъ и столкновеніяхъ будничной сѣренькой жизни, или же, по поводу всякаго представившагося случая, будить разсудокъ, возбуждать его самодѣятельность и путемъ постепенныхъ настоячивыхъ упражненій приучать его быть распорядителемъ дѣйствій. Достигается послѣднее не столько разсужденіями и бесѣдами, сколько наталкиваніемъ, упражненіемъ на опытъ и наведеніемъ на самодѣятельность. Все это имѣетъ особое значеніе по отношенію къ недостаточнымъ и нервнымъ дѣтямъ, дѣтямъ «труднымъ въ воспитательномъ отношеніи», которыя отъ рожденія особенно склонны дѣйствовать подъ вліяніемъ темныхъ влеченій и порывовъ. Къ сожалѣнію, не рѣдко приходится видѣть, что слабые, а часто неразумные родители и воспитатели такихъ дѣтей ихъ-то и предоставляютъ почти всецѣло влеченіямъ ихъ недостаточной натуры, которая неудержимо толкаетъ ихъ ко всевозможнымъ эксцессамъ. Въ дѣтствѣ и ранней юности подобные субъекты и при подобномъ воспитаніи, обыкновенно представляются капризными и необузданными, а въ послѣдующей своей жизни—

¹⁴⁰) См. между прочимъ, Carpenter: Principles of ment. physiol. 123, и сл. по 6 изд. Въ III § приведена не безъинтересная графическая схема.

людьми въ сущности безвольными и несчастными жертвами недостатковъ своей природы и воспитанія, частый удѣлъ которыхъ — скамья подсудимыхъ.

Иногда весь двигательный актъ, въ которомъ мы намѣтили три члена, представляется укороченнымъ, вслѣдствіе отпаденія одного изъ крайнихъ членовъ. Иногда отпадаетъ начальный членъ или возбужденіе концеваго аппарата и распространеніе возбужденія по проводящему волокну. Въ этомъ случаѣ непосредственно раздражается, по видимому, самый нервный центръ, возбужденіе, отъ котораго и передается на двигательное волокно. Иногда же, напротивъ, отпадаетъ второй крайній членъ, — распространеніе возбужденія по выводящимъ волокнамъ и мускульныя сокращенія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ первное возбужденіе, вызванное тѣми или иными раздраженіями, достигнувъ нервныхъ центровъ, не вызываетъ прямыхъ отвѣтныхъ движеній или дѣйствій, хотя и не пропадаетъ безслѣдно для экономіи жизни организма.

Проявится ли вызванное даннымъ стимуломъ нервное возбужденіе только рефлекторнымъ актомъ, или распространится и къ выше лежащимъ центрамъ сознательной жизни, — это зависитъ отъ весьма многихъ условій, — отъ силы начального стимула, отъ состоянія нервной системы въ данное время вообще, и отъ состоянія ея отдѣльных частей въ частности, отъ установленныхъ привычныхъ путей и пр. ¹⁴¹⁾. Самая воспріимчивость наша къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ въ различные моменты жизни также не остается постоянной, а, напротивъ, значительно колеблется, понижаясь или повышаясь въ различныхъ степеняхъ.

Вызываемыя различными раздражителями нервныя возбужденія, могутъ оставаться, какъ уже замѣчено выше, или на степени только простыхъ возбужденій, иначе говоря, актовъ, по меньшей мѣрѣ, раздѣльно не уловливаемыхъ сознаніемъ, или же, напротивъ, могутъ окрашиваться сознательностью и, такимъ образомъ, становиться раздѣльными впечатлѣніями и ощущеніями, иначе говоря, чувствованіями. Слѣдовательно, для возникновенія чувствованій, т. е. для возникновенія основныхъ психическихъ элементовъ, необходима наличность того или другаго раздражителя или стимула, который бы подѣйствовалъ на нервныя центры или посредственно, т. е. при помощи кон-

¹⁴¹⁾ Carpenter, 78, 81, 85, 107; Luys цитир уже сочин. 37. Voisin также цитир. сочин. 66. Despine: „De la folie au point de vue philosophique“, 222. Выше я уже намѣтилъ возможную точку зрѣнія по вопросу о сознательности функций субкортикальных узловъ.

цевого аппарата и приводящаго нервнаго волокна, или же непосредственно, т. е. безъ помощи этихъ послѣднихъ, потому что безъ тако-го воздѣйствія не можетъ быть и чувствованія, такъ какъ мозгъ, какъ замѣчаетъ пр. Меуперт, не излучаетъ внутренней силы, а извнѣ получаетъ силу, лежащую въ основѣ всѣхъ его явленій ¹⁴²⁾).

Воздѣйствующіе на нервную систему раздражители или стимулы могутъ быть или внѣшніе, т. е. не составляющіе въ данное время части организма, или внутренніе и составляющіе такую часть ¹⁴³⁾. Только сравнительно незначительная доля первыхъ улавливается въ ихъ дѣятельности сознаниемъ, какъ стимулы. Такъ, напр., опредѣленные звуки голоса, дѣйствующіе на ухо, и вызывающіе въ сознаниі сначала то или иное слуховое впечатлѣніе, а затѣмъ часто и ряды представленій, и самимъ сознаниемъ отмѣчаются, какъ стимулы, къ которымъ, какъ исходному моменту, и приурочивается послѣдующій рядъ психическихъ явленій. Вліяніе же громаднѣйшаго большинства внѣшнихъ стимуловъ на произведеніе тѣхъ или другихъ психическихъ состояній, напротивъ, рѣшительно ускользаетъ отъ сознанія.

Во внѣшней окружающей насъ средѣ постоянно происходятъ самыя разнообразныя движенія матеріальныхъ частицъ, которыя непрерывно воздѣйствуютъ на организмъ и, при помощи приводящихъ нервныхъ путей, въ качествѣ раздражителей, въ большей или меньшей степени возбуждаютъ различные его нервные центры. Большая часть этихъ многочисленныхъ внѣшнихъ движеній, непрерывно передающихся организму, раздѣльно, однако, не улавливается сознаниемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ постоянно дѣйствующее вліяніе и не проходитъ безслѣдно для оттѣнковъ окраски нашихъ психическихъ состояній. Многочисленные внѣшніе раздражители, непрерывно и одновременно воздѣйствуя черезъ посредство различныхъ нервныхъ волоконъ на различные нервные центры, и тѣмъ самымъ постоянно

¹⁴²⁾ Psychiatrie, 146 и 126. «Перцепція», замѣчаетъ Despine, «дѣйствительно есть преимущественно возбуждающій элементъ другихъ способностей, какъ умственныхъ, такъ и инстинктивныхъ. Приводя духъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, она отворяетъ, такъ сказать, двери для дѣятельности самыхъ высшихъ психическихъ способностей». См. его только что цитир. сочин. 13. «Изъ воспріятій предметовъ и ихъ переработки органомъ интеллекта», замѣчаетъ Georget, «проистекаютъ слѣдствія, рѣшенія, которыя психологи разсматривали вообще, какъ элементы разума, тогда какъ въ дѣйствительности это лишь выраженія предшествующихъ воздѣйствій. Это лишь формы, въ которыя облекается мысль, проявляясь во внѣ». De la folie, 31.

¹⁴³⁾ См. объ этомъ у Вундта въ его «Основаніяхъ фізіологической психологiи» 218.

посылая къ нимъ все новыя и новыя, хотя часто и весьма малыя количества возбужденія, заставляютъ ихъ хотя и слабо, но тонировать, и эти-то отдѣльныя и при томъ разномѣрныя тонаціи, суммируясь и сливаясь вмѣстѣ, какъ отдѣльные хоровые звуки многочисленнаго оркестра, создаютъ то или другое настроеніе данной минуты, которое въ свою очередь могущественно вліяетъ на все отношеніе человѣка къ окружающему ¹⁴⁴). Для примѣра укажу на вліяніе погоды, т. е. на вліяніе той или иной степени свѣта, влажности, теплоты и проч., на многочисленныя окончанія нервныхъ волоконъ, разбѣянныхъ на поверхности нашего тѣла. Кому по собственному опыту не извѣстно это могущественное вліяніе различій погоды на настроеніе, а чрезъ него и на всю совокупность нашего нравственно-умственного существа какъ первично — въ его субъективныхъ состояніяхъ, такъ и вторично, — во всѣхъ проявленіяхъ этихъ состояній во вѣ, въ дѣятельности? Что возможно для даннаго человѣка во время дурной сумрачной погоды, то, *при прочихъ приблизительно равныхъ условіяхъ*, почти невозможно для него же въ пріятно-теплый, свѣтлый, солнечный день, когда его внутренній міръ окрашенъ иными, болѣе свѣтлыми красками ¹⁴⁵).

Иногда такія суммарныя воздѣйствія, создающія сложную общую тонацію, при наличности другихъ сильно и индивидуально дѣйствующихъ стимуловъ, вліяютъ только на измѣненіе характера конечныхъ эффектовъ этихъ послѣднихъ; иногда же такія воздѣйствія, особенно при состояніяхъ нѣсколько повышенной раздражительности нервной системы, создаютъ интензивно выраженное настроеніе и чрезъ его посредство вызываютъ темныя влеченія, а затѣмъ помощью того же механизма подсказываютъ и соотвѣтствующія представленія, опредѣляющія человѣка къ той или иной дѣятельности ¹⁴⁶).

¹⁴⁴) См. Carpenter, цитир. соч. 173 и 174 стр. О механизмѣ настроенія и его особенностяхъ подробно я буду говорить ниже.

¹⁴⁵) Я нарочно отмѣтилъ курсивомъ то, что необходимо принимать во вниманіе при обсужденіи вліянія атмосферическихъ факторовъ на дѣятельность человѣка. Последняя представляетъ собою явленіе слишкомъ многофакторное: чтобы его можно было изучать простымъ статистическимъ методомъ или методомъ большихъ чиселъ. Только детальное изученіе отдѣльныхъ явленій можетъ выяснить роли отдѣльныхъ многочисленныхъ факторовъ. Укажу на сказанное мною по этому поводу на 169 и слѣд. стр. перваго выпуска этой работы. Интересныя относящіяся сюда замѣчанія см. въ статьѣ Colajanni: «Oscillations thermom. et délits contre les person.», помѣщ. въ журналъ „Archives de l'anthropol. crimin. et des sciences pénal.“ за 1886 г.

¹⁴⁶) Чтобы нѣсколько иллюстрировать особенности только что описаннаго пси-

Понятно поэтому, что генезисъ многихъ человѣческихъ дѣйствій представляется крайне темнымъ и замаскированнымъ. Мы улавливаемъ сознаниемъ только незначительную часть ихъ факторовъ, тогда какъ другая болѣе значительная ихъ часть рѣшительно ускользаетъ отъ нашего вниманія, вслѣдствіе чего стремленіе и рѣшимость на то или иное дѣйствіе, во многихъ случаяхъ, намъ представляется неизвѣстно откуда возникающими.

Этимъ механизмомъ вліяній разнообразныхъ виѣшнихъ воздѣйствій и обусловливается неизмѣримо важное значеніе окружающей обста-

хического механизма, приведу случаи вліянія внутреннихъ раздражителей на пороженіе опредѣленнаго настроенія, а черезъ его посредство—темныхъ влеченій и соотвѣствующихъ представленій, совмѣстно обусловливающихъ ту, а не иную дѣятельность. Я останавливаюсь при этомъ на случаяхъ внутреннихъ раздраженій потому, что эти случаи, заимствованные изъ патологической области, болѣе рельефно представляютъ намъ особенности интересующаго насъ механизма, который остается тѣмъ же самымъ и въ случаяхъ вліянія виѣшнихъ раздражителей.

Напомню прежде всего одинъ случай, заимствованный мною у д-ра Loiseau и рассказанный на 108 стр. перваго выпуска этой работы, въ которомъ у одной женщины, подъ вліяніемъ прекращенія регулъ, появилось опредѣленное настроеніе, въ свою очередь породившее темное влеченіе къ самоубійству. Она уже пошла на мостъ, *но дорогою показали регулы и она сейчасъ же почувствовала, что ея мысли измѣнились*. Отпало слѣдовательно вліяніе опредѣленныхъ внутреннихъ раздражителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно отпали: самое раздраженіе, порожденное имъ настроеніе, темное влеченіе и соотвѣтствующія мысли.

Другой случай; нѣкто Д. съ дѣтства страдала различными нервными расстройствами, носившими на себѣ истеричный характеръ. Ея мать много лѣтъ страдала сходными же расстройствами и имѣла всевозможныя невралгіи. Случалось иногда, что она по цѣлымъ часамъ оставалась безъ сознанія, совершенно неподвижна и безучастна ко всему ея окружавшему. Ея сестра, тетка Д., была страстной адепткой спиритизма; она вызывала тѣни своихъ умершихъ сыновей и бесѣдовала съ ними.

Когда Д. было 24 г., то у нея, послѣ первыхъ родовъ, развилась *болѣзнь матки*. Года четыре спустя послѣ этого дѣла ея мужа разстроились и богатство для нихъ смѣнилось бѣдностью. Въ этихъ обстоятельствахъ она сохранила однако полную бодрость духа, проявленія ея нервныхъ расстройствъ исчезли и общее здоровье, повидимому, было превосходно, *исключая маточныхъ кровотеченій*, которые постепенно породили большую слабость.

Въ это время столверченіе было моднымъ занятіемъ; подобно другимъ г-жа Д., для простаго развлеченія, также предавалась ему. И вотъ одинъ изъ сеансовъ произвелъ на ея нервно-ослабленную организацію весьма сильное впечатлѣніе. Вернувшись послѣ него домой, Д. стала ощущать *безотчетный ужасъ*, а затѣмъ начала слышать *угрожающіе голоса* (итакъ, появилось опредѣленное настроеніе, а затѣмъ его тоны облеклись и въ соотвѣтствующіе субъективные

новки со всѣми мельчайшими ея особенностями не только по отношенію къ направленію нашей дѣятельности даннаго времени, но еще въ большей мѣрѣ и по отношенію къ постепенной и постоянной выработкѣ той или иной окраски нашей умственно-нравственной личности, выработкѣ, совершающейся какъ въ теченіе нашей собственной жизни, такъ и совершавшейся въ теченіе жизни нашихъ восходящихъ. Безчисленныя и ежесекундно воздѣйствующія на насъ условія всей окружающей насъ обстановки такъ, а не иначе возбуждаютъ черезъ посредство воспринимающихъ нервныхъ аппаратовъ различные

голоса). Постепенно галлюцинаціи становились все болѣе и болѣе многочисленны; ей явилось три образа Христа и одинъ изъ нихъ приказалъ, между прочимъ, отправиться въ Римъ и воздѣлать конецъ міра. Бредъ чувствованій по временамъ принималъ ужасный характеръ. Она видѣла своего мужа изрѣзаннымъ въ куски, видѣла себя съ сыномъ подъ ножемъ гиліотины (опять то же совпаденіе разстройствъ въ половой системѣ (маточныя страданія) и бреда кровью и убійствами), она чувствовала полную зависимость отъ чудовищъ, которые приказывали ей совершить ужасныя дѣйствія,—подложить огонь, убить кого нибудь — что она, по ея словамъ, и выполнила бы, если бы имѣла къ тому средства, такъ какъ она чувствовала, *что ей невозможно противиться этимъ влеченіямъ* (итакъ внутренніе раздражители и порожденное ими раздраженіе обусловили извѣстное настроеніе, усиленные тоны котораго породили темныя, но неудержимыя влеченія, въ свою очередь подсказавшія соответствующія представленія, — приказывавшіе голоса). По временамъ у нея бывали приступы возбужденія и тогда она производила погромы; галлюцинаціи все время не прекращались, а иногда ея овладѣвали неодолимыя влеченія, которыя дѣлали ее весьма опасной для окружающихъ. Она охотно выслушивала замѣчанія и соглашалась, что всѣ эти галлюцинаціи можетъ быть вздоръ, но при этомъ прибавляла: «Если я и не дѣлаю всего, что мнѣ приходится въ голову, то только по невозможности; въ желаніи же и волѣ нѣтъ недостатка».

Систематическое лѣченіе устранило раздраженіе и тѣмъ самымъ измѣнило настроеніе, вмѣстѣ съ чѣмъ исчезли порожденные его тонами темныя влеченія, одѣвавшіяся соответствующими представленіями, по своей яркости достигавшими степени слуховыхъ и зрительныхъ галлюцинацій. См. I. Moreau (de Tours): «Traité pratique de la folie névropathique», 119 и сл. Нѣкто М. L., происходившій отъ очень нервной и раздражительной матери, унаслѣдовалъ многія особенности ея организаціи и всегда былъ крайне нервнъ и нѣсколько страннъ. Въ 1882 году онъ впервые почувствовалъ *неодолимую потребность припоминать* опредѣленные имена и фамиліи одинаково какъ знакомыхъ, такъ и вовсе незнакомыхъ и неинтересныхъ ему лицъ, о которыхъ онъ читалъ или слышалъ. Въ первый разъ онъ ощутилъ эту странную потребность ночью, когда онъ проснулся и старался припомнить прочитанное въ газетѣ имя, которое, несмотря на всѣ усилія, однако не давалось. Онъ было старался не думать о немъ болѣе и заснуть, — напрасныя старанія: имя, не припоминаясь, тѣмъ не менѣе зудѣло въ головѣ; потребность найти его была принудительна (повышенное и длящееся раздраженіе) и вынуждала думать и искать. Онъ морочается

центры нашей нервной системы, и тѣмъ самымъ вызываютъ въ нихъ тѣ, а не инныя измѣненія, приспособленія и навыки, которые, разъ образовавшись, въ свою очередь, неизбежно будутъ опредѣлять характеръ нашей реакціи или отвѣтовъ на всѣ послѣдующія возбужденія. Послѣ этого становится понятно, какой жизненный общественный интересъ соединяется съ созданиемъ условій благоприятной обстановки для народныхъ массъ, представляющихъ собою толщи общественного организма, качествами и особенностями котораго предопре-

въ кровати, потомъ садится, будить жену, вздыхаетъ, сжимаетъ голову руками и старается припомнить не дающееся имя. Вдругъ онъ вскакиваетъ въ тоскѣ весь блѣдный и покрытый потомъ. По его словамъ, онъ чувствуетъ себя „сжатымъ“, его грудь сдавлена какъ бы въ тискахъ, особенно съ лѣвой стороны; онъ не можетъ дышать, задыхается, плачетъ, бѣгаетъ въ отчаяніи по комнатамъ и проводитъ остатокъ ночи въ ужасномъ безпокойствѣ. Утромъ онъ отыскиваетъ газету, прочитываетъ искомое имя и немедленно же чувствуетъ себя исцѣленнымъ. Начиная съ этого дня, потребность припоминать имена и фамиліи становится все болѣе принудительна. Вскорѣ къ именамъ лицъ присоединяются названія предметовъ, потомъ мотивы и образы. Всѣ его привычки измѣняются, онъ бѣжитъ общества и не имѣетъ покоя ни ночью, ни днемъ. Такое состояніе длится 2 года и устраняется совершеннымъ измѣненіемъ его гигиеническихъ условій, физическими упражненіями (возстановляющими правильность общаго кровообращенія), прогулками и лѣченіемъ холодной водой. См. Saury: „Et. clin. sur la fol. héréd.“ 89 и сл.

Д-ръ Voisshut разсказываетъ слѣдующій крайне замѣчательный случай. Нѣкто д-ръ С. повредилъ себѣ лѣвую ногу. Послѣ шестинедѣльнаго лежанія въ постели у него развились сціатикъ, а за нимъ послѣдовало крайне странное нервное разстройство и припадки. Сначала явилась бессонница, *сопровождавшаяся головною болью и непреодолимымъ творчествомъ*, если можно такъ выразиться, въ умѣ странныхъ словъ, не соответствующихъ никакому языку. Одно изъ такихъ безпрестанно навязывавшихся ему выраженій было, напр., *Conquertan sibilité*. Это странное разстройство было только внутреннимъ состояніемъ, такъ какъ больной не произносилъ съ докучливой настойчивостью навязывавшихся ему словъ, механически вызывавшихся въ умѣ какимъ-то внутреннимъ раздраженіемъ, *что регулярно и периодически повторялось каждые два дня*.

Повидимому, подъ влияніемъ лѣченія, которое разстроило пищевареніе, перемежаемость странныхъ явленій смѣнилась потомъ ихъ постоянствомъ. Сціатическія боли повторялись по временамъ; замѣчались также усиленные дрожанія въ лѣвой ногѣ. При задерживаніи послѣднихъ, такія же дрожанія начинались въ правой ногѣ, потомъ въ рукахъ и въ челюсти *и сопровождались лаемъ, визжаниями или невольнымъ произнесеніемъ трюмкимъ голосомъ тѣхъ же бессмысленныхъ словъ*, безпрестанно повторяемыхъ. Больной даже во время припадковъ никогда не терялъ сознанія, и его умственные способности были совершенно ясны и нетронуты, органы чувствъ функционировали правильно и только замѣчалась въ слабой степени анестезія кожи. Du nervosisme aigu et chronique, 113 и сл.

дѣляется степень общаго благосостоянія ¹⁴⁷⁾). Къ сожалѣнію, множество норъ и трущобъ, особенно въ крупныхъ городскихъ центрахъ, массы безпризорнаго захудалаго люда и остающіеся еще массы заброшенныхъ, загнанныхъ, голодныхъ и холодныхъ дѣтей, подвергающихся всѣмъ невзгодамъ самой дурной обстановки, продолжаютъ ясно доказывать, что даже наиболѣе жизненные интересы бываютъ не всегда поняты. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этой послѣдней печальной истинѣ, стоитъ только заглянуть хотя бы въ наши ремесленные мастерскія, въ которыхъ часто различные пропойцы совершенно свободно, но своеобразно занимаются воспитаніемъ, и среди отвратительной обстановки которыхъ, съ ихъ грязью, сыростью и вонью, протекаетъ большая часть жизни не только взрослыхъ рабочихъ, но и ихъ подрастающихъ поколѣній. А между тѣмъ для развитія въ послѣднихъ хорошей органической основы ихъ психической личности, во всякомъ случаѣ, необходимы хотя сколько нибудь болѣе правильныя условія повседневной жизни. И неужели же общество, будущіе члены котораго вырабатываются въ этихъ трущобахъ, жизненно не заинтересовано въ скорѣйшемъ упорядоченіи этихъ столь благопріятныхъ питомниковъ физической и нравственной деградации, а иногда и преступности?

Не менѣе замаскированно вліяютъ и многочисленные внѣшніе раздражители, вводимые внутрь организма и дѣйствующіе на его внутреннюю поверхность. Таковы, напр., воздухъ съ его различнымъ составомъ, введенная, но еще не переработанная пища и пр. Всѣ эти раздражители непрерывно вліяютъ на тѣ или другіе отдѣлы организма и тѣмъ самымъ порождаютъ болѣе или менѣе сильныя чувствованія, которыя, если только они не выдѣляются по своей интен-

147) Касаясь этого общаго вопроса, мы вмѣстѣ съ тѣмъ затрогиваемъ въ сущности и множество частныхъ входящихъ въ его составъ вопросовъ, какъ, напр., вопроса объ устройствѣ не на предпринимательскомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не на благотворительномъ началѣ чистыхъ, здоровыхъ, удобныхъ и дешевыхъ жилищъ для бѣдныхъ классовъ населенія, вопроса объ организаціи снабженія ихъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ здоровой и питательной пищей, достаточной одеждой, вопроса объ устройствѣ народныхъ удовольствій и мѣстъ для здороваго времяпрепровожденія часовъ свободы и отдыха и пр. Понятно, что здѣсь я касаюсь всего этого лишь вскользь въ краткомъ примѣчаніи, цѣль котораго слегка намѣтитъ кетати естественную связь вопросовъ психологическихъ и общественныхъ по поводу одного изъ нихъ. Послѣдній не есть лишь вопросъ филантропіи, но вопросъ правильно понимаемой общественной или общей пользы и выгоды и, какъ таковой, вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ справедливости.

зивности индивидуально, примѣшиваются къ другимъ такимъ же чувствованіямъ и вносятъ свою долю участія въ созданіе той или иной тонаціи общаго чувства, обусловливающей настроеніе, того или иного отношенія человѣка ко всему его окружающему, а вмѣстѣ съ тѣмъ вносятъ и большую или меньшую долю вліянія на порожденіе влеченій къ тѣмъ или инымъ движеніямъ, къ той или иной дѣятельности¹¹⁸). Обыкновенно вліянія всѣхъ этихъ раздражителей отдѣльно въ общей массѣ не распознаваемо. Они дѣйствуютъ «скопомъ» и «толпой», причемъ доля участія cadaго, какъ это и всегда бываетъ въ толпѣ, теряется во множествѣ, не переставая отъ того быть реальной вліяющей величиной. Но иногда какой либо изъ такихъ раздражителей дѣйствуетъ особенно интензивно и тогда его вліяніе обособляется и рѣзко выдѣляется изъ смѣшенія вліяній всѣхъ остальныхъ. Укажу хотя бы на вліяніе одного, правда, исключительнаго раздражителя. Д-ръ Mogel передаетъ, напр., наблюдавшійся имъ случай одной дамы, у которой присутствіе теніи порождало — что особенно для насъ интересно¹¹⁹) — странности характера, дурныя его проявленія и возбужденія, граничившія съ душевной болѣзнію, и приводившія въ отчаяніе ея мужа. Изгнаніе теніи, а слѣдовательно и раздражителя, устранило всѣ аномальныя психическія проявленія¹²⁰). Сходный случай передаетъ и д-ръ Луисъ изъ своей практики. И въ этомъ случаѣ присутствіе теніи вызывало странности характера, возбужденіе и пр., а удаленіе паразита также устранило всѣ аномальныя психическія проявленія¹²¹).

Конечно, оба приведенные случая болѣзненны¹²²), но я остановился

¹¹⁸) Кому, напр., неизвѣстно вліяніе введенія въ желудокъ неудобоваримой пищи на настроеніе, на способность мышленія, на степень быстроты рѣшеній и проч. — однимъ словомъ, на все психическое существо человѣка. «Часто, когда онъ (мозгъ) получалъ дурныя новости», говоритъ желудокъ, «я отказывался переваривать по чистой симпатіи, а когда, при случаѣ, я становился угрюмъ и не хотѣлъ работать, то онъ, въ свою очередь, становился раздражителемъ и буенъ». См. полушутливую работу неизвѣстнаго англійскаго автора — «Memoirs of a Stomach, written by himself, that all who eat may read», переведенную на французскій языкъ д-мъ Gros (Mémoires d'un Estomac etc.). 3 изд. 1876, 35.

¹¹⁹) Потому что въ этомъ случаѣ ясно выступаетъ вліяніе суммирующихся органическихъ раздраженій на все умственно-нравственное существо человѣка.

¹²⁰) Etudes cliniques, I, 292 и сл.

¹²¹) Traité clin. et prat. des mal. ment., 242.

¹²²) При этомъ нельзя не прибавить, что они не вполне и чисты. Въ нихъ мы имѣемъ дѣло не съ однимъ раздраженіемъ, а, повидимому, и съ измѣненіями въ питаніи нервныхъ центровъ, порожденными истощеніемъ отъ паразита.

на нихъ потому, что вліяніе раздражителя, введеннаго внутрь организма, здѣсь постоянное и суммирующееся, и еще потому, что оно весьма рельефно выдѣляется. Правда, дѣйствовавшіе въ этихъ случаяхъ раздражители, какъ уже замѣчено выше, суть раздражители не обычные, но это нисколько не препятствуетъ ихъ вліянію по всемъ направленіямъ психической личности, если можно такъ выразиться, быть демонстративнымъ и прекрасно знакомить насъ съ характеромъ вліянія и другихъ менѣе уловимыхъ, но подобныхъ же раздражителей.

Какъ бы переходъ отъ стимуловъ внѣшнихъ къ стимуламъ внутреннимъ представляютъ собою раздражители, которые хотя и вырабатываются внутри самого организма, но которые въ моментъ раздраженія составляютъ уже какъ бы нѣчто внѣшнее по отношенію къ нему. Таковы, напр., выдѣляемые организмомъ жидкости до ихъ выведенія наружу, какъ, напр., сперма. Порождаемое ея скопленіемъ постоянно длящееся раздраженіе, передаваясь по соединительнымъ нервнымъ путямъ къ специальнымъ центрамъ, а отъ нихъ и далѣе, вызываетъ болѣе или менѣе сильныя половыя влеченія, создаетъ особые оттѣнки настроенія, сопровождаемые большими или меньшими перемѣнами—смотря, конечно, по особенностямъ данныхъ состояній организацій субъектовъ—въ отношеніяхъ послѣднихъ ко всему окружающему, вызываетъ въ сознаніи соотвѣтствующіе образы и мысли и порождаетъ влеченія къ тѣмъ или инымъ соотвѣтствующимъ движеніямъ и дѣйствіямъ. Особенно рельефно проявляется вліяніе этого раздражителя у личностей съ повышенно раздражительной половой нервной системой¹⁵³⁾.

Изъ всего сказаннаго не трудно видѣть, насколько сложной и въ ея отдѣльно дѣйствующихъ факторахъ почти нераспознаваемой представ-

¹⁵³⁾ Пр. Крафт-Ебингъ приводитъ, напр., крайне интересный случай. Одинъ 45-лѣтній инженеръ, вхавшій въ Вѣну, на одной промежуточной станціи сошелъ съ поезда и направился въ ближайшую деревню, гдѣ и совершилъ покушеніе на изнасилованіе первой попавшейся ему незнакомой 70-лѣт. женщины. Задержанный сбѣжавшими на крикъ жертвы, онъ былъ переданъ въ руки правосудія. Ближайшее изслѣдованіе показало, что онъ съ ранняго дѣтства обладалъ крайне раздражительной и, повидимому, чрезвычайно развитой половой системой, былъ всегда весьма требователенъ и неумѣренъ въ половомъ отношеніи и часто только съ трудомъ могъ сдерживать неумѣсто вспыхивавшія вожделѣнія. *Даже при короткихъ разлукахъ съ женой половая потребность этого сорокалѣтняго мужчины росла въ такой мѣрѣ, что онъ готовъ былъ удовлетворять свою похоть съ человекомъ или съ животнымъ безразлично.* См. Arch. fur Psych., VII, 1877, «Über gewisse Anomalien des Geschlechts-triebs», набл. 4-е.

ляется та пьеса, которую мы называемъ психической жизнью чело-
вѣка, и какое безчисленное число дѣателей ежеминутно принимаетъ
участіе въ ней. Мы можемъ составить себѣ общее понятіе о дѣятель-
ности всего механизма, но не въ состояніи улавливать въ каждомъ
данномъ случаѣ безчисленные детали ея отдѣльныхъ актовъ ¹⁵¹⁾.

Но если часто неуловимо и замаскировано вліяніе внѣшнихъ раздра-
жителей въ психической жизни чело-вѣка, то еще болѣе неуловимо
и замаскировано вліяніе раздражителей внутреннихъ, составляющихъ
часть самого организма.

Д-ръ Legrand du Saulle рассказываетъ, напр., про одну истерич-
ную, г-жу S., ¹⁵²⁾ которая сначала представлялась подавленной, а за-
тѣмъ перешла къ возбужденію. Въ этомъ послѣднемъ состояніи она
безпрерывно пѣла, передавала различные рассказы, произносила длин-
ные монологи, причемъ дѣлала все это съ необычайной живостью и
блескомъ голоса. Она и сама хорошо сознавала, что ея дѣйствія абсурдны
и «основательно могутъ подать поводъ принимать ее за сумасшед-
шую, но она повинувается неуправляемой силѣ, которая ее увлекаетъ;
ничто въ мірѣ не могло бы воспрепятствовать ей проявляться во-
внѣ» ¹⁵³⁾. Почти такое же неуправляемое стремленіе къ проявленію во-
внѣ испытывалъ иногда и знаменитый вдохновенный Савонарола.
Онъ страдалъ частыми галлюцинаціями и, по собственному его при-

¹⁵¹⁾ Однимъ изъ подтвержденій этого могутъ служить сонъ и сновидѣнія.
Кому по собственному опыту хорошо не извѣстно, какіе часто неожиданные,
причудливые образы и, повидимому, странные ощущенія испытываетъ чело-
вѣкъ во время сна. Припоминая всѣ мельчайшія предшествовавшія обстоятель-
ства и пытаясь хотя сколько нибудь выяснитъ себѣ возможные ближайшія при-
чины пережитого во время сна, мы по большей части рѣшительно не въ со-
стояніи подыскать во всѣхъ испытанныхъ нами предшествующихъ ощущеніяхъ
и мысляхъ ничего подходящаго для объясненія видимыхъ нами сонныхъ грезъ.
И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы припомнимъ, какое безчислен-
ное множество различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ раздражителей вліяло на
нашу нервную систему во время этого сна и вызывало, дѣйствуя раздѣльно
или суммируясь, возбужденіе ея различныхъ частей. Достаточно, чтобы какой-
либо раздражитель сильно вліялъ на какія-либо нервные волокна, чтобы вы-
званное имъ возбужденіе передалось къ опредѣленному центру хотя бы расти-
тельной жизни и вызвало его къ дѣятельности. Возбужденіе отсюда по связую-
щимъ путямъ распространится уже къ соотвѣствующимъ частямъ центровъ
представленій и вотъ, при отсутствіи высшаго контроля, извѣстный образъ
втіснется въ цѣпь и придастъ совершенно неожиданный оборотъ всему пре-
жнему теченію образовъ, также порождаяшемуся постояннымъ вліяніемъ тѣхъ
или иныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ раздражителей. См. д-ръ Оршанскій:
«Сонъ и бодрствованіе», 51 и сл.

¹⁵²⁾ Les hysteriques, 307 и сл.

знанію, *ощущалъ иногда внутренній огонь, который пожиралъ его и вынуждалъ говорить противъ его воли*, т. е. заставлялъ также проявляться во внѣ въ рѣчи, которая страстно настраивала аудиторію и увлекала ее ¹⁵⁶⁾.

Въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой сложную, длящуюся и притомъ однохарактерную дѣятельность, которая предполагается и наличность также длящагося вліянія какихъ то сравнительно постоянныхъ и сильныхъ раздражителей. Во внѣшнихъ воздѣйствіяхъ, не исключая и воздѣйствій на внутреннія поверхности организма, мы такихъ раздражителей въ данныхъ случаяхъ, повидимому, открыть не можемъ. Мало того, предположеніе о вліяніи подобныхъ раздражителей исключается, повидимому, самой длительностью и постоянной однохарактерностью дѣятельности въ каждомъ

¹⁵⁶⁾ Lombroso: *Genio e folia*, 190 и сл. Интересно письмо Моцарта, которымъ онъ отвѣчаетъ одному пріятелю на вопросъ послѣдняго о пріемахъ созданія его великихъ музыкальных произведеній. „Я самъ ничего не знаю и не могу отдать себѣ въ этомъ отчета, пишетъ, между прочимъ, Моцартъ. Откуда и какъ приходятъ онъ (идеи)—я не знаю и не могу насиловать ихъ. Тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ нравятся, я удерживаю въ моей памяти, и я привыкъ (какъ я сказалъ) напѣвать ихъ себѣ сквозь зубы. Если я продолжаю это, то мнѣ скоро приходитъ въ голову, какъ я могу воспользоваться тѣмъ или другимъ мотивомъ, чтобы сдѣлать изъ него хорошее блюдо, т. е. соответствующее правиламъ контрапункта, особенностямъ различныхъ инструментовъ и т. д.

Это воспламеняетъ мою душу и, если я только не разстроенъ, то мое произведеніе само собою расширяется, становится методическимъ и завершеннымъ, и все, хотя бы оно было длинно, *стоитъ почти законченнымъ въ моей душѣ*, такъ что я могу обозрѣть его однимъ взглядомъ, какъ прекрасную картину или статую. Я не слышу въ моемъ воображеніи отдѣльныя части *последовательно*, но я слышу ихъ какъ бы *всѣ вмѣстѣ*. Я не могу передать какое это наслажденіе! Все это созданіе, обдумываніе происходитъ въ пріятномъ, яркомъ сновидѣніи (въ этихъ словахъ ясно сказывается механичность раздраженія и самой работы). Что было произведено такимъ образомъ, того я не могу забыть легко и это, можетъ быть, есть лучшій даръ, за который я долженъ благодарить моего Божественнаго Создателя.

Когда я приступаю къ письменному изложенію моихъ идей, тогда я извлекаю изъ хранилища моей памяти — если я могу употребить это выраженіе — предварительно собранное въ него путемъ, о которомъ я упоминалъ выше. Поэтому передача на бумагу совершается довольно легко и написанное рѣдко отличается отъ того, чѣмъ оно было въ моемъ воображеніи. При этомъ занятіи я могу выносить поэтому, чтобы меня беспокоили; сколько бы ни ходили вокругъ меня—я пишу и даже говорю“. „Я нахожу совершенно естественнымъ“, прибавляетъ онъ далѣе, „что лица, дѣйствительно имѣющія свою собственную индивидуальную вышность отлично и организованы отъ другихъ людей какъ вышние, такъ и внутренне. Carpenter: „Ment. Physiol.“, 272 и 273.

изъ этихъ случаевъ. Внѣшнія вліянія, сравнительно, болѣе измѣнчивы и преходящи. Устойчивость же и постоянство характера дѣятельности предполагаетъ и устойчивость стимуловъ. Не открывъ такихъ во внѣшнихъ вліяніяхъ, мы должны попытаться найти ихъ во внутреннихъ факторахъ. Въ этомъ отношеніи весьма демонстративные факты намъ представляютъ нѣкоторыя формы душевныхъ расстройствъ: маніи, *folie congestive*, остраго бреда (*delirium acutum*), начальныхъ стадій прогрессивнаго паралича и пр., и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ, что крайне разнообразная, длительная и интенсивная дѣятельность совершается безъ наличности сколько нибудь достаточныхъ внѣшнихъ раздражителей, къ которымъ больные относятся крайне индифферентно и почти не улавливаютъ сознаніемъ ихъ вліяній. Внимательно наблюдая такихъ больныхъ, не трудно подмѣтить, что въ нихъ дѣйствуетъ какое-то постоянное внутреннее раздраженіе, которое неудержимо и внѣ зависимости отъ всего окружающаго вынуждаетъ ихъ къ безустанной интенсивной дѣятельности. Въ клиникѣ проф. Krafft-Ebing'a мнѣ нерѣдко приходилось наблюдать маніаковъ, которые, будучи изолированы въ уединенную глухую келью, вдали отъ шума и возбуждающихъ внѣшнихъ вліяній въ теченіе ночи, при постоянныхъ крикахъ, болтовнѣ и пѣсняхъ успѣвали превратить въ мельчайшіе кусочки всю солому, покрывавшую полъ ихъ комнаты. Глядя на эти остатки, невольно приходилось изумляться громадному количеству работы, произведенной сравнительно въ столь короткое время. Не меньшее изумленіе порождаетъ также громадное количество работы, совершаемой подъ вліяніемъ какого-то «внутренняго принужденія» (*innere Zwang*) къ безустанной дѣятельности, проявляющееся буквально въ непрерывной болтовнѣ страдающихъ острымъ бредомъ и проч. Въ чемъ же, спрашивается, кроется причина этого страннаго «внутренняго принужденія» къ непрерывной дѣятельности, этого поразительнаго «неистовства рѣчи»? При ближайшемъ изученіи во всѣхъ этихъ случаяхъ наблюдаются, а иногда констатируются и послѣдующей аутопсіей измѣненія мозгового кровообращенія: его ускореніе, большіе или меньшіе приливы и переполненія кровью мозга и его оболочекъ, расширенія мозговыхъ кровеносныхъ сосудовъ и пр. ¹⁵⁷⁾. Такимъ образомъ, въ данныхъ случаяхъ раздраженіе исходитъ, повидимому, отъ крови. И дѣйствительно, это

¹⁵⁷⁾ Despine: «Psych. natur.», I, 450; Voisin: «Leçons clin. sur les maladies ment.», 57—73. Luys: «Traité clin. et prat. des mal. ment.», 123, 676, 677 и 5 табл.

предположеніе подтверждается многочисленными фактами, указывающими, что кровь является оживителемъ и раздражителемъ тканей ¹³⁸⁾. Она проникаетъ въ сокровеннѣйшіе уголки организма и приноситъ съ собою въ нихъ жизнь и развитіе. Особенно богато орошается мозгъ; на него идетъ $\frac{1}{3}$ часть всего количества крови, заключеннаго въ организмъ. Безъ крови нѣтъ жизни и всякая часть организма, съ прекращеніемъ своего кровяного орошенія, утрачиваетъ свою жизненность и подвергается омертвѣнію ¹³⁹⁾. Кровь — о чемъ болѣе подробно я буду говорить ниже — дѣйствуетъ стимулирующе какъ своимъ составомъ, такъ и скоростью своего движенія. Чѣмъ болѣе содержитъ въ себѣ кровь даннаго субъекта красныхъ кровяныхъ шариковъ и кислорода, тѣмъ значительнѣе ея стимулирующее вліяніе на мозгъ и отдѣльныя его части. Скопленіями и притоками крови къ опредѣленному или опредѣленнымъ нервнымъ центрамъ порождается ихъ повышенная возбужденность, достигающая иногда въ ея функціональныхъ выраженіяхъ степени галлюцинацій или такихъ внутренне вызванныхъ состояній, которыя при нормальныхъ условіяхъ вызываются обыкновенно только воздѣйствіями окружающаго міра, воздѣйствіями ви́шнихъ раздражителей на периферическіе концевые аппараты нервной системы.

Книгопродавецъ Николай, вслѣдствіе сильныхъ и тяжелыхъ эмоцій, какъ извѣстно, могущественно вліяющихъ на распредѣленіе крови въ организмъ, имѣлъ чрезвычайно многочисленныя, разнообразныя и яркія зрительныя галлюцинаціи, которыя исчезли отъ пѣявокъ, очевидно удалившихъ порождавшаго ихъ раздражителя ¹⁴⁰⁾. D-r Moreau (de Tours) рассказываетъ про одного больнаго, бывшаго у него въ Bicêtrѣ, у котораго разстройство длилось только нѣсколько часовъ черезъ каждые 10 или 15 дней. Въ это время у него наблюдались явленія внезапно наступавшихъ приливовъ крови: лицо становилось багровымъ, влажные глаза горѣли непривычнымъ огнемъ и довольство распространялось и выражалось во всемъ его существѣ. При этомъ одна

¹³⁸⁾ Вундтъ: «Основан. физиолог. психол.», 218.

¹³⁹⁾ Marey: «La circulation du sang», 606 и сл. Brissaud и Ch. Richet опытами показали, что если произвести искусственно анемію въ какомъ либо членѣ при помощи повязки Esmarch'a, то разминанія мускуловъ не вызываютъ болѣе никакихъ сокращеній въ этомъ членѣ. Но какъ только удаляютъ каучуковую повязку, и кровь мало по малу возвращается въ сосуды, то слѣдствія предшествующихъ механическихъ раздраженій, остававшихся въ латентномъ состояніи, начинаютъ проявляться. Bottey: «Le magnet. anim.», 24.

¹⁴⁰⁾ Ball: «Leçons sur les mal. ment.», 72.

только идея овладѣвала имъ: онъ воображалъ себя тогда папой и безпрестанно повторялъ: «я папа». Извлеченіе крови банками, поставленными на затылокъ, устраняло конгестивныя явленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ быстро отгоняло прочь и бредовую идею ¹⁶¹⁾. Тотъ же авторъ передаетъ два слѣдующихъ случая. Одинъ молодой человѣкъ по произволу могъ вызывать зрительныя галлюцинаціи, повидимому, перемѣщая въ извѣстномъ направленіи внутренняго раздражителя, — кровь — наклоненіемъ головы впередъ.

Одна молодая дѣвушка, нѣкто Гортензія М., имѣла приступы истеріи, начало которыхъ, повидимому, совпало у нея съ первыми менструаціями, когда ей было 17 лѣтъ. Послѣ того, въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ, приступы у нея не повторялись и она пользовалась здоровьемъ и имѣла хорошій видъ. Лицо ея, впрочемъ, было красно и менструаціи хотя и совершались правильно, но были болѣзненны и мало обильны.

Въ 1865 г., во время карнавала, М., имѣвшая тогда регулы и боявшаяся пропустить по этой причинѣ веселый балъ, поставила ноги въ холодную воду; вслѣдъ затѣмъ регулы у нея немедленно прекратились. Въ тотъ же вечеръ она начала испытывать различныя болѣзненныя явленія: сердцебіеніе, кровотеченіе изъ носа (повидимому, кровь, задержанная въ одномъ мѣстѣ, устремилась по другому пути), боли въ лѣвой сторонѣ живота, значительное ускореніе пульса (102—106) и пр. Лѣченіе было устранило уже всѣ эти болѣзненныя явленія, какъ вдругъ обнаружилось нѣкоторое душевное расстройство: болтовня и сильное безпокойство, повидимому, вызывавшееся неясными зрительными и слуховыми галлюцинаціями. Черезъ два дня душевное расстройство быстро исчезло и уступило мѣсто болѣзненнымъ явленіямъ, испытывавшимся прежде. Спустя еще сутки и эти явленія снова смѣнились душевнымъ расстройствомъ съ маниакальной экзальтаціей, криками и попеременно наступавшими плачемъ и смѣхомъ. Эта циркулярная смѣна двухъ комплексовъ явленій продолжалась въ теченіе 2 мѣсяцевъ, когда, наконецъ, удалось *возстановить регулы*, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли и вызванныя, повидимому, ихъ задержкою болѣзненныя душевныя явленія ¹⁶²⁾.

Ph. Pinei въ одномъ изъ примѣчаній къ своей работѣ приводитъ слѣдующій интересный случай, заимствованный имъ у одного англійскаго автора. Одна дама, разгоряченная долгой прогулкой, имѣла не-

¹⁶¹⁾ «Traité pratique de la folie nevropathique», XXII.

¹⁶²⁾ Цитированное уже сочиненіе, 25 и сл.

осторожность выпить очень много холодной воды и послѣ того сидѣть на воздухѣ, на сыромъ мѣстѣ. На другой же день она испытала различныя болѣзненные явленія, сопровождавшіяся, между прочимъ, беспокойствомъ и внутреннимъ жаромъ. Вскорѣ послѣ того она начала жаловаться на потерю памяти, на слабость и усталость, а затѣмъ у нея стали замѣчаться и явленія душевнаго расстройства. Употребленныя средства оказались безсильны и лихорадочныя явленія, несмотря ни на что, повторялись *въ каждый менструальный періодъ и сопровождались неудержимой болтовней, необычной жестикуляціей и умственнымъ расстройствомъ*. Только съ трудомъ удалось устранить спазмы сосудовъ и матки: послѣ чего, *вмѣстѣ съ возстановленіемъ менструаций, исчезли и всѣ болѣзненные психическія явленія* ¹⁶³⁾.

Нѣкто В., о которой рассказываетъ Esquirol, въ 14 лѣтъ—періодъ полового развитія, признаки котораго у нея въ это время были рѣзко выражены, повидимому, пользовалась хорошимъ здоровьемъ, но еще не имѣла регулъ. Какъ бы замѣнивъ ихъ въ качествѣ эквивалента у нея ежемѣсячно развивались рѣзкія измѣненія въ ея психической области. Она начинала жаловаться на головныя боли, глаза ея становились красны, она дѣлалась беспокойна, раздражительна и мрачна. Послѣ того лицо ея и глаза переполнялись кровью, все начинало усиленно ея раздражать и она искала ссоръ, особенно съ матерью, которая въ эти періоды становилась преимущественнымъ предметомъ ея сильнѣйшаго гнѣва, ругательствъ, проклятій и угрозъ. Иногда она дѣлала попытки самоубійства и, кромѣ того, нѣсколько разъ кидалась съ ножомъ на мать. *Когда же приступъ достигалъ своего высшаго развитія, то кровь начинала идти ртомъ, носомъ, а иногда и черезъ глаза*. Потомъ наступали плачъ, общая дрожь, заходоланье конечностей, конвульсивныя боли во всѣхъ членахъ и сожалѣнія, сопровождавшіяся долго длящимся ослабленіемъ. И такое состояніе обыкновенно длилось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Въ послѣднемъ періодѣ припадка больная каталась по полу, колотилась головою объ стѣны, царапала себѣ лицо и пр. Ея обычно кроткая фізіономія становилась ужасна; окраска лица, ушей и шеи дѣлалась красно фіолетовой, голова была горяча, а конечности, напротивъ, были очень холодны (повидимому, кровь напирала къ головѣ).

При началѣ припадка, который длился одинъ или два дня, психическія явленія осложнялись лишь постепенно: сначала взглядъ ста-

¹⁶³⁾ «Traité médico-philos. sur l'alién. ment.», 2 изд., 51.

новился мраченъ и оживлялась краска лица, потомъ характеръ становился все болѣе труднымъ и раздражительнымъ и пр. Когда же припадокъ заканчивался, то она снова становилась добра къ своей матери, просила у нея прощенье и выражала привязанность ¹⁶⁴). На упрёки и совѣты сдерживать себя В. съ плачемъ отвѣчала Esquiro!ю: «*Зачѣмъ меня сдѣлали такою: я бы желала умереть; какъ я несчастна; я не могу сдерживаться, когда прихожу въ свой мѣлъ; я не сознаю, что я тогда дѣлаю и что я тогда говорю*». Въ возрастѣ 16 лѣтъ, приступы гнѣва у нея часто замѣщались истерическими конвульсіями. Болѣзненные явленія ослаблялись постепенно и прекратились въ 17 лѣтъ, *когда у нея появились регулы* ¹⁶⁵).

Д-ръ Loiseau рассказываетъ про одну молодую дѣвушку, у которой регулы появились лишь на 20 году, но послѣ втораго раза снова прекратились; вслѣдъ затѣмъ у нея развилась липеманія и появилась *idée fixe*, будто ее окружаютъ преслѣдователи и *хотятъ убить ее и ея отца* (интересна эта связь между раздраженіями половой сферы и мыслями объ убійствѣ и самоубійствѣ, на что я имѣлъ уже случай указывать не разъ). Съ возстановленіемъ регулъ исчезла и не возникала болѣе и мысль о преслѣдователяхъ и убійствѣ. Но вотъ черезъ пять лѣтъ регулы прекратились снова и тогда снова развилась липеманія со всѣми своими прежними особенностями ¹⁶⁶).

Сходный случай приводитъ и д-ръ Taty. У одной дѣвицы С, имѣвшей довольно отягощенную наслѣдственную съ материнской стороны (объ отцовской сторонѣ свѣдѣнія отсутствуютъ), много разъ наступала пріостановка регулъ, причемъ всегда развивались однѣ и тѣ же печальныя мысли и опасенія будущаго, отвращеніе къ жизни и сильное влеченіе къ самоубійству. Возстановлялись регулы, и весь этотъ комплексъ психическихъ явленій исчезалъ безслѣдно ¹⁶⁷).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ соотношеніе между внутреннимъ раздраженіемъ, — раздраженіемъ кровью, и послѣдующими уклоненіями

¹⁶⁴) Въ этомъ крайне интересномъ наблюденіи особенно слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что все умственно-нравственное существо доброй, разумной и хорошей дѣвушки періодически, противъ ея воли, рѣзко измѣняется, причемъ эти измѣненія совпадаютъ съ эпохами повышеннаго внутренняго возбужденія, вмѣстѣ съ которымъ они и отпадаютъ, снова уступая свое мѣсто обычнымъ особенностямъ.

¹⁶⁵) Des maladies mentales, II, 346 и сл.

¹⁶⁶) «Memoire sur la folie sympathique», 54.

¹⁶⁷) «Etude clinique sur les aliénés héréditaires», 78—81.

въ психической области выступает довольно ясно наружу и довольно удобно наблюдается ¹⁶⁸).

Хотя, говоря о соотносительномъ развитіи различныхъ нервныхъ центровъ, мнѣ уже приходилось приводить нѣкоторые случаи, въ которыхъ усиленное инстинктивное влеченіе къ той или иной дѣятельности или къ тому или иному дѣйствию порождалось не устойчивымъ развитіемъ тѣхъ или другихъ соотвѣствующихъ низшихъ нервныхъ центровъ, а, повидимому, игрою ихъ кровеносныхъ сосудахъ и происходящими отъ того *ипереміями* ¹⁶⁹), вслѣдствіе чего развивалось

¹⁶⁸) Вліяніе раздраженій кровью также сравнительно ясно выступаетъ въ явленіяхъ сна и разнообразныхъ сновѣній, когда «я», какъ таковое, становится почти вполне замкнутымъ для вліянія вѣншихъ возбужденій. При объясненіи явленій сновѣдній мы должны принимать во вниманіе, какъ совершенно справедливо указываетъ Mandsley «непосредственное раздраженіе кровью и наиболее глубоко лежащихъ нервовъ при посредствѣ циркуляціи крови, которая, протекая по безчисленному множеству мельчайшихъ сосудовъ черезъ самыя интимныя уголки мозговой субстанціи, смотря по количеству, качеству и скорости тока, можетъ приводить въ дѣятельность нервныя кѣтки, съ которыми она приходитъ въ соприкосновеніе, не различая при этомъ частей, зарегистрировавшихъ новѣйшія событія, отъ частей, зарегистрировавшихъ событія наиболее отдаленныя». La Pathol. de l'esprit, 21 и сл.; см. вообще всю главу о снѣ и сновѣдніяхъ.

¹⁶⁹) «Расширеніе артеріальныхъ сосудовъ», замѣчаетъ Д-ръ Carpenter, «и увеличеніе количества крови, которое проходитъ черезъ капилляры, обуславливая состояніе, извѣстное подъ названіемъ гипереміи, является причиною повышенной напряженности нервныхъ центровъ, такъ что они гораздо легче вызываются съ дѣятельности слабыми стимулами и разряжаются съ болѣею силою; иногда напряженность можетъ возрасти до такой степени, что наступаетъ самопроизвольное центральное разряженіе (spontaneous centric discharge) подобно тому, какъ въ чрезмѣрно напряженной лейденской банкѣ». Ment. physiol. 381.

Коснувшись вопроса объ игрѣ сосудовъ въ нервныхъ центрахъ, я считаю не лишнимъ замѣтить, что въ этой игрѣ—одномъ изъ важнѣйшихъ основныхъ органическихъ условій психической жизни—привычка и лежащая въ ея основѣ предшествующія упражненія, повидимому, играютъ весьма важную роль. Выше я уже приводилъ случай унаслѣдованія опредѣленнаго (наслѣдственно-привычнаго) способа краснѣнія. Д-ръ Луиз также рассказываетъ между прочимъ, что онъ зналъ одного больного, нѣкоторое время имѣвшаго тенію. Послѣ ея исчезновенія, больной въ теченіи долгихъ послѣдующихъ лѣтъ продолжалъ быть увѣренъ въ ея присутствіи и каждое утро повторялъ, что ощущаетъ движенія паразита, хотя послѣдующая аутопсія ясно показала ложность его ощущеній. Надо думать, что въ этомъ случаѣ дѣйствительное раздраженіе, шедшее прежде отъ внутренней периферіи, вызывало и соотвѣтствующее перераспредѣленіе крови въ нервныхъ центрахъ, перераспредѣленіе, которое, часто повторяясь, стало привычнымъ, и не только воспроизводилось потомъ въ отсутствіи вѣнш-

временно-повышенная напряженность этихъ центровъ и ихъ болѣе или менѣе усиленная наклонность къ неуправляемой дѣятельности,— тѣмъ не менѣе, въ виду крайней важности выясненія возможнаго вліянія внутреннихъ скрытыхъ раздражителей и порождаемыхъ ими состояній мѣстныхъ раздраженій и напряженности на дѣятельность человѣка вообще и на его преступную дѣятельность въ частности, я считаю нужнымъ привести еще нѣкоторые примѣры подобныхъ рѣзкихъ вліяній, освѣщая ихъ преимущественно съ этой стороны. При этомъ я по обыкновенію обращусь къ случаямъ нѣсколько ненормальнымъ, къ случаямъ болѣе или менѣе исключительнымъ. Подобные случаи суть случаи болѣе рѣзко выраженные и потому особенно удобные для демонстрацій. Съ другой стороны, область душевныхъ расстройствъ и душевныхъ аномалій, будучи областью явленій органическаго регресса, обусловленнаго болѣе или менѣе продолжительнымъ вольнымъ или невольнымъ нарушеніемъ законовъ жизни, представляетъ собою область весьма близкую съ областью человѣческой преступности. Оба ряда явленій хотя и не тождественны, но весьма родственны и притомъ родственны какъ по своимъ порождающимъ причинамъ, такъ и по ходу развитія и общему характеру. Преступленіе, какъ извѣстно, весьма часто врывается въ область душевнаго расстройства и отмѣчаетъ жертвы послѣдняго, а душевное расстройство въ свою очередь часто сопутствуетъ преступности. Преступность и душевное расстройство—эти два худшіе бича человѣческаго общества, проистекая изъ одного общаго источника—болѣе или менѣе устойчиваго органическаго регресса, взаимно дополняютъ другъ друга. Немудрено поэтому, что психіатрическая клиника, въ которой уже скопился богатый разработанный матеріалъ явленій физическаго и нравственнаго вырожденія, представляетъ собою прекрасное подсобное поле и для изслѣдованія явленій человѣческой преступности, а также и для выясненія многихъ особенностей механизма преступной дѣятельности.

Въ сочиненіи д-ра Bonnet ¹⁷⁰⁾ мы находимъ, напр., рассказаннымъ слѣдующій интересный случай. Нѣкто І. страдалъ липеманіей, причемъ у него замѣчались бредовыя идеи преслѣдованія и многочисленныя и быстро смѣнявшіяся галлюцинаціи. Приказанія, даваемые ему

никогда раздражителя, но и само ставши внутреннимъ раздражителемъ тѣхъ же центровъ, порождало соответствующія галлюцинаторныя ощущенія. Д-ръ Luys сообщаетъ и нѣсколько другихъ такихъ же случаевъ. См. цитир. сочин. 243 и 244. Сходное объясненіе нѣкоторыхъ органическихъ явленій даетъ и д-ръ Carpenter. См. его цитир. сочин. § 309.

¹⁷⁰⁾ «L'aliéné», 395.

его внутренними голосами, были настолько повелительны, что I. не мог не повиноваться имъ. По его словамъ, онъ хорошо сознавалъ, что онъ виноватъ, выполняя приказанія (*qu'il a tort de le faire*), но въ эти моменты онъ чувствовалъ себя настолько увлекаемымъ (*il se trouve porté*) къ наиболее предосудительнымъ дѣйствіямъ, что рѣшительно не могъ противиться своимъ порывамъ (*d'une façon qu'il ne peut surmonter*). Въ моменты такихъ неудержимыхъ влеченій онъ внушалъ большой страхъ окружающимъ. Кромѣ того—и это для насъ также особенно поучительно—у I. наблюдались иногда инстинктивные влеченія къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ и внѣ связи съ его бредовыми идеями и галлюцинаціями. Такимъ порывамъ обыкновенно предшествовали слѣдующія явленія, повидимому, зависѣвшія отъ приливовъ крови къ опредѣленнымъ центрамъ и отъ раздраженія послѣднихъ: I. видѣлъ красное, ощущалъ шумъ въ ушахъ и испытывалъ головокруженіе, а затѣмъ уже слѣдовалъ порывъ неудержимой ярости.

Въ томъ и другомъ случаѣ механизмъ дѣйствій I., повидимому, былъ одинъ и тотъ же, и самыя влеченія къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ, повидимому, происходили подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же внутреннихъ раздражителей съ тою лишь разницею, что въ первомъ случаѣ къ процессу возбужденія внутренними стимулами низшихъ центровъ влеченій присоединялось еще внутреннее же раздраженіе и другихъ центровъ, порождавшее и соответствующія слуховыя галлюцинаціи—приказывавшіе голоса, тогда какъ во второмъ случаѣ этого послѣдняго раздраженія не было.

Разсказанный случай интересенъ еще и потому, что въ немъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ раздражителей, механически вызывалась сумма психическихъ явленій, которая можетъ возникать и подъ вліяніемъ раздражителей внѣшнихъ (напр., внѣшняго принужденія со стороны какого нибудь лица) и можетъ подводиться тогда подъ законное понятіе о неодолимой силѣ.

Д-ръ Legrand du Saulle приводитъ слѣдующій случай одного эпилептика. Нѣкто Felix Fraîche, еще 14 лѣтній мальчикъ, во время отсутствія всѣхъ членовъ его семьи, остался однажды дома только вдвоемъ со служанкой, причемъ каждый изъ нихъ былъ занятъ своимъ дѣломъ. Вдругъ Felix быстро вбѣжалъ наверхъ въ кабинетъ своего отца, взялъ тамъ небольшой кинжалъ, сбѣжалъ обратно внизъ и не говоря ни слова всадилъ его служанкѣ въ спину между плечъ. При крикѣ несчастной женщины, Felix какъ бы вышелъ изъ «состоянія сна». Онъ снова бросился наверхъ и сначала хотѣлъ кинуться изъ окна, но потомъ схватилъ кинжалъ и имъ нанесъ себѣ

рану около сердца и кромѣ того пытался отравиться. На вопросъ призваннаго доктора, зачѣмъ онъ ударилъ кинжаломъ дѣвушку, Felix отвѣтилъ: «Я не знаю зачѣмъ... Я не знаю, какъ я это сдѣлалъ». Произведенное тщательное изслѣдованіе показало между прочимъ, что въ возрастѣ трехъ или четырехъ лѣтъ Felix страдалъ частыми анги-нами, а въ возрастѣ 5—7 представлялъ нѣкоторыя странныя явле-нія. Онъ совершалъ непроизвольныя импульсивныя движенія и при этомъ иногда ломалъ любимыя игрушки; когда было нужно ѣсть, то онъ просилъ, чтобы ему держали руки. Будучи трусливъ и крайне впечатлителенъ, онъ боялся спать одинъ и въ темной комнатѣ и часто кричалъ по ночамъ. Иногда, около 2 часовъ дня, онъ стра-далъ сильными головными болями, и по временамъ имѣлъ головокру-женія и *чувствовалъ*, что кровь ему ударяетъ въ голову, причемъ на короткое время терялъ сознание и при этомъ безцѣльно и без-сознательно уходилъ и приходилъ въ комнату. По ночамъ *передъ глазами у него часто блистали молніи, онъ видѣлъ блестящіе пред-меты* и слышалъ различные звуки.

Внѣшній осмотръ констатировалъ у Felix'a многіе признаки физи-ческаго вырожденія.

Убитая дѣвушка, оставшаяся дѣвственницей, получила воспитаніе въ домѣ родителей Felix'a, который очень любилъ ее, игралъ съ нею и прекрасно къ ней относился ¹⁷¹⁾.

Въ этомъ весьма интересномъ случаѣ мы, повидимому, имѣемъ дѣло съ неправильностями мозговаго кровообращенія и съ невѣрно-стями въ игрѣ многочисленныхъ кровеносныхъ сосудовъ, которыя вызываютъ и беспорядочныя, съ точки зрѣнія правильности функці-онированія психическаго механизма, раздраженія кровью различныхъ мозговыхъ центровъ, вслѣдствіе чего въ свою очередь вызываются и соотвѣтствующія весьма беспорядочныя неудержимыя дѣйствія.

У того же автора мы находимъ весьма интересное описаніе внут-реннихъ состояній одного эпилептика, обвинявшагося въ убійствѣ своей любовницы. Состоянія эти порождались у него, повидимому, внутренними раздражителями и въ свою очередь вліяли на окраску его характера, на отношенія его къ окружающимъ и на его опредѣ-ленія къ тѣмъ, а не къ инымъ дѣйствіямъ.

Это нѣкто В., рабочій—сундучникъ по профессіи, онъ часто мѣ-нялъ занятія, былъ отчасти страненъ, отличался неуживчивымъ ха-рактеромъ и часто бывалъ угрюмъ. Пьянству онъ не предавался, но

171) «Etud. med. - leg. sur les épilep.» 173—177.

за то былъ крайне неумѣренъ и требователенъ въ половомъ отношеніи. По временамъ онъ страдалъ головокруженіями, но никогда не имѣлъ конвульсивныхъ припадковъ. Убитая имъ женщина часто жаловалась на его дурное обращеніе съ нею. Въ день убійства В. ругалъ и угрожалъ ей, потомъ преслѣдовалъ ее до общей лѣстницы, гдѣ сильно билъ ее, и наконецъ, нанесъ ей два смертельныхъ удара по головѣ и въ животъ. На судѣ онъ не защищался и откровенно разсказалъ обо всемъ испытанномъ и совершенномъ имъ, причемъ не обнаружилъ никакого пониманія значенія своихъ состояній. «Когда я испытываю головокруженія», разсказывалъ В., «то чувствую, что я дурѣю и возбуждаюсь и что нѣчто толкаетъ меня. Тогда я не могу оставаться на мѣстѣ и выхожу; я хорошо вижу, что я на улицѣ, но я не знаю, куда я иду. Однажды я ушелъ такъ на кладбище Père-Lachese. Это длится не долго, потомъ я прихожу въ себя, засыпаю на короткое время и затѣмъ все исчезаетъ. Иногда я бываю очень золъ; тогда необходимо, чтобы я мѣлъ и ломалъ что нибудь, билъ кулакомъ по столу и камину, или же причинялъ себѣ боль. Однажды я стянулъ себѣ галстухомъ горло и тянулъ его на столько, на сколько только могъ; что было потомъ, я не помню того. Въ другой разъ, выходя изъ своей квартиры и увидавъ кошку моей консьержъ, я поймалъ и задушилъ ее. Въ день несчастнаго событія, въ которомъ теперь обвиняютъ меня, я работалъ въ продолженіе всего дня, но испытывалъ нервное состояніе. Возвратившись домой, я началъ ссориться съ моей любовницей, постепенно ожесточался и началъ видѣть красное въ глазахъ; я еще и теперь вижу бѣдную женщину отворяющей дверь и спасающейся отъ меня. Но это все,—и я не помню ничего болѣе».

В. былъ обвиненъ и приговоренъ къ десятилѣтней каторжной работѣ. Онъ не оправдывался, а замѣтилъ только и замѣтилъ вполне основательно, что его «нужно болѣе сожалѣть, нежели порицать»¹⁷²⁾. И дѣйствительно, разъ испорченъ органическій механизмъ, разъ неправильно совершается въ немъ игра его кровеносныхъ сосудовъ, поражающая безпорядочное раздраженіе кровью низшихъ мозговыхъ центровъ—и послѣдствія этой порчи неизбѣжно проявляются и въ соответствующихъ безпорядочныхъ, а часто и безобразныхъ дѣйствіяхъ.

Большой интересъ по отношенію къ занимающему насъ вопросу представляетъ изученіе крайне разнообразныхъ по различнымъ ли-

¹⁷²⁾ Тамъ же, 23 и сл.

цамъ явленій предвѣстниковъ эпилептическихъ припадковъ. Эпилепсія, какъ извѣстно, представляетъ собою *сосудодвигательный неврозъ* (къ несчастію, сосудодвигательныя разстройства болѣе слабыхъ степеней въ настоящее время, повидимому, начинаютъ представлять собою весьма распространенное явленіе ¹⁷³⁾ и органическія явленія,

¹⁷³⁾ Въ послѣднемъ изданіи своего сочиненія (L'homme criminel. Criminelle—fou moral—épileptique. 1887 г.) и еще ранѣе въ VI т. «Archivio di Psichiatria, scienze penali», въ стат. «Identità dell'epilessia colla pazzia morale e delinquenza congenita» пр. Lombroso положилъ эпилепсію въ основу созданной итальянской школой группы «прирожденныхъ преступниковъ», говоря, что «эпилепсія объединяетъ и сливаетъ нравственно-помѣшанныхъ (fous moraux) и врожденныхъ преступниковъ въ одно естественное семейство (famille naturelle)», 583. Эта теорія пр. Lombroso получить для насъ особый смыслъ и значеніе, если мы припомнимъ большую и все увеличивающуюся, какъ показываютъ точныя изслѣдованія, распространенность почти во всѣхъ государствахъ злоупотребленій алкоголемъ, порождающихъ, какъ извѣстно, упадокъ работоспособности, «усиленіе дурныхъ инстинктовъ и ослабленіе въ то же время силы воли», а также если мы припомнимъ и доказанную связь этихъ злоупотребленій у восходящихъ съ унаслѣдованіемъ различныхъ формъ эпилепсіи у нисходящихъ и, наконецъ, если мы припомнимъ нерѣдко наблюдаемую трансформацию явно выраженныхъ эпилептическихъ приступовъ въ усиленные инстинктивные влеченія къ тѣмъ или другимъ дурнымъ и преступнымъ дѣйствіямъ. Крайне интересныя примѣры такой трансформации приводитъ, напр., д-ръ Magrandon de Montjel (см. Archives de neurologie, № 37, 1887, „Du diagnostic médico-légal de la pyromanie par l'examen indirect“). Нѣкто Vuil..., рабочий на фермѣ, совершалъ съ 1882—1885 г. 7 поджоговъ. Послѣ пяти первыхъ онъ судился, но, благодаря своей необычайной ловкости въ защитѣ, былъ оправданъ. Вскорѣ послѣ этого, проходя съ однимъ свидѣтелемъ мимо одной риги, наполненной хлѣбомъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: «какое бы это дало прекрасное пламя!» Послѣ седьмого поджога онъ былъ, наконецъ, осужденъ. Слѣдствіе выяснило, что до 1882 г.—времени начала поджоговъ, Vuil... былъ раздражителенъ, буенъ и злѣй; онъ предавался пьянству и имѣлъ ясно выраженные эпилептическіе припадки. Съ 1882 г. припадки прекратились, а вмѣстѣ измѣнился и характеръ: Vuil... сталъ тихъ, послушенъ и трезвъ, но за то появилось по временамъ вспыхивавшее *неодолимое желаніе* видѣть пламя, желаніе, часто отличавшееся характеромъ одержанія, которому, по большей части, нельзя было противостоять и которое являлось преимущественно послѣ того, какъ онъ имѣлъ сношенія съ женщинами. Совершивъ поджогъ, Vuil... сперва нѣкоторое время восторгался видомъ пламени, а потомъ его внутреннее состояніе приходило въ норму и онъ спѣшилъ на помощь.

Въ другомъ случаѣ у одной эпилептики не всегда являлись обычные ясно выраженные припадки эпилепсіи, но тогда, какъ бы въ замѣнъ ихъ, въ качествахъ ихъ эквивалента, развивалось влеченіе къ убійству и самоубійству. Во время такихъ состояній больная обыкновенно просила надѣть на нее смирительную рубашку и вызвать у нея припадокъ, который по ея словамъ, избавлялъ ее отъ ея дурныхъ мыслей.

лежащая въ основѣ эпилепсіи, повидимому, суть явленія неправильной игры отдѣльных частей кровеносной системы въ различныхъ нервныхъ центрахъ, обусловливающей ихъ безпорядочное раздраженіе центрального происхожденія ¹⁷¹⁾. Поэтому становится понятенъ тотъ живой интересъ, который представляетъ намъ знакомство съ разнообразными явленіями предвѣстниковъ наступающаго эпилептического припадка во время еще только начинающейся безпорядочной дѣятельности. У нѣкоторыхъ этотъ продромическій періодъ длится всего нѣсколько секундъ, у другихъ нѣсколько минутъ, часовъ и даже дней и сопровождается самыми разнообразными ощущеніями и состояніями. Нѣкоторые при этомъ бываютъ весьма раздражительны, злы, безпричинно печальны (въ смыслѣ отсутствія вѣшняго повода), безпокойны, крайне подвижны, и только рѣдкіе бываютъ веселы и радостны; нѣкоторые чувствуютъ утомленіе, испытываютъ ощущеніе распространяющагося холода и дрожи; у нѣкоторыхъ замѣчается неясность и какая то спутанность умственныхъ способностей, которыя иногда концентрируются на одной идеѣ, всецѣло ихъ поглощающей въ это время; нѣкоторые ощущаютъ онѣмѣнія, присутствія какъ бы крови во рту, сжатія горла, затруднительность дыханія, какая бываетъ при сильныхъ судорогахъ и проч.; нѣкоторые испытываютъ разнообразные неудержимые импульсы; нѣкоторые становятся сладострастны и развратны; нѣкоторые слышатъ различные шумы, звуки, голоса, слова, видятъ различные цвѣтовые образы, обоняютъ различные пріятные или непріятные запахи, ощущаютъ различные вкусы и проч. ^{172*)}).

По поводу теоріи профессора Lombroso, докторъ Tonpini замѣчаетъ, что ея начинается «новая лучшая эра для уголовной психопатологіи». См. его «Le epilepsie», 7. Въ этомъ замѣчаніи заключается, какъ мнѣ кажется, весьма много вѣрнаго, если имѣть въ виду не классическую эпилепсію только, а вообще сосудодвигательныя разстройства. Весьма интересная съ этой точки зрѣнія попытка была сдѣлана на антверпенскомъ конгрессѣ 1885 г., извѣстнымъ пр. Benidikt'омъ развитъ въ примѣненіи къ приступности ученіе о физической, нравственной и интеллектуальной невротеніи См. *Compte - rendu du Congrès de Phréniat. et de neuropath. tenu a Anvers du 7 au 9 septem. 1885. Gand, 1886.* 306 и сл. Я еще буду имѣть случай затронуть этотъ вопросъ въ ходѣ дальнѣйшаго изложенія.

171) Извѣстно, что нѣкоторымъ эпилептикамъ удается предовратить припадокъ сжатіемъ того члена, отъ котораго поднимаются своеобразное ощущеніе—аура.

172*) Voisin: *Leçons cliniques*, 566—570; Magnan: *Leçons cliniques sur l'épilep.*, 6—12; Legrand du Saulle: *Etud. méd.—lég sur les épilép.*, 74; Laboulbene: *Des nevralgies visceral.*, 92 и сл. Не трудно видѣть, что все это суть явленія, часто вызываемыя и воздѣйствіями тѣхъ или иныхъ раздражителей на не-

Всѣ эти явленія ясно и наглядно указываютъ намъ, что подъ вліяніемъ внутреннихъ раздраженій кровью, въ сферѣ сознанія субъекта могутъ зарождаться такія же ощущенія, движенія чувства и колебанія настроенія, обыкновенно столь могущественно вліяющія на всѣ проявленія человѣка во внѣ, какія обыкновенно зарождаются подъ вліяніемъ воздѣйствій соответствующихъ внѣшнихъ стимуловъ. Мало того, подъ вліяніемъ тѣхъ же внутреннихъ раздражителей могутъ, какъ извѣстно, зарождаться и такіе же продукты дѣятельности специальныхъ чувствъ (галлюцинаціи и иллюзіи), какіе обыкновенно зарождаются подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздражителей. Не трудно понять, какую важную и часто рѣшающую роль могутъ и дѣйствительно играютъ эти скрытыя, а потому трудно, а часто и вовсе не уловимыя внутреннія раздраженія и ихъ психическіе продукты. Эти внутреннія раздраженія могутъ и не вліять отдѣльно—что составляетъ наиболѣе распространенный случай—а только примѣшиваться къ вліянію раздраженій внѣшнихъ, придавать имъ болѣе или менѣе извращенный, странный и даже причудливый характеръ и т. д. Эти субъективные элементы, присоединяясь къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, могутъ, напр., измѣнять для человѣка оттѣнки голоса говорящаго съ нимъ, оттѣнки выраженія лица послѣдняго и т. д., а эти измѣненія въ свою очередь неминуемо будутъ такъ или иначе отражаться на поведеніи субъекта и на всемъ его отношеніи къ окружающему. Наиболѣе рѣзкія проявленія вліянія подобнаго примѣшиванія результатовъ раздраженій внутреннихъ къ результатамъ раздраженій внѣшнихъ мы можемъ наблюдать въ нѣкоторыхъ формахъ душевныхъ расстройствъ, напр.; въ нѣкоторыхъ случаяхъ бреда преслѣдованія. Въ нихъ процессъ выраженъ въ весьма рѣзкихъ формахъ и потому удобно наблюдается. Въ другихъ однородныхъ случаяхъ, которые, какъ и все въ природѣ, представляютъ безчисленные оттѣнки и переходы,

риферическія окончанія различныхъ чувствующихъ нервныхъ волоконъ. Въ данныхъ же случаяхъ субъективно тождественныя явленія вызываются, какъ мы видимъ, внутренними раздражителями, повидимому, дѣйствующими центрально (непосред. на центры). Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ передъ собой одно изъ проявленій того общаго и чрезвычайно важнаго въ психической жизни правила, что раздраженіе периферическаго окончанія одного или цѣлой группы нервныхъ волоконъ и раздраженіе ихъ центральныхъ окончаній въ нервныхъ центрахъ даютъ тождественные результаты. Иначе это правило можетъ быть сформулировано слѣдующимъ образомъ: раздраженіе съ периферіи и изъ центра одной и той же группы нервныхъ волоконъ даетъ тождественный внѣшній эффектъ. Къ этому чрезвычайно важному правилу я еще буду имѣть случай вернуться и тогда приведу относящіеся сюда факты.

процессъ примѣшиванія хотя и сохраняетъ тотъ же характеръ, но результаты его менѣе рѣзко выражены, а потому и гораздо труднѣе уловимы.

Д-ръ Legrand du Saulle рассказываетъ, напр., про одного молодого моряка, который послѣ перенесенной злокачественной лихорадки и сифилиса началъ вдругъ замѣчать, что какъ только онъ сходитъ на берегъ, то окружающіе шепчутся; если же онъ приходитъ куда нибудь, то надъ нимъ издѣваются, *лорнируютъ его особенымъ способомъ* и проч. Въ Брестѣ, въ который онъ прибылъ потомъ, ему также казалось, что надъ нимъ насмѣхаются, грубо ругаютъ и дурно третируютъ его и что прохожіе преслѣдуютъ его. Вслѣдствіе этого онъ запирается, не хочетъ выходить, окружаетъ себя оружіемъ для защиты и пр. ¹⁷³⁾ Очевидно, что въ этомъ случаѣ къ впечатлѣніямъ, получавшимся извнѣ, отъ воздѣйствій внѣшнихъ раздражителей, присоединялись раздраженія отъ внутреннихъ раздражителей, которыя частью порождали галлюцинаціи, а частью *измѣняли впечатлѣнія* и придавали имъ въ глазахъ субъекта совершенно иную, неправильную окраску, которая однако рѣзко вліяла на его настроеніе и на все его отношеніе къ окружающимъ.

У того же автора находимъ рассказаннымъ случай одного преподавателя коллегіи, который, будучи еще молодымъ человѣкомъ, подѣ вліяніемъ субъективныхъ ощущеній, порождавшихся внутренними раздражителями и примѣшивавшихся къ впечатлѣніямъ отъ внѣшняго міра, началъ приходить въ столкновенія съ своими сотоварищами, начальниками, родителями воспитанниковъ, самими воспитанниками и вообще со всѣми окружающими. Подѣ вліяніемъ этихъ, незамѣтно для него примѣшивавшихся субъективныхъ элементовъ, онъ началъ жаловаться въ многочисленныхъ письмахъ къ ректору и министру народнаго просвѣщенія на различныя будто бы причиняемыя ему всѣми постоянныя непріятности, на разнообразныя будто бы принимаемыя противъ него стѣснительныя мѣры, по всей вѣроятности, рассчитанныя на то, чтобы заставить его потерять разсудокъ и т. д. Вслѣдствіе этого начались его переходы изъ коллегіи въ коллегію и вездѣ имъ повторялись однѣ и тѣ же жалобы. Наконецъ, случилось наслѣдство и онъ оставилъ службу, переехалъ въ Парижъ и сталъ посѣщать курсы. Но и тутъ внутренніе раздражители, какъ и слѣдуетъ ожидать, продолжали порождать субъективныя ощущенія, примѣшивавшіяся и къ внѣшнимъ воспріятіямъ, а потому опять на-

¹⁷³⁾ Le délire des persecutions, 25 и сл.

чали слышаться жалобы, что его поносят, оскорбляют, приобрѣтаютъ власть надъ нимъ и управляютъ имъ на разстояніи, что враги повсюду преслѣдуютъ его и т. д. Приведенный въ отчаяніе онъ оставляетъ Францію, переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, но внутреннія раздраженія, примѣшиваясь къ внѣшнимъ воспріятіямъ, по прежнему продолжаютъ давать основанія для поддержанія и развитія бреда преслѣдованія ¹⁷⁵).

«Приставанія товарищей получаютъ въ его умѣ большое значеніе», разсказываютъ про одного выраждающагося юношу д-ра Mabilie и Romadier, «и достигаютъ того, что создаютъ дѣйствительный бредъ преслѣдованія Онъ повсюду видитъ замышляемые будто бы противъ него заговоры и истолковываетъ въ направленіи содержанія своего бреда мельчайшіе поступки окружающихъ его людей». Два раза онъ бѣжитъ изъ учебнаго заведенія, чтобы избавиться отъ своихъ мнимыхъ преслѣдователей. Послѣ втораго побѣга родители помѣщаютъ его къ одной дамѣ. Сначала все идетъ хорошо. «Но, вотъ однажды (конечно, подъ вліяніемъ примѣшиванія внутреннихъ раздраженій) ему воображается, что сестра его хозяйки, старая дѣвица, некрасивость которой была достаточна для того, чтобы пробудить въ немъ бредовыя идеи, занимается имъ, *глядитъ на него особымъ способомъ* и хочетъ сдѣлать ему зло. Эти идеи усиливаются, онъ убѣждается, что она читаетъ его мысли и всегда дурно говоритъ о немъ. Подъ вліяніемъ такихъ идей онъ ругаетъ эту женщину, даже пускаетъ въ ходъ насиліе и нѣсколько разъ бросаетъ въ нее камнями» ¹⁷⁶).

Конечно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ и въ случаяхъ описанныхъ продромическихъ состояній эпилептиковъ мы имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе ясно выраженными болѣзненными явленіями, съ явленіями, въ которыхъ, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ разстройствъ и уклоненій, вліяніе внутреннихъ ярко окрашенныхъ раздраженій въ сознаніи часто беретъ перевѣсъ надъ вліяніемъ раздраженій внѣшнихъ и выступаетъ на первый планъ. Но это нисколько не умаляетъ ихъ демонстративнаго значенія и только сводитъ вопросъ къ вопросу о степени. Несомнѣнно, что внутренніе раздражители оказываютъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на порожденіе разсматриваемыхъ субъективныхъ элементовъ и во время состояній такъ называемаго здоровья. Измѣненіе въ воспріятіи въ зависимости отъ субъективныхъ состояній, вызываемыхъ суммирующимися внутрен-

¹⁷⁵) Тамъ же, 28 и сл.

¹⁷⁶) См. Ann. médico-psych., № 3 й, 1887, «Un dégénéré héredé».

ними раздраженіями, вѣроятно, извѣстно каждому по собственному опыту. Въ состояніяхъ непріятнаго настроенія духа, напр., все видится, слышится и воспринимается вообще не совсѣмъ такъ, какъ то же самое видится, слышится и воспринимается во время пріятно-спокойныхъ состояній. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о тѣхъ хотя временныхъ, но длящихся уклоненіяхъ, которыя порождаются различными длящимися же неблагопріятными окружающими условіями (и происходящими оттого отсутствіями достаточнаго питанія нервной системы, перераздраженіями и пр.), и которыя столь часто испытываются классами, имѣющими привиллегію создавать преступниковъ и различныхъ отщепенцевъ общества. Послѣ всего сказаннаго не трудно понять, къ какимъ слѣдствіямъ могутъ и иногда дѣйствительно приводить у такихъ лицъ разсматриваемые субъективные элементы — продуктъ внутреннихъ раздраженій, обусловленныхъ различными временными органическими уклоненіями и колебаніями, присоединяясь къ раздраженіямъ, происходящимъ отъ воздѣйствій внѣшнихъ стимуловъ изъ окружающей среды ¹⁷⁷⁾.

Повидимому весьма важную роль въ измѣненіи характера внѣшнихъ воспріятій играютъ внутреннія раздраженія, происходящія отъ перераспределенія крови въ органахъ растительной жизни и въ системахъ ихъ иннервации ¹⁷⁸⁾, и порождающія темныя и часто весьма тягостныя ощущенія, которыя въ высшихъ степеняхъ своего напря-

¹⁷⁷⁾ Говоря это, я далекъ отъ мысли приписывать разсматриваемымъ внутреннимъ раздражителямъ и раздраженіямъ исключительное вліяніе. Преступность вообще есть слишкомъ сложный фактъ и преступленіе, *даже разсматриваемое исключительно въ своихъ ближайшихъ, непосредственныхъ причинахъ*, кроющихся въ порочностяхъ психо-физической организаціи дѣятеля, все-таки представляетъ собою слишкомъ многофакторное явленіе, чтобы его можно было объяснять только однимъ или одними изъ нихъ. Для выясненія даже ближайшихъ, непосредственныхъ причинъ всегда необходимо, по возможности, принять во вниманіе всю совокупность психо-физическихъ условій даннаго субъекта и въ данное время.

¹⁷⁸⁾ «Они жалуются», говоритъ Луисъ объ ипохондрикахъ, «на страданія желудка, кишокъ, печени и т. д. При вскрытіяхъ во внутренностяхъ, однако, не находятъ ничего. Напротивъ, когда слѣдуютъ по пути распространенія ощущеній отъ внутренностей, когда изслѣдуютъ даже невооруженнымъ глазомъ центральное сѣрое вещество 3 го желудка, которое есть мѣсто ихъ концен-траціи, то тогда констатируютъ болѣе или менѣе выраженный гипереміи въ этой области. Тамъ и сямъ наблюдаются древовидныя сосудистыя развѣтвленія, весьма ясно замѣтныя, которыя указываютъ на работу мѣтнаго раздраженія, сѣдалищемъ которой были эти области». См. цитир. сочинен. 244 и сл.

женія переходять въ невралгіи ¹⁷⁹⁾ и которыя примѣшиваются къ внѣшнимъ воспріятіямъ и часто придають имъ своеобразную окраску.

Степень вліянія разсматриваемыхъ субъективныхъ элементовъ на измѣненіе окраски внѣшнихъ воспріятій, понятно, различна по различнымъ лицамъ и по различіямъ ихъ временныхъ органическихъ состояній. Она повышается въ зависимости отъ повышенія количества и интензивности внутреннихъ раздраженій и порождаемыхъ ими ощущеній, которыя при этомъ сильнѣе заволакиваютъ собою сознательный горизонтъ субъекта, что всего чаще встрѣчается или у людей крайне дурно обставленныхъ и постоянно подвергающихся всевозможнымъ неблагопріятнымъ вліяніямъ, или у людей, по всему образу своей жизни привыкшихъ развивать и сосредоточиваться на своихъ внутреннихъ ощущеніяхъ низшаго порядка.

Чтобы нагляднѣе выяснить, какое важное вліяніе оказываютъ внутренние раздраженія кровью на все умственно-нравственное существо чловѣка, на его отношенія къ окружающимъ и вообще на всѣ его проявленія во внѣ, я приведу здѣсь слѣдующій хотя и патологическій, но весьма демонстративный случай.

Нѣкто Роза М. имѣла довольно отягощенную наслѣдственность. Ея отецъ былъ весьма раздражителенъ, а мать была невропатка; дядя съ отцовской стороны былъ очень страшный чловѣкъ, а два ея брата страдали душевнымъ разстройствомъ.

Въ 1863 и 1864 гг., когда М. было 16 и 17 лѣтъ, у нея обнаружился первый приступъ: сначала замѣчалась легкая подавленность, смѣнившаяся потомъ нѣкоторой возбужденностью. Послѣ этого перваго приступа смѣна указанныхъ состояній, при томъ постоянно усиливавшихся, стала наблюдаться ежегодно. Въ 1866 г. М. поступила въ больницу и представляла слѣдующія явленія. Сначала у нея постепенно развивалось меланхолическое настроеніе, сопровождавшееся молчаливостью, стремленіемъ уединяться, лѣнностью, упадкомъ энергіи и апатіей. По истеченіи 4—6 мѣсяцевъ подавленность исчезла и М. начала вести себя вполне разумно: она была ласкова, общительна и охотно занималась работой (крайне интересны эти рѣзкія колебанія и измѣненія характера М. и всѣхъ его проявленій, при измѣненіи органическихъ состояній). Вскорѣ, однако, къ этому спокойному состоянію постепенно началъ примѣшиваться элементъ возбужденія, при чемъ у М. замѣчалась усиленная потребность говорить (повиди-

¹⁷⁹⁾ См. цитиров. сочиненіе Trumet de Fontarge, 67 и сл. Laboulbène: Des névralgies viscérales, 6, 7, 14, 22, 24, 26—38, 46, 51—60, 70, 80, 91—94.

мому, отъ автоматическаго раздраженія центровъ), выходитъ изъ дому, дѣлать визиты и предаваться неустанной дѣятельности (новое измѣненіе особенностей характера). Наряду съ этимъ наблюдались и разнообразныя болѣзненные ощущенія, упадокъ аппетита (а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и питанія) и *увеличеніе скорости пульса*. М. чувствовала въ это время внутреннее безпокойство (порождавшееся, вѣроятно, перераздраженіями истощенной отъ задержаннаго питанія нервной системы), потребность дѣйствовать и составлять проэскты. Черезъ нѣсколько недѣль состояніе возбужденности достигло своего высшаго развитія и сопровождалось *учащеннымъ (90 — 100 пульсаций), но слабымъ пульсомъ*. По временамъ наблюдались *примавы крови, сопровождавшіеся ощущеніями жара и давленія въ голову* (неправильности мозговаго кровообращенія), и многочисленныя невралгическія боли въ головѣ, ушахъ, губахъ, груди, бокахъ, въ половыхъ органахъ и общая гиперестезія. Все это время М. была неустанно подвижна и *быстро переходила отъ одной идеи къ другой* (повидимому, подъ вліяніемъ ускоренности мозговаго кровообращенія). Внутреннее раздраженіе импульсивно и неудержимо побуждало ее рвать одежду и бить стекла. Настроеніе духа было крайне измѣнчиво, такъ что среди самой живой веселости внезапно врывались приступы тяжелаго раздраженія, сопровождавшіеся и ипохондрическими идеями, чувствомъ отвращенія къ жизни и слуховыми галлюцинаціями непріятнаго характера ¹⁸⁰). Время отъ времени у М. замѣчались и идеи половаго характера (интересно ихъ сосуществованіе съ приступами отвращенія къ жизни): усиленное желаніе быть изслѣдованной, проэскты замужества и пр., и наряду съ этимъ безсонница по ночамъ.

Съ этихъ поръ смѣна описанныхъ состояній, какъ уже замѣчено выше, правильно повторялась у М. каждый годъ ¹⁸¹).

Въ этомъ весьма интересномъ примѣрѣ мы можемъ наблюдать, какъ въ зависимости отъ колебаній въ скорости мозговаго кровообращенія и въ количественной сторонѣ его возбуждающаго вліянія измѣняются и умственно-нравственныя особенности человѣка, его отношенія къ окружающимъ и сумма его дѣятельности. Замедляется кровообращеніе

¹⁸⁰) Эти рѣзкія колебанія противоположностей обуславливались, повидимому, соединеніемъ повышенности внутренняго раздраженія, происшедшаго изъ измѣненныхъ условій кровообращенія, и упадка питанія, а слѣдовательно и достаточнаго притока матеріала, необходимаго для развитія въ достаточномъ количествѣ энергіи и возможности существованія ювнаго веселаго настроенія.

¹⁸¹) Ritti: «Traité clinique de la folie a double forme», 136—139.

и количественно ослабляется внутреннее возбужденіе—человѣкъ становится подавленъ; онъ дѣлается *лѣнивъ и апатиченъ и бѣжитъ отъ всякой работы* и ¹⁸²⁾ даже отъ человѣческаго общества. Напротивъ, увеличивается скорость кровообращенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ количественно увеличивается и внутреннее общее раздраженіе—и тотъ же человѣкъ, конечно, при приблизительно равныхъ прочихъ условіяхъ, становится общителенъ, благожелателенъ и трудолюбивъ. Еще болѣе увеличивается скорость кровообращенія, но при этомъ падаетъ питаніе и ослабляется притокъ необходимаго матеріала—человѣкъ—опять при приблизительно равныхъ прочихъ условіяхъ—становится безпокоенъ, неудержимо подвиженъ и живъ; мысли его мелькаютъ и быстро смѣняются другъ друга; въ немъ зарождаются неудержимыя влеченія (отъ повышеннаго автоматическаго раздраженія центровъ) различные порывы, и вообще измѣняется весь его характеръ и всѣ отношенія его къ окружающимъ. И эта параллельная смѣна колебаній въ количественной сторонѣ внутренняго общаго раздраженія и въ особенностяхъ психическихъ состояній правильно повторяется каждый годъ.

Другой случай, заимствованный мною у того же автора, со стороны психическихъ проявленій представляется еще болѣе интереснымъ.

Нѣкто Charles Gr.; онъ происходилъ изъ богатой семьи камерсанта. Его наслѣдственность, какъ и наслѣдственность М., была значительно отягощена. Его мать и цѣлая серія его родственниковъ были душевно разстроены; одинъ его сынъ и племянница *страдали періо-*

¹⁸²⁾ А между тѣмъ сколько дѣтей, особенно дѣтей городскихъ бѣдняковъ, восходяще которыхъ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній подвергались вредоноснымъ вліяніямъ отвратительныхъ гигиеническихъ условій, дѣтей, прирожденно одаренныхъ такими же неблагоприятными, но только болѣе устойчивыми особенностями кровообращенія, подвергаются ихъ невѣжественными воспитателями всевозможнымъ лишеніямъ и наказаніямъ, еще болѣе ухудшающимъ дѣло, за ихъ будто бы порочную лѣнь и вялость. Такія дѣти, у которыхъ воспитаніе во время не улучшило вредныхъ особенностей ихъ злополучной организаціи, а часто еще только ухудшило ихъ, прійди въ возрастъ, начинаютъ сталкиваться съ различными жизненными задачами и, не имѣя въ себѣ, въ своей истощенной органической конституціи достаточныхъ силъ и способностей для ихъ устраненія, инстинктивно начинаютъ прибѣгать (конечно, подъ вліяніемъ примѣра другихъ) для повышенія своего органическаго тона, для повышенія пульса своей жизни къ злоупотребленіямъ искусственными возбуждителями, — табакомъ, чаемъ, а главное алкоголемъ, что еще болѣе портитъ, изнашиваетъ и вырождаетъ ихъ и безъ того недостаточную и хилую психофизическую организацію и, при наличности извѣстныхъ условій, можетъ постепенно способствовать и развитію въ нихъ склонности къ преступленію. Ниже я еще буду имѣть случай вернуться къ этому вопросу.

дическими душевными болѣзнями. Самъ Charles обладалъ прекраснымъ физическимъ здоровьемъ и живымъ, но раздражительнымъ темпераментомъ и умомъ, выходившимъ изъ ряда обыкновенныхъ.

Въ возрастѣ 17 лѣтъ внезапно и безъ всякихъ ближайшихъ причинъ онъ имѣлъ первый припадокъ, состоявшій въ смѣнѣ маниакальнаго возбужденія и меланхолической подавленности. Начиная съ этого возраста и этого перваго припадка, подобные же припадки у него стали слѣдовать другъ за другомъ на разстояніи двухъ, трехъ мѣсяцевъ. Во время періода возбужденія онъ представлялъ и представлялъ слѣдующія явленія. Чувство собственной личности у него крайне повышено: въ это время онъ имѣетъ о своей личности, о своемъ умѣ, способностяхъ и достоинствахъ самое преувеличенное мнѣніе; воля его не знаетъ болѣе предѣловъ; онъ становится склоненъ къ диспутамъ и постоянно считаетъ себя правымъ. Онъ ощущаетъ множество потребностей и желаетъ множества вещей, при чемъ выражаетъ крайнее неудовольствіе, когда желанія его не исполняются. Съ половой стороны онъ представляется возбужденнымъ; жажда и аппетитъ у него повышены, но сонъ почти отсутствуетъ. Онъ проявляетъ много порочности въ дѣйствіяхъ, при чемъ объясняетъ и оправдываетъ ее различными доводами. Идеи его быстро смѣняются другъ друга, онъ находится въ постоянномъ движеніи¹⁸³⁾, не можетъ оставаться на мѣстѣ и вездѣ чувствуетъ себя тѣсно. Видъ его повелителенъ; онъ пишетъ множество писемъ, постоянно болтаетъ, движется, стучитъ въ двери и беспокоитъ своихъ сосѣдей. Онъ вспыскиваетъ отъ каждой мелочи, но скоро успокоивается; онъ не терпитъ никакихъ противорѣчій; они его крайне раздражаютъ и даже приводятъ въ буйное состояніе. Онъ осыпаетъ упреками и грубыми обвиненіями своихъ окружающихъ, ссоритъ ихъ другъ съ другомъ, всевозможными способами нарушаетъ спокойствіе въ домѣ, уходитъ изъ него, проявляетъ склонность къ бродячеству, къ посѣщенію трактировъ и увеселеніямъ въ нихъ. Весь этотъ комплекс психическихъ явленій предшествуется и сопровождается у него ясно выраженными приливами крови къ головѣ, переполненіемъ сонныхъ артерій и ускореннымъ кровообращеніемъ.

Затѣмъ скорость послѣдняго постепенно падаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается постепенный и незамѣтный переходъ къ нормальному со-

¹⁸³⁾ Другой такой же больной въ состояніи возбужденія ощущалъ «необходимость дѣйствовать постоянно». Онъ по цѣлымъ часамъ вращался кругомъ своей оси, останавливался при каждомъ полукругѣ и быстро выкрикивалъ безъ всякой связи всевозможныя слова. Ritti, цитированное сочиненіе, 95 и сл.

стоянію, сопровождаемому повышенной склонностью ко сну. Нормальное состояніе длится однако не долго, — всего нѣсколько дней. Скорость кровообращенія ослабѣваетъ еще болѣе, пульсъ замедляется и наступаетъ состояніе подавленности. И вотъ этотъ еще такъ недавно самоувѣренный, заносчивый, подвижный и общительный человѣкъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, безъ всякихъ другихъ видимыхъ причинъ, рѣзко измѣняется во всѣхъ своихъ умственно-нравственныхъ проявленіяхъ, становится угрюмъ, ощущаетъ предсердечную тоску, бѣгаетъ отъ человѣческаго общества, падаетъ духомъ, весь какъ бы опускается, становится лѣнливъ, теряетъ всякую вѣру въ себя и свои способности, обвиняетъ себя, чувствуетъ отвращеніе къ жизни и склонность къ самоубійству (въ первомъ періодѣ повышенная половая возбужденность, а во второмъ склонность къ самоубійству). Аппетитъ падаетъ, смѣна идей становится медленна и они получаютъ монотонный характеръ. Но и это не продолжается долго; скорость кровообращенія повышается и все входитъ въ норму, чтобы черезъ нѣсколько времени снова дать мѣсто тѣмъ же явленіямъ.

У другаго больного переходы совершались еще рѣзче вмѣстѣ съ рѣзкими колебаніями скорости кровообращенія, распространявшимися, конечно, и на капилляры. Маніакальная экзальтація выражалась у него въ необычайной веселости, болтовнѣ, подвижности и чрезмѣрномъ аппетитѣ, сопровождавшихся *приливами крови къ голову и значительно ускореннымъ пульсомъ 90—100*. По прошествіи нѣкотораго времени это состояніе возбужденія и повышенности жизненнаго тона быстро смѣнялось состояніемъ рѣзко выраженного расслабленія. Пульсъ быстро спускался до 30 и даже 25 ударовъ, больной закрывалъ глаза, становился неподвиженъ, не ѣлъ ничего и приходилъ въ состояніе оцѣпенѣлости, изъ котораго его невозможно было вывести никакими средствами. Черезъ 15 или 20 дней состояніе подавленности также внезапно исчезало, пульсъ ускорялся и этотъ статуеобразный больной немедленно выходилъ изъ своей оцѣпенѣлости, открывалъ глаза, становился болтливъ и снова приходилъ въ состояніе возбужденности ¹⁸⁴).

Нѣкоторые изъ подобныхъ больныхъ въ періодъ подавленности становятся рѣшительно «неспособны думать и размышлять; время нѣкоторымъ изъ нихъ кажется несоразмѣрно долгимъ. Такъ, напр., одной больной, переводившейся въ другое отдѣленіе, находившееся на разстояніи 500 метровъ, самое время короткаго передвиженія казалось

¹⁸⁴) Ritti, цитиров. сочин., 104 и сл.

необычайно долгимъ; каждое дѣйствіе, которое ее заставляли выполнять, казалось безконечнымъ. Нѣкоторые въ этомъ состояніи совершенно утрачиваютъ способность «дѣйствовать сами», — утрачиваютъ волю; у нѣкоторыхъ почти совершенно заволакивается психическое зрѣніе и слухъ и т. д. ¹⁸⁵⁾).

«Одинъ порученный моимъ заботамъ молодой ипохондрикъ», говоритъ д-ръ Morel, «часто удивлялъ видѣвшихъ его свободой своей рѣчи и тѣмъ блескомъ, съ которымъ онъ излагалъ свои идеи. Въ нѣкоторые періоды ему случалось сочинить въ теченіи одной ночи музыкальную или театральную пьесу, которая представляла замѣчательныя черты и выдающіяся красоты. Но я, хорошо знавшій больного, никогда не ошибался въ предсказаніи, которое подсказывалось мнѣ такимъ положеніемъ. Я хорошо зналъ, что, по прошествіи трехъ или четырехъ дней возбужденія, этотъ молодой душевно-больной упадетъ въ угрюмое оцѣпенѣніе и оупѣніе, которыя лишатъ его даже инстинктовъ самыхъ естественныхъ потребностей ¹⁸⁶⁾).

И въ этомъ примѣрѣ мы встрѣчаемся все съ тѣмъ же фактомъ организаціи, а вмѣстѣ и явленіемъ психической жизни: повышается общее внутреннее раздраженіе, а вмѣстѣ съ нимъ поднимается и пульсъ умственной жизни и она начинаетъ блистать богатствомъ своихъ красокъ. Напротивъ, понижается внутреннее раздраженіе и на ряду съ нимъ замираетъ и психическая жизнь, опускаясь иногда почти до нуля ¹⁸⁷⁾).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы, повидимому, имѣли дѣло съ

¹⁸⁵⁾ Ritti, цитир. сочин. 81, 85, 91, 113. Въ этомъ сочиненіи читатель найдетъ и много другихъ однородныхъ клиническихъ фактовъ.

¹⁸⁶⁾ Въ этомъ примѣрѣ, какъ и въ предшествующихъ, мы встрѣчаемся съ тою же постоянной и зависящей отъ внутреннихъ причинъ смѣной состояній возбужденія и подавленности. Къ сожалѣнію; подобныя постоянныя колебанія настроенія, хотя значительно менѣе рѣзко выраженыя и менѣе длительныя, вслѣдствіе всего строя современной общественной жизни съ ея эксцессами, представляются, повидимому, весьма распространенными въ нашъ «нервный вѣкъ». Ровность же настроенія, повидимому, убываетъ, и значительное число людей почти постоянно находится въ состояніи положительнаго или отрицательнаго уклоненія отъ средне-спокойнаго и ровнаго настроенія духа, вліяніе чего, послѣ всего сказаннаго, предвидѣть не трудно.

¹⁸⁷⁾ Въ заведеніи для душевно-больныхъ въ Feldhofъ, близъ Граца, въ Австріи, мнѣ пришлось наблюдать одного субъекта, весьма долгое время находившагося въ состояніи полного оцѣпенѣнія, съ ясно наружно выраженными расстройствами кровообращенія. Онъ представлялъ собою какую-то какъ бы неодушевленную статую, которая не имѣла ни мысли, ни желаній, ни воли и не дѣлала никакихъ движеній безъ чужихъ непосредственныхъ усилій.

повышеніемъ или пониженіемъ общаго внутренняго раздраженія кровью и съ его психическими результатами. Теперь приведу еще одинъ изъ тѣхъ классическихъ случаевъ, которыми знаменитый Pinel иллюстрировалъ свое не менѣе знаменитое ученіе о «маніи безъ бреда (*manie sans délire*)», послужившее отправною точкою для развитія современнаго ученія о явленіи наслѣдственнаго нравственнаго вырожденія. Если приведенные случаи служили намъ примѣрами общаго внутренняго раздраженія и его психическихъ результатовъ, то случай Pinel'я послужить намъ примѣромъ, повидимому, локализованнаго раздраженія кровью опредѣленныхъ мозговыхъ центровъ и нѣкоторыхъ его возможныхъ психическихъ слѣдствій.

Нѣкто, занимавшійся прежде механической работой, испытывалъ черезъ неравномѣрные періоды времени приступы бѣшенства, отличавшіеся слѣдующими признаками: сначала жгучее ошущеніе въ кишкахъ, сильная жажда и упорный запоръ. Затѣмъ жгучее ошущеніе мало по малу распространяется до груди, потомъ до шеи, переходитъ въ лицо, въ которомъ вызываетъ при этомъ *живую окраску*. Достигнувъ висковъ, оно усиливается и сопровождается здѣсь *очень сильными и быстрыми біеніями изъ артерій, которыя будто хотятъ лопнуть*. Наконецъ, возбужденіе достигаетъ мозга и тогда больной *охватывается neodолимымъ кровожаднымъ влеченіемъ*. Если онъ можетъ схватить какой-либо острый инструментъ, то онъ готовъ съ бѣшенствомъ убить имъ перваго встрѣчнаго, безъ разбору. Между тѣмъ *во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ даже во время припадковъ онъ сохранялъ здравость разсудка, правильно отвѣчалъ на вопросы, не представлялъ никакой спутанности въ мысляхъ и ни малѣйшихъ признаковъ бреда. Онъ самъ хорошо сознавалъ весь ужасъ своего положенія и испытывалъ угрызенія совѣсти*. До его заключенія въ Bicêtre припадокъ разразился однажды, когда онъ былъ дома. Онъ едва имѣлъ время предупредить страстно любимую жену, чтобы она немедленно бѣжала и спасалась. Въ Bicêtre у него повторялись тѣ же періодическіе припадки бѣшенства, тѣ же *«автоматическія кровожадныя влеченія»*, иногда направлявшіяся противъ надзирателя, котораго онъ не переставалъ хвалить за его сострадательныя заботы и мягкость. Усиленная внутренняя борьба между здоровымъ разсудкомъ и кровожадною жестокостью приводила его иногда въ отчаяніе и онъ часто покушался на самоубійство ^{187*)}.

187*) См. цитированное сочин., 157 и сл.

Отношеніе между количествомъ общаго возбужденія, порождаемаго внутренними раздражителями, и количествомъ возбужденія, порождаемаго раздражителями внѣшними, повидимому, играетъ весьма важную роль въ душевной жизни человѣка и, повидимому, оказываетъ весьма важное вліяніе на его стремленія и дѣятельность. Для возможности спокойно-пріятной, довольной жизни каждому данному человѣку, повидимому, необходима извѣстная сумма длящагося общаго возбужденія, стоящая въ зависимости отъ особенностей его организаціи и порождаемая всею совокупностью какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ раздражителей. Если количество общаго внутренняго раздраженія чрезмѣрно повышается, то человѣкъ, какъ мы уже видѣли, становится необычно подвиженъ, живъ и даже безпокоенъ; онъ не можетъ ни на чемъ сосредоточиться, не можетъ оставаться на мѣстѣ и постоянно и неудержимо стремится проявляться во внѣ и дѣйствовать. Когда же количество общаго внутренняго раздраженія для даннаго организма и въ данное время ¹⁸⁸⁾ только вполне достаточно, но не чрезмѣрно—человѣкъ въ самомъ себѣ, въ полномъ тонѣ своего настроенія и въ сильномъ пульсѣ своей жизненной и устойчивой организаціи находитъ достаточный источникъ возбужденія; онъ доволенъ своимъ внутреннимъ довольствомъ и жадно не ищетъ особыхъ внѣшнихъ раздражителей, быстрой смѣны разнообразныхъ впечатлѣній и значительной силы ихъ; онъ способенъ довольствоваться сравнительно однообразной, спокойной, сѣренькой, будничной жизнью и безъ труда переносить лишенія въ развлеченіяхъ и въ необычныхъ удовольствіяхъ.

Напротивъ, когда количество общаго внутренняго раздраженія значительно понижается, тогда человѣкъ инстинктивно начинаетъ, повидимому, искать восполненій въ раздражителяхъ внѣшнихъ, въ быстрой смѣнѣ разнообразныхъ сильныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, къ которымъ, повидимому, онъ чувствуетъ тогда весьма сильное влеченіе; монотонная жизнь становится для него невыносима, такъ какъ въ немъ самомъ уже нѣтъ достаточнаго источника возбужденія, а потому, при отсутствіи сильныхъ внѣшнихъ раздражителей, пульсъ его жизни легко

188) Это необходимо принимать съ ограниченіями и поправками для cadaго даннаго случая. Мѣра силъ даннаго организма и притомъ мѣра силъ по различнымъ составляющимъ его органическимъ системамъ, повидимому, зависящая отъ особенностей самыхъ органическихъ тканей, при этомъ имѣетъ рѣшительное значеніе. Вообще при изученіи тѣхъ или другихъ органическихъ явленій необходимо помнить всегда, что психо-физическая организація человѣка представляетъ собою весьма сложное цѣлое, не поддающееся, поэтому, въ своихъ проявленіяхъ одностороннимъ объясненіямъ.

падаетъ ниже возможности спокойствія и ниже того уровня, за которымъ начинается уже легкая тоскливая подавленность. Въ такихъ случаяхъ переменна настроенія и повышение пульса жизни становится для человѣка неотступной потребностью; всѣ помыслы его невольно сосредоточиваются на мысли объ ея удовлетвореніи и онъ рѣшается купить его какой бы то ни было цѣной, хотя бы цѣной послѣдующаго потопа. Это весьма тягостныя и опасныя состоянія. При личности ихъ, вліяніе разума и предвѣдѣнія будущаго въ большей или меньшей мѣрѣ ограничивается и человѣкъ начинаетъ опредѣляться къ дѣйствіямъ тяжелымъ чувствомъ неудовлетворенности и исканія переменъ. Такое состояніе отчасти можно сравнить съ состояніемъ удупья. Къ сожалѣнію, въ дѣйствующихъ поколѣніяхъ, вслѣдствіе различныхъ распространенныхъ эксцесовъ и нездороваго теченія будничной жизни достаточное и ровное внутреннее возбужденіе отъ достаточныхъ внутреннихъ раздражителей, повидимому, ослабляется, вслѣдствіе чего, вѣроятно отчасти и развивается жажда внѣшнихъ возбужденій и искусственныхъ возбудителей, столь ярко отмѣчающая наше время. Я приведу здѣсь одинъ примѣръ, который конечно не исключительно, но во всякомъ случаѣ, повидимому, въ нѣкоторой степени находитъ свое объясненіе, между прочимъ, и въ указанной особенности. Случай этотъ разсказанъ Spengler'омъ — духовникомъ въ извѣстной бруксальской тюрьмѣ ¹⁸⁹⁾).

Дѣйствующимъ лицомъ въ немъ является нѣкто Schwäble, содержащійся въ названномъ пенитенціаріи. Онъ происходитъ отъ бѣдныхъ родителей, которые не оказывали на него никакого хорошаго вліянія. Онъ былъ легкомысленъ, непокоренъ и шаловливъ и велъ праздную и бродяжескую жизнь. Въ возрастѣ 12 и 13 лѣтъ онъ былъ наказанъ ударами розогъ за квалифицированное нищенство; въ 14 лѣтъ онъ подвергся заключенію въ тюрьму за то же самое, и затѣмъ съ 15 лѣтъ большую часть времени проводилъ уже въ карательныхъ учрежденіяхъ. Съ 1855 по 1863 г. Schwäble много разъ былъ наказанъ за различныя кражи. Начиная съ 1862 и по 1865 г., онъ успѣлъ совершить три побѣга и одно покушеніе на него; два раза онъ бѣжалъ отъ сопровождавшихъ его жандармовъ, а въ третій разъ—изъ тюрьмы. Въ 1864 и 1865 г. онъ совершилъ много смѣлыхъ кражъ и, повидимому, велъ нѣсколько развратную жизнь, которую закончилъ тѣмъ, что въ раздраженіи выстрѣлилъ чуть не въ упоръ въ своего товарища, за что и попалъ на 15 лѣтъ въ оди-

¹⁸⁹⁾ См. его „Aus Kerkermauern. Bilder aus dem Verbrecherleben“, 5 и сл.

почную бруксальскую тюрьму. Такова въ краткихъ чертахъ исторія предшествующей безпокойной жизни Schwäble. Попытаемся теперь хотя нѣсколько разобратъ въ фактахъ, оцѣнить ихъ смыслъ и значеніе, а затѣмъ постараемся, опираясь на нихъ, хотя немного заглянуть въ интимные уголки его душевной жизни.

Начнемъ съ происхожденія изъ бѣдной и, повидимому, дурной семьи, которое мало говоритъ въ пользу большой жизненности организаціи Schwäble, въ пользу энергичности и устойчивости всѣхъ его органическихъ системъ. Бѣдная семья—это по большей части и органически истощенная семья, ослабленная въ большей или меньшей мѣрѣ въ основныхъ условіяхъ своей органической жизни, семья, въ которой жизнь не бьетъ ключемъ, а течетъ лишь медленно, слабою струйкою, и если вспыхиваетъ по временамъ, то лишь короткими вспышками. Бѣдная семья—это по большей части безталанная, неустойчивая, не энергичная семья, въ которой недостаточно силъ, чтобы вполне успешно бороться за свое самостоятельное существованіе и завоевывать себѣ выгодныя положенія. Этимъ недостаткомъ силъ и настойчивой энергіи по большей части и обуславливается незадачливость такой семьи ¹⁹⁰⁾; сравнительно малая жизненность и устойчивость—таковъ по большей части ея основной порокъ.

Наклонность Schwäble къ праздности, бродяжеству и нищенству также вполне гармонируетъ съ указаніями наслѣдственности. Наклонность эта обыкновенно обуславливается лѣнностью, нерасположеніемъ къ сколько нибудь усидчивому труду, стремленіемъ къ движенію, въ которомъ ослабляя и не упругія натуры, если можно такъ выразится, инстинктивно ищутъ средствъ для подъема пульса своей жизни, стремленіемъ къ быстрой смѣнѣ и разнообразію впечатлѣній, т. е. тѣмъ же инстинктивнымъ стремленіемъ къ усиленію вліянія внѣшнихъ стимуловъ на подъемъ легко и сравнительно быстро ослабвляющаго жизненнаго тона ихъ неустойчивой организаціи, отдѣльныя части которой, при сколько нибудь дѣятельной работѣ, сравнительно быстро истощаются и требуютъ замѣны и отдыха.

Представляя, повидимому, такія особенности, Schwäble тѣмъ не менѣе не былъ, кажется, тою вполне инертной, вполне дряблой натурой, которая способна лишь къ бездѣтельному прозябанію и ко-

¹⁹⁰⁾ Говоря это я имѣю въ виду привычныхъ и по большей части наслѣдственныхъ бѣдняковъ и нищихъ. Кромѣ того я высказываю это утвержденіе съ ограниченіями и вовсе не выставляю его, какъ безусловное правило. Крайняя сложность общественныхъ отношеній дѣлаетъ нужнымъ нѣкоторыя поправки для отдѣльныхъ случаевъ.

торыхъ не мало встрѣчается среди нищихъ и профессиональныхъ бродягъ ¹⁹¹⁾. Его многочисленныя, смѣлыя и даже дерзкія кражи, его склонность дѣйствовать иногда и открытымъ насиліемъ, и весь его внѣшній видъ, въ которомъ было что-то дикое и способное внушать страхъ, указываютъ намъ, что натура его еще была способна временами къ сильнымъ возбужденіямъ и къ активной, сильной дѣятельности ¹⁹²⁾. Но чтобы длительно поддерживать внутреннее возбужденіе—источникъ всякой дѣятельности — на среднемъ и по временамъ нѣсколько высшемъ уровнѣ для этой натуры, повидимому, было необходимо движеніе, сравнительно сильныя и разнообразныя впечатлѣнія и частыя перемѣны. Безъ этого, вслѣдствіе ослабленности источниковъ внутренняго возбужденія, послѣднее, повидимому, легко падало ниже средняго уровня, что порождало тяжелыя внутреннія состоянія, заставлявшія его жадно и настойчиво искать смѣны разнообразныхъ впечатлѣній и сильныхъ внѣшнихъ возбуждителей. Это исканіе при *данныхъ* условіяхъ организаціи (говоря это, я вовсе не думаю утверждать, чтобы они не могли быть развиты въ теченіи жизни Schwäble), повидимому, являлось инстинктивно и неудержимо, какъ напр., исканіе достаточнаго количества воздуха для дыханія. Въ короткомъ письмѣ къ родителямъ, написанномъ черезъ годъ послѣ начала заключенія,

¹⁹¹⁾ Между оскудѣлыми натурами, какъ и вездѣ, встрѣчаются степени и разновидности. Низшія такія разновидности представляются тѣми необычайно жалкими и дѣйствительно «подлыми» натурами по мѣткому опредѣленію врача бельгійскихъ нищенскихъ колоній, д-ра Ronchesne, которыя рѣшительно неспособны къ подвижности, предпримчивости и сколько-нибудь энергичнымъ и смѣлымъ проявленіямъ. Такія натуры представляютъ собою довольно низкія ступени органическаго вырожденія и, повидимому, являются продуктами глубокаго регресса самыхъ органическихъ тканей. На высшихъ ступеняхъ органическаго оскудѣнія мы находимъ даже способныя и подчасъ черезъ чуръ подвижныя и безпкойныя, но неустойчивыя и сравнительно быстро истощающіяся въ своихъ работающихъ частяхъ организаціи, для которыхъ рѣшительно невыносимо всякое дѣющее напряженіе, невыносимо отсутствіе перемѣнъ и недостатокъ разнообразныхъ и сравнительно сильныхъ внѣшнихъ возбужденій. Такія натуры, какъ и слѣдуетъ ожидать, также встрѣчаются въ карательныхъ учрежденіяхъ и обыкновенно среди наиболее предпримчивой и отягощенной части ихъ населенія. Таковъ, напр., безпкойный и предпримчивый Anthelme Collet, про котораго рассказываетъ Alhou и который являлся въ различныхъ лицахъ и т. д. см. «Les bagnes», 46 и сл.

¹⁹²⁾ Чтобы не подать повода къ какимъ-либо недорозумѣніямъ, считаю нужнымъ оговориться, что я рассматриваю здѣсь натуру Schwäble исключительно со стороны ея устойчивости, со стороны напряженности въ ней жизненности, вовсе не касаясь особенностей нравственнаго существа, на служеніе которому отданы были ея силы.

Schwäble въ немногихъ словахъ ярко рисуетъ намъ свое тяжелое внутреннее состояніе и свое подавленное, почти отчаянное настроеніе духа, подверженное колебаніямъ, какъ бы приступающа, но все въ одномъ и томъ же отрицательномъ направленіи. Его письмо — это сдержанный стонъ натуры, которой недостаетъ нѣкоторыхъ существенныхъ условій для удовлетворительнаго существованія, не достаетъ въ данномъ случаѣ разнообразія впечатлѣній и сравнительно сильныхъ внѣшнихъ стимуловъ для подъема безъ того значительно слабѣющаго тона жизни. Въ своемъ письмѣ Schwäble почти отказывается отъ свиданія съ родными, которое, какъ боится онъ, только еще больше растравитъ раны его и безъ того тоскующей души. Онъ говоритъ, что зло нашептываетъ ему всевозможныя «демоническія мысли». «Я бы могъ и написалъ бы вамъ еще многое», такъ заканчиваетъ онъ свое письмо, «но я хочу заключить словами: дорогой батюшка, матушка и сестры, молитесь за меня»¹⁹³). И такое восклицаніе вырывается у человѣка издѣвавшагося надъ религіей и смѣявшагося надъ безсмертіемъ души. Правда, что Schwäble, не смотря на свои насмѣшки, не былъ вполне иррелигіозенъ и, повидимому, вообще не представлялъ собою достаточно чистый типъ. Отрицательное или индифферентное отношеніе у него, повидимому, были господствующими, но къ нимъ по временамъ примѣшивались и какъ бы вспышки религіознаго чувства. Одна изъ такихъ вспышекъ имѣла, напр., мѣсто во время прочувствованной религіозной бесѣды духовника, подъ вліяніемъ которой въ Schwäble зазвучало раскаяніе и прихлынули слезы о его неприглядномъ прошломъ¹⁹⁴). Но все это

193) Замѣтить пожалуй, что это письмо написано изъ тюрьмы и потому не можетъ служить вѣрнымъ выраженіемъ дѣйствительности. Но его нѣкоторыя мѣста, весь его сдержанный тонъ и недомолвки и вообще все поведеніе Schwäble въ тюрьмѣ ясно показываютъ, что онъ не притворялся и что его письмо рисовало его дѣйствительное состояніе въ то время.

194) Въ другой разъ, во время такой же бесѣды съ духовникомъ, Schwäble замѣтилъ ему, что только „проклятыя религіозныя поученія“ (verfluchten Religionsstunden) виноваты въ томъ, что онъ до сихъ поръ не могъ преодолѣть себя и сдѣлаться убійцей. Это признаніе, или, правильнѣе, мнѣніе самого дѣйствующаго лица представляетъ для насъ большой интересъ, особенно если мы сопоставимъ его со всею прошлой преступной дѣятельностью Schwäble, въ которой сказалась рѣзко выраженная склонность дѣйствовать преимущественно кражами. Очевидно, что, не смотря на помыслы и зачатки желанія, даже нѣкоторые порывы, натура Schwäble, не будучи достаточно приспособлена къ тому, протестовала и не мирилась съ убійствомъ. А между тѣмъ сколько преступниковъ хладнокровно совершаютъ ихъ, хотя конечно и многіе изъ нихъ слышали такіе же наставленія, которыя однако, не находя соотвѣтствующей органической

длилось не долго и движеніе чувства у Schwäble, какъ и у всякой неустойчивой и неглубокой натуры, было только вспышкою и скоро-проходящимъ состояніемъ, быстро смѣнившимся обычнымъ настроеніемъ.

Пассивная подавленность, порождавшаяся всѣми неблагопріятными условіями заключенія, отсутствіемъ разнообразія впечатлѣній, движенія и перемѣнъ, конечно не могла продолжаться слишкомъ долго у такой натуры, какъ Schwäble, не вызывая приступовъ отчаяннаго раздраженія и стремленій къ его проявленіямъ во внѣ. И дѣйствительно, мы узнаемъ, что черезъ три года, послѣ начала заключенія, Schwäble сдѣлалъ безразсудную попытку. *Онъ выбилъ двери своей келли и пустилъ въ ходъ открытую силу*, при чемъ оказалъ отчаянное сопротивленіе надзирающему персоналу. Хотя сколько нибудь знакомымъ съ устройствомъ и порядками бруксальской тюрьмы конечно вполнѣ ясно все безуміе подобной попытки, безуміе, указывающее, что предвѣдніе будущаго въ это время отпало и не дѣйствовало, и что все совершилось исключительно подъ автоматическимъ вліяніемъ раздражающаго тоскливаго настроенія, повидимому, вызваннаго отсутствіемъ достаточнаго равномернаго внутренняго стимулированія. Попытка эта своимъ безуміемъ невольно напоминаетъ нѣкоторые разрушительные взрывы меланхоликовъ.

За свою безумную попытку Schwäble былъ заключенъ на четыре недѣли въ цѣпи, но послѣднія конечно не устрошили и не могли устроить его. Дѣйствовавшая причина продолжала вліять, а потому и Schwäble не могъ—оставаться спокоенъ. Черезъ годъ послѣ первой попытки онъ совершилъ вторую и успѣлъ таки бѣжать изъ крѣпкой бруксальской тюрьмы и при томъ изъ одной изъ ея крѣпчайшихъ келій. Почти мѣсяцъ велъ онъ трудное и отчаянное дѣло перепилки рѣшетокъ и подготовленій къ побѣгу, въ состояніи постоянного напряженія и страха быть открытымъ. Побѣгъ былъ совершенъ съ страшнымъ трудомъ и громаднымъ рискомъ жизни подъ выстрѣлами часоваго. Что понуждало и гнало его? Надѣялся ли онъ надолго избавиться отъ своего тягостнаго положенія? Не думаю. Весь прошлый и довольно богатый въ этомъ отношеніи опытъ его жизни долженъ былъ достаточно убѣждать его въ тщетѣ всѣхъ подобныхъ попытокъ. Но ему необходимы были сильныя ощущенія, ему необходимо было, какъ и пьяницѣ, сильное общее возбужденіе и хотя бы кратко-

почвы, не могли породить въ нихъ того, что не представляетъ собою вѣрованія и убѣжденія только, а нѣкто большее—опредѣленное чувство.

временная, но перемѣна, какою бы цѣной ни была куплена она. Таково, повидимому, было въ это время *инстинктивное и неотступное* требованіе его натуры и онъ достигъ своей цѣли.

На волѣ онъ однако оставался не долго. Дерзкія кражи скоро навели на его слѣдъ и онъ снова попалъ на свое старое мѣсто и на четыре недѣли въ цѣли. Казалось бы охота къ дальнѣйшимъ попыткамъ должна была миновать. На самомъ дѣлѣ было однако иначе. Условія окружающей обстановки и особенности натуры сохранились прежнія, а потому должны были сохраниться и прежнія влеченія послѣдней. Schwäble не могъ выдержать долго своего томительнаго заключенія и черезъ два года, очевидно доведенный до какого-то изступленія, совершилъ уже совсѣмъ безумную попытку, за которую и пожертвовалъ головою. *Онъ ухитрился отпереть дверь своей кельи, пробрался въ комнату надзирателя, похитилъ изъ нея ключи, отперъ ими по пути всѣ двери, пробрался въ церковь, напаскалъ туда изъ кладовой соломы, поджегъ ее, а самъ, черезъ небольшой проходъ, пробрался на крышу церкви, заваливъ этотъ выходъ большимъ камнемъ и сверху началъ взызвать, чтобы заключенные, двери келій которыхъ онъ отперъ, выходили вонъ.* Зажженный пожаръ истребилъ нѣкоторую часть тюремнаго зданія, послѣ чего вооруженный и отчаянно защищавшійся Schwäble съ большими усиліями и рискомъ былъ сбитъ съ крыши, израненъ и черезъ нѣсколько часовъ отдалъ Богу свою безпокойную и грѣшную душу. Такъ закончилась бурная и при данныхъ условіяхъ вредоносная для общества жизнь этой несчастной личности, повидимому, требовавшей, по условіямъ ея унаслѣдованной и приобрѣтенной организаціи, движеній, разнообразія впечатлѣній и перемѣнъ ¹⁹³⁾. Но обстоятельства сложились иначе и Schwäble, не

¹⁹³⁾ Въ числѣ воспитанниковъ извѣстнаго англійскаго исправительнаго учрежденія, основаннаго Д-мъ Bernardo, были нѣкоторые мало подававшіеся исправительно воспитательнымъ воздѣйствіемъ и плохо приспособившіеся къ усидчивымъ занятіямъ въ мастерскихъ. Это были дѣти, уже осужденныя за мелкія кражи и жившія въ состояніи бродяжества до 15 или 16 лѣтняго возраста. Ихъ лѣнь не смущала Д-ра Bernardo и онъ не сталъ усиленными наказаніями за мнимую неохоту портить ихъ въ конецъ. Онъ понималъ, что нельзя не считаться съ органическими особенностями и устраивалъ для такихъ дѣтей школу мореплаванія, которая дала прекрасныхъ моряковъ и превратила, повидимому, никуда не годныхъ дѣтей въ полезныхъ гражданъ. Robin: «Des écoles industrielles», 41. Такіе же результаты были получены и въ извѣстномъ бельгійскомъ исправительномъ учрежденіи (Ruysselède) гдѣ послѣ земледѣльческой колоніи по указанію опыта была основана и школа мореплаванія, въ которой маленькіе бродяги и нищіе превращаются въ прекрасныхъ и весьма цѣнныхъ

гармонизировавший по своимъ особенностямъ съ окружавшей его обстановкой и своимъ положеніемъ, сдѣлался буйнымъ тюремнымъ завсегдатаемъ, который однако рѣшительно не могъ свыкнуться и примириться съ монотоннымъ строемъ жизни одиночной тюрьмы и потому безразсудно сложилъ свою несчастную голову въ безумной и какой-то стихійной попыткѣ, при которой не было и не могло быть ни надеждъ, ни упованій, а былъ только натискъ и неудержимый, инстинктивный порывъ.

Я остановился на разсмотрѣніи вліянія внутреннихъ раздражителей съ такою подробностью для того, чтобы по возможности лучше объяснить, насколько замаскированнымъ представляется часто процессъ порожденія того или другаго настроенія, въ свою очередь вызывающаго тотъ или другой рядъ мыслей ¹⁹⁶⁾, тѣ или другія влеченія къ

моряковъ. «Если бы мы не опасались», говоритъ въ своемъ докладѣ сенаторъ Д-ръ Ronssel, «слишкомъ большаго скопленія относящихся сюда подробностей, то мы бы привели длинную серію свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ отчетовъ, представленныхъ бельгійскому парламенту, о легкости и быстротѣ, съ которою маленькіе бродяги, нищие и погибавшія уличныя дѣти, *будучи поставлены въ благоприятныя условія*, превращались въ прекрасныхъ моряковъ. См. Rapports, notes et documents sur la protection et l'éducation des enfants abandonnés, délaissés ou maltraités, t. III, 1883, 237. Такова сила вліянія соотвѣтствія, окружающихъ условій основнымъ особенностямъ психо-физической организаціи. Никуда казалось не годныя дѣти при однихъ условіяхъ, становились полезными дѣятелями и гражданами при другихъ. Ту же мысль о необходимости сообразоваться въ выборѣ занятій и обстановки съ условіями организаціи высказывалъ на парижскомъ международномъ конгрессѣ и представитель Англіи, капитанъ Verney, подѣляя ее примѣрами изъ практики англійскихъ исправительныхъ учрежденій. Правда онъ давалъ нѣсколько иное объясненіе разсматриваемымъ условіямъ организаціи. «Если вы когда либо посѣщали тюрьмы», такъ закончилъ онъ свою рѣчь, указывая на президента конгресса, «то вы конечно встрѣчали въ нихъ людей, которые, родись они среди высшаго класса, были бы теперь можетъ быть президентами тюремныхъ обществъ» «Нужно, прибавилъ онъ», слѣдовать примѣру нашего учителя, — всегда энергично ратовать противъ грѣха и всегда любить грѣшника». См. Congrès international de la protection de l'enfance, t. I, 1885 г. 197 и сл.

¹⁹⁶⁾ Обычно трудно уловимая опредѣляемость мыслей внутренними автоматическими раздражителями въ нѣкоторыхъ случаяхъ длящихся локализованныхъ раздраженій выступаетъ довольно ясно наружу въ формѣ принудительности мыслей. Вотъ одинъ изъ подобныхъ примѣровъ, описанный для д-ра Maudsley самымъ дѣйствовавшимъ лицомъ, съ дѣтства испытывавшимъ, вслѣдствіе своей наследственно нервно-подбитой организаціи, множество разнообразныхъ одержаній и въ томъ числѣ неудержимое стремленіе произносить хульные и безстыдные выраженія. Однажды этому лицу пришлось прочесть разсказъ о договорѣ съ дьяволомъ. И вотъ формула договора какъ бы вѣзлась и *насилъст-*

тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ, и на сколько прихотливыми въ своемъ генезисѣ могутъ казаться иногда послѣднія нашему сознанию, которое рѣшительно не имѣетъ возможности улавливать ихъ глубокихъ и многихъ скрытыхъ отъ него органическихъ причинъ.

V.

Чувствованія; измѣненія ихъ различныхъ тонацій и вліяніе этихъ измѣненій на явленія жизни души.

Подъ вліяніемъ дѣйствія внѣшнихъ и внутреннихъ раздражителей, о которыхъ мы говорили въ предшествующей главѣ, въ различныхъ отдѣлахъ нервной системы возникаютъ, соотвѣтственно локализациямъ дѣйствій раздражителей, особыя состоянія, — состоянія возбужденія, которыя, становясь ощутимыми, сознательными, отражаются въ зеркалѣ нашей психической жизни, какъ крайне разнообразныя чувствованія¹⁹⁷⁾. Простое чувствованіе, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, есть непоколебимый фактъ нашей психической жизни, далѣе котораго не можетъ идти научно-психическій анализъ. «Чувствовать и реагировать—вотъ два великіе рычага жизни», говоритъ Brierre de Boismont. «Хотя знаменитый философъ имѣлъ основаніе сказать: «я думаю, слѣдовательно я существую», но и формула: «я чувствую, слѣдовательно я существую» не менѣе очевидна. *Въ состояніи чувствительности или впечатлительности* и въ способѣ реакціи на воздѣйствія необходимо искать основанія тѣхъ проблемъ, *которыя на каждомъ шагу порождаются человеческими дѣйствіями*. Что такое эта общая чувствительность? Почему она столь различна не только у различныхъ народовъ и у различныхъ индивидуумовъ, но даже и у дѣтей изъ одной и той же семьи? Все это и представляетъ собою неизвѣстное»¹⁹⁸⁾. Въ приведенныхъ словахъ почтеннаго ученаго дѣй-

венно сосредоточивала на себѣ вниманіе. „Нѣчто въ родѣ необходимости такъ разсказывать онъ самъ, „вынуждало меня мысленно соглашаться съ нею. Такъ какъ я былъ *вынужденъ мыслить ее*, то я былъ долженъ, если могу такъ выразиться, мыслить ее отрицательно, чтобы избѣжать того, что мнѣ казалось принятіемъ ужаснаго обязательства“. „La pathologie de l'esprit“ 335 и сл.

¹⁹⁷⁾ Я употребляю здѣсь слово чувствованіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ нѣкоторые употребляютъ слово перцепція, а другіе—ощущеніе, т. е., въ смыслѣ элементарнаго психическаго явленія. См. Ch. Richet: «Essai de psychologie générale», 131 и 142. Вундтъ: «Основ. физіол. психол.», 316 и сл.

¹⁹⁸⁾ «Du suicide et de la folie suicide», 8.

ствительно замѣчается самый основной вопросъ всей психической жизни человѣка во всѣхъ ея безконечныхъ оттѣнкахъ и различіяхъ по отдѣльнымъ индивидуумамъ ¹⁹⁹). Характеръ крайне сложнаго чув-

¹⁹⁹) „Обманчивыя и иллюзорныя чувствованія (les perceptions fausses et illusoirs)“, совершенно основательно замѣчаетъ Pinel, „иногда господствуютъ надъ разумомъ душевно больныхъ съ такою силою, что послѣдніе неодолимо нуждаются составлять сужденіе, соответствующее тому, что они чувствуютъ внутри себя и что при этомъ можетъ зависѣть отъ *рѣзкаго измѣненія, происходящаго въ физическомъ состояніи*“ (Traité méd.-philos. sur l'alien. ment., 96 и сл.). То же явленіе всецѣло господствуетъ и въ области преступленія. Разстроенныя и извращенныя чувственныя тонаціи — вотъ что рѣзко отмѣчаетъ эту область. Все наследственное и личное прошлое и настоящее преступника обыкновенно крайне неблагоприятно вліяютъ на экономію организма и постепенно вырабатываютъ чувственно дурно тонирующую организацію, которая вслѣдствіе этого разстроеннаго тонирования и является предрасположенною къ преступленію. Въ своемъ сочиненіи «De l'hypochondrie et du suicide» д-ръ Falret рассказываетъ весьма интересный случай, хотя и не принадлежащій къ области преступленія, но весьма ярко характеризующій рѣшающее вліяніе тонацій самочувствія на всѣ отношенія человѣка къ его окружающимъ. Одинъ господинъ, страдавшій гипохондріей съ наклонностью къ самоубійству, проявлялъ желаніе утопиться въ морѣ. Д-ръ Falret привелъ ему различные доводы, которые всѣ говорили въ пользу того, что онъ, напротивъ, долженъ благословлять свою судьбу. При этомъ Falret старался также живо изобразить больному горе и печаль его семьи и много говорилъ ему о женѣ и дѣтяхъ, которыхъ тотъ боготворилъ. Но больной прервалъ его ругательствомъ и съ раздраженіемъ, граничившимъ съ яростью, сказалъ ему: „какъ же вы мало знаете то бышенство, которое охватываетъ меня! *И что мнѣ за дѣло до моей жены и дѣтей* (т. е. тѣхъ, которыхъ онъ боготворилъ!), когда безжалостная судьба ни на одно мгновеніе не позволяетъ мнѣ испытать счастья; но будьте покойны, *моя подлость говоритъ громче, нежели всѣ ваши прекрасныя соображенія*“, 272 и сл. стр. Этими немногими словами больной мѣтко обрисовалъ власть внутреннихъ состояній. И дѣйствительно, можно и должно стремиться и дѣлать такъ, чтобы извѣстныя длительно-интензивныя и по своей природѣ антисоціальныя чувства не выпыхивали и не могли выпыхивать по меньшей мѣрѣ съ извѣстной силой въ человѣкѣ, но разъ они выпыхнули и начали усиленно тонировать въ немъ, то и онъ неизбежно превратится и не можетъ не превратиться въ антисоціальное и весьма опасное существо. Поэтому подобныя властныя тонаціи иногда объяснялись и приписывались и продолжаютъ объясняться и приписываться внушеніямъ и вліянію злаго духа, который какъ бы овладѣваетъ человѣкомъ и неудержимо толкаетъ его по пути зла и преступленія. Подобное объясненіе, между прочимъ, давалъ, напр., Léger («poussé par le malin esprit», рассказываетъ онъ, «*qui me domine, j'allai jusqu'à lui sucer le sang*»), который обвинялся въ убійствѣ и изнасилованіи маленькой дѣвочки, кровь и мясо которой онъ пилъ и ѣлъ потомъ. Подобныя объясненія хотя и прибѣгаютъ къ олицетвореніямъ, но они вѣрно характеризуютъ нѣко-

ствования собственного существования со всеми его особенностями въ каждый данный моментъ существования чловѣка образуетъ собою основной фонъ всей психической картины, на которомъ и рисуются уже постоянно смѣняющіеся узоры болѣе рѣзко въ ихъ индивидуальности выраженныхъ разнообразныхъ ощущеній, впечатлѣній, мыслей и пр. Но это не пассивный фонъ, если можно такъ выразиться, но фонъ живительный, активный, изъ котораго, съ его постоянно измѣняющимися оттѣнками, часто зарождаются и развиваются, и которымъ всегда окрашиваются и питаются рѣзко индивидуально обрисованные разнообразные узоры, обыкновенно прежде всего обращающіе на себя вниманіе наблюдателя, тогда какъ ихъ дѣйствительный источникъ часто остается для него вовсе незамѣченнымъ. Мнѣ часто приходилось наблюдать въ психіатрическихъ клиникахъ — и это, конечно, подтверждать всѣ знающіе ихъ — какъ тѣ или другія болѣзненные чувствованія одѣвались какъ бы платьемъ и соотвѣтствующими представленіями, влеченіями и пожеланіями. Чувствованія представляютъ собою какъ бы зерна, изъ которыхъ развивается нравственно-умственная жизнь чловѣческой личности со всеми ея особенностями. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ комплекса чувствованій всегда рѣзко измѣняется и весь характеръ личности, а потому и можно сказать, что одну изъ основныхъ особенностей послѣдней составляютъ особенности комплекса ея чувствованій, опредѣляющаго характеръ ея отношеній ко всему ея окружающему въ каждое данное время.

Значеніе и многообразныя вліянія этого фактора мы и попытаемся изучить теперь въ явленіяхъ живой дѣйствительности, которыя всего лучше оттѣняютъ намъ роль чувствованій въ экономіи душевной жизни чловѣка.

Крайне интересный примѣръ глубокаго и рѣзкаго измѣненія всей психической личности, происшедшаго подъ вліяніемъ наступившаго какого-то рѣзкаго измѣненія въ совокупности ея чувствованій мнѣ пришлось видѣть въ амбулаторіи клиники пр. Ball'я, при госпиталѣ S-te Anne, въ Парижѣ ²⁰⁰⁾.

Субъектъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ еще молодой чловѣкъ, весьма одаренный въ умственномъ отношеніи. Во время посѣщенія имъ клиники, онъ служилъ въ банкѣ, гдѣ его трудъ сравнительно

торыя стороны психическаго процесса и его значеніе. См. Georget: „Examen medical des procès criminels“, 6.

²⁰⁰⁾ Этотъ случай разсказанъ и въ курсѣ его лекцій; см. „Leçons sur les maladies mentales“ 487 и сл.

высоко цѣнился. Про него пр. Ball замѣтилъ шутя, что «онъ занимается метафизикой, самъ не зная того и не читавъ ни одного сомнѣвающегося философа».

Онъ былъ пятый сынъ своихъ родителей; его отецъ былъ еще живъ и не представлялъ ничего особеннаго, исключая легкихъ дрожаній; вообще въ его семьѣ не было констатировано дурнаго наследственнаго предрасположенія. Самъ больной до восьмилѣтняго возраста страдалъ конвульсіями (весьма важное обстоятельство, указывающее на существовавшую у него склонность къ крампамъ), но послѣ того все время, повидимому, былъ совершенно здоровъ.

Однажды, когда ему было уже 20 лѣтъ, онъ совершенно неожиданно, безъ всякой боли, потери сознанія и какихъ либо предвѣстниковъ, вдругъ ощутилъ около 10½ ч. утра какую то рѣзкую, разомъ совершившуюся и странную перемѣну въ воспріятіи всѣхъ впечатлѣній или, какъ онъ выразился, въ «*façon de voir*». «Все хотя и продолжало сохранять ту же форму и ту же окраску, но стало казаться мнѣ страннымъ», рассказывалъ онъ. Этотъ новый оттѣнокъ въ воспріятіяхъ онъ и самъ называлъ *непріятнымъ чувствомъ* (*sensation désagréable*), какъ бы указывая тѣмъ самымъ на дѣйствительный источникъ происшедшей перемѣны. Первоначально онъ не беспокоился ею и, отправившись къ доктору, чтобы показать ему полипъ въ носу, онъ ничего не сказалъ о своемъ *новомъ состояніи*, какъ онъ самъ мѣтко называлъ его, надѣясь, что вмѣстѣ съ удаленіемъ полипа, само собой исчезнетъ и оно, и онъ снова вернется къ своему прежнему *нормальному состоянію*. Ожидавшейся перемѣны, однако, не произошло, и «новое состояніе» оказалось устойчивымъ.

Такъ продолжалось безъ новыхъ измѣненій почти 6 лѣтъ. Но вотъ въ декабрѣ 1880 г. къ прежнему *непріятному чувству* совершенно неожиданно, какъ и въ первый разъ, присоединилось новое, и *въ чувствованіяхъ отъ органовъ тѣла*, повидимому, произошла такая же странная перемѣна, какая раньше того произошла уже въ воспріятіи внѣшнихъ впечатлѣній, и больной при этомъ сталъ чувствовать себя *«уменьшающимся»* (*je me sentis diminuer*) и *«исчезающимъ»* (*disparaître*). «Отъ меня не оставалось ничего болѣе, какъ только пустое тѣло» (*il ne restait plus de moi même que le corps vide*), рассказывалъ больной, описывая свое измѣнившееся самочувствіе. «Съ этихъ поръ моя личность», продолжалъ онъ далѣе, *«исчезла совершенно»* (*d'une façon complète*) и, несмотря на все то, что я дѣлаю, *чтобы вернуть снова это исчезнувшее «я»* (обращаю здѣсь внима-

ніе читателя на это характерное описаніе больнымъ его внутрен-
нихъ состояній. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что объ умень-
шеніи и исчезновеніи личности, объ исчезновеніи я больной начина-
етъ говорить только послѣ перемѣны и въ чувствованіяхъ или ощу-
щеніяхъ отъ органовъ тѣла)—я не могу достигуть этого. Все болѣе
и болѣе становится странно вокругъ меня, и я теперь не только не
знаю, что я такое, но я даже не могу отдать себѣ отчета въ томъ,
что называютъ существованіемъ, дѣйствительностью». «Я суще-
ствую, но внѣ дѣйствительной жизни и противъ моей воли».

И вотъ, *подъ вліяніемъ наступившаго потускнѣнія красокъ вѣнши-
няго міра, усвоиваемаго воспріятіемъ, и красокъ внутренняго само-
чувствія*, нашъ больной—если только его можно назвать такъ—на-
чинаетъ сомнѣваться во всемъ,—и въ существованіи вѣншнаго міра,
и въ своемъ собственномъ существованіи (здѣсь я особенно обращаю
вниманіе читателя на тѣсное и рѣзко выступающее въ этомъ случаѣ
соотношеніе органическихъ состояній и явленій психической жизни:
тускнѣютъ и блѣднѣютъ краски воспріятій и самочувствія — вмѣстѣ
съ тѣмъ исчезаетъ и увѣренность, наступаютъ колебанія и сомнѣнія
до сомнѣнія въ собственномъ существованіи включительно), и, ру-
ководствуясь *органически зародившимся сомнѣніемъ*, начинаетъ, какъ
сомнѣвающийся философъ, задаваться вопросами бытія. Привожу его
подлинныя выраженія. «Развѣ все окружающее меня существуетъ
дѣйствительно?» неудержимо спрашиваетъ онъ себя. «Что я такое?
Что такое всѣ эти вещи, созданныя какъ я? За чѣмъ я? Кто я? За-
чѣмъ существуютъ всѣ эти вещи вокругъ меня, которыя всѣ дѣй-
ствуютъ одинаковымъ способомъ? Эти вещи должны пользоваться
жизнію и существуютъ такъ, какъ онѣ созданы. Что такое всѣ эти
вещи?» «Хотя я и нахожусь въ этомъ ужасномъ состояніи, но не-
обходимо, чтобы я дѣйствовалъ, какъ прежде, самъ не зная для чего.
Что-то, что не кажется находящимся въ тѣлѣ, вынуждаетъ меня (не
pousse) дѣйствовать по прежнему, и я не могу отдать себѣ отчета
въ томъ, вѣрно ли, что я дѣйствую въ дѣйствительности. Все ме-
ханично у меня и совершенно несознательно».

При этомъ больной упоминалъ объ ощущеніи сжатія въ вискахъ
(припомнимъ конвульсіи его дѣтства), объ ощущеніи неловкости
между глазами и вверху носа, а также объ ощущеніяхъ подергиванія
носа до высоты лба.

«Я долженъ замѣтить», рассказывалъ онъ далѣе, «что когда мнѣ
говорять, то я отвѣчаю немедленно, и оказывается, что я отвѣчаю
вѣрно. Моя работа исполнялась хорошо и безъ ошибокъ до насто-

лящаго времени». «Я думаю, что могу резюмировать говоря: *личность совершенно исчезла* (*personnalité complètement disparue*) и *мнѣ кажется, что я умеръ два года тому назадъ* (т. е. когда произошла перемѣна въ его самочувствіи), и *что вещь* (т. е. теперешній онъ), которая существуетъ, не напоминаетъ ничего, что имѣло бы отношеніе съ прежнимъ моимъ «я» (*l'ancien moi-même*)²⁰¹⁾.

²⁰¹⁾ Здѣсь не мѣшаетъ кстати замѣтить, что извѣстно не мало случаевъ существованія у больныхъ безумныхъ идей о собственной смерти, идей, вѣроятно, развивающихся подъ вліяніемъ измѣненій въ чувствованіи собственного существованія. Таковъ, напр., часто цитируемый случай солдата, у котораго вся поверхность тѣла была нечувствительна, и который считалъ себя умершимъ съ самой аустерлицкой битвы. Когда его спрашивали о здоровьи, то онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «вы спрашиваете, какъ поживаетъ père Lombart, но père Lombart не существуетъ болѣе: онъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ... То, что вы видите, не онъ; это машина, которую они сдѣлали по его подобію, и которую очень дурно сдѣлали». Ball, цитир. соч., 80. Д-ръ Leuret рассказываетъ также обо одной очень пожилой женщинѣ, которая наружно пользовалась полнымъ здоровьемъ, но съ 1827 г. утратила чувство своей индивидуальности и считала себя совершенно другою личностью. «Это убѣжденіе», замѣчаетъ Leuret, «связывается съ измѣненіемъ, которое, повидимому, произошло въ ея чувствительности» (*dans sa manière de sentir*). Подъ вліяніемъ такого убѣжденія она не говорила о себѣ иначе, какъ въ третьемъ лицѣ и называла себя «la personne de moi-même». На вопросъ, какъ ее зовутъ или какъ ее звали прежде, она отвѣчала: «я понимаю, что вы хотите сказать. Это была Катерина X.; не нужно говорить о томъ, что было прежде». Если вы не та личность, о которой вы говорите, то вы, можетъ быть, двѣ личности въ одной?— Нѣтъ, la personne de moi-même не знаетъ той, которая родилась въ 1779 г.— Ваши родители живы еще?— La personne de moi-même одинока, вслѣдствіе одинока; она не имѣетъ родителей, она никогда не имѣла ихъ.— А родители той личности, которую вы называли только сей часъ? — Говорятъ, что они живы еще, они назывались *мой отецъ* и *моя мать*, и я вѣрила въ это до 1827 г.; и всегда исполняла мои обязанности относительно ихъ до этого времени. — Значитъ вы ихъ дитя? ваши слова доказываютъ, что вы думаете это. — La personne de moi-même ничье дитя; происхожденіе ея неизвѣстно; она не имѣетъ никакихъ воспоминаній о прошедшемъ.— Молитесь вы когда нибудь?— La personne de moi-même знала свою религію до 1827 г.; она ее не знаетъ теперь. *Fragments psychol. sur la folie*, 121 и слѣд., см. также примѣры на 124 и слѣд. стр.

Два сходныхъ случая рассказаны въ Ann. med.-psych. за 1854 г. Въ одномъ изъ нихъ больной, накомные покровы котораго были нечувствительны къ боли, считалъ себя умершимъ «съ ногъ до головы», а въ другомъ случаѣ больная (у нея была анестезія кожи) полагала, что ей обмѣнили тѣло, и что она стала живой машиной, стр. 254.

Разнообразныя измѣненія въ чувствительности и въ чувствованіи собственного существованія, вѣроятно, лежатъ также и въ основѣ другихъ бредовыхъ

Представляя такія аномаліи со стороны самочувствія, нашъ интелесный больной съ интеллектуальной стороны представлялся въ то же время вполне логичнымъ. Онъ хорошо понималъ ненормальность своего душевнаго состоянія и даже самъ во многомъ выяснялъ источникъ его происхожденія. «Способъ, какъ я вижу вещи (нарочно перевожу буквально), не даетъ мнѣ отчета въ томъ, что онѣ такое и существуютъ ли онѣ—отсюда и сомнѣніе» (*La façon dont je vois les choses ne me rend compte de ce qu'elles sont ou qu'elles existent, d'ou le doute*). Поясняя этотъ случай со словъ самого больного, пр. Ball замѣчаетъ: «онъ, (т. е. больной) продолжаетъ между тѣмъ выполнять различныя жизненныя функціи. Онъ ѣстъ, но это призракъ пищи, проникающій въ призракъ желудка; его пульсъ не болѣе, какъ призракъ пульса. Онъ вполне сознаетъ нелѣпость своихъ идей,

идей о тѣхъ или другихъ измѣненіяхъ въ собственной личности. Таковъ, напр., больной, о которомъ рассказываетъ Legrand du Saulle и который считалъ себя богомъ (см. его „*La folie héréditaire*“, 47 и сл.) или больной, о которомъ упоминаетъ Falret. Это Barloeus поэтъ и медикъ. Вслѣдствіе чрезмѣрныхъ занятій, которыя должны были истощать его нервную систему и тѣмъ самымъ неминуемо, такъ или иначе, должны были погнѣять и на его чувствительность, онъ впалъ въ подавленное состояніе и въ это время послѣдовательно считалъ себя сдѣланнымъ изъ стекла, масла или соломы, вслѣдствіе чего старательно избѣгалъ столкновенія съ предметами и огня, чтобы не разбиться, не растопиться или не сгорѣть. „*De l'hypoch. et du suicide*“, 142.

Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ совместно разстраивалась и интеллектуально-разсудочная сфера. Но однимъ этимъ разстройствомъ еще невозможно объяснить возникновеніе, по крайней мѣрѣ, при началѣ бреда, нелѣпыхъ идей объ измѣненіяхъ въ личности. Напротивъ, при существованіи измѣненій и въ чувствительности, возникновеніе и развитіе подобныхъ идей, хотя отчасти, становится понятно. Больной начинаетъ вдругъ чувствовать свое существованіе не такъ, какъ чувствовалъ его прежде. Эта внезапная перемена громко звучитъ въ немъ и невольно привлекаетъ къ себѣ его вниманіе. Своею интенсивностью и странностью она отвлекаетъ его отъ впечатлѣній изъ внѣшняго міра къ его внутреннему, теперь странно для него тонирующему міру, и заставляетъ его умъ работать, задаваться вопросами и настойчиво искать объясненій. Послѣднія, вслѣдствіе разстройства также и его умственно-разсудочнаго механизма, получаются, однако, странныя и несостоятельныя.

Измѣненія въ чувствительности и въ чувствованіи собственного существованія не всегда, однако, могутъ быть констатируемы непосредственнымъ изслѣдованіемъ въ подобныхъ случаяхъ. Кромѣ измѣненій въ чувствительности наружныхъ органовъ, можетъ измѣняться и чрезвычайно важная въ экономіи душевной жизни чувствительность органовъ внутреннихъ, не поддающихся непосредственному изслѣдованію. А между тѣмъ, спеціальныя и измѣняющіяся въ своей силѣ и окраскѣ чувствованія отъ этихъ органовъ, примѣшиваясь къ чувствованіямъ отъ всѣхъ остальныхъ, рѣзко измѣняютъ характеръ сложнаго

но онъ не могъ бы восторжествовать надъ ними», потому что —прибавлю я отъ себя— онѣ роковымъ образомъ порождаются и постоянно питаются измѣнившимися тонаціями его самочувствія. Это странное состояніе, которое больной характеризовалъ словомъ «algose», вызывало въ немъ крайнюю подавленность, безнадежность, равнодушіе ко всему окружающему и даже мысль, что не лучше ли покончить съ собой и тѣмъ самымъ избавить себя отъ тяжелаго состоянія ²⁰⁾).

Этотъ во всѣхъ отношеніяхъ крайне интересный примѣръ ясно показываетъ намъ, какое глубокое измѣненіе могутъ производить колебанія въ чувствованіи собственного существованія во всемъ умственно-нравственномъ существѣ человѣка и во всѣхъ его отношеніяхъ ко всему его окружающему.

чувствованія собственного существованія. Констатированіе измѣненій въ чувствительности во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, понятно, будетъ возможно только для собственного внутреннего опыта субъекта. Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ случай, передаваемый J. Moreau (de Tours). Нѣкто L. былъ арестованъ въ то время, когда онъ хотѣлъ ворваться въ Тюльери, чтобы познакомиться короля съ новой соціальной системой. Онъ считалъ себя вдохновеннымъ свыше и вслѣдствіе того уполномоченнымъ на такое дѣйствіе. Но откуда же, спрашивается, могла появиться у L. столь нелѣпная идея? Онъ самъ прекрасно поясняетъ намъ это. По его словамъ, однажды во время молитвы (надо замѣтить, что религиозное чувство всегда сильно звучало въ L.) съ нимъ произошла рѣзкая перемена: *«вдругъ что-то необычайное произошло во всемъ моемъ существованіи»*, говоритъ онъ; *«я былъ внѣ себя, мнѣ казалось, что я больше не я»*. Последними словами больной вполне ясно опредѣлилъ, что въ его чувствованія собственного существованія внезапно произошло рѣзкое измѣненіе и притомъ, настолько рѣзкое, что онъ *правой рукой сталъ щупать свою лѣвую руку для того, чтобы удостовѣриться, что это онъ*. *«Съ этихъ поръ»*, по его словамъ, *«онъ понималъ, что духъ Божій живетъ и дѣйствуетъ въ немъ»*. Psychol. morb. 43 и сл.

Тотъ же авторъ рассказываетъ объ одной больной, которая безъ всякихъ предварительныхъ измѣненій въ ея здоровьи, или въ ея положеніи, внезапно почувствовала себя какъ бы преобразившейся (transformée). По ея словамъ, она ощутила себя *измѣненной* съ ногъ до головы, какъ будто *она больше не она сама* (elle n'est plus elle-même). См. его соч. Folie neurop., 152.

Не безынтересно замѣтить, что у алкоголиковъ также наблюдаются иногда весьма рѣзкія измѣненія въ чувствительности, заставляющія ихъ сомнѣваться въ тождественности ихъ собственной личности. Такъ, напр., одинъ алкоголикъ, нѣкто Leon Baptiste, не зналъ, *«дѣйствительно ли онъ есть, онъ самъ (s'il est bien lui-même)»*; его зовутъ Sul...; онъ не понимаетъ, зачѣмъ его называютъ M. Leon. Это не онъ. Magnan, «De l'alcoolisme», 33 и сл.

²⁰⁾ Не трудно понять, какія неудержимыя влеченія къ различнымъ возбуждающимъ эксцессамъ, а иногда и къ вредоноснымъ для другихъ дѣйствіямъ могутъ порождать подобныя тяжелыя состоянія самочувствія.

Примѣръ еще болѣе рѣзкихъ измѣненій послѣдняго рода, (т. е. въ отношеніяхъ ко всему окружающему) мы находимъ у J. Moreau (de Tours). Онъ рассказываетъ про одного мальчика, наблюдавшагося д-мъ Renaudin, у котораго внезапно произошло крайне странное измѣненіе въ характерѣ. Первоначально онъ съ успѣхомъ шелъ въ школъ и своимъ поведеніемъ вполне удовлетворялъ своихъ родителей. Затѣмъ, въ немъ, какъ уже замѣчено выше, внезапно произошла рѣзкая перемѣна. Сохраняя полную ясность сознанія, логичность и вообще здравость собственно умственныхъ способностей, онъ сдѣлался непослушенъ и сталъ проявлять самыя дурныя влеченія, за которыя и былъ изгнанъ изъ многихъ учебныхъ заведеній. Его отецъ, пораженный ничѣмъ необъяснимой рѣзкой перемѣной въ сынѣ, обратился наконецъ къ врачу. На вопросы послѣдняго о причинахъ его дурныхъ поступковъ, мальчикъ долго отвѣчалъ одними слезами. «Если я дѣйствую такъ», сказалъ онъ наконецъ, «то лишь потому, что не могу дѣйствовать иначе». Продолжая свое изслѣдованіе, врачъ констатировалъ полную нечувствительность кожи и предположилъ, что она и есть патологическій источникъ происшедшихъ измѣненій въ характерѣ. Дальнѣйшія тщательныя наблюденія, произведенныя въ больницѣ, показали, что чувствительность кожи у мальчика періодична, и что съ ея періодами всегда совпадаютъ и измѣненія въ характерѣ. Нечувствительность кожи исчезаетъ — мальчикъ по прежнему становится послушенъ, милъ и хорошо сознаетъ всю тягость своего положенія. Но вотъ снова наступаетъ періодъ нечувствительности кожи, а вмѣстѣ съ нимъ наступаютъ и прежнія измѣненія въ характерѣ: недавно еще милый мальчикъ начинаетъ проявлять неодолимыя дурныя влеченія и инстинкты, которые, по замѣчанію врача, при извѣстныхъ случаяхъ *легко могли бы довести его и до убійства* ²⁰³).

Сходный случай рассказанъ д-мъ Bonnet. Одинъ мальчикъ, нѣкто J., съ раннихъ лѣтъ предавался онанизму. Первоначально въ немъ замѣчалась повышенная умственная дѣятельность на ряду съ нравственнымъ извращеніемъ, а впослѣдствіи стали замѣчаться умственная неспособность, полное отсутствіе всѣхъ хорошихъ чувствъ, неудержимое стремленіе къ бродяжеству, буйству и эротизму. Никакія увѣщанія и совѣты не дѣйствовали на ребенка, въ которомъ наблюдались крайнія странности и у котораго вмѣстѣ съ этимъ констатировалась почти полная нечувствительность всей поверхности кожи.

²⁰³) Psychol. morbide, 313 и сл.

Подъ вліяніемъ систематическаго и весьма строгаго режима нравственныхъ качества мальчика начали измѣняться къ лучшему и въ немъ стали звучать и нѣкоторыя хорошія чувства. Потомъ снова наступило ухудшеніе, хотя и съ нѣскольکو инымъ оттѣнкомъ: онъ неудержимо лгалъ, клеветалъ, и причиненіе зла другимъ доставляло ему величайшее наслажденіе. Затѣмъ наступило новое значительное улучшеніе, дурныя инстинкты перестали проявляться, и мальчикъ былъ взятъ его родителями изъ заведенія ²⁰⁴).

Другой нѣсколько сходный случай разсказанъ Legrand du Saillie. Одна служанка, нѣкто V., судилась за двукратный поджогъ, который она сваливала на другихъ. Исслѣдованіе выяснило, что V. съ раннихъ поръ проявляла дурныя инстинкты; на мѣстахъ она обыкновенно не уживалась и совершила нѣсколько кражъ. Во время перваго появленія у нея менструацій у нея развились конвульсивныя припадки (отмѣтимъ это обстоятельство, какъ указаніе на склонность къ крапамъ вообще), сопровождавшіеся ускореніемъ пульса и *полной нечувствительностью кожи*. Въ промежутки между припадками V. была зла, груба, мстительна и лжива ²⁰⁵).

Во всѣхъ трехъ послѣднихъ случаяхъ мы видимъ, что на почвѣ измѣнившейся чувствительности или, по меньшей мѣрѣ, на ряду съ ней, развиваются и дурныя, порочныя проявленія натуры, дѣлающія человека нетерпимымъ въ человѣческомъ обществѣ. Но хотя въ первомъ изъ нихъ извращеніе нравственной сферы всегда наблюдалось наряду съ явленіями нечувствительности всей поверхности кожи, тѣмъ не менѣе мы рѣшительно не можемъ поставить его въ непосредственную зависимость отъ потери или выпаденія именно этого вида чувствительности. Если для насъ и понятно, что подобная потеря или болѣе или менѣе полное выпаденіе способны служить основаніемъ и способны порождать въ нѣсколько разстроенномъ мозгу нелѣпую мысль о подмѣнѣ или смерти тѣла, то нельзя сказать того же самаго относительно наблюдавшагося нравственнаго извращенія, столь рѣзко выраженнаго во всѣхъ трехъ случаяхъ. Сколько бы мы ни раздумывали надъ возможною ролью накожной чувствительности въ явленіяхъ души, мы не будемъ всетаки въ состояніи приурочить къ ней явленія нравственнаго извращенія. Источникъ такого извращенія, періодически наступавшаго, очевидно долженъ быть иной.

Если во всѣхъ трехъ случаяхъ констатирована одна лишь утрата

²⁰⁴) L'aliéné, 450 и сл.

²⁰⁵) Les hysteriques, 465 и сл.

или ослабленіе чувствительности кожи, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы только этой утратой или ослабленіемъ и ограничивались всѣ измѣненія въ органической чувствительности. Потеря на-кожной чувствительности служить только доказательствомъ нѣкоторыхъ переменъ въ чувствительности вообще, а потому есть полное основаніе допустить, что подобныя же измѣненія чувствительности, какъ мы видимъ въ случаѣ изъ клиники проф. Ball'я, имѣли мѣсто и въ другихъ органахъ, вліянію особенностей чувствованій отъ которыхъ скорѣе могутъ быть приписаны, на основаніи всего извѣстнаго намъ, особенности общей сложной внутренней тонаціи, порождавшія у этихъ личностей влеченія совершать злыя, дурныя и даже преступныя дѣянія. *Безъ особой окраски самочувствія въ моментъ дѣйствія такіе поступки, какъ извѣстно всякому, не совершаются.* Чувствованіе же собственнаго существованія со всѣми его крайне измѣняющимися оттѣнками представляетъ собою какъ по отдѣльнымъ лицамъ, такъ по возрастамъ и временнымъ состояніямъ одного и того же лица весьма разнообразное и при томъ сложное цѣлое. Эта какъ бы мѣняющаяся и сложная пѣса, исполняемая многочисленнымъ оркестромъ, пѣса, въ которой доля участія каждаго музыканта въ каждый данный моментъ времени, при обыкновенныхъ условіяхъ, отдѣльно нераспознаваема.

Всѣ органы имѣютъ свою чувствительную и двигательную иннервацию съ ея периферическими и центральными окончаніями и отъ каждаго изъ нихъ исходятъ болѣе или менѣе яркія или тусклыя чувствованія, смотря по индивидуумамъ и по ихъ временнымъ общимъ и частнымъ состояніямъ (т. е. по состояніямъ ихъ отдѣльныхъ органовъ)²⁰⁶). Эти чувствованія крайне разнообразны по различнымъ органамъ, и всякій по собственному опыту въ тѣхъ случаяхъ, когда то или другое чувствованіе уже рѣзко выражалось, конечно хорошо знаетъ все различіе чувствованій отъ сердца, желудка, кишекъ и пр.²⁰⁷). Особыя спеціальныя чувствованія отъ различныхъ внутреннихъ органовъ, входя у различныхъ индивидуумовъ въ различные періоды и моменты ихъ жизни въ различной мѣрѣ въ составъ общаго сложнаго внутренняго тона, образующагося изъ всѣхъ въ своей

²⁰⁶) Richet, цитир. сочин. 151 и сл. Чувствованія эти отъ каждой органической системы и отъ входящихъ въ ея составъ органовъ могутъ порождаться, какъ периферическими, такъ и центральными раздраженіями.

²⁰⁷) Напомню крайне интересный разсказъ одного больного о «дробленіи его личности», приведенной мною въ 96 примѣч. II главы настоящей работы. Этотъ больной по временамъ ощущаетъ раздѣльными различныя органы своего тѣла.

индивидуальности рѣзко не выдѣляющихся чувствованій даннаго времени, повидимому, оказываютъ особенно важное вліяніе на характеръ инстинктивныхъ влеченій²⁰⁸). Различіями въ ихъ обычной напряженности и комбинаціяхъ, повидимому, и обусловливаются столь рѣзко выраженные различія въ болѣе обычномъ настроеніи по различнымъ лицамъ, различія, наслѣдственно отмѣчающія семьи и роды, и даже цѣлыя національности.

«Кто не знаетъ вліянія пищеваренія на духъ?» говоритъ Briegleb de Boismont. «Я пользовалъ одну даму», продолжаетъ онъ далѣе, «которая не могла переносить весьма многихъ блюдъ безъ того, чтобы не заболѣть, хотя бы она ихъ ѣла съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Каждый разъ, когда это случалось, она *тотчасъ же ощущала невыразимую тоску* (а извѣстно, какъ послѣдняя вліяетъ на всѣ проявленія челоуѣка и на весь способъ отношенія его къ окружающимъ), теряла сознаніе того, что совершалось вокругъ нее, и ея рѣчь въ теченіе нѣсколькихъ минутъ становилась несвязною; такой припадокъ длился едва нѣсколько минутъ. Со мной также совѣтывались многія лица, у которыхъ болѣе обильное выдѣленіе желчи, нежели обыкновенно и затрудненія въ пищевареніи *всегда вызывали черныя мысли*, и которыя, хорошо понимая источникъ послѣднихъ, тѣмъ не менѣе не могли отдѣлаться отъ нихъ. Часто тогда мысль о смерти зарождалась у нихъ и очевидно, что ея появленіе въ этомъ случаѣ было только вопросомъ степени»²⁰⁹). Докторъ Casanvieilh, рассматривающій мозгъ, какъ ассоціацію отдѣльныхъ органовъ, завыдывающихъ различными функціями, приводитъ сходный случай, въ которомъ *наслѣдственно* передававшееся обычно мрачное и подавленное настроеніе и поражавшіяся имъ «черныя мысли» стояли, повидимому, въ тѣсной связи съ особенностями чувственныхъ тонацій изъ области желудка²¹⁰).

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, какъ болѣе постоянныя особенности или только колеблющіяся измѣненія въ чувствованіяхъ, идущихъ отъ пищеварительнаго канала, примѣшиваясь и соотвѣтственно окрашивая общій сложный тонъ чувствованія собственнаго существованія, могущественно вліяютъ на нравственно-инстинктивную сто-

²⁰⁸) Припомнимъ странную внутреннюю тонацію, напр., у того же Léger, который, по его собственнымъ словамъ, «хотѣлъ пить кровь» и потому «не былъ уже болѣе господиномъ себя». См. только что цит. сочин. Georget, 6.

²⁰⁹) Du suicide, 11.

²¹⁰) «Du suicide, de l'aliénation mentale et des crimes contre les personnes», 1840, 23 и сл.

рону человека, а чрезъ то и на всѣ его проявленія во внѣ. Еще болѣе наглядно отгнѣнить намъ это вліяніе слѣдующій примѣръ, который вполне подходит по всѣмъ своимъ особенностямъ подъ понятіе такъ называемаго нравственнаго помѣшательства (*moral insanity*). Объ этомъ случаѣ д-ръ Goldsmith два раза докладывалъ обществу американскихъ врачей заведеній для душевно больныхъ. Первый докладъ былъ сдѣланъ съ полнымъ изложеніемъ болѣзни въ 1883 г., когда была совершена операція, а второй—въ 1885 г. Въ послѣднемъ д-ръ Goldsmith сообщалъ о достигнутомъ прочномъ выздоровленіи или, правильнѣе, измѣненіи одной дѣвицы съ *очень сомнительною наследственностью*, которая 7 лѣтъ отъ роду страдала скарлатиной, *осложнявшейся маніей* (явная неустойчивость нервной системы). Ее хотѣли было помѣстить внѣ дома, но она повсюду оказывалась нестерпима. Поведеніе ея въ это время было столь сумасбродно, что ее, въ качествѣ больной, вынуждены были отдать въ азіль для душевно-больныхъ, когда ей было всего еще только 9 лѣтъ. Въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ она послѣдовательно пребывала въ нѣсколькихъ азіляхъ и вездѣ бывала невыносима для всѣхъ окружающихъ. При этомъ у нея не замѣчалось никакихъ и признаковъ бреда, а только сумасбродство въ поступкахъ, крайнее извращеніе сферы чувствъ, раздражительность и неукротимая буйность характера. Всѣ физическія и нравственныя средства были испробованы, но безъ малѣйшаго успѣха. Дѣвица продолжала представлять собою язву для всѣхъ сколько-нибудь близко соприкасавшихся съ нею.

Описанныя внѣшнія проявленія внутреннихъ состояній ея самочувствій имѣли наибольшую напряженность во время менструацій, когда область яичниковъ была немного чувствительна. Д-ръ Goldsmith, разсматривавшій этотъ случай, какъ типъ нравственнаго помѣшательства, предложилъ вырѣзку послѣднихъ, которая и была выполнена въ 1883 г. Чрезъ два года послѣ операціи, Goldsmith сдѣлалъ новый докладъ въ обществѣ психіатровъ, изъ котораго видно, что характеръ оперированной рѣзко измѣнился послѣ этого и утратилъ свои дурныя особенности, дѣлавшія ее невыносимой для окружающихъ, и что это измѣненіе устойчиво сохранялось съ тѣхъ поръ въ теченіе двухъ лѣтъ. «Черезъ мѣсяць послѣ операціи», говоритъ д-ръ Goldsmith, «больная чувствовала себя вполне хорошо и могла возвратиться въ свою семью. Съ этихъ поръ она не переставала жить въ ней, какъ и всѣ прочіе, и не проявляла уже ни малѣйшихъ признаковъ душевнаго расстройства. Она никогда не представляется раздражительной, всегда госпожа своихъ дѣйствій и *заявляетъ сама,*

что стала совершенно другимъ человекомъ. Прежде она чувствовала себя во власти малѣйшей причины возбужденія, теперь же ей ничто не разстраиваетъ. Ея мать и еще одна другая особа вполне подтверждаютъ эти заявленія. Въ ея голосѣ, манерахъ и пріемахъ не замѣчается никакихъ измѣненій. Со времени операціи она не имѣла больше менструацій. Я ждалъ въ теченіе двухъ лѣтъ», прибавляетъ д-ръ Goldsmith, «прежде, нежели объявить объ этомъ результатѣ. Теперь я полагаю, что срокъ достаточенъ, чтобы оцѣнить значеніе операціи» ²¹¹⁾).

Таковъ фактъ. Что было и что стало?—Прежде въ составѣ ежеминутно тонирующаго общаго чувства собственного существованія громко звучали и тоны, распространявшіеся отъ вырѣзанныхъ впоследствии и, повидному, повышенно раздражительныхъ органовъ. Таковы органическія условія; а на ряду съ ними, при полной ясности ума, наблюдалось нравственное извращеніе, проявлявшееся въ дѣйствіяхъ, дѣлавшихъ нашу больную рѣшительно нетерпимой ни въ какомъ человѣческомъ обществѣ, къ условіямъ котораго она оказывалась неприспособлена. Но вотъ операція уничтожила нѣкоторые внутренніе органы, вмѣстѣ съ которыми отпали и исходившіе отъ ихъ раздраженія и примѣшивавшіеся къ общему чувству собственного существованія особые и имъ только свойственные тоны. Вслѣдствіе такого органическаго измѣненія неминуемо должна была измѣниться и окраска нравственной личности: наша больная дѣйствительно какъ бы переродилась и стала «другимъ человекомъ», человекомъ, вполне пригоднымъ къ жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ. Многочисленные случаи, собранные въ первомъ выпускѣ настоящей работы, вполне гармонируютъ и подтверждаютъ приведенное наблюденіе, хотя въ нихъ и не было дѣлаемо экстирпаціи органовъ ²¹²⁾).

Подъ вліяніемъ подобныхъ то измѣненій, какъ въ общей чувствительности, такъ и въ чувствительности отдѣльных, особенно внутреннихъ органовъ, въ самочувствіи человека, въ его общемъ сложномъ чувствѣ собственного существованія часто и происходятъ весьма рѣзкія и крайне разнообразныя измѣненія, которыя, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, можно сравнить съ измѣненіями въ общемъ слож-

²¹¹⁾ Ann. med.-psych., 1886, 10 и 11.

²¹²⁾ «Малолѣтніе преступники», выпускъ I, введеніе, 71 и сл. Здѣсь я пока только слегка намѣтилъ соотношеніе органическихъ тонацій съ оттѣнками самочувствія; въ дальнѣйшемъ ходѣ изложенія это соотношеніе нѣсколько болѣе вынесится намъ и въ своихъ детальныхъ особенностяхъ и мы, можетъ быть будемъ въ состояніи сдѣлать нѣкоторыя, хотя и очень общія пріурочиванія.

номъ тонѣ многочисленнаго оркестра. Ослабляется или усиливается напряженность всѣхъ отдѣльныхъ слагающихъ тоновъ отъ отдѣльныхъ, составляющихъ оркестръ инструментовъ, замедляется или ускоряется темпъ ихъ звуковъ—вмѣстѣ съ тѣмъ блѣднѣетъ и замираетъ или же мощно и ярко звучитъ и общій тонъ, замедляясь или ускоряясь въ своемъ темпѣ, но оставаясь все тѣмъ же по своему характеру тономъ. Не то, если изъ оркестра отпадаетъ или къ нему, напротивъ, вновь присоединяется болѣе или менѣе многочисленная группа инструментовъ пзвѣстнаго рода (напр., скрипокъ); при этомъ уже существенно измѣняется и самый характеръ, общая окраска общаго сложнаго тона, производимаго оркестромъ, хотя бы сила звука и скорость его и продолжали оставаться прежними. То же нужно сказать и о сложномъ органическомъ тонѣ психической жизни, который также воспроизводится многочисленными и при томъ разнородными участниками,—чувствованіями отъ различныхъ органовъ и ихъ системъ, чувствованіями, сливающимися ²¹³⁾ въ каждый данный моментъ въ одно общее сложное чувство жизни, въ одно общее сложное чувство собственнаго существованія, только у различныхъ лицъ и въ различные моменты жизни одного лица ²¹⁴⁾ различно окрашенное.

Однимъ изъ величайшихъ и по своимъ послѣдствіямъ наиболѣе вредныхъ заблужденій является довольно обычное и весьма распространенное молчаливое предположеніе, что люди, съ которыми мы стоимъ въ отношеніяхъ или дѣйствія которыхъ мы обсуждаемъ, при одинаковыхъ условіяхъ окружающей обстановки должны чувствовать также или, по меньшей мѣрѣ, сходно съ нами, и что, подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же воздѣйствій, они должны испытывать одинаковыя или, по меньшей мѣрѣ, сходныя внутреннія состоянія. Этимъ заблужденіемъ, не всегда впрочемъ вполне ясно сознаваемымъ, не рѣдко и порождаются ошибки въ отношеніяхъ и взаимныя недоразумѣнія.

Въ дѣйствительности же какъ отдѣльныя чувствованія, такъ и сложное общее чувство по различнымъ лицамъ, а также по возрастамъ

213) Конечно, если только ни одно изъ нихъ по своей силѣ слишкомъ рѣзко и индивидуально не выделяется изъ массы всѣхъ остальныхъ.

214) Одна очень нервная дама, обыкновенно, весьма благожелательная къ людямъ и живо чувствующая влеченіе ко многимъ изъ нихъ, въ извѣстные періоды, обыкновенно, близко предшествующіе менструаціямъ, не испытываетъ, по ея словамъ, *рѣшительно ни къ кому любви и даже симпатіи*; иначе говоря, въ это время изъ ея сложнаго чувствованія собственнаго существованія совершенно выпадаютъ или измѣняются извѣстные опредѣленные тоны, тоны любви и благожелательности. Проходитъ періодъ, и эти тоны снова начинаютъ звучать подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній извнѣ.

и временнымъ состояніямъ одного и того же лица отличаются своимъ крайнимъ разнообразіемъ и блещутъ иногда самыми причудливыми красками, о которыхъ мы не рѣдко только съ величайшимъ трудомъ можемъ составить себѣ хотя бы приблизительное представленіе даже и тогда, когда случайно узнаемъ о нихъ и наталкиваемся на ихъ описанія. Можно утверждать вообще, что насколько отдѣльные люди разнятся по своимъ фizioноміямъ, ихъ временнымъ выраженіямъ и по всѣмъ особенностямъ своей организаціи вообще, настолько же разнятся они по характеру и оттѣнкамъ своихъ чувствованій, а также и слагающагося изъ нихъ общаго чувства, которыя въ свою очередь обусловливаютъ не меньшія различія во всѣхъ ихъ влеченіяхъ и въ особенностяхъ ихъ реакціи на воздѣйствія вѣшняго волнующагося вокругъ нихъ міра явленій ²¹⁵). Внимательно прислушиваясь къ жалобамъ и разсказамъ душевно-больныхъ—этихъ яркихъ представителей органическаго вырожденія, объединяющаго въ одну обширную семью многочисленныя явленія нравственной деградаціи человѣка ²¹⁶), объ испытываемыхъ ими странныхъ ощущеніяхъ и столь же странныхъ и по большей части тяжелыхъ внутреннихъ состояніяхъ, только и можно составить себѣ приблизительное представленіе о тѣхъ иногда крайне причудливыхъ оттѣнкахъ какъ разнообразныхъ отдѣльныхъ чувствованій, такъ и сложнаго тона самочувствія, которые болѣе или менѣе часто, болѣе или менѣе устойчиво можетъ иногда испытывать человѣкъ въ зависимости отъ колебаній его мѣстныхъ и общихъ органическихъ состояній ²¹⁷).

²¹⁵) Въ этомъ отношеніи весьма интересно наблюдать оттѣнки различій въ окраскѣ мышленія и въ характерѣ дѣятельности юноши, взрослого человѣка и старика.

²¹⁶) По этому поводу см. интересную статью Ch. Féré: «La famille neuropathique» Arch. de neurol., 1884, №№ 19 и 20, и соч. Dejerine: «L'héréd. dans les maladies du système nerveux». По отношенію къ сферѣ преступленія названный сочиненіи интересно сопоставить съ докладомъ проф. Benedict'a. См. цит. Compt. rend., стр. 306 и сл.

²¹⁷) Одни изъ этихъ больныхъ утверждаютъ, что у нихъ нѣтъ сердца, что они умерли и не существуютъ больше, что ихъ полъ или личности измѣнились; другіе убѣждены въ томъ, что они превращены въ дикихъ животныхъ или въ какихъ либо чудовища, что въ ихъ внутренностяхъ обитаютъ демоны, которые наущаютъ ихъ и т. д.. См. Pinel цитирован. соч. 114, 482, цитир. соч. Despine, I, 440 и слѣд. цит. соч. Ball'a, 171 и сл., цит. соч. Voisin'a, 153. Psycholog. morb., 42, цит. соч. Leuret, 95, 121 и 125. Compagne: «Manie raisonnée», 314. Приведу здѣсь одинъ изъ многихъ примѣровъ, заимствуемый мною изъ сочиненія д-ра Saury, «Etude clin. sur la folie héréd.», 183 и сл. Нѣкто М. А. представлялъ многіе физическіе признаки вырожденія. Отецъ его

«Они» (т. е. страдающіе эмотивнымъ бредомъ), говоритъ Mogel, испытываютъ повсемѣстное страданіе и это тяжелое чувство проявляется сначала, въ легко выраженныхъ случаяхъ, неопредѣленными безпокойствами, потребностью двигаться, невозможностью оставаться на мѣстѣ, а потомъ, по мѣрѣ того, какъ разстройство увеличивается, оно обнаруживается въ спазматическихъ состояніяхъ, въ ясно выраженныхъ болевыхъ чувствованіяхъ, которыя больными ощущаются въ эпигастріи, въ глубинѣ кишекъ. Они жалуются на родъ ауръ, возникающихъ въ этихъ областяхъ и отражающихся во всей цереброспинальной системѣ. За этимъ слѣдуетъ ощущение изнеможенія въ членахъ (чувство разбитости), жестокіе мигрени, ощущенія нестерпимаго жара, сопровождающіяся обильнымъ потомъ, а по временамъ гиперестезія (повыш. чувств.) въ томъ или другомъ мѣстѣ или въ той или другой сторонѣ тѣла». «Это оттуда, говорятъ они (и обыкновенно выражаютъ свое убѣжденіе съ экспрессивной мимикой), это оттуда, изъ эпигастріи исходили первые симптомы разстройства, которое вызываетъ у нихъ столь тягостныя ощущенія, достигающія такой степени, что они связываютъ ихъ волю и дѣлаютъ ихъ неспособными выполнять тотъ или другой очень обыденный актъ существованія». «Малѣйшее явленіе, совершающееся въ окружающемъ мірѣ, есть причина болѣзненнаго впечатлѣнія; малѣйшій

занималъ высокій постъ въ магистратурѣ; онъ былъ *холодный, мало общительный* и весь погруженный въ свои дѣла человекъ. Мать М. А. была крайне нервная и впечатлительная женщина, чрезмѣрно любившая своего сына и воспитывавшая его съ большою слабостью; одинъ изъ дядей его съ отцовской стороны страдалъ душевнымъ разстройствомъ.

Самъ М. А. проявлялъ въ дѣтствѣ весьма хорошія умственныя способности и съ большимъ успѣхомъ учился въ школѣ. Въ десятилѣтнемъ возрастѣ онъ получилъ отъ одного товарища ударъ въ лѣвое колено, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ искалчченіе ноги. Съ этихъ именно поръ, подъ вліяніемъ, конечно, какихъ-то измѣненій, происшедшихъ въ его чувствѣ собственнаго существованія, его характеръ началъ рѣзко измѣняться (замѣчательно, какъ сравнительно легко потрясается внутреннее равновѣсіе у наследственно-предрасположенныхъ личностей): онъ сдѣлался сгнаннымъ, тяжелымъ, живымъ и очень наклоннымъ къ притворству. Поступивъ въ школу правовѣднія, М. А. сталъ злоупотреблять алкоголемъ и преслѣдовать женщинъ. Его поведеніе въ это время было настолько безпорядочно, что родные вынуждены были снова взять его домой.

Въ возрастѣ восемнадцати лѣтъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ какихъ-то новыхъ измѣненій въ чувствительности, М. А. началъ полагать, что его личность измѣнилась и, руководимый, вѣроятно, колебаніями въ самочувствіи сталъ считать себя то за Моглау, то за Вугонъ и др. Впослѣдствіи у него

шумъ заставляетъ содрагаться больныхъ: все ихъ возбуждаетъ, все ихъ раздражаетъ. Видъ, взглядъ, слово окружающихъ—все имъ докучаетъ и заставляетъ страдать ихъ. Самый утонченный сибаритизмъ не создавалъ никогда требованій, подобныхъ требованіямъ этихъ невротическихъ существъ». «Со стороны нравственныхъ функций поражаетъ легкость, съ которой возникаютъ эмоции болѣзненнаго характера, и быстрота, съ которой укореняются въ умѣ нѣкоторыя *idées fixes*, порождая немотивированные страхи, неудержимые импульсы и странные ужасы, достигающіе степени настоящаго паническаго страха». Для иллюстраціи авторъ приводитъ, между прочимъ, случай одной наслѣдственно предрасположенной женщины, которая, будучи глубоко потрясена болѣзнью своей дочери, вслѣдствіе измѣнившагося самочувствія стала ощущать безпричинное беспокойство и безотчетный страхъ и безпрестанно повторяла при этомъ: «Боже мой, какъ я непокойна! Боже мой, какъ я страдаю!» «Съ трудомъ можно составить себѣ понятіе», замѣчаетъ Morel, «о томъ глубокомъ подавляющемъ вліяніи, которое производятъ расстройства узловъ нервной системы на физиологическія функции больныхъ и на проявленія ихъ нравственныхъ силъ» ²¹⁸).

Было бы ошибочно думать однако, что всѣ эти различныя и многія другія подобныя имъ тяжелыя и часто весьма странныя внутреннія состоянія—плодъ колебаній и измѣненій разстроеннаго или извращен-

развился (что весьма характерно) бредъ преслѣдованія (указывающій на дисгармонію самочувствія) съ примѣсю идей самодовольнаго характера и религиозныхъ тенденцій, причемъ въ настроеніи замѣчались весьма рѣзкія колебанія: то буйный и недовѣрчивый, то кроткій и благожелательный.

Подобныя идеи бреда, свидѣтельствующія, между прочимъ, и о разстройствѣ мыслительнаго механизма, сами по себѣ, конечно, не имѣютъ для насъ большаго значенія. Онѣ интересны и важны для насъ только потому, что служатъ указателями разнообразныхъ и рѣзкихъ измѣненій въ самочувствіи субъекта. Сами же онѣ суть не болѣе какъ уподобленія, толкованія или объясненія явленій внутренняго опыта человека. Этимъ и объясняется разнообразіе подобныхъ объясненій и уподобленій въ зависимости отъ развитія, степени образованія, прежняго образа жизни больного и т. д. Давно уже подмѣчено психіатрами измѣненіе въ идеяхъ бреда помѣшанныхъ по эпохамъ, по мѣстностямъ, народностямъ и т. д. Бредъ одержанія, столь распространенный прежде, по большей части замѣнился въ настоящее время бредомъ инаго содержанія, напр., бредомъ электризаціей, магнитизаціей, политическихъ преслѣдованій и т. д., однимъ словомъ, бредомъ въ духѣ вопросовъ дня. Факты остаются однородными, но измѣняются ихъ толкованія, объясненія и уподобленія.

²¹⁸) «Du Délire émotif, nevrose du système nerveux ganglionnaire viscéral», 6, 7, 8, 22, 37, 45.

наго самочувствія, въ свою очередь подсказывающаго и соотвѣтственно странныя, нерѣдко порочныя или даже преступныя дѣйствія ²¹⁹⁾ наблюдаются только въ клиникахъ у патентованныхъ больныхъ. Напротивъ, они составляютъ собою, какъ учить опытъ, обычную принадлежность внутренняго міра множества перво-источенныхъ, вырождающихся и неуравновѣшенныхъ личностей, которыя на первый взглядъ и на взглядъ большой публики могутъ казаться нормальными и, повидимому, здоровыми людьми. и которыхъ особенно много среди захудалыхъ классовъ общества, какъ бы по привилегіи поставляющихъ различныхъ наслѣдственныхъ пауперовъ, завсегдаевъ кабака ²²⁰⁾ и преимущественно мелкихъ, но иногда и очень тяжкихъ престу-

²¹⁹⁾ Припомнимъ Philipp'a и много другихъ подобныхъ личностей, о которыхъ весьма часто говорилось въ ходѣ настоящей работы.

²²⁰⁾ Особенно разстроенными и дребезжащими представляются тоны самочувствія у этихъ послѣднихъ. Въ крайне интересномъ докладѣ сенатора Claud'a о потреблении алкоголя во Франціи (Rapport fait au nom de la commission d'enquête sur la consommation de l'alcool en France, 1887) мы находимъ, между прочимъ, и подробное описаніе измѣненій различныхъ видовъ чувствительности у алкоголиковъ, I, 58 и сл.. Этими глубокими измѣненіями чувствительности, конечно, и объясняется въ значительной мѣрѣ усиленная наклонность къ преступленіямъ и значительныя увеличенія преступности въ странѣ, по мѣрѣ развитія въ ней пьянства («департаменты, наиболѣе потребляющіе водки, даютъ и болѣе значительный контингентъ преступленій, сравнительно съ другими» I, 224) а также и значительная наклонность алкоголиковъ къ самоубійствамъ. «Види вліяніе алкоголизма на ежедневное возрастаніе цифры сумасшедшихъ, числа самоубійствъ, проступковъ и преступленій», говоритъ докладъ, «мы не можемъ воздержаться, чтобы не воскликнуть: какъ велика, во всякомъ случаѣ, отвѣтственность того общества, которое будетъ продолжать negliжировать долѣе своими самыми дорогими интересами!» I, 80. См. также данныя, приведенныя на 213 и слѣдующихъ страницахъ I тома. Весьма интересны также во II томѣ статистическія таблицы и отчеты врачей, заведующихъ учрежденіями для душевнобольныхъ, 115 и сл. Приведу одинъ примѣръ изъ русской жизни. Дѣло было въ Бугурусланѣ: нѣкто Д., писарь по профессіи, зашелъ къ знакомой ему вдовѣ, жившей съ пятнадцатилѣтней дочерью, и сталъ просить водки. Послѣдней не оказалось, и Д. согласился лечь спать безъ нея. Ночью влеченіе къ привычному возбужденію не давало ему, однако, покоя, а потому онъ всталъ, отыскалъ топоръ и имъ убилъ вдову и ея дочь. Окончивъ убійство, Д. пошелъ къ исправнику и предложилъ ему обнаружить за стаканомъ водки одно очень важное преступленіе. Водка, конечно, была дана, и Д. разсказалъ подробности своего кроваваго дѣла. См. «Юридич. Вѣстн.», 1880 года, «Хроника уголовного суда», 115. Не трудно понять, какіе отбѣнки самочувствія, подсказывающіе столь безобразныя дѣянія, должны испытывать подобныя личности, часто наслѣдственно-воспитываемыя кабаками. «Фактъ, почти всемі признаанный, что нисходящіе алкоголиковъ суть субъекты, вырожденные въ той или другой степени». Grenier-«Contribut. a l'étud. de la descend. des alcooliques», 7.

иниковъ^{220*}). Внутренній міръ всѣхъ подобныхъ личностей—это особый міръ,—міръ тяжелыхъ, странныхъ, причудливыхъ, а не рѣдко и уродливыхъ чувственныхъ тонацій²²¹⁾.

221) Вся совокупность окружающихъ ихъ весьма неблагопріятныхъ вѣшнихъ условій, зависящихъ отъ множества различныхъ причинъ, по большей части именно такова, что неминуемо должна вызывать въ нихъ различныя разстройства самочувствія и тѣмъ самымъ предрасполагать ихъ къ вреднымъ и порочнымъ дѣйствіямъ. «Я выполнялъ работу мало-утомительную и очень пріятную», такъ рассказываетъ одинъ злоупотреблявшій прежде опиумъ, а потомъ отказавшійся отъ него. *«Я могъ работать, не прибывая снова къ опию. Я легко утомлялся, но небольшое количество энергіи, которымъ я могъ распорядитъ, удовлетворяло требованіямъ моихъ занятій. Если бы я могъ сохранить ихъ, то я думаю, что я бы окончательно отказался отъ опиія»*. Но дѣло было закончено и занятія прекратились. Онъ перешелъ къ другимъ и долженъ былъ фотографировать съ 8 ч. утра до 8 ч. вечера. «Я не могъ выполнять такую работу безъ помощи опиія и я вернулся къ нему». При этомъ надо было подбадривать физическія силы и поддерживать нравственное равновѣсіе и спокойствіе, потому что, вслѣдствіе истощенія организма, «я видѣлъ будущее и настоящее въ самомъ черномъ цвѣтѣ и часто былъ близокъ къ самоубійству». И вотъ началось быстрое увеличеніе дозъ, потому что, употребляя опиій противъ тоски, необходимо быстрое увеличивать дозы, нежели въ томъ случаѣ, когда въ опиіи ищутъ средствъ для облегченія физической боли, такъ какъ тоска возвращается гораздо скорѣе, нежели болѣзненные ощущенія. См. L'encéphale, 1887, № 3, 314 и сл. А между тѣмъ, такое множество среди интересующихъ насъ общественныхъ классовъ такихъ людей, которые, несмотря на свое предшествовавшее органическое утомленіе и истощеніе, съ необходимостью должны, вслѣдствіе обезпеченія многихъ отраслей труда, чрезмерно работать, чтобы получить только насущный кусокъ хлѣба. Не мудрено, поэтому, что такіе люди при малѣйшей возможности съ жадностью прибѣгаютъ ко всевозможнымъ искусственнымъ возбуждителямъ, чтобы только выполнить необходимое количество повседневной непосильной работы для ихъ уже истощеннаго организма, и избавить себя отъ грызущей тоски и охватывающаго изнеможенія—плодовъ органическаго безсилія. Но всѣ эти внутренніе тяжелыя состоянія остаются обыкновенно закрыты отъ глазъ окружающихъ и часто обвиняющихъ. Поэтому, только мудрое правило: Audiatur et altera pars, и искреннее желаніе понимать, а не осуждать только могутъ дать намъ возможность уловить истинныя причины многихъ темныхъ явленій общественной жизни.

221) Значительная сила такихъ непріятныхъ и дисгармоническихъ внутреннихъ тонацій, испытываемыхъ различными неуравновѣшенными личностями, понятно, привлекаетъ къ себѣ вниманіе ихъ испытывающихъ, отвлекаетъ его отъ впечатлѣній изъ вѣшняго міра, замыкаетъ человека въ самомъ себѣ, въ сферѣ его тяжелыхъ дисгармоничныхъ внутреннихъ ощущеній, суживаетъ его кругозоръ и дѣлаетъ его узко и грубо-эгоистичнымъ. Сосредоточиваніе же вниманія на непріятныхъ чувствахъ въ свою очередь только еще больше способствуетъ дальѣйшему разстройству самочувствія. «У человека, который, сверхъ мѣры заботится о своемъ пищеварительномъ каналѣ», замѣчаетъ Мі-

Въ началѣ настоящей главы я имѣлъ уже случай привести нѣкоторые интересные примѣры разстроеннаго самочувствія какъ въ его общемъ сложномъ, такъ и въ его частныхъ слагающихъ тонахъ. Теперь, чтобы еще нѣсколько ближе познакомиться съ наблюдаемыми иногда странными, а подчасъ и причудливыми колебаніями и измѣненіями чувствительности, мы продолжимъ далѣе изученіе фактовъ живой дѣйствительности, которое всего лучше выяснитъ намъ, какимъ факторомъ является и можетъ являться какъ общая, такъ и специальная чувствительность въ сферѣ психической жизни человѣка вообще, а слѣдовательно, и въ сферѣ его преступленій въ частности. При этомъ мы, по обыкновенію, обратимся къ яркимъ клиническимъ случаямъ, въ которыхъ картина разстроеннаго самочувствія по большей только болѣе рѣзко выражена, хотя, какъ уже замѣчено выше, она только ими далеко не ограничивается.

Одному молодому человѣку *нервнаго темперамента* показали его умершаго брата въ гробу, вслѣдствіе чего онъ испыталъ весьма сильное потрясеніе. Съ этихъ именно поръ его нервная система пришла въ разстройство, за которымъ послѣдовало состояніе крайняго ослабленія, сопровождавшееся слѣдующими странными явленіями. Больной этотъ неспособенъ думать и сосредоточивать свое вниманіе даже во время разговора. Онъ утратилъ память, утратилъ волю, не могъ принять никакого рѣшенія и былъ неспособенъ дѣлать усилія, а если и дѣлалъ таковыя, то у него оставалось только неясное сознаніе того, что онъ сдѣлалъ ихъ (въ этомъ отношеніи онъ, повидимому, представляетъ сходство съ больнымъ изъ клиники пр. Вал'я). Его постоянно охватывала боязнь, — боязнь смерти, боязнь сумасшествія (то же самое и у только что названнаго больного). Онъ боялся оставаться одинъ, постоянно испытывалъ страхъ, который все въ немъ возбуждало. Онъ видѣлъ дурно предметы; послѣдніе *казались ему какъ бы окутанными облакомъ* (припомнимъ, что такое же поблѣднѣіе красокъ виѣшняго міра наблюдалось и у больного изъ амбулаторіи

свѣа, «пищеварительныя функціи замедляются, дѣлаются затруднительными, болезненными (диспепсія) и обнаруживаются многочисленныя уклоненія въ чувствительности». «Если гипохондрикъ», продолжаетъ онъ далѣе, «сосредоточитъ вниманіе на кровеносной и дыхательной системахъ, то онъ будетъ испытывать сильныя, ускоренныя и неправильныя сердцебіенія и т. д. См. «De l'hypochondrie», 588 и 589. Итакъ, разстройство вліяетъ на вниманіе, вниманіе въ свою очередь усиливаетъ разстройство. Таковъ уже тотъ заколдованный кругъ психо-физическаго разстройства, въ который, понавъ однажды, человѣкъ начинаетъ бродить въ его замкнутой лѣнн до тѣхъ поръ, пока какое либо благотворное вліяніе и толчокъ не выведутъ его изъ него.

пр. Ball'я). Вся поверхность его тѣла и всѣ мускулы его были гиперестизированы; въ рукахъ и ногахъ онъ ощущалъ бѣганье мурашекъ и электрическіе удары. Члены его ощущались имъ или тяжелыми какъ свинецъ, или же настолько легкими, что когда онъ вставалъ со стула, то ему казалось, что онъ полетитъ; иногда же онъ вовсе не ощущалъ ихъ и долженъ былъ глядѣть на нихъ, чтобы удостовѣриться въ ихъ существованіи. Онъ не чувствовалъ вѣрно всѣхъ предметовъ. Когда онъ дышалъ, то ему казалось, что бока его не поднимаются, что его тѣло сжимается и одежда становится широка. По временамъ онъ испытывалъ леденящій холодъ, распространявшійся отъ ногъ къ головѣ, а по временамъ напротивъ чувствовалъ жгучее ощущеніе, хотя въ томъ и другомъ случаѣ термометръ показывалъ нормальную температуру. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причудливыхъ и непріятныхъ тонацій его разстроеннаго самочувствія, всѣ его отношенія къ окружающему міру, какъ и слѣдуетъ ожидать, извратились, и онъ считалъ себя обреченнымъ на смерть или на сумасшествіе ²²²).

Въ извѣстномъ и цитированномъ уже мною сочиненіи проф. Lombroso «Genio e folia» мы находимъ интересную выдержку изъ «Замогильныхъ воспоминаній» (Ricordi d'oltre tomba), написанныхъ однимъ больнымъ Fo..., спиритуалистомъ по убѣжденіямъ. Въ нихъ онъ описалъ свои ощущенія и воспріятія своей духовной (spirituale) жизни въ то время, когда онъ, покинувъ матеріальную оболочку, странствовалъ по деревнямъ и городамъ и жилъ на землѣ въ качествѣ духа безъ тѣла. *Его кажущееся тѣло было только призракъ для людей* (un'apparenza per gli uomini); на самомъ же дѣлѣ его голова зарыта въ Корсикѣ, а тѣло—въ Пизѣ. Здѣсь я приведу только нѣкоторыя особенно интересныя мѣста изъ этихъ интересныхъ записокъ.

«Я умеръ!», пишетъ Fo... «Пришелъ ангелъ, посланникъ смерти, и нѣжно (dolcemente), какъ бы это сдѣлала любящая мать, отдѣлил мою душу отъ моего тѣла (по сходному оттѣнку въ самочувствіи нѣчто сходное утверждалъ и больной пр. Ball'я). Безъ страданія, безъ ужаса оставила міръ моя душа, чтобы вступить въ блаженную жизнь, въ царство вѣчнаго мира.— О радость! наконецъ я навсегда оставилъ это страдающее грѣхами тѣло, этотъ міръ, въ которомъ спокойствіе существовало только въ сочиненіяхъ, и моя душа, какъ рабъ, разорвавшій свои цѣпи и быстро вдыхающій дотоль неиз-

²²²) Leven: „Estomac et cerveau“, 26 и сл.

вѣстный ему воздухъ свободы, могла предаться упоительнымъ снамъ и вдыхать этотъ чистый и свободный воздухъ безгрѣшной и безболѣзненной жизни (очевидно, что въ самочувствіи больного произошла какая-то рѣзкая переменѣ и оно изъ подавленного и тяжелаго разомъ превратилось въ свѣтлое и восторженное).

«Я грѣшилъ, я въ мірѣ много страдалъ, но подобно путешественнику, который, прибывъ домой послѣ утомительнаго и опаснаго перѣзда, забываетъ прошедшее утомленіе въ наслажденіи отъ прибытія подъ родной кровъ, такъ и я пѣлъ отъ восторга при мысли, что окончилось мое странствіе, *окончились мои горести, забыты мои страданія*. Я не покинулъ міръ, нѣтъ — я рассуждалъ, ѣлъ, пилъ, платилъ; но я не ѣлъ, не пилъ, не платилъ дѣйствительно (realmente). Смертные говорили о моемъ тѣлѣ, какъ бы оно не было уже похоронено; они не знали, что это тѣло, *которое ѣло и пило, было не болѣе, какъ* обманчивая наружность для ихъ глазъ (замѣчательное сходство съ тѣмъ, что, на основаніи переменъ въ своемъ самочувствіи уподобительно утверждалъ и больной проф. Ball'a; вся разница заключается только въ степени увѣренности). Но какая разница между ими и мною. Въ то время, какъ я, *полный восторга и радости* (pieno di gioia ed allegria), переносился съ мѣста на мѣсто (припомнимъ при этомъ ощущенія предшествующаго больного, которому, при вставаніи со стула, казалось иногда, что онъ полетитъ), рассуждая и ни о чемъ не думая, я видѣлъ ихъ печальными, или раздражительными, или полными раздумья. Тогда я чувствовалъ, что внутри меня начинается бредъ восторга (un delirio di gioia), что я не нахожусь болѣе среди нихъ».

Разсказывая о своихъ путешествіяхъ въ компаніи съ душами умершихъ, Фо... даетъ намъ слѣдующее описаніе видѣннаго и испытаннаго имъ. «Мы видѣли надъ нами этотъ лучезарный, тихій, вѣчный небесный сводъ безъ конца и безъ начала; мы слышали *издалека сладкіе голоса ангеловъ, пѣвшихъ свою «осанну» мира, благодарности и славы ихъ Творцу*; мы присоединяли наши голоса къ ихъ голосамъ и, теряясь и утопая въ тысячахъ пріятныхъ и радостныхъ мыслей, мы засыпали тамъ на верху съ природой, *чтобы видѣть во снѣ новыя наслажденія*». Передавая свой разговоръ съ цвѣткомъ, онъ продолжаетъ: «Такъ говорилъ мнѣ онъ и я, глядя на него, думалъ: подобно тому, какъ обращаетъ свою головку къ солнцу цвѣтокъ, такъ и я буду обращать свое лицо къ моему Богу и *буду наслаждаться въ мукахъ его вѣчной любви*». Упомянувъ далѣе, что смертные осуждали его за то, что онъ мало заботился о своихъ дѣ-

захъ, онъ замѣчаетъ: «но развѣ они могли понять, что платье, пища и вещи были для меня ничто, и что моя душа была слишкомъ счастлива для того, чтобы заботиться о дѣлахъ, теперь для меня ничтожныхъ» ²²³).

Эти интересныя воспоминанія были написаны Го..., по просьбѣ доктора, уже тогда, когда ему стало лучше и когда сознаніе дѣйствительности вернулось къ нему; въ нихъ онъ описалъ испытанное имъ во время болѣзни.

Воспоминанія Го... представлять для насъ особый интересъ, если мы сравнимъ ихъ съ описаніями больнымъ пр. Вал'я его внутреннихъ состояній.

Въ самочувствіи Го..., какъ я уже замѣтилъ выше, несомнѣнно произошла какая-то рѣзкая перемѣна, подсказавшая ему его объясненіе: «я умеръ». Въ этомъ отношеніи Го... совершенно сходенъ съ больнымъ проф. Вал'я. Послѣдній говоритъ: «я даже не могу отдать себѣ отчета въ томъ, что называютъ существованіемъ, дѣйствительностью»; «я существую, но вѣ дѣйствительной жизни», а Го... утверждаетъ: «Мое тѣло есть не болѣе, какъ ложная и обманчивая наружность для ихъ глазъ». «*Мнѣ кажется, что я умеръ два года назадъ*», какъ бы колеблясь поясняетъ первый. «Я умеръ», рѣшительно утверждаетъ второй.

Но если съ этой стороны въ чувствѣ собственнаго существованія обоихъ субъектовъ замѣчательное сходство, то съ другихъ сторонъ въ немъ наблюдаются и большія различія. Въ то время, какъ у больного проф. Вал'я, подъ влияніемъ какихъ-то измѣненій въ самочувствіи, развивается крайняя подавленность, безнадежность, полное равнодушіе ко всему окружающему и даже появляется мысль о самоубійствѣ—въ это время Го... говоритъ напротивъ о наступившемъ блаженствѣ, о полнотѣ восторга и радостей и объ улаженіи въ лучахъ вѣчной любви. Очевидно, что сложный тонъ самочувствія въ обоихъ случаяхъ не одинаковъ, и что, кромѣ вполне сходныхъ слагающихъ тоновъ, въ каждомъ изъ нихъ звучатъ еще и присоединяющіеся тоны различія. Но что это за тоны и возможно ли ихъ выдѣленіе? Сопоставленіе воспоминаній Го... съ описаніями особенностей самочувствія въ состояніяхъ экстаза можетъ быть отчасти поможетъ намъ выдѣлить тѣ яркіе лишніе тоны, которые, присоединяясь къ nobilitivшему чувствованію существованія собственно тѣла, придаютъ столь своеобразную окраску случаю Го... Приведу выдержки

²²³) Genio e folia, 269 и сл.

изъ разсказа одной, повидимому, истеричной, у которой интересующая насъ особенность чувственной тонаціи существовала съ ранняго дѣтства и которая многократно испытала экстазъ. Послѣдній, по ея словамъ, подраздѣляется на четыре періода. Начну выдержками изъ описанія третьяго періода. «Это сонъ способностей (воли, разсудка, памяти, воображенія)», говоритъ она, «во время котораго онѣ не сознають, какъ онѣ дѣйствуютъ. Душа испытываетъ несравненно большее счастье, пріятность и радость, нежели въ прошедшемъ. Упоенная водою наслажденія («въ то время, какъ я, полный восторга и радости», говоритъ Fo...), она не можетъ, она не умѣетъ двигаться впередъ, ни отступать назадъ. Она только стремится наслаждаться этимъ избыткомъ блаженства». «Для души это агонія, полная невыразимаго блаженства, въ теченіе которой она чувствуетъ себя *почти совсѣмъ умершей* для всѣхъ явленій (то же чувствовалъ и Fo...) и съ восхищеніемъ успокоивается въ наслажденіи (*se repose avec ravissement de la jouissance*)». «Она не сознаетъ—говоритъ, молчитъ, смѣется или плачетъ она. Это блаженный бредъ, это небесное сумасшествіе (*céleste folie*), въ которомъ познають истинную мудрость». «О небо! Что должна испытывать душа во время этого восхитительнаго оцѣнненія («я чувствовалъ, что внутри меня начинается бредъ восторга», поясняетъ Fo...)!» Это экстатическое состояніе рассказчица характеризуетъ словомъ «быть внѣ себя». «Все, что я вижу, мнѣ кажется сномъ», говоритъ она дальше. Потомъ наступаетъ четвертый періодъ, періодъ высшаго развитія экстаза, когда сознаніе вѣшняго міра исчезаетъ болѣе или менѣе вполне, когда безъ величайшаго усилія нельзя сдѣлать ни малѣйшаго движенія рукой, когда тѣло «какъ бы умираетъ», когда «умъ не дѣйствуетъ», когда уничтожается даже чувство тяжести, боль не ощущается и когда чувствуютъ себя отдѣляющимися отъ земли и восхищенными въ воздухѣ (припомнимъ при этомъ разсказъ F.... о томъ, какъ онъ то же носился въ воздушныхъ пространствахъ). Въ это время все окружающее исчезаетъ и остается лишь чувство «неизъяснимаго блаженства и пріятности» (*une suavité, un plaisir inexprimable*) и «сладчайшія наслажденія» (*les plus suaves délices*).

Таковы чувственные тоны экстаза. Сравнивая ихъ съ тонами самочувствія Fo..., не трудно замѣтить значительную однородность тѣхъ и другихъ. Конечно, между состояніемъ самочувствія Fo... и состояніемъ самочувствія нашей истеричной замѣчаются нѣкоторыя различія, но это, повидимому, различія степени, различія количества, а не качества.

Если же мы сравнимъ теперь три случая и наблюдавшіяся въ нихъ состоянія самочувствія, а именно: случай больного проф. Ball'я, случай Fo... и случай экстаза, то мы увидимъ, что во всѣхъ трехъ есть много общаго, а именно: болѣе или менѣе ясно выраженное потускнѣніе сложнаго чувства существованія собственнаго тѣла, какъ таковаго, и совершающихся въ немъ перемѣнъ ²²⁴). Въ этомъ главное сходство всѣхъ трехъ случаевъ. Но въ двухъ послѣднихъ къ этому потускнѣлому сложному чувству существованія собственнаго тѣла присоединяется еще сильно звучащій спеціальнѣйшій тонъ, съ вѣроятнымъ органическимъ источникомъ котораго мы познакомимся ниже. Его то, повидимому, и недостаетъ въ случаѣ больного проф. Ball'я, какъ на это было указано и выше; онъ количественно разнится также и въ двухъ послѣднихъ случаяхъ. Этотъ-то присоединяющійся излишнѣйшій спеціальнѣйшій тонъ, какъ кажется, и придаетъ столь своеобразную окраску случаю Fo... и составляетъ главное его отличіе отъ случая больного проф. Ball'я, который въ свою очередь вслѣдствіе этого представляетъ большее сходство съ приведеннымъ мною случаемъ, сообщеннымъ д-мъ Leven.

Слѣдующій примѣръ, заимствуемый мною изъ сочиненія Leuret ²²⁵), который въ свою очередь заимствовалъ его у д-ра Lelut (Gazette méd. за 1834), еще болѣе выяснитъ намъ занимающую насъ теперь комбинацію чувственныхъ тоновъ. Главный интересъ этого примѣра состоитъ въ томъ, что изучаемый нами тонъ въ немъ представляется въ значительной мѣрѣ обособленнымъ, какъ бы выдѣленнымъ и какъ бы нарочно отпрепарированнымъ для болѣе удобнаго знакомства съ нимъ.

Нѣкто R., происходившій изъ бѣдной семьи, всегда пользовался прекраснымъ здоровьемъ. Выраженіе лица R. было *благожелательное, полное самоувѣренности, а иногда даже и гордости*. Воспитаніе его было далеко не религіознаго направленія, а между тѣмъ мысль о Богѣ занимала его съ самаго дѣтства, вліяла на его дѣйствія и всегда была присуща ему (здѣсь интересно отмѣтить, что настроеніе, под-сказывавшее мысль о Богѣ, поддерживалось у него, повидимому, внѣ зависимости отъ особенностей воспитанія; оно съ вѣроятностью должно быть отнесено на счетъ его прирожденныхъ особенностей). Онъ часто размышлялъ о волѣ Бога по отношенію къ себѣ и при этомъ пора-

²²⁴) Припомнимъ при этомъ также приведенные въ предшествующей главѣ примѣры больныхъ съ потускнѣлою чувствительностью.

²²⁵) „Fragm. psychol. sur la Folie“, 175 и сл.

жался беспорядочностью, которую наблюдалъ на свѣтѣ и которая весьма печалила его (здѣсь интересно отмѣтить это чувство какой-то міровой печали).

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнилъ себя, онъ ощущалъ жаръ въ области эпигастрія и испытывалъ при этомъ ощущение *благосостоянія*, которое разливалось отсюда по всему его существу и, прямо пропорционально своей интенсивности, наполняло его въ большей или меньшей степени чувствомъ силы (каковъ бы ни былъ механизмъ этого явленія, но, во всякомъ случаѣ, въ немъ весьма интересно то, что органическій тонъ представляется, какъ уже замѣчено выше, въ значительной мѣрѣ обособленнымъ, съ приблизительнымъ обограниченіемъ даже органической области мѣстонахожденія точки исхода).

Будучи восемнадцати лѣтъ, R. преждевременно познакомился съ половыми отношеніями, послѣ чего все *чувствовалъ угрызенія совѣсти*.

Въ то же время онъ началъ вдругъ испытывать слѣдующія странныя явленія: ему казалось, что его умственные способности увеличиваются, что вся связь явленій вѣшняго міра развертывается передъ нимъ (очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ темными органическими ощущениями, подсказывающими и неясныя мысли), и что онъ до нѣкоторой степени, хотя и не вполне опредѣленно, обнимаетъ единымъ взглядомъ все твореніе. Онъ рѣшается тогда подавить въ себѣ плотскія похоти, *которыя сильно волнуютъ его*. При этомъ видъ испорченнаго міра все болѣе и болѣе печалитъ его, и въ немъ все усиленіе развивается влеченіе къ уединенію, къ перемѣнамъ мѣстъ и отношеній. *Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ неодолимое влеченіе къ какой-то цѣли, въ которой онъ даже не можетъ дать себѣ яснаго отчета. Ему кажется также, что его зоветъ куда-то Богъ* (очевидно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими же темными органическими ощущениями отъ внутренностей, которыя не могутъ даже облечься въ сколько нибудь опредѣленные представленія). Онъ начинаетъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, и, наконецъ, останавливается въ Парижѣ, гдѣ онъ усердно посѣщаетъ церкви и проповѣди. Въ это именно время R. получаетъ свои первыя мнимыя откровенія. Ему кажется, что въ области эпигастрія, гдѣ онъ обыкновенно чувствуетъ ощущение жара, очень ясно начинаются слышаться рѣчи, но не такія, какія обыкновенно слышатся при посредствѣ уха, а, напротивъ, легко отличимыя отъ послѣднихъ (составить себѣ сколько нибудь ясное понятіе о характерѣ слышанныхъ болнымъ особыхъ эпигастрическихъ рѣчей рѣшительно невозможно, такъ какъ

здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ интеллектуальными процессами, а съ темными органическими ощущеніями, которыя вызываютъ и одѣваются неясными представленіями). Эти особыя рѣчи заключаютъ въ себѣ пророчества и сопровождаются болѣе сильнымъ чувствомъ удовольствія и ощущеніемъ разливающагося жара (вѣроятно, что источникъ эпигастрическихъ особыхъ рѣчей одинъ и тотъ же съ источникомъ чувства удовольствія и ощущеніемъ разливающагося жара), *которыя приводятъ R. въ состоянія изумленія и экстаза* и заставляютъ его удвоить его благочестивыя упражненія. Аппетитъ его уменьшается, сонъ исчезаетъ, появляются слуховыя (отличныя отъ эпигастрическихъ рѣчей) и зрительныя галлюцинаціи: ему кажется, что онъ имѣетъ откровенія, видитъ и бесѣдуетъ съ Богомъ. Съ этихъ поръ онъ начинаетъ считать себя мессіей, который долженъ установить единую вѣру и подготовить послѣдній судъ. Вполнѣ убѣжденный въ этомъ своемъ качествѣ, онъ начинаетъ пророчествовать и пытается во время обѣдни прорваться къ парижскому архіепископу, но попадаетъ въ префектуру, а потомъ въ Visétre. Здѣсь, если только не касались его галлюцинацій, онъ представлялся прекраснымъ и *вполнѣ разумнымъ человекомъ*, а потому, въ виду его согласія отложить осуществленіе его плана реформы до наступленія болѣе благоприятныхъ условій, его освободили, *какъ личность вполнѣ безвредную* и способную самостоятельно заниматься своимъ ремесломъ.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы наблюдали болѣе или менѣе рѣзкія и при томъ разнообразно-своеобразныя измѣненія въ окраскѣ самочувствія человека, въ окраскѣ его общаго сложнаго чувства собственнаго существованія. Вмѣстѣ съ этимъ мы наблюдали, слѣдовательно, и измѣненія въ личности, какъ сложномъ сознательномъ психическомъ тонѣ, или, иначе, какъ въ комплексѣ отдѣльныхъ, но сливающихся чувствованій даннаго времени, измѣненія, дававшія иногда основанія понятію о смерти личности. На ряду съ этими измѣненіями мы наблюдали, конечно, и соответствующія измѣненія въ проявленіяхъ личности во внѣ, въ ея отношеніяхъ къ окружающему. Все это показало намъ, насколько въ зависимости отъ органическихъ состояній разнообразно и часто измѣнчиво по отдѣльнымъ индивидуумамъ, а также и по различнымъ моментамъ существованія этихъ индивидуумовъ, то, что мы называемъ личностью, и насколько мало приложима къ ней какая либо общая мѣрка, мѣрка только личности вообще.

Но всѣ наблюдавшіяся нами до сихъ поръ измѣненія, будучи болѣе или менѣе причудливы и странны, не порождали однако полнаго

нарушенія единства личности. Теперь мы перейдемъ къ примѣрамъ, въ которыхъ измѣненія въ чувствительности дали основаніе для явленій какъ бы дѣленія личности.

Одинъ изъ наиболее интересныхъ и замѣчательныхъ случаевъ періодическаго и единообразнаго измѣненія личности есть случай Felid'ы, представлявшей двойственность сознанія, или, можетъ быть правильнѣе, двойственность характера личности, двойственность характера психической жизни, развивавшуюся на почвѣ истерическаго невроза.

О наследственности и дѣтствѣ Felid'ы особенно сказать нечего. Въ 13 лѣтъ, скорѣ послѣ наступленія періода полового развитія, Felid'а начала проявлять развивающуюся истерію съ ея ясно выраженными признаками (конвульсіями, истерическимъ глобусомъ, мѣстными анестезіями и пр.), а около 14½ лѣтъ у нея стали впервые замѣчаться явленія двойственности сознанія. Обыкновенно безъ всякой видимой причины, а иногда подъ вліяніемъ эмоций, она начала ощущать сильную боль въ вискахъ и затѣмъ впадала въ состояніе, подобное состоянію сна (голова ея опускалась на грудь, руки повисали), которое длилось около двухъ минутъ и которое не могло быть прервано никакими возбужденіями. По прошествіи этого короткаго забытія, Felid'а открывала глаза, просыпалась, но была уже въ совершенно иномъ состояніи, — *во второмъ состояніи*, длившимся часа два или три. Это второе состояніе въ свою очередь прерывалось новымъ столь же краткимъ промежуткомъ какъ бы сна, послѣ чего все входило въ норму.

Такіе странные припадки или измѣненія случались каждые пять или шесть дней, иногда и рѣже. Такъ было вначалѣ.

Обычно съ дѣтства и до самого начала болѣзни, а потомъ во время своихъ *первыхъ состояній* ²²⁶⁾, Felid'а отличалась печальнымъ и даже мрачнымъ настроеніемъ, имѣла пасмурный видъ, безпрестанно озабочивалась своими болѣзненными явленіями и испытывала множество болѣзненныхъ ощущеній. Она говорила мало, всегда коротко и серьезно; была весьма трудолюбива и обладала твердой волей; чувства ея казались мало развитыми. Напротивъ, просыпаясь въ своемъ второмъ состояніи, наступавшемъ послѣ короткаго періода сна, Felid'а представлялась какъ бы совершенно иною личностью. Ея фізіономія въ это время дышала веселостью, она распѣвала пѣсни, по-

²²⁶⁾ Такъ, мы будемъ обозначать нормальныя состоянія Felid'ы въ отличіе отъ ея новыхъ состояній, начавшихся послѣ первыхъ проявленій болѣзни и слѣдовавшихъ непосредственно за странными приступами сна.

ходка ея становилась легка, она не жаловалась болѣе на только что передъ тѣмъ испытанныя боли, выходила изъ дому, дѣлала визиты, при чемъ ея живость граничила съ беспокойствомъ и ея воображеніе представлялось экзальтированнымъ. Она волновалась по каждому малѣйшему поводу и постоянно рѣзко переходила отъ печали къ радости; изъ индифферентной, какой она была передъ тѣмъ, она становилась чрезмѣрно чувствительной и вообще какъ бы перерождалась. Въ этомъ своемъ второмъ состояніи она хорошо помнила все то, что было съ нею во время предшествующихъ вторыхъ состояній, а также и во время ея первыхъ или нормальныхъ состояній (до сихъ поръ непрерывность личности не нарушается), напротивъ, во время своихъ первыхъ состояній она помнила только то, что было съ нею во время такихъ же предшествующихъ состояній, и рѣшительно не помнила ничего, что было во время состояній вторыхъ. Эта относительная потеря памяти была настолько полна, что, во время своихъ первыхъ состояній, Felid'a не могла припомнить ничего изъ того, что было съ нею и что дѣлала она всего только за нѣсколько минутъ передъ этимъ. «Все забыто», говоритъ д-ръ Azam, описывая эти состоянія, «или, правильнѣе, ничто не существуетъ: дѣла, важныя событія, пріобрѣтенныя свѣдѣнія, полученныя разъясненія; это листъ, это глава книги, грубо вырванные». Однажды забеременѣвъ во время своего втораго состоянія и будучи вполне увѣрена въ этомъ во время послѣдующихъ такихъ же состояній, она ничего не знала о своей беременности въ теченіе наступавшихъ затѣмъ нормальныхъ состояній. Такимъ образомъ, изъ ея сознательныхъ состояній по временамъ выпадали цѣлые періоды, вслѣдствіе чего непрерывность ея сознательной личности, очевидно, нарушалась. Первые или нормальныя состоянія, соединявшіяся свойственными имъ воспоминаніями въ одно цѣлое, давали какъ бы сокращенную, но своеобразно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и однородно окрашенную личность Felid'ы, которой на самомъ дѣлѣ не доставало цѣлыхъ періодовъ ея существованія и которая рѣшительно ничего не знала о другой удлинненной, если можно такъ выразиться личности той же Felid'ы²²⁷). Напротивъ, ея вторыя состоянія охватывали по воспоминаніямъ всю ея жизнь, а слѣдовательно, и всю ея, но уже пеструю личность.

Что касается собственно уметвенныхъ способностей Felid'ы, то во

²²⁷) Когда ей сказали во время одного изъ ея нормальныхъ состояній, что она беременна, то эта новость такъ сильно ее поразила, что съ ней сдѣлалось дурно, хотя во время своихъ вторыхъ состояній она болѣе, нежели спокойно, относилась къ этому факту.

время тѣхъ и другихъ своихъ состояній она не представляла ни бредовыхъ идей, ни галлюцинацій и никакихъ разстройствъ логической стороны. Въ теченіе вторыхъ состояній ея умственные способности представлялись только болѣе развитыми и болѣе полными.

У Felid'ы наблюдались также, но сравнительно весьма рѣдко, и непродолжительныя состоянія третьяго рода, въ свою очередь предшествовавшія сномъ. Состоянія эти характеризовались невыразимымъ ужасомъ. Ея первыми словами въ такіе періоды было: «Мнѣ страшно... мнѣ страшно». При этомъ она не узнавала никого, исключая своего будущаго мужа и проявляла нѣкоторую спутанность мыслей.

Съ теченіемъ времени продолжительность вторыхъ состояній Felid'ы постепенно стала увеличиваться. Сначала они сравнивались по своей длительности съ первыми или нормальными состояніями, а потомъ, постепенно удлиняясь, они сдѣлались продолжительнѣе ихъ. Подъ конецъ же того времени, которымъ заканчивается описаніе, они наполнили собою почти все сознательное существованіе Felid'ы, такъ что первыя или нормальныя состоянія стали лишь рѣдкими и короткими перемижками ²²⁸); вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности сократились и состоянія перехода или сна.

Въ теченіе всего времени болѣзни Felid'a имѣла припадки метаргіи и экстаза и представляла явленія частичныхъ параличей. *Постепенно она теряла все болѣе и болѣе крови черезъ слизистую оболочку желудка или черезъ слизистую оболочку пищевода.* Однажды ночью безъ всякаго пораненія у нея вытекло изъ задней части головы очень значительное количество крови. Иногда одна половина ея лица краснѣла или же на ней появлялись разбросанные красныя пятна, сопровождавшіяся ощущеніями очень сильнаго жара, почти обжога, и мѣстными значительными припуханіями.

Felida была беременна одиннадцать разъ, но въ живыхъ у нея осталось только двое дѣтей. Старшій изъ нихъ *наслѣдовалъ нервность и истеричность своей матери и состоянія невыразимаго ужаса, наминавшія ея третьи состоянія* ²²⁹).

²²⁸) Крайне интересно это почти полное преображеніе личности, сопровождавшееся рѣзкими измѣненіями въ чувствительности, а также и измѣненіями въ отношеніяхъ къ окружающимъ, «такъ что можно сказать, что Felid'a 1876 г. не прежняя Felid'a: характеръ, умственные способности, способности къ работѣ — все измѣнилось» и сама Felid'a называетъ одно изъ своихъ состояній «другою жизнью». «Навѣрно во время моей другой жизни я ему говорю все, что думаю», такъ умозаключаетъ она.

²²⁹) См. Legrand du Saulle: «Les hysteriques» 267—279 и Descourties: «Du

Еще больший интересъ въ отношеніи занимающихъ насъ явленій представляетъ собою случай Louis V., о которомъ я уже упоминалъ коротко въ III главѣ настоящаго сочиненія.

Louis происходилъ отъ неизвѣстнаго отца и матери, женщины явно развратнаго поведенія, которая при томъ была, кажется, истерична. Самъ Louis съ ранняго дѣтства представлялся болѣзненнымъ: часто харкалъ кровью, имѣлъ нервные припадки и даже параличи. Съ самаго дня его рожденія мать почти не заботилась о немъ, дурно съ нимъ обращалась и онъ, какъ только научился ходить, сталъ бродяжить и нищенствовать по дорогамъ. Девяти лѣтъ онъ былъ задержанъ за кражу и помѣщенъ въ исправительную земледѣльческую колонію Saint-Urbain, въ которой онъ обучался земледѣлію.

Работая однажды въ виноградникѣ, въ возрастѣ около 14 лѣтъ, онъ нечаянно схватилъ рукою змѣю, при чемъ очень сильно испугался. Вечеромъ того же дня онъ имѣлъ конвульсивный припадокъ съ потерей сознанія. Съ этихъ поръ конвульсивные припадки повторялись у него время отъ времени; ноги у него ослабѣли и развилась парализація, такъ что онъ не могъ ходить и вынужденъ былъ лежать въ постели въ больницѣ колоніи. Въ этомъ состояніи онъ былъ переведенъ въ асиль для душевно-больныхъ въ Viennevalle. Здѣсь первые два мѣсяца своего пребыванія онъ отличался *открытымъ, кроткимъ и симпатичнымъ характеромъ, чувствовалъ большую благодарность къ ухаживавшимъ за нимъ, созвѣстился воспоминаній своего дѣтства, рассказывалъ въ совершенныхъ имъ кражахъ и рѣшительно заявлялъ, что впредь имѣетъ твердое намѣреніе вести честную*

fractionnement des opérat. cérébr». 54 и слѣд. Д-ръ Dufay рассказываетъ о другой больной R. L., которая страдала припадками сомнамбулизма, всегда также предшествовавшимся потерей сознанія на нѣсколько минутъ. Но простетивъ этого состоянія, R. L. вступала въ свою вторую жизнь и становилась болѣе откровенна, болѣе довѣрлива и болѣе психически дѣятельна, а въ своемъ первомъ состояніи она отличалась осторожностью и сдержанностью.

R. L. представляла также и явленія двойственности памяти. Во время своихъ припадковъ она, подобно дѣтямъ, забывала мѣстоименіе je мѣстоименіемъ moi и употребляла третье лицо вмѣсто перваго (вслѣдствіе, вѣроятно, рѣзкаго измѣненія въ самочувствіи). Выраженіе: «Quand moi est bête» означало: когда я не нахожусь въ состояніи сомнамбулизма. Она говорила также о «la fille bête» и послѣ какого либо признанія умоляла, чтобы объ этомъ не говорилъ «другой», потому что moi знаетъ, что она не хочетъ сообщать вамъ этого; она была бы очень несчастна». См. цит. сочин. Descourtis, 56. Интересно, что измѣненія личности можно вызвать внушеніями, которыми вызываются и разнообразныя и рѣзкія измѣненія въ чувствительности. См. Bottey: «Le magnit. animé», 71 и сл. Bernheim: «De la suggestion», 36 и сл. и др.

жизнь. Онъ умѣлъ читать и писать и сохранялъ вполне ясныя воспоминанія о всѣхъ событіяхъ своего дѣтства, о своемъ пребываніи въ колоніи, о лицахъ, тамъ его окружавшихъ, о происшествіи со змѣей и о подробностяхъ своего проѣзда черезъ Парижъ, который сильно поразилъ его, въ первый разъ видѣвшаго большой городъ. Вообще, первые два мѣсяца своего пребыванія въ Bonneval'ѣ Louis не представлялъ ничего особенно замѣчательнаго и страннаго съ психической стороны; нервные припадки въ это время у него также не наблюдались. Въ виду параличнаго состоянія его ногъ его стали обучать въ азілѣ портновскому ремеслу, которымъ онъ занялся съ большимъ прилежаніемъ и къ концу двухъ первыхъ мѣсяцевъ умѣлъ уже шить довольно порядочно.

Но вотъ однажды утромъ въ мастерской съ нимъ случился припадокъ истеро-эпилепсіи, длившейся болѣе 50 часовъ. Когда Louis пришелъ въ себя послѣ его окончанія, то оказалось, что его параличъ исчезла, онъ могъ ходить и выражалъ намѣреніе отправиться на полевые работы, думая, что онъ находится въ колоніи Saint - Urbain. Онъ не узнавалъ никого изъ окружающихъ и его воспоминанія обрывались на происшествіи со змѣей. Все случившееся съ нимъ до этого происшествія онъ помнилъ хорошо, но все послѣдующее—его долгое лежаніе въ больницѣ колоніи, его проѣздъ черезъ Парижъ и его пребываніе въ Bonneval'ѣ—для него не существовало, и онъ ничего не зналъ о протекшемъ времени. Все происшествіе ему казалось крайне страннымъ, такъ какъ онъ скоро узналъ, что не находится болѣе въ исправительной колоніи. Его повели въ мастерскія, но и здѣсь онъ не узналъ ничего; его посадили, дали ему недоконченную имъ работу и велѣли шить, но онъ взялъ иголку въ руки такъ, какъ будто въ первый разъ въ жизни видѣлъ ее. Сначала онъ долго не вѣрилъ рассказамъ о всемъ происходившемъ съ нимъ въ Bonneval'ѣ, но потомъ убѣжденный, вѣроятно, ихъ единогласіемъ, сталъ допускать, что онъ, какъ и другіе пансіонеры азіля, прежде былъ сумасшедшимъ, но теперь излѣчился.

Но всего замѣчательнѣе, что послѣ припадка вмѣстѣ съ измѣненіями въ области памяти рѣзко измѣнился и самый характеръ Louis: прежній симпатичный больной какъ бы исчезъ совершенно и на его мѣсто, конечно, подъ вліяніемъ рѣзкаго измѣненія въ самочувствіи, явилась иная личность, личность циничная, лишенная всякаго нравственного чувства, сварливая, прожорливая и грубая. Прежде Louis не любилъ вина и по большей части отдавалъ свою порцію товарищамъ, а теперь съ нимъ и въ этомъ отношеніи произошла рѣзкая

перемѣна, и онъ сталъ воровать вино у нихъ. Когда ему напоминали о его прежнихъ кражахъ и говорили, что онъ не долженъ повторять ихъ, то онъ принималъ вызывающій и надменный видъ и заявилъ, что онъ вполне расплатился за нихъ тѣмъ, что сидѣлъ въ заключеніи.

Послѣ этого Louis отправили однажды на садовые работы; съ нихъ онъ бѣжалъ и унесъ съ собою платье и шестьдесятъ украденныхъ франковъ. Его скоро поймали, но онъ сдался не дешево: онъ билъ и кусалъ посланныхъ за нимъ служителей. По приводѣ въ асиль онъ былъ буенъ, такъ что его вынуждены были помѣстить въ келью. На укоры доктора онъ отвѣчалъ ругательствами и насмѣхался надъ нимъ. Когда же ему напомнили о времени его первого пребыванія въ асиль, то его ругательства удвоились, и онъ сталъ кричать, что его «оскорбляютъ, потому что онъ былъ сумасшедшимъ, но что на это не имѣютъ ни малѣйшаго права».

Въ кельи съ нимъ случился припадокъ простой истеріи и такіе припадки послѣ того повторялись нѣсколько разъ. Однажды у него снова обнаружилась параплегія, а въ другой разъ появилась на поверхности всего тѣла, исключая шеи и головы, анестезія, но все эти явленія проходили сравнительно скоро, при чемъ новыхъ измѣненій въ области памяти и въ характеръ болѣе не замѣчалось, и въ немъ ни разу не воскресалъ прежній добрый и симпатичный мальчикъ, который превратился въ дурного и циничнаго субъекта.

Въ юнѣ 1881 г., будучи восемнадцати лѣтъ отъ роду, Louis оставилъ Bonpeval. Послѣдующая его исторія, которую я постараюсь рассказать возможно коротко, была такова.

По выходѣ изъ асиля, Louis пробылъ нѣкоторое время у своей матери, потомъ поступилъ въ одному землевладѣльцу, около Mâcon'a, но вскорѣ заболѣлъ и былъ помѣщенъ въ госпиталь Saint - Georges въ Bourg-en-Bresse. Отсюда онъ отправился въ Парижъ, побывавъ здѣсь въ нѣсколькихъ госпиталяхъ и, наконецъ, попалъ въ Bicêtre, гдѣ оставался съ 31 августа 1883 года до 2 января 1885 года. Въ Bicêtre'ѣ онъ имѣлъ цѣлую серію конвульсивныхъ припадковъ. 24 января 1884 года у него былъ сильнѣйшій припадокъ, послѣ котораго онъ потерялъ все воспоминанія о своемъ пребываніи въ Saint-Urbain и помнилъ только о Bonpeval'ѣ. 26 января у Louis появилась контрактура съ правой стороны, при чемъ замѣчались и зрительныя галлюцинаціи. 17 апрѣля, послѣ припадка и пробужденія, эта контрактура исчезла, но въ области памяти замѣчались странныя измѣненія. Louis считалъ себя переживающимъ 26 января (день появленія

исчезнувшей контрактуры) и не помнилъ ничего изъ послѣдующаго. 10 іюня, послѣ многихъ припадковъ, контрактура съ правой стороны появилась снова и въ то же время Louis считалъ себя переживающимъ день 17 апрѣля (день исчезновенія контрактуры) и опять не помнилъ ничего изъ послѣдующаго.

2 января 1885 г. Louis бѣжалъ изъ Bicêtr'a, поступилъ во флотъ и былъ отправленъ въ Rochefort. Здѣсь онъ вскорѣ совершилъ кражу, за что былъ преданъ военному суду, но, признанный невмѣняемымъ и бѣжавшимъ изъ Bicêtr'a, былъ отправленъ въ госпиталь. При своемъ поступленіи въ него 27 марта, Louis представлялъ многочисленныя пробѣлы въ своихъ воспоминаніяхъ и потому могъ дать только крайне несовершенныя свѣдѣнія о своемъ прошломъ. Въ госпиталѣ онъ имѣлъ повторявшіеся припадки такъ называемой *grande hystérie*.

30 іюня Louis былъ переведенъ въ азиль для душевно-больныхъ въ Lafond. Здѣсь Louis представлялъ слѣдующія явленія. Характеръ его былъ весьма измѣнчивъ; вообще очень тихій, Louis легко становился раздражительнымъ при малѣйшей непріятности и при малѣйшемъ противорѣчій. Часто отъ незначительныхъ поводовъ онъ приходилъ въ сильный гнѣвъ, но когда его наказывали, то онъ плакалъ и бросался на колѣни. Привязанности у него казались развитыми, и люди, выказывавшіе къ нему какой либо интересъ, составляли предметъ его любви. У него замѣчались также эротическія наклонности. При малѣйшемъ противорѣчій онъ хотѣлъ убить себя, но всегда предупреждалъ о времени и способѣ выполненія. Часто у него замѣчались зрительныя, слуховыя и осязательныя галлюцинаціи. Его воспоминанія были весьма неполны. Онъ ничего не зналъ о своемъ дѣтствѣ; свою мать онъ зналъ только потому, что она приходила къ нему въ Bicêtre. О времени предшествовавшемъ его пребыванію въ Вонпеваіѣ, онъ не сохранялъ никакихъ воспоминаній; онъ не зналъ также портновскаго ремесла, ничего не помнилъ о госпиталѣ Saint-Georges и т. д. Вся правая сторона его тѣла была парализована и нечувствительна.

Примѣненіе электричества и приложеніе различныхъ металловъ и магнита производили ясныя измѣненія въ мѣстныхъ кровообращеніяхъ и *мѣстныхъ чувствительностяхъ*; переносили, какъ, напр., приложеніе стали, *нечувствительность съ одной половины тѣла на другую* и порождали нѣкоторыя иныя органическія явленія, напр., ускоренія дыханія, конвульсіи и пр., и вызывали болѣе или менѣе ясно выраженные измѣненія въ обликѣ, даже въ характерѣ и во всѣхъ проявленіяхъ. Особенно рѣзкое вліяніе оказывало статическое элек-

тричество. Во время дѣйствія электрической машины Louis испытывалъ чувство благосостоянія. Но особенно замѣчательны были измѣненія послѣ прекращенія дѣйствія машины. Въ это время параличныя состоянія и анестезіи исчезали, и весь видъ и характеръ Louis рѣзко измѣнялись ²³⁰). Надменный и грубый всего за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, онъ вдругъ становился тихъ, вѣжливъ и кротокъ, и ему казалось, что онъ находится въ Saint-Urbain въ эпоху, предшествовавшую началу его болѣзни.

Въ состояніяхъ искусственно вызваннаго сомнамбулизма организмъ Louis выполнялъ съ точностью всевозможныя внушенія. Подъ вліяніемъ послѣднихъ у него исчезали, напр., параличныя состоянія, вызывались обильныя рвоты и *просачиванія крови*, выступали на указанныхъ частяхъ напередъ назначенныя экспериментаторомъ кровавыя буквы и пр. Однажды ему было внушено, напр., чтобы у него сочилась кровь изъ руки. Этого однако не послѣдовало. Тогда его спросили о причинѣ. — Я не могу, отвѣтилъ сомнамбуль. — Почему вы не можете? — Потому что у меня нѣтъ тамъ крови. — Гдѣ же ваша кровь? — Въ головѣ. — Ну такъ пускай она сочится изъ головы. И вотъ немедленно получилась геморрагія лица въ указанномъ мѣстѣ (поразительная игра сосудовъ).

На тѣлѣ у Louis констатировались измѣнявшіеся въ своемъ положеніи, въ зависимости отъ органическихъ состояній, такъ называемыя точки задержки (*points d'inhibition*), самое слабое нажатіе которыхъ, производимое даже самимъ больнымъ, немедленно прекращало у него всѣ функціи жизни сношеній. При такихъ нажатіяхъ Louis немедленно терялъ сознаніе, становился рѣшительно нечувствителенъ и неподвиженъ и останавливался на полсловѣ, или на срединѣ начатаго жеста и т. д. Но какъ только отнимался нажимавшій палецъ, — Louis дѣлалъ глубокое вдыханіе и продолжалъ начатую фразу, или завершалъ начатый жестъ.

Искусственно вызывая у Louis (приложеніемъ различныхъ металловъ къ различнымъ частямъ тѣла, или непосредственнымъ раздраженіемъ опредѣленныхъ мускуловъ и сухожилій) различныя органическія проявленія истеріи, экспериментаторы вызывали тѣмъ самымъ и рѣзкія и при томъ всегда опредѣленныя измѣненія въ обликѣ его психической личности. Дѣйствуя при посредствѣ такихъ пріемовъ, они наблюдали у него шесть главныхъ и нѣсколько второстепенныхъ

²³⁰) «Его интеллектуальныя способности (*son intelligence*)», говоритъ д-ръ Berjon, «уже болѣе не тѣ».

состояній, изъ которыхъ каждое по свойственнымъ ему воспомина-
ніямъ приурочивалось исключительно къ опредѣленному періоду его
жизни, такъ что, соединяя только вмѣстѣ эти разрозненные куски, можно
было возстановить полную исторію этой странной психической личности.

Первое состояніе. Гемиплегія и геміанестезія съ правой стороны.
Въ этомъ состояніи Louis болтливъ, надмененъ какъ по выраженіямъ
лица, такъ и по характеру позъ. Его рѣчь по большей части груба,
онъ тыкаетъ всѣхъ, всѣмъ даетъ насмѣшливыя и невѣжливыя проз-
вища, занимается вопросами религіи и политики и высказываетъ при
этомъ самыя радикальныя и антирелигіозныя мнѣнія. Онъ представ-
ляется недисциплинованнымъ и никому не выказываетъ почтенія. *Онъ
умѣетъ читать, но не можетъ писать, потому что его правая рука
парализована.* Онъ превосходно вспоминаетъ съ малѣйшими подроб-
ностями всѣ современные и недавніе факты и событія, но во времени
его память представляется очень и очень ограниченной и онъ не сохра-
няетъ почти никакихъ воспоминаній о томъ, что было до его поступ-
ленія въ госпиталь. Онъ припоминаетъ послѣднее время своего пре-
быванія въ Bicêtre и послѣднее время своего пребыванія въ Bonne-
val, но его дѣтство, его начальное время пребыванія въ Saint-
Urbain и промежутокъ времени между пребываніемъ въ Bonneval и
Bicêtre ему совершенно неизвѣстны; когда же ему напоминаютъ о
нихъ, то онъ думаетъ, что надъ нимъ насмѣхаются и не понимаетъ,
что хотятъ сказать ему.

Второе состояніе. Гемиплегія (лицо и конечности) и геміанестезія
съ лѣвой стороны. Переносъ съ одной стороны на другую достигается
приложеніемъ стали къ правой рукѣ. Вмѣстѣ съ переносомъ физи-
ческихъ состояній совершается и измѣненіе въ личности: Louis про-
сыпается въ Bicêtre; теперь 2 января 1884 г., ему 21 годъ. Его
манеры сдержаны и выраженіе его лица кроткое. Его рѣчь правильна
и сдержана; онъ никого не тыкаетъ болѣе. Политика и религія его
также нисколько болѣе не интересуютъ. Онъ кажется почтительнымъ
и дисциплинированнымъ. *Онъ хорошо читаетъ и посредственно пи-
шетъ.* Онъ не сохраняетъ никакихъ воспоминаній о всемъ происшед-
шемъ, начиная съ 2 января 1884 г. Онъ совершенно не знаетъ, гдѣ
онъ находится и не узнаетъ лицъ, которые его окружаютъ. Когда
ему говорятъ о Rochefort, то онъ кажется удивленнымъ, потому
что, по его мнѣнію, онъ никогда въ жизни не былъ въ этомъ городѣ.
Онъ рассказываетъ, что прежде его пребыванія въ Bicêtre онъ былъ
въ Sainte-Anne; кромѣ этого, у него не сохраняется никакихъ вос-
поминаній о его прошломъ.

Третье состояніе. Гемиплегія лѣвой стороны (однѣ конечности) съ общей геміанестезіей. Это состояніе искусственно вызывается приложеніемъ магнита къ правой рукѣ. Louis пробуждается въ асилѣ Saint-Georges, въ Bourg'ф; теперь августъ 1882 г., ему 19 лѣтъ. Характеръ, рѣчь, фізіономія, видъ и вкусы такіе же, какъ и во второмъ состояніи. Но его воспоминанія ограничиваются временемъ его пребыванія въ Chartg'ф, въ Mason'ф и въ Bourg'ф. Все же предыдущее и послѣдующее за этимъ ему вовсе неизвѣстно.

Четвертое состояніе. Параллегія. Состояніе это искусственно вызывается приложеніемъ къ затылку магнита. Louis пробуждается въ Vonneval'ф; ему всего 15 лѣтъ. Онъ вѣжливъ, боязливъ и кажется даже печальнымъ. Его произношеніе ясно, но его рѣчь неправильна (интересно рѣзкое измѣненіе даже въ рѣчи); *онъ не умѣетъ ни читать, ни писать*; его умственные способности мало развиты. Онъ знаетъ только Vonneval и Saint-Urbain. Его происхожденіе, его предшествующая жизнь, случай со змѣей—все это ему неизвѣстно. Ему также неизвѣстно и все бывшее съ нимъ послѣ его перваго припадка и его измѣненія въ Vonneval'ф. Онъ не знаетъ, гдѣ онъ находится и не узнаетъ людей, которые его окружаютъ. *Онъ знаетъ портновское ремесло* и когда ему даютъ работу, то выполняетъ ее, какъ чловѣкъ опытный.

Состояніе пятое. Нѣтъ ни параличныхъ состояній, ни анестезіи. Это состояніе вызывается употребленіемъ электрической ванны и наложеніемъ магнита на темя. Въ теченіе этого состоянія Louis отличается ловкостью и проворствомъ. Онъ въ Saint-Urbain; теперь 1877 г. и ему только 14 лѣтъ. Онъ робокъ, какъ ребенокъ; выраженіе его фізіогноміи, его рѣчь и видъ вполне соотвѣтствуютъ этому возрасту. Онъ помнитъ почти все свое дѣтство; онъ припоминаетъ, что былъ задержанъ за бродяжество и приговоренъ къ отдачѣ въ исправительную колонію. *Онъ только лишь учится читать и писать* и его воспоминанія обрываются на происшествіи со змѣей. Когда его настойчиво разспрашивать объ этомъ послѣднемъ, то съ нимъ дѣлается припадокъ истеро-эпилепсiи (интересна эта ассоціація: начинаютъ настойчивыми разспросами и напоминаніями пробуждать воспоминанія о происшествіи, за которымъ послѣдовалъ припадокъ — возобновляется и этотъ послѣдній) ^{230*}).

^{230*)} Крайне интересно и важно въ психической жизни чловѣка вліяніе ассоціацій вообще, которыми мы уже много занимались въ III гл. настоящей работы. «Что вытекаетъ изъ этого роковаго соединенія нашей эмотивности съ каждымъ изъ нашихъ воспоминаній?» спрашиваетъ Луиз.

Состояніе шестое. Нѣтъ параличныхъ состояній, а существуетъ лишь гиперестезія лѣвой стороны. Состояніе это искусственно вызывается наложеніемъ теплаго желѣза на правое бедро. Louis пробуждается 6 марта 1885; ему уже 22 года. Онъ знаетъ современные событія. Онъ уже не только что передъ тѣмъ бывшій ребенокъ—онъ молодой человѣкъ, кроткій, вѣжливый, не самонадѣянный и не робкій. Онъ солдатъ морской инфантеріи. Его рѣчь правильна, произношеніе ясно; онъ *читаетъ хорошо и порядочно пишетъ*. Онъ припоминаетъ почти всю свою жизнь, исключая эпохи, когда у него была пареплегія въ Saint-Urbain и Bonneval'ѣ. Онъ *вовсе не умѣетъ шить* и удивляется, когда ему говорятъ, что онъ былъ портнымъ ²³¹).

«Въ силу именно этого факта и вслѣдствіе этой двойственной ассоціаціи воспоминаній и областей эмоцій, пробужденныя воспоминанія вызываютъ роковымъ образомъ по естественной игрѣ явленій одновременно тонировавшія съ ними и однородныя эмоціи. И если случайно во время спокойствія ночей нѣкоторыя тяжелыя воспоминанія, вслѣдствіе раздраженія нѣкоторыхъ группъ клѣтокъ, выходятъ изъ тишины, въ которую они погружены, то тогда немедленно начинается внутренняя работа; области одновременныхъ эмоцій возбуждаются и мы реально страдаемъ тогда отъ этого вызыванія прошедшаго». «Такимъ образомъ, мы вынуждены сказать», продолжаетъ онъ далѣе, «что человѣкъ носить въ своемъ внутреннемъ хранилище множество эмоцій болѣе или менѣе тяжелыхъ, рѣдко веселыхъ, которыя сопровождали каждый шагъ, сдѣланный имъ въ жизни, и всякое испытанное имъ потрясеніе, и что, такимъ образомъ, скопляются въ тишинѣ эти запасы латентныхъ, повторявшихся и устойчивыхъ эмоцій, которыя образуютъ основу характера»; «въ нихъ всегда необходимо покопаться, когда вы хотите открыть наиболѣе частыя и наиболѣе дѣйствительные элементы всѣхъ психическихъ потрясеній «L'encéphale», 1887, 3, «Structure du cerveau», 290 и сл.

²³¹) См. Berjon: «La grande hystérie chez l'homme. Здѣсь я считаю не лишнимъ сдѣлать одно безынтересное сопоставленіе, воздерживаясь при этомъ отъ всякихъ выводовъ. Нѣкоторые авторы рассматриваютъ послѣдовательныя фазы гипнотизма: летаргію, катаlepsію и сомнамбулизмъ, *между прочимъ*, и какъ различныя фазы постепенно оживающаго психизма, если можно такъ выразиться, отъ летаргіи до перехода къ состоянію полного бодрствованія черезъ фазу яснаго сомнамбулизма. Въ этомъ послѣднемъ состояніи субъектъ уже близокъ къ состоянію бодрствованія: онъ слышитъ, онъ говоритъ, онъ совершаетъ сложныя дѣйствія и т. д., но въ то же время, послѣ перехода къ бодрствованію, онъ не сохраняетъ ни малѣйшаго воспоминанія о всемъ слышанномъ и о всемъ происшедшемъ вообще. Если находящагося въ состояніи яснаго сомнамбулизма не приводить въ состояніе бодрствованія, а предоставить самому себя и по возможности изолировать отъ вліянія внѣшнихъ возбуждителей, то при этомъ начинается наблюдаться постепенное ослабленіе психизма, и переходъ, но только въ обратномъ порядкѣ, чрезъ тѣ же фазы гипнотизма отъ яснаго сомнамбулизма къ состоянію летаргіи. При этомъ — что особенно интересно—будутъ наблюдаться «тѣ же жесты, тѣ же гримасы, тѣ же конвульсивныя дви-

Такова эта странная психическая личность съ ея странными психическими превращеніями. Особенно интересно въ процессѣ ея искусственнаго развертыванія, если можно такъ выразиться, слѣдить за тѣмъ, какъ на ряду съ измѣненіями въ органическихъ состояніяхъ рѣзко измѣняются и звучащіе въ ней чувственные тоны, въ свою очередь измѣняющіе весь нравственный обликъ личности. Звучить, напр., въ Louis тонъ благожелательности къ людямъ — онъ кротокъ, вѣжливъ, милъ, почителенъ и услужливъ. Но вотъ искусственно измѣняется органическое состояніе, а вмѣстѣ съ нимъ и чувственные тоны — измѣняется и весь характеръ дѣятельности²³²). Тотъ же Louis немедля становится грубъ, нахаленъ, заносчивъ, непріязненъ къ людямъ, и антирелигіозное чувство громко звучить въ немъ.

Во всѣхъ приведенныхъ въ этой главѣ демонстративныхъ примѣрахъ рѣзкія измѣненія въ окраскѣ личности, совершавшіяся на ряду съ столь же рѣзкими измѣненіями въ чувствительности, на первый взглядъ представляются крайне странными, если сравнить ихъ съ болѣе обыденно наблюдаемыми явленіями психической жизни у многихъ окружающихъ насъ вполне здоровыхъ и нормальныхъ людей. Но тѣ же примѣры представляются намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, если мы расположимъ ихъ въ убывающій рядъ съ другими однородными явленіями, представляющими какъ бы переходы отъ только что описанныхъ крайне рѣзко выраженныхъ странныхъ состояній самочувствія къ болѣе или менѣе значительнымъ и своеобразнымъ колебаніямъ въ настроеніи духа, обычно нами наблюдаемымъ какъ у самихъ у себя, такъ и у другихъ окружающихъ насъ людей.

Припомнимъ тѣ крайне рѣзкія измѣненія во всѣхъ проявленіяхъ

женія и фибриллярныя подергиванія», которыя наблюдались и во время предшествующаго восходящаго процесса, но только въ строго обратномъ порядкѣ. См. *L'encéphale*, 1887, № 5, «*Les émotions chez les sujets en état d'hypnotisme*», 536 и сл.

²³²) Припомнимъ, напр., Léger, которому хотѣлось пить человѣческую кровь. Въ этомъ случаѣ извращенная чувственная тонація, истинный источникъ которой былъ, конечно, неизвѣстенъ для испытывавшаго ее, наталкивала на дѣяніе, слишкомъ рѣзко бросавшееся въ глаза по своей странности и уродливости. Въ другихъ случаяхъ другія дисгармоничныя тонаціи могутъ и дѣйствительно наталкиваютъ, хотя на далеко не столь уродливыя и странныя, но во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе дурныя или вредныя дѣянія, столь часто наблюдаемыя въ обыденной жизни у различныхъ несоціабельныхъ личностей. Конечно, сила и власть всѣхъ подобныхъ дисгармоничныхъ тонацій различна по различнымъ лицамъ въ зависимости отъ степени ихъ внутренней неуравновѣшенности, отъ степени развитія процесса ихъ вырожденія и ухудшенія ихъ психофизической организаціи.

психической личности, совершавшіяся на ряду съ измѣненіями въ кровообращеніи, о которыхъ я говорилъ въ концѣ предшествующей главы настоящей работы.

Другимъ примѣромъ рѣзкихъ измѣненій въ сферѣ психической жизни намъ могутъ служить эпилептики, которые какъ при обыкновенной, такъ и при скрытой эпилепсіи (*épilepsie larvée*), какъ въ періоды, непосредственно предшествующіе ихъ припадкамъ, такъ и во время самихъ припадковъ и въ періоды, непосредственно слѣдующіе за ними, какъ бы перерождаются и становятся со стороны своихъ психическихъ особенностей просто неузнаваемы²³³). «Сегодня трудолюбивые, послушные, мирно настроенные, точные, честные, чистоплотные и преданные,—они становятся на завтра лѣнивыми, надменными, сварливыми, небрежными, ворами и людьми нечистоплотными и буйными (очевидно рѣзко измѣняются чувственные тонаціи). Неожиданность имѣетъ слишкомъ большую власть надъ ними». «Существуетъ категорія индивидуумовъ», продолжаетъ далѣе Legrand du Saulle, говоря о скрытой эпилепсіи, «которые въ эпохи, до нѣкоторой степени періодическія, представляютъ неожиданныя и весьма недолго дляціяся интеллектуальныя аномаліи, странности характера, неистовства рѣчи, уклоненія въ поведеніи и опасные стимулы, сопровождаемые или не сопровождаемые галлюцинаторными разстройствами зрѣнія, по временамъ предшествуемые настоящей аурой, но неизмѣнно сопутствуемые абсолютной потерей воспоминаній о всемъ томъ, что могло слу-

²³³) То же нужно сказать и объ истерикахъ, которые въ болѣе или менѣе продолжительные періоды, напр., періоды, предшествующіе ихъ приступамъ, представляются совершенно «измѣненными», какъ выражаются онѣ сами. Немотивированные порывы печали въ это время чередуются у нихъ съ порывами безумной веселости, причины которой столь же неуловимы. *«Аффективные способности въ то же время или экзальтированы, или извращены»*. Больныя безпокойны, ревнивы, подозрительны и раздражительны. Онѣ не могутъ выносить болѣе ни малѣйшаго замѣчанія и лица, имѣющія на нихъ какое либо вліяніе, теперь терпятъ его. По отношенію къ своимъ товаркамъ онѣ испытываютъ порывы необычайной дружбы, или движенія совершенно инстинктивной ненависти. Онѣ то впадаютъ въ упрямое молчаніе, которое ничѣмъ нельзя побороть, то, напротивъ, вдаются въ безпричинную и нисколько не вызывавшуюся откровенность.

Чаще всего онѣ ищутъ ссоръ только для того, чтобы удовлетворить свою потребность въ дѣятельности. Онѣ не могутъ оставаться на мѣстѣ; онѣ ощущаютъ безпокойство въ членахъ и нерѣдко можно видѣть, какъ онѣ направляютъ безпокойщій ихъ избытокъ энергіи противъ неодушевленныхъ предметовъ. Онѣ опрокидываютъ и ломаютъ то, что имъ попадаетъ подъ руку». См. P. Richer: «*Etudes cliniques sur la grande hystérie*», 3 и сл.

читься въ теченіе этихъ промежутковъ частныхъ потемнѣній разума воли и нравственной свободы. Эти индивидуумы, совершающіе иногда самые неожиданные поступки, бываютъ эксцентричны, безнравственны, сумасбродны и зловредны только въ ихъ періоды». Тотъ же авторъ рассказываетъ далѣе объ одномъ мальчикѣ 9 лѣтъ, злость котораго по временамъ не имѣла границъ, и который въ такіе періоды наслаждался тѣмъ, что мучилъ своихъ товарищей и сестеръ, заставлялъ жестоко страдать животныхъ и нѣсколько разъ пытался совершить поджогъ. Его отецъ часто злоупотреблялъ алкоголемъ (у пьяницъ нерѣдко бываютъ эпилептики дѣти), а дядя съ материнской стороны закончилъ жизнь самоубійствомъ. Legrand du Saulle началъ противоэпилептическое лѣченіе и достигъ значительнаго улучшенія умственной, нравственной и чувствительной стороны ребенка ²³⁴).

Другимъ примѣромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переходной ступенью намъ могутъ служить такъ называемые «наслѣдственники» или наслѣдственно вырождающіяся личности различныхъ болѣе яркихъ степеней, эти «иррегулярныя» существа, какъ ихъ между прочимъ называетъ д-ръ Magnan ²³⁵), болѣзнь которыхъ «слагается изъ непрерывной серіи періодовъ спокойствія и періодовъ возбужденія (при ясности и логичности умственныхъ способностей), правильно слѣдующихъ другъ за другомъ съ болѣе или менѣе продолжительными интервалами» ²³⁶).

Довольные, радостные и полные инициативы въ одинъ изъ этихъ періодовъ, они печальны, мрачны, меланхоличны и апатичны въ теченіе слѣдующаго. Иногда они все видятъ въ розовомъ цвѣтѣ и испытываютъ замѣчательное благосостояніе; иногда же они видятъ, напротивъ, все въ черномъ цвѣтѣ и испытываютъ необъяснимое безпокойство, которое парализуетъ всѣ силы ихъ существа. Одинъ больной д-ра Baillarger опредѣлялъ разницу своихъ двухъ состояній, говоря, что онъ имѣетъ свой розовой и свой черный кризисъ.

Продолжительность каждаго изъ этихъ періодовъ чрезвычайно измѣнчива. У нѣкоторыхъ больныхъ смѣна одного состоянія другимъ

²³⁴) Etud. méd.-l'ég. sur les épilept., 82, 84 и сл.

²³⁵) См. «Les délirants chroniques et les dégénérés». Gazet. des hopit., № 47 и 49.

²³⁶) Д-ръ Morel рассказываетъ, напр., про одного очень умнаго «наслѣдственника», который съ 16 лѣтъ неудержимо предавался бродяжеству, воровству и пьянству. Въ періоды же своихъ перемежекъ онъ, напротивъ, былъ весьма кротокъ и благожелателенъ, но всегда питалъ, однако, инстинктивную ненависть къ своему отцу, ненависть, доходившую до мысли объ отцеубійствѣ. «Traité des mal. ment.», примѣч. къ 553 стр.

происходить только послѣ одного или нѣсколькихъ лѣтъ; у другихъ она имѣетъ мѣсто каждые два или три мѣсяца и даже гораздо чаще ²³⁷⁾).

Періодичность симптомовъ можетъ проявляться также возникновеніемъ въ опредѣленные эпохи странныхъ, эксцентричныхъ и сумасбродныхъ идей или совершеніемъ безиравственныхъ и опасныхъ дѣйствій» ²³⁸⁾).

Если же присоединимъ ко всему этому такъ называемыхъ «нѣсколько нервныхъ и эксцентричныхъ людей» ²³⁹⁾, обычно представляющихъ постоянныя болѣе или менѣе легкія колебанія и дисгармонію духа ²⁴⁰⁾, то мы получимъ убывающій рядъ явленій, который, путемъ самыхъ незамѣтныхъ переходовъ въ степеняхъ колебаній и дисгармоніи въ чувствительности, соединить странныя явленія множественности личности у какой нибудь Felid'ы или Louis V... съ обычными измѣненіями въ настроеніи духа, повседневно наблюдаемыми и у окружающихъ насъ здоровыхъ людей въ зависимости преимущественно отъ виѣшнихъ достаточныхъ воздѣйствій ²⁴¹⁾).

²³⁷⁾ Я помню одну наслѣдственницу изъ клиники проф. Krafft-Ebing'a, у которой періоды подавленности наступали черезъ годъ и длились мѣсяцевъ шесть. Въ одинъ изъ такихъ періодовъ она сама помѣстилась въ больницу, гдѣ я и могъ наблюдать ее. Во время состояній подавленности ей обыкновенно не хотѣлось никуда ходить; она испытывала полное равнодушіе ко всему окружающему и не чувствовала ни малѣйшей симпатіи къ самымъ близкимъ ей людямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, она испытывала тоску и сонливость, и ей казалось, что все идетъ очень медленно. По ея словамъ, она не знала покоя и не имѣла никакой самостоятельности (Selbstständigkeit) Если бы не вѣра, говорила она, то я бы посягнула на свою жизнь. Въ церкви ея удрученное состояніе только ухудшалось. Но вотъ періодъ подавленности заканчивался и та же больная становилась весела, подвижна, говорлива, охотно посѣщала своихъ знакомыхъ и чувствовала большую склонность къ путешествіямъ.

²³⁸⁾ Legrand du Saulle: «La folie hérédit.», 68 и сл.

²³⁹⁾ Также по большей части «наслѣдственники», но только самыхъ легкиихъ, едва уловимыхъ степеней.

²⁴⁰⁾ Здѣсь я имѣю въ виду виѣшніе, повидимому, безпричинные постоянные переходы отъ легкаго возбужденія къ легкой подавленности, переходы, обусловливаемые недостаточной устойчивостью нервной организаціи, легко поддающейся вліянію разнообразныхъ и почти неуловимыхъ факторовъ.

²⁴¹⁾ Наше время, какъ показываютъ многіе факты, повидимому, особенно отличается неустойчивостью и быстрыми, виѣшне почти безпричинными колебаніями въ настроеніи у значительнаго числа членовъ общества. Такая особенность организаціи, дѣйствуя постоянно, несомнѣнно, должна оказывать глубокое вліяніе на все теченіе общественно-семейной жизни, и должна налагать особый отпечатокъ на переживаемую нами эпоху. Недостатокъ устойчивости въ отно-

Таковы наблюдаемыя въ дѣйствительности часто весьма рѣзкія, а иногда, какъ мы видѣли, и своеобразно-причудливыя измѣненія въ окраскѣ общаго сложнаго чувства собственнаго существованія и въ окраскѣ отдѣльныхъ спеціальныхъ чувственныхъ тонацій отъ различныхъ органовъ, порождающихъ крайне разнообразныя внутреннія состоянія, каждое изъ которыхъ всегда придаетъ особый, болѣе или менѣе рѣзкій оттѣнокъ нравственной личности, порождаетъ соотвѣтствующія влеченія и позывы, подсказываетъ и вызываетъ — конечно въ извѣстной зависимости и отъ внѣшнихъ впечатлѣній — опредѣленные мысли ²⁴²), которыя, подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ же чувственныхъ тонацій, вступаютъ въ опредѣленные комбинаціи, слагаются въ тѣ или другіе планы и, наконецъ, переходятъ въ дѣйствіе ²⁴³). Этимъ вполне опре-

шеніяхъ, недостатокъ послѣдовательности, постоянныя колебанія въ дѣятельности, наклонность къ прожектерству (т. е. созданію неприводимыхъ въ исполненіе или недоводимыхъ до конца и скоро забываемыхъ проектовъ), усиленное влеченіе къ постоянному разнообразію и переѣмамъ въ впечатлѣніяхъ и занятіяхъ, поверхностность и пр. — таковы, повидимому, нѣкоторые изъ главнѣйшихъ слѣдствій указанной особенности организаціи. Несомнѣнно, что ея вліяніе, создающее не мало незадачливыхъ людей, постоянно бросающихся изъ стороны въ сторону, ни въ чемъ не успѣвающихъ и неспособныхъ къ разумной, полезной и самостоятельной дѣятельности, неминуемо должно отражаться и на повышеніи преступности въ странѣ.

²⁴²) Въ сочиненіи д-ра Falret («De l'hypochondrie et du suicide», 34 и слѣд.), мы находимъ разсказаннымъ слѣдующій случай. Одинъ генералъ очень любилъ свою молодую жену. Подъ вліяніемъ наступившей бездѣтельности и уединенія, это чувство еще болѣе усилилось, а потомъ перешло въ сильнѣйшую и притомъ совершенно безосновательную ревность. Первымъ толчкомъ къ ней послужило посѣщеніе одного друга, который, по собственному признанію генерала, не подалъ къ тому никакого повода. Съ этихъ поръ ревнивому мужу повсюду стали чудиться измѣны и соперники. Мысль о нихъ доходила у него почти до галлюцинацій и даже вызвала съ его стороны насилія по отношенію къ женѣ. Однажды онъ дошелъ до того, что выскочилъ съ обнаженною саблею и повсюду искалъ своего соперника, голосъ котораго ему слышился. То же повторилось съ нимъ и на другой день. Конечно случай этотъ отличается нѣсколько болѣзненнымъ характеромъ, но въ немъ намъ интересно то, что звучащее у дѣйствующаго субъекта тоны опредѣленной страсти мимовольно вызываютъ и опредѣленные представленія, по своей крайней яркости переходящія въ галлюцинаціи.

²⁴³) Чрезмѣрное увлеченіе умственными способностями въ тѣсномъ смыслѣ было однимъ изъ вредныхъ увлеченій. Оно отодвинуло на задній планъ и заслонило значеніе инстинктивныхъ особенностей природы, которыя служатъ однимъ изъ главныхъ основаній для сохраненія и дальнѣйшаго развитія породы. Подъ вліяніемъ увлеченія этими способностями и стремленія къ ихъ наибольшему развитію стали мало справляться о томъ, каковъ фундаментъ человѣка, каковы его постоянныя чувствованія, какова его личность, а начали больше обращать вниманіе на логическія способности.

дѣляется неизмѣримо важное значеніе чувственныхъ тонацій въ экономіи жизни души, и этимъ же отчасти намѣчается и мѣра власти чловѣка надъ самимъ собою и надъ своими дѣйствіями. Отъ чловѣка, конечно, въ значительной мѣрѣ зависитъ ставить себя, подѣ влияніемъ предвѣдѣнія будущаго, въ тѣ или иные положенія и тѣмъ самымъ подвергать себя тѣмъ или инымъ воздѣйствіямъ, которыя съ большею или меньшею силою будутъ вліять на тѣ или иные его органы и будутъ вызывать въ нихъ тѣ или иные, болѣе или менѣе важныя измѣненія ²⁴⁴). Но этимъ и заканчивается мѣра его власти, которая не распространяется на его чувственные тонаціи и порождаемыя ими влеченія. Чувственные тонаціи звучатъ въ немъ независимо отъ его желаній, подѣ влияніемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ раздражителей, дѣйствующихъ на органы опредѣленнаго устройства и особенностей. «Католическая доктрина совѣтуетъ мнѣ молитву и покорность», пишетъ д-ру Магго наблюдавшійся имъ преступникъ—жертва алкоголизма, наслѣдственнаго въ его семьѣ. «Но сердце мое есть мѣстопребываніе тысячи страданій нравственныхъ, а также и физическихъ. *Хотѣлъ бы прощать тому, кто мнѣ содѣлалъ зло, и не могу*» ^{244*}). Конечно, вліяніе чувственныхъ тонацій не безгранично. Задерживательная и направляющая сила высшихъ разсудочныхъ центровъ можетъ сдерживать, умѣрять и постепенно понемногу подавлять ихъ и вызываемые ими влеченія и порывы. Но сама эта задерживательная сила высшихъ центровъ въ свою очередь ограничена и измѣнчива. Она ослабляется съ ослабленіемъ организациі, съ увеличеніемъ длительности чувственныхъ тонацій и съ повышеніемъ ихъ напряженности, особенно же съ ихъ переходомъ въ дліящіяся и привычныя душевныя волненія. Поэтому, поста-

244) Конечно, и этотъ разумный выборъ въ зависимости отъ предвѣдѣнія будущаго въ конечномъ анализѣ сведется, можетъ быть, къ слѣдамъ тѣхъ или другихъ чувственныхъ тонацій, когда-то звучавшихъ, или въ прошлой жизни самого индивидуума, или въ жизни его восходящихъ, которые наслѣдственно передали ему извѣстныя особенности его нервной организациі. Но, говоря о власти чловѣка надъ самимъ собою, я не имѣю въ виду заходить такъ далеко съ анализомъ; я беру здѣсь уже готоваго чловѣка, какимъ онъ является въ моментъ дѣйствія.

244*) «Говорятъ, отъ юности нужно побѣждать страсти», продолжаетъ онъ далѣе. «Хорошо, но какъ? Трезвость помогаетъ, но ея недостаточно. Если темпераментъ самъ по себѣ чуждъ влеченій къ вину и сладострастію, то гдѣ же заслуга? Одинъ мой товарищъ, молодой Luigi лишился чувствъ отъ запаха вина и не испытывалъ сладострастныхъ влеченій». «Но все другіе и я были увлечены сладострастіемъ». I caratteri dei delinquenti, 284 и сл.

вивъ себя въ извѣстныя условія и извѣстныя жизненныя положенія, человѣкъ не рѣдко уже является потомъ какъ бы игрушкою ихъ посредственнаго, но неотразимаго вліянія, которое при такихъ условіяхъ иногда можетъ быть парализовано только постороннимъ вмѣшательствомъ. Впрочемъ, и здѣсь необходимо сдѣлать одну поправку и при томъ поправку очень важную. Было бы величайшимъ заблужденіемъ представлять себѣ человѣка игрушкою его чувственныхъ тонацій каждаго даннаго времени. Въ опредѣленіи конечнаго результата—дѣятельности человѣка—важнымъ факторомъ является все его прошлое, всѣ его прошлые опыты и навыки, и при томъ не только опыты и навыки индивидуальныя, но и родовыя. Какъ въ каждомъ данномъ механизмѣ особенности устройства даннаго времени—плоды работы прошлаго—опредѣляютъ предѣлы, въ которыхъ, подъ вліяніемъ измѣненій въ воздѣйствіяхъ, могутъ совершаться измѣненія и въ самой дѣятельности ²⁴⁵⁾, такъ точно и въ органическомъ механизмѣ человѣка такія же особенности устройства опредѣляютъ предѣлы, въ которыхъ современно звучація чувственныя тонаціи могутъ измѣнять конечный результатъ—образъ дѣйствій. Въ каждый данный моментъ времени человѣкъ представляетъ собою опредѣленную психическую величину, которая вырабатывалась и слагалась въ теченіе долгаго прошлаго ряда восходящихъ поколѣній, незримо черезъ особенности наслѣдственно переданной организаціи продолжающихъ оказывать свое вліяніе. Подъ воздѣйствіемъ ви́шнихъ стимуловъ, въ человѣкѣ вспыхиваютъ различныя чувственныя тонаціи, которыя въ свою очередь, подъ вліяніемъ установившихся ассоціацій, часто вызываютъ другія, имъ противоположныя, ихъ сдерживающія и ихъ подавляющія, и которыя представляютъ собою иногда остатки далекаго прошлаго.

Таковы, повидимому, дѣйствительные предѣлы того, что мы называемъ властью человѣка надъ самимъ собою и надъ своими дѣйствіями. Къ сожалѣнію, и эти сравнительно не широкіе предѣлы для многихъ еще болѣе ограничены. Если существуютъ баловни судьбы, которые могутъ обставлять себя такъ или иначе, и могутъ вести тотъ или иной, ими облюбованный образъ жизни, то, съ другой стороны, существуетъ множество и такихъ, которые и этого выбора не имѣютъ и потому подвергаются опредѣленнымъ вліяніямъ почти ви́

²⁴⁵⁾ Конечно, длительно вліяющія воздѣйствія такъ или иначе и притомъ, болѣе или менѣе измѣняютъ и особенности самой конструкціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняютъ и предѣлы, но для каждаго даннаго времени существующія особенности устройства представляютъ собою важную опредѣляющую величину.

всякой зависимости отъ ихъ воли и желанія. И такихъ въ міръ Божіемъ значительное большинство. Это большею частью люди живущіе изо дня въ день, люди часто отъ рожденія обездоленные и безпріютные, которыми преимущественно и пополняются ряды преступнаго люда.

Послѣ всего сказаннаго здѣсь нельзя не указать еще разъ на всю неизмѣримую важность вліянія условій окружающей обстановки, а слѣдовательно и на значеніе правильной гігіены какъ всего организма вообще, такъ и всѣхъ его отдѣльныхъ органовъ въ частности. Особенности внѣшнихъ вліяній, въ зависимости, конечно, отъ существовавшихъ уже особенностей конструкціи, обусловливаются тѣ или иныя измѣненія въ различныхъ органахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ характеръ ихъ чувственныхъ тонацій, особенности, совокупности которыхъ налагаютъ столь рѣзкій отпечатокъ на всю умственно-нравственную личность человѣка, на степень совершенства всѣхъ ея отношеній ко всему ея окружающему. Звучать, напр., въ человѣкѣ какимъ либо раздраженіемъ не во время и не кстаті задѣтый и легко приходящій въ колебаніе отъ вліянія всего неблагоприятнаго прошлаго чувственный тонъ озлобленія. Нѣтъ разумныхъ основаній для этого тона, но человѣкъ не воленъ въ немъ, потому что причина его легкой возбудимости кроется въ прежде дѣйствовавшихъ условіяхъ окружавшей его обстановки. Человѣкъ борется съ непріятнымъ невыгоднымъ для него чувственнымъ тономъ, неразумность котораго въ данномъ случаѣ, можетъ быть, и самъ хорошо понимаетъ; онъ насилуетъ и принуждаетъ себя, но непріятный чувственный тонъ продолжаетъ звучать и такъ или иначе прорывается наружу, отражается на отношеніяхъ, портитъ ихъ и невольно подсказываетъ нежеланныя влеченія, позывы и мысли. Самая внутренняя борьба съ не кстаті зазвучавшимъ чувственнымъ тономъ, какъ бы она ни была маскируема, все таки нѣсколько отражается на характерѣ внѣшнихъ проявленій и тѣмъ самымъ создаетъ извѣстные факты взаимныхъ отношеній, которые въ свою очередь порождаютъ новые болѣе или менѣе сходные факты и т. д. Поэтому, повидимому, съ полнымъ правомъ можно утверждать, что только подъ условіемъ правильнаго, достаточно энергичнаго и гармоничнаго функционированія всѣхъ органовъ, въ свою очередь порождающаго правильныя, достаточно полныя и гармоничныя чувственныя тонаціи, сливающіяся въ одинъ полный, пріятный и красивый общій тонъ или общее чувство собственнаго существованія, возможна правильность и гармоничность во взаимныхъ отношеніяхъ и достаточная приспособленность въ реакціяхъ

на воздѣйствія изъ окружающей среды ²⁴⁶). Поэтому становится вполне понятенъ глубокий смыслъ афоризма, избраннаго эпиграфомъ для этой части моей работы — *Mens sana in corpore sano*. Трудно даже преувеличить неизмѣримо важное значеніе распространенія и укрѣпленія въ умахъ общественныхъ массъ дѣятельнаго, если можно такъ выразиться, пониманія этой истины. Пока она не привьется къ обществу, пока она не сдѣлается въ немъ вполне осмысленнымъ и дѣятельнымъ понятіемъ, регулирующимъ отношенія повседневной жизни, до тѣхъ поръ нельзя и надѣяться на оскуднѣе источниковъ преступности и на уничтоженіе начальныхъ зачатковъ послѣдней. Дурными условіями окружающей обстановки, среди которыхъ рождаются, развиваются и живутъ многочисленные массы населенія, и дурною общею и частною гигиеною незамѣтно, медленно и постепенно порождается ослабленіе, различныя уклоненія и неблагопріятныя особенности различныхъ органовъ, въ свою очередь влекушія за собою соотвѣтствующія измѣненія въ ихъ частныхъ тонаціяхъ или чувствованіяхъ и чрезъ то и въ общемъ чувствѣ собственнаго существованія, а слѣдовательно, и въ окраскѣ личности. Такими неблагопріятными измѣненіями обыкновенно и начинается отдаленная исторія постепеннаго развитія преступности съ ея разнообразными отбѣнками, обусловливающими склонность къ опредѣленнымъ видамъ преступной дѣятельности ²⁴⁷). Крайне поучительный въ этомъ отношеніи при-

²⁴⁶) Это рѣшающее значеніе устойчиво уравновѣшеннаго самочувствія, значеніе «гармоническаго и спокойнаго чувства жизни», соотвѣтствующаго «*днѣствително здоровому чловѣческому существованію*» прекрасно отбѣнено Heinh'омъ. «Лишенія только увеличиваютъ его (т. е. внутренне-уравновѣшеннаго чловѣка) внутреннюю силу», говоритъ онъ, «и вознаграждаютъ его за всѣ удовольствія *чувствомъ внутренней свободы и самостоятельности*». «*Земля для него ни небо и ни адъ*», продолжаетъ онъ далѣе, «а только мѣсто упражненія для развитія всѣхъ силъ и для возведенія ихъ на высшую степень». «Онъ переноситъ все, онъ терпитъ всѣхъ и беретъ ихъ такими, какіе они есть, каждаго въ его сферѣ, съ его недостаточностью и его несовершенствами, потому что онъ знаетъ по себѣ, что и онъ имѣетъ различныя недостатки, и онъ неутомимо работаетъ, насколько это зависитъ отъ него и насколько достаетъ его силъ надъ тѣмъ, чтобы уничтожать эти недостатки *съ мягкостью въ другихъ и со строгостью въ себѣ*, какъ препятствія для истинной и полной жизни». См. его *Lehrbuch der Störungen des Seelenlebens*, I, 19 и 20.

²⁴⁷) Не безъинтересно замѣтить, что эти особенности въ склонностяхъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, наблюдаются и въ области самоубійствъ, области *въ которыхъ отношенія отчасти* родственной съ областью душевныхъ разстройствъ и областью преступленій. Д-ръ Falret приводитъ, напр., интересный случай одного парикмахера М. Е., предававшагося пьянству. Онъ рано женился

мѣръ намъ представляютъ привычные пьяницы, у которыхъ постоянныя отравленія алкоголемъ обуславливаютъ сравнительно скоротечный, а потому и болѣе удобно наблюдаемый процессъ вырожденія. Злоупотребленія алкоголемъ поражаютъ, какъ извѣстно, важныя измѣненія во всѣхъ органахъ ²⁴⁸⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ, конечно, и столь же значительныя измѣненія въ ихъ специальныхъ тонаціяхъ или чувствованіяхъ ²⁴⁹⁾ и въ слагающемся изъ нихъ общемъ чувствѣ собственнаго существованія, а чрезъ-то и во всемъ характерѣ личности. Всѣ эти измѣненія наблюдаются, какъ я уже замѣтилъ, въ сравнительно короткій періодъ времени, въ теченіе котораго на глазахъ внимательнаго наблюдателя совершается постепенное озвѣреніе человѣка, а иногда и развитіе въ немъ все усиливающейся наклонности къ тому или другому виду преступной дѣятельности (иногда къ воровству, бродяжеству, иногда къ нанесенію ранъ, а иногда и къ убійству и т. д.) ²⁵⁰⁾. Подъ пагубнымъ вліяніемъ злоупотребленій алкоголемъ привычные пьяницы постепенно превращаются въ какія-то разбитыя и потому не рѣдко отвратительно тонирующія машины, почти лишеныя направляющаго и сдерживающаго вліянія разума, лишеныя воли, лишеныя совѣсти, къ которой у нихъ и невозможно аппелировать; часто почти слѣпому господству въ нихъ извращенныхъ чувственныхъ тонацій необходимо, поэтому,

на женщинѣ совершенно несходнаго съ нимъ характера, съ которой у него происходили весьма частыя ссоры. Въ возрастѣ 48 лѣтъ онъ покусился на самоубійство посредствомъ угара послѣ одной изъ ссоръ съ женою. Во время спасенный отъ смерти, онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ хранить мысль о самоубійствѣ и высказывать равнодушіе къ жизни. Но при этомъ интересно, что онъ продолжалъ высказывать особую склонность къ разъ уже избранному роду смерти и, напротивъ, неодолимое отвращеніе къ крови, которую онъ не могъ видѣть безъ обморока, почему, по его собственнымъ словамъ, онъ никогда и не рѣшился бы перерѣзать себѣ горло. См. «De l'hypochondrie», 125 и сл.

²⁴⁸⁾ Вагг: „Der Alcoholismus“, 52 и сл.

²⁴⁹⁾ Magnan: „De l'alcoolisme“, 215 и сл.

²⁵⁰⁾ Интересныя и подробныя данныя о явленіяхъ вырожденія у алкоголиковъ и ихъ нисходящихъ см. въ соч. Morel'я: «Traité des dégénérescences de l'espèce humaine», 79 и сл. Подробно описавъ явленія вырожденія въ семьѣ одного алкоголика, Morel слѣдующимъ образомъ резюмируетъ ея патологическую исторію. „Въ первой генераци: безравственность, развращеніе, злоупотребленіе алкоголемъ, нравственное озвѣреніе. Во второй генераци: наследственное пьянство, приступы маніи, прогрессивный параличъ. Въ третьей генераци: трезвость, наклонность къ гипохондріи, липеманія, систематическія бредовыя идеи преслѣдованія, *влеченіе къ убійству*. Въ четвертой генераци: слабое развитіе умственныхъ способностей, первый приступъ маніи въ 16 лѣтъ, слабоуміе, переходъ въ идіотизмъ и вѣроятное конечное вымирание рода“, 125.

противопоставлять механическое принужденіе строгаго режима исправительно-лѣчебныхъ заведеній, и при томъ необходимо противопоставлять не только по поводу совершаемыхъ ими проступковъ, но и по поводу самаго пьянства, какъ одного изъ крайне опасныхъ по своимъ возможнымъ слѣдствіямъ проступковъ ²⁵¹).

Къ сожалѣнію, всѣ эти очевидныя истины почти чужды обществу въ его цѣломъ, чѣмъ и объясняется, что, подъ вліяніемъ ложно понимаемаго уваженія къ личной свободѣ, оно часто предоставляет слишкомъ многое руководящемуся въ большинствѣ случаевъ узкимъ личнымъ интересомъ частному почину и свободному дѣйствію, такъ называемой гармоніи частныхъ интересовъ, которая, подъ вліяніемъ погони за личными выгодами, нерѣдко создаетъ, какъ показываетъ повседневный опытъ, самыя неблагопріятныя условія существованія темныхъ общественныхъ массъ ²⁵²). Борясь съ опасной преступностью и оставляя почти безъ вниманія ея отдаленные источники, порождающіе вырожденіе, общество борется только съ роковыми слѣдствіями, оставляя нетронутыми ихъ производящія причины. Насколько можетъ быть успѣшенъ такой способъ дѣйствій—очевидно само собой.

Этимъ я и закончу настоящую главу. Я остановился съ такою сравнительной подробностью на описаніяхъ колебаній и измѣненій въ чувствительности, чтобы тѣмъ лучше познакомить читателя съ особенностями міра болѣе или менѣе разстроеннаго самочувствія, проявленія котораго (т. е. самочувствія вообще) во вѣ и придаютъ дѣятельности человѣка тотъ или иной ея характеръ. Перейдемъ теперь къ изученію органическихъ условій, при которыхъ совершаются интересовавшія насъ колебанія и измѣненія въ чувствительности.

²⁵¹) Въ русской литературѣ интересная брошюра по этому вопросу принадлежит г. Миноръ: «Къ вопросу о пьянствѣ и его лѣченіи въ специальныхъ заведеніяхъ для пьяницъ». Къ несчастію, вопросъ о мѣрахъ противъ пьянства и пьяницъ, этихъ злокачественныхъ язвъ нашего общественнаго организма, пагубно отражающихся на всемъ теченіи его жизни, остается почти не затронутымъ и противъ привычнаго жалкаго пьяницы, мучащаго свою семью, нарушающаго спокойствіе всѣхъ его близкихъ и иногда крайне опаснаго по его слишкомъ большой склонности къ преступленію, у насъ не существуетъ почти никакихъ разумныхъ и достаточныхъ мѣръ.

²⁵²) Припомнимъ хотя бы отвратительные дома-берлоги, содержаемые частными богатыми предпринимателями изъ-за высокаго дохода, въ которыхъ съ такими удобствами вырождаются массы безпріютнаго люда, населяющаго потомъ, особенно въ лицѣ своихъ нисходящихъ поколѣній, рабочіе дома, тюрьмы и другія подобныя общественныя учрежденія.

VI.

Кровь и ея кругооборотъ въ организмѣ; механизмъ этого кругооборота, его особенности и ихъ вліяніе на явленія жизни души.

Какъ общее сложное чувство собственнаго существованія, такъ и входящія въ его составъ спеціальныя чувствованія отъ отдѣльныхъ органовъ, которыя составляли собою предметъ изученія предшествовавшей главы, повидимому, значительно разнятся у отдѣльныхъ индивидовъ по степени ихъ напряженности. Эта степень напряженности, а слѣдовательно и окраски, обычно не остается постоянной и у одного и того же индивидуума, а, напротивъ, постоянно колеблется и измѣняется какъ по временнымъ и скоропроходящимъ состояніямъ, такъ и по неизмѣнно слѣдующимъ другъ за другомъ періодамъ жизни человѣческой личности. «Одинъ и тотъ же индивидуумъ», говоритъ д-ръ Луисъ, «въ различныя фазы своего существованія различно оцѣниваетъ одни и тѣ же предметы, одни и тѣ же ходатайства, смотря по тому, обладаетъ ли онъ еще пыломъ молодости, или же жизненная порча уже успѣла охладить въ немъ порывы энтузіазма. Одни и тѣ же положенія, одни и тѣ же пейзажи, одни и тѣ же мѣста изъ литературныхъ произведеній, разсматриваемыя снова на пространствѣ двадцати или тридцати лѣтъ, представляются съ совершенно другими особенностями сравнительно съ тѣмъ, какими представлялись они намъ, когда они въ первый разъ поразили наше вниманіе. Предметы остались тѣ же, только одна наша впечатлительность измѣнилась.

Развѣ намъ не извѣстно также, что у одного и того же индивидуума, соотвѣтственно состояніямъ его органической чувствительности, настроеніе и характеръ находятся въ постоянныхъ колебаніяхъ? Натошакъ, человѣкъ судить о вещахъ менѣе справедливо; онъ тогда нѣсколько беспокоенъ, невнимателенъ и слегка раздражителенъ. Послѣ фазы удовлетвореніе органическаго желанія приноситъ съ собою веселое настроеніе и по истинѣ экспансивныя проявленія. А тѣмъ болѣе въ области физическаго сладострастія, не мѣняется ли свой видъ все, относящееся къ сферѣ любви, въ зависимости отъ того, по скольку естественное возбужденіе страсти нашло свой естественный исходъ» ²³³). «Тѣлесныя измѣненія, наступающія съ годами, опредѣляютъ иногда форму, которую принимаетъ болѣзнь. Человѣкъ не ду-

²³³) Луисъ, цитир. соч. 116.

масть и не чувствуетъ въ пятьдесятъ лѣтъ такъ, какъ онъ думаетъ и чувствуетъ въ тридцать; что же удивительнаго, что характеръ душевныхъ расстройствъ различается въ эти различные возрасты? ²³⁴⁾).

Какъ общая чувствительность въ ея различныхъ комбинаціяхъ, такъ и чувствительность спеціальная или чувствительность отдѣльныхъ органовъ и ихъ системъ иногда значительно повышается. иногда же очень низко падаетъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ происходятъ соответствующія измѣненія и колебанія и въ окраскѣ психической личности, какъ мы имѣли уже случай видѣть это на многихъ примѣрахъ изъ предшествующихъ главъ. Миѣ скажутъ, пожалуй, что приведенные случаи были случаи болѣзненные, исключительные и рѣзко выраженные. Совершенно вѣрно. Но именно, какъ таковые, т. е. какъ случаи рѣзко выраженные, они и важны для насъ, выясняя намъ вліяніе различія въ степеняхъ напряженности общей и спеціальной чувствительности на весь строй психической личности и на всю сферу ея дѣятельности. Въ случаяхъ болѣе обычныхъ и далеко не столь ясно и рѣзко выраженныхъ, въ которыхъ колебанія полноты и звучности чувственныхъ тонацій совершаются въ значительно болѣе узкихъ предѣлахъ, законъ психическихъ измѣненій, повидимому, остается тотъ же, но самыя измѣненія психической личности, соответственно меньшимъ колебаніямъ въ чувствительности, въ свою очередь, представляются не столь ясно и рѣзко выраженными, хотя они несомнѣнно существуютъ и неизбѣжно оказываютъ свое могучее вліяніе на дѣятельность.

Въ виду столь важнаго значенія звучности и полноты какъ отдѣльныхъ спеціальныхъ чувственныхъ тонацій, такъ и слагающейся изъ нихъ общей тонаціи, составляющей основной элементъ психической личности, элементъ, опредѣляющій въ каждый данный моментъ ту или иную ея окраску, намъ необходимо попытаться хотя немного объяснить органическія условія ихъ колебаній. При этомъ намъ придется коснуться сравнительно темной еще области кровообращенія вообще и мозгового въ частности и тѣмъ самымъ затронуть нѣкоторые соединенные съ нимъ трудные и деликатные вопросы. Я далеко, конечно, отъ мысли братья при этомъ за ихъ разрѣшеніе, что представляетъ собою дѣло будущаго науки и дѣло болѣе компетентныхъ людей. Съ своей стороны, я имѣю въ виду сравнительно гораздо болѣе скромную задачу. Пользуясь клиническими наблюденіями и работами авторитетныхъ ученыхъ, я хочу попытаться только хотъ от-

²³⁴⁾ Maudsley: «La pathol. de l'esprit», 255.

части намѣтитъ характеръ зависимости между явленіями кровообращенія вообще и мозговою въ частности и явленіями колебаній въ яркости и полнотѣ какъ специальныхъ чувственныхъ тонацій, такъ и слагающейся изъ нихъ общей тонаціи или общаго чувства собственнаго существованія.

Въ IV главѣ настоящей работы мнѣ уже приходилось касаться вопроса о значеніи крови, какъ раздражитель или стимулъ, въ экономіи явленій психической жизни. Теперь я коснусь вопроса о кровообращеніи съ нѣскольکو большею подробностью и попытаюсь нѣсколько болѣе детально разсмотрѣть, какъ его основныя условія отражаются на основныхъ же феноменахъ душевной жизни человѣка.

«Если бы возможно было замѣститъ дѣятельность сердца какого либо рода инъекціей», писалъ въ своемъ мемуарѣ еще въ началѣ столѣтія Legallois, «и если бы въ то же самое время для нея имѣли постоянно запасъ артеріальной крови, то безъ труда было бы возможно поддерживать жизнь въ теченіе неопредѣленнаго времени въ любомъ участкѣ, а, слѣдовательно, было бы возможно поддерживать ее и въ самой головѣ, послѣ обезглавленія, со всѣми функціями, свойственными мозгу»²⁵³). И это предвѣдѣніе Legallois осуществилось. Какъ извѣстно, Brown-Sequard въ значительной мѣрѣ подтвердилъ его прямымъ опытомъ. Въ отрубленную голову собаки, воспитанной въ его лабораторіи, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ послѣ обезглавленія, когда уже всѣ признаки жизни прекратились, были сдѣланы впрыскиванія дефибринированной и насыщенной кислородомъ крови черезъ артеріи головы. И вотъ черезъ нѣсколько минутъ въ омертвѣлой уже было головѣ снова стали замѣчаться проявленія жизни. Тогда профессоръ назвалъ собаку по имени и глаза отрубленной головы немедля обернулись къ нему. Повидимому, знакомые звуки голоса достигли затеплившагося снова сознанія и вызвали привычное движеніе²⁵⁴).

Говоря о посмертныхъ разстройствахъ, находимыхъ въ мозгу душевно-больныхъ, проф. Ball замѣчаетъ: «нарушенія кровообращенія занимаютъ первое мѣсто. Иногда наблюдается анемія. Субстанція головного и спиннаго мозга обезкровлена и сосуды болѣе или менѣе совершенно лишены крови. Но въ большинствѣ случаевъ наблюдается противоположное состояніе; преобладаетъ гиперемія. Ея наиболѣе

²⁵³) Цитировано по сочиненію Ferrière'a: «L'âme est la fonction du cerveau», I, 128.

²⁵⁴) Тамъ же, 128 и сл., а также цитир. соч. Luys, 187.

облюбованнымъ мѣстомъ является мягкая мозговая оболочка и субстанція корки. Венозные капилляры, въ особенности, бываютъ переполнены кровью». «Наряду съ гипереміями и застоями крови нужно поставить серозныя изліянія, которыя играютъ важную роль въ душевной патологии». «Существуютъ также еще болѣе глубокія разстройства. На уровнѣ гипереміи наблюдается иногда размягченіе, болѣе или менѣе ограниченное». «Кровоизліянія также играютъ роль въ остромъ сумасшествіи (*folie aigüe*)» ²⁵⁷).

Такое первенствующее значеніе нарушеній кровообращенія при явленіяхъ душевныхъ разстройствъ объясняется, конечно, чрезвычайно важною ролью, которую играетъ оно въ жизни организма вообще и въ душевной жизни человѣка въ частности, а также крайней сложностью и тонкостью его изумительнаго механизма, вслѣдствіе которыхъ всѣ воздѣйствія, при помощи нервной системы, немедленно такъ или иначе отражаются на немъ ²⁵⁸) и вызываютъ тѣ или иныя измѣненія въ его сложныхъ процессахъ.

Нервные кѣтки «представляютъ ареоларную массу, поддерживаемую петлями невроглии, говоритъ д-ръ Луисъ, массу, находящуюся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ питательной жидкостью, которая просачивается изъ окружающихъ капилляровъ. Въ этой сырой средѣ, въ этой атмосферѣ, въ которую онѣ погружены, онѣ берутъ питательные матеріалы, необходимые для развитія ихъ динамическихъ свойствъ».

«Это кровь, ежесекундно приносящая имъ матеріалы для ихъ спеціальной дѣятельности, приносить имъ и жизнь. Это она съ своими каналами, безконечно развѣтвляющимися въ нервной основѣ, возбуждаетъ въ одномъ мѣстѣ—смотря потому, какую территорію кѣтокъ она орошаетъ—двигательныя силы въ психомоторныхъ областяхъ, въ другомъ—эмотивныя проявленія въ областяхъ *sensorium*'а, въ третьемъ—интеллектуальныя реакціи въ областяхъ интеллекта въ собственномъ смыслѣ. Однимъ словомъ, она сообщаетъ каждой области ея особую жизнь и держитъ въ своей зависимости функціональную энергію всего цѣлаго».

«Въ каждый моментъ остановка крови, внезапная или прогрессивная, вызываетъ патологическія явленія въ совокупности мозговыхъ операцій.

²⁵⁷) *Leçons sur les mal. ment.*, 202.

²⁵⁸) См., напр., въ ст. д-ра Луисъ: „*Action des médicaments à distance*“, *L'encéphale*, 1887, I, 78 и сл. интересныя указанія на измѣненія циркуляціи крови подъ вліяніемъ дѣйствія различныхъ веществъ на разстояніи.

Извѣстно, что когда артеріи и капилляры становятся атероматозны, что когда сѣтъ корки, такимъ образомъ, становится непроницаема и образуетъ препятствія для циркуляціи, то нервныя клѣтки болѣе или менѣе поражаются истощеніемъ и, смотря по тому, какая территорія корки становится анемична, наблюдаются и различныя явленія.

Если это имѣетъ мѣсто въ областяхъ психоинтеллектуальной дѣятельности, то констатируются ослабленія памяти и ея частичныя потери. Индивидуумъ не отдаетъ себѣ болѣе отчета въ томъ, что ему говорятъ, онъ быстро забываетъ, онъ слышитъ съ трудомъ и не находитъ болѣе словъ, которыя хочетъ произнести.

Если же это имѣетъ мѣсто въ другихъ областяхъ, то наблюдаются явленія головокруженія, состоянія помраченія, сопровождаемыя чувствомъ неопредѣленнаго ужаса и безпричиннаго безпокойства^{238*)}.

Таково вліяніе кровообращенія вообще. Посмотримъ же теперь, каковъ тотъ удивительный механизмъ, при посредствѣ котораго совершаются постоянныя переливы жизни по различнымъ частямъ организма и дѣятельность котораго обуславливаетъ возможность разнообразныхъ душевыхъ проявленій.

Человѣческій организмъ снабженъ во всѣхъ своихъ органахъ, до самыхъ ихъ глубочайшихъ и сокровеннѣйшихъ частей, одной замкнутой системой развѣтвляющихся полыхъ трубокъ или каналовъ различнаго калибра, имѣющихъ мускульныя стѣнки, по которымъ и протекаетъ живительная органическая жидкость—кровь, вліяющая своимъ количествомъ, своимъ составомъ и скоростью своего обращенія. Центральнымъ органомъ всей этой системы кровеносныхъ каналовъ, или сосудовъ, является сердце—постоянно по частямъ сжимающійся и расширяющійся мускулистый мѣшокъ съ очень сильными мускульными стѣнками, раздѣленный внутри перегородками на четыре части. Одна часть кровеносныхъ сосудовъ—пульсирующія артеріи, разносятъ кровь отъ сердца ко всѣмъ частямъ тѣла. Артеріи начинаются въ нижней четверти сердца одной трубкой большаго калибра—аортой. Послѣдняя въ своемъ дальнѣйшемъ протяженіи даетъ отъ себя все болѣе и болѣе развѣтвляющіеся и постепенно уменьшающіеся въ своемъ калибрѣ отпрыски, которые распредѣляются по всѣмъ органамъ тѣла. Другая часть кровеносной системы—вены, снова приносятъ кровь, уже отдавшую многое изъ своего питательнаго матеріала, отъ всѣхъ частей тѣла къ сердцу. Эта часть кровеносной системы есть часть постоянно

^{238*)} Luys, цитированное сочиненіе, 186, и сл. См. также его статью: „Structure du cerveau“, L'Encéphale, 1887 г. I, 41 и сл.

сливающихся, а потому, по мѣрѣ приближенія къ сердцу, и увеличивающихся въ своемъ калибрѣ сосудовъ. Переходъ отъ артерій къ венамъ составляютъ мельчайшіе сосудцы, сосудцы волосные, или капилляры; нѣкоторые изъ нихъ съ трудомъ пропускаютъ даже одно микроскопическое тѣлце — невидимый невооруженнымъ глазомъ кровяной шарикъ ²⁵⁹). Капилляры проникаютъ во все ткани тѣла и разнообразно пролегаютъ въ самыхъ сокровеннѣйшихъ частяхъ органовъ. При ихъ посредствѣ кровь приходитъ въ интимнѣйшія соприкосновенія съ элементами тканей, и питаетъ послѣдніе, постепенно замѣщая потери, вызванныя ихъ дѣятельностью. Артеріи соединяются съ венами еще и сосудами нѣсколько большаго калибра, какъ бы отводными каналами, черезъ которые устремляется кровь въ случаяхъ значительнаго затрудненія прохода по капиллярамъ ²⁶⁰).

Размѣры сердца, калибръ сосудовъ, количество ихъ мелкихъ развѣтвленій и расположеніе послѣднихъ значительно разнятся по различнымъ индивидуумамъ какъ вообще, такъ и относительно — по различнымъ органамъ тѣла, не исключая, конечно, спино-головнаго мозга и его различныхъ частей ²⁶¹), въ которомъ — что особенно рѣзко замѣчается у идіотовъ и первично слабоумныхъ — наблюдаются значительныя различія по индивидуумамъ въ особенностяхъ кровянаго орошенія.

Только что описанный путь крови отъ сердца по всемъ частямъ тѣла, а отъ этихъ послѣднихъ снова къ сердцу — представляетъ собою большой кругъ кровообращенія. На ряду съ нимъ существуетъ и малый кругъ. По системѣ сосудовъ послѣдняго кровь, прибывшая изъ всехъ частей тѣла и вступившая въ правую половину сердца, несется отъ него къ легкимъ, здѣсь снова окисляется и затѣмъ возвращается въ лѣвую половину сердца, чтобы начать новый большой кругъ своего движенія.

Работою сердца, т. е. его періодическими сжатіями и расширеніями по частямъ, а также и работою сосудовъ совершается постоянное болѣе или менѣе быстрое движеніе крови внутри замкнутой полой системы кровеносныхъ сосудовъ, орошающихъ все части организма.

Какъ сердце, такъ и кровеносные сосуды снабжены нервными волокнами, принадлежащими частью къ симпатической нервной системѣ или системѣ растительной жизни, а частью къ спино-черепной нерв-

²⁵⁹) Marey: La circulation du sang, 351, 357.

²⁶⁰) Тамъ же 352. Луисъ цитир. сочиненіе, 14 и сл. L'Encéphale, 1887, I, 41 и сл.

²⁶¹) Тихоміровъ: Распределеніе и взаимное отношеніе артерій большаго мозга у человека. 4 и сл.

ной системѣ. Первые волокна сопровождаютъ сосуды и проникаютъ въ ткань изъ стѣнокъ. Дѣятельностью этихъ нервовъ, т. е. ихъ возбужденіемъ, и вызывается ускореніе и замедленіе пульсацій сердца и суженіе и расширеніе просвѣта кровеносныхъ сосудовъ до полной непроходимости мельчайшихъ развѣтвленій послѣднихъ, вслѣдствіе которой, при микроскопическомъ наблюденіи, капилляры то какъ бы исчезаютъ и становятся невидимыми (въ это время ихъ сжатіе не даетъ возможности проходить черезъ нихъ даже одному красному шарикѣ крови), то, напротивъ, снова появляются въ полѣ зрѣнія и становятся видимыми ²⁵³).

Сl. Vergard показалъ непосредственнымъ опытомъ, что перерѣзка вазомоторныхъ нервовъ, сопровождающихъ сосуды и принадлежащихъ къ симпатической нервной системѣ, производитъ расширеніе просвѣта сосудовъ и, вслѣдствіе того, вызываетъ усиленный притокъ крови къ органамъ, болѣе свободную ея циркуляцію въ нихъ и повышеніе ихъ температуры. Напротивъ, раздраженіе периферическихъ отрѣзковъ тѣхъ же нервовъ производитъ суженіе просвѣта сосудовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ и уменьшеніе количества крови въ органахъ (конечно, только въ тѣхъ, въ которыхъ сужились сосуды), затрудненія ея циркуляціи и пониженіе температуры ²⁵⁴). Такъ были открыты вазомоторные нервы, суживающіе просвѣтъ сосудовъ; отпаденіе ихъ дѣятельности вызываетъ пассивное расширеніе послѣднихъ ²⁵⁵). Дальнѣйшія изслѣдованія открыли и расширяющіе нервы, дѣятельностью которыхъ производятся активныя расширенія сосудовъ ²⁵⁶).

При посредствѣ дѣятельности вазомоторной нервной системы, состоящей изъ нервныхъ центровъ и волоконъ, происходитъ чрезвычайно сложная игра сосудовъ, т. е. ихъ различныя сжатія и расширенія, вліяющія на скорость циркуляціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на измѣненія въ кровяномъ давленіи по отдѣламъ кровеносной системы въ различныхъ органахъ. «Движенія крови ускоряются, если увеличивается сила сердца или если сопротивленіе мелкихъ сосудовъ уменьшается; напротивъ, движеніе крови замедляется, если сердце сла-

²⁵³) Marey, цит. соч., 372 и сл., Trumet de Fontarge, цитир. соч. 4, 13, 141, 149, 154.

²⁵⁴) То и другое, т. е. перерѣзка и повышенное раздраженіе нервовъ уничтожаетъ *тонусъ* сосудовъ или состояніе ихъ средняго обычнаго сжатія.

²⁵⁵) Marey, цит. соч., 316, 318, 365, 388, 390. Trumet de Fontarge, цитир. соч. 15, 153, 156, 157. Take, цит. сочин., I, 133 и сл., Тархановъ, Вѣстн. Европы. 1884, іюнь и августъ, „Психическія явленія“.

²⁵⁶) Marey, 397 и сл.

бѣтъ, или если мелкіе сосуды оказываютъ большія препятствія къ ея проходу» ²⁵⁷⁾).

Измѣненія калибра сосудовъ съ ихъ постоянными слѣдствіями, — ускореніемъ или замедленіемъ кровообращенія, повышеніемъ или пониженіемъ температуры могутъ происходить и происходить *раздѣльно* даже въ самыхъ незначительныхъ частяхъ организма, какъ это легко видѣть хотя бы въ извѣстныхъ всѣмъ случаяхъ краснѣнія мелкими пятнами, частичныхъ заходоладаній и т. д. «Измѣненія циркуляціи въ капиллярахъ очень многочисленны», говоритъ Marey. «Смотря по тому, функционируютъ ли органы, въ которыхъ они пролегаютъ, или же находятся въ покоѣ, сосуды эти или расширяются или суживаются; отъ этого происходятъ измѣненія въ количествѣ содержащейся въ этихъ органахъ крови и въ скорости ея движенія. Что касается поверхностныхъ частей, то окраска покрововъ даетъ указанія въ этомъ отношеніи: ихъ краснота показываетъ, что капилляры въ нихъ расширены и что кровь въ нихъ циркулируетъ быстро; блѣдность ихъ указываетъ на сжатіе сосудовъ и на замедленіе циркуляціи.

Повышенная температура поверхностныхъ частей также указываетъ на большую циркуляцію въ нихъ крови; ихъ заходоладаніе служитъ указаніемъ медленной циркуляціи и сжатія сосудовъ» ²⁵⁸⁾).

Вслѣдствіе такихъ частично-раздѣльныхъ измѣненій, въ организмѣ, подъ вліяніемъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ стимуловъ, происходятъ постоянныя количественныя перераспредѣленія крови даже въ мельчайшихъ органическихъ участкахъ, не исключая конечно и отдѣльныхъ минимальныхъ участковъ спинно-головнаго мозга — этой совокупности нервныхъ центровъ, служащихъ станціями управленія для различныхъ органическихъ механизмовъ. Отдѣльные органы то бывають переполнены усиленно движущеюся въ нихъ кровью, то, напротивъ, почти лишены ее, отъ чего въ нихъ и происходятъ единовременныя, но раздѣльно по отдѣльнымъ органамъ и даже частямъ ихъ совершающіяся колебанія и измѣненія въ органическихъ состояніяхъ ²⁵⁹⁾).

Измѣненія въ количествѣ, качествѣ и скорости движенія крови, протекающей по тому или другому органическому участку, повидимому, и

²⁵⁷⁾ Marey, 315.

²⁵⁸⁾ Цитиров. сочин. 364 и сл. См. также Trumet de Fontarge 149.

²⁵⁹⁾ Нарушеніями мѣстнаго капиллярнаго кровообращенія, мѣстными проходящими анеміями и гипереміями проф. Bouchut и объясняетъ состоянія нервозизма какъ общаго, такъ и мѣстнаго по отдѣльнымъ органамъ: «Du nervosisme aigu et chronique», 60.

обуславливаютъ колебанія и различныя варіаціи въ его чувствительности, которыя занимали насъ въ предшествующей главѣ. Стоить, напр., постепенно нажимать любую артерію, питающую тотъ или другой органъ нашего тѣла, и такимъ образомъ уменьшать количество притекающей къ нему крови, чтобы тѣмъ самымъ вызвать и соотвѣтствующія пониженія въ немъ его специальной чувствительности, доходящія до полной ея утраты при совершенномъ прекращеніи доступа крови къ органу ²⁷⁰). «Непосредственная зависимость образованія нервной энергіи отъ взаимодействія между нервной субстанціей и кровью», говоритъ д-ръ Carpenter, «доказывается слѣдствіями прекращенія циркуляціи мѣстной или общей. Такъ, если временно прекращенъ притокъ крови къ какому либо члену (надавливаніемъ его главной артеріи), то въ немъ замѣчается онѣмѣніе или уменьшеніе его чувствительности, а равно и потеря его мускульной силы (рука или нога цѣпенѣтъ) до тѣхъ поръ, пока циркуляція не возобновится» ²⁷¹).

Подъ вліяніемъ отсутствія притока крови происходитъ постепенное болѣе или менѣе быстрое умираніе всѣхъ тканей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенное угасаніе чувствительности органовъ. Но при этомъ надо замѣтить, что умираніе и угасаніе происходятъ не сразу; предварительно проходитъ стадія повышенной мѣстной или общей раздражительности ²⁷²), которая играетъ чрезвычайно важную роль въ

²⁷⁰) «Darwin», говоритъ Guislain, «разсказываетъ про одного италіанскаго политика, который могъ концентрировать свои идеи на нѣкоторыхъ предметахъ съ такою силою, что становился нечувствителенъ къ боли». «То же наблюдается у множества сумасшедшихъ» прибавляетъ Guislain. «Traité sur les phrenopathies», 326. Весьма вѣроятно, что въ этихъ случаяхъ безчувственность однихъ органовъ, вызываемая за счетъ усиленной дѣятельности другихъ, порождается нѣсколько сходнымъ же органическимъ процессомъ,—процессомъ обезкровленія однихъ частей мозга и обильнымъ орошеніемъ другихъ.

²⁷¹) «Principles of mental physiol.», 39.

²⁷²) Д-ръ Оршанскій (Über den Einfluss der Anämie auf die electricische Erregbarkeit des Grosshirns) „ислѣдовалъ электрическую возбудимость головного мозга собакъ при искусственно произведенной анеміи и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: потери крови, не превышающія $\frac{1}{7}$ общаго количества крови, не оказываютъ видаемаго вліянія на возбудимость мозговой коры; потеря приблизительно до $\frac{1}{5}$ общаго количества крови *повышаетъ ее*, болѣе значительныя кровотеченія понижаютъ ее, при чемъ пониженіе возростае вначалѣ постепенно, но затѣмъ быстро вмѣстѣ съ размырами кровотеченія, и возбудимость совершенно исчезаетъ, когда собака теряетъ $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$ общаго количества крови“. Цитировано по ст. д-ра Розенбаха «Вѣстникъ клин. и судеб. психіатр.», 1883, II. См. также С. Richet. «Psych. génér.», 31 и сл.

явленіяхъ психической жизни человѣка вообще и въ явленіяхъ его преступности въ частности. Еще Гиппократъ говорилъ: «Sanguis moderatur nervorum». И дѣйствительно, при значительномъ уменьшеніи кровяного орошенія (или порчи состава крови) раздражительность нервной системы значительно повышается и она становится чрезмѣрно впечатлительна, такъ что сравнительно слабые стимулы, до этого времени почти или вовсе не вызывавшіе достаточно ясныхъ чувствованій, теперь вызываютъ чувствованія очень сильныя ²⁷³). легко переходящія въ боль и страданія и даже сопровождающіяся иногда отраженными судорожными явленіями.

Guislain приводитъ между прочимъ слѣдующій случай. Нѣкто Сузанна М..., отличавшаяся *въ высшей степени нервнымъ темпераментомъ*, занимала мѣсто служанки у одной дамы, которая умерла внезапно, и тогда Сузанна вынуждена была оставаться одна въ домѣ съ покойницей, что заставило ее испытывать сильнѣйшій и длящійся страхъ (аффектъ, значительно вліяющій на кровеносную систему или, правильнѣе, сопровождающійся значительными измѣненіями въ ея дѣятельности). Спустя нѣсколько дней послѣ этого Сузанна сдѣлалась *весьма раздражительна*, почти не спала и пугалась при малѣйшемъ стукѣ; пульсъ ея былъ частъ, а кожа холодна. *Она не была ничѣмъ довольна, ссорилась со всѣми, постоянно двигалась и совершала странные поступки*. Въ больницѣ, куда она была помѣщена, ей сдѣлали нѣсколько кровопусканій, но послѣ каждого изъ нихъ *явленія раздраженія усиливались* и, наконецъ, послѣ послѣдняго

²⁷³) Esquirol рассказываетъ слѣдующій крайне интересный по своей наглядности случай. Одинъ молодой военный, состоявшій въ родственныхъ связяхъ съ домомъ Бонапартовъ, послѣ долгихъ неправильностей въ режимѣ и жизненныхъ разочарованій (все это конечно должно было дѣйствовать истощающе на его организмъ) впалъ въ маниакальное состояніе. Во всѣхъ окружающихъ онъ видѣлъ членовъ Императорскаго дома и часто впадалъ въ раздраженіе и выходилъ изъ себя. Однажды Esquirol велѣлъ завязать ему глаза. И что же? Больной сталъ тихъ и спокоенъ и самъ разумно рассуждалъ о своихъ иллюзіяхъ. Esquirol нѣсколько разъ повторялъ опытъ и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Однажды повязка была оставлена на глазахъ больного въ теченіе 12 ч. и все это время онъ былъ разуменъ и спокоенъ, но какъ только сняли повязку—бредъ начался снова. „Des maladies ment.“. 109. Въ этомъ крайне интересномъ случаѣ втроятно вліяло обдѣвленное состояніе крови на значительное повышение раздражительности, при которомъ зрительные стимулы уничтожали всякое равновѣсіе. Но какъ только искусственно устраняли происходившее отсюда въ данномъ случаѣ перераздраженіе—нервная система нѣсколько успокаивалась и все входило нѣсколько въ нору.

перешли *въ экзальтацию бѣшенства*. Тоническія средства, укрѣпляющій режимъ и спокойствіе излѣчили больную ²⁷⁴⁾.

Ph. Pinel также рассказываетъ про одну молодую дѣвушку 15 лѣтъ, которая впала въ подавленное состояніе. Призванный докторъ заявилъ, что все разстройство происходитъ отъ испорченной крови и что онъ отвѣчаетъ за выздоровленіе, въ случаѣ кровопусканія. Последнее было произведено, но вмѣсто выздоровленія сопровождалось явленіями немедленно развившагося бѣшенства, вслѣдствіе чего больная была препровождена въ Salpêtrière.

Тотъ же авторъ рассказываетъ про двухъ душевно больныхъ одинаковаго возраста и темперамента, въ одинъ и тотъ же день доставленныхъ въ Salpêtrière. Одной изъ нихъ не было дѣлаемо кровопусканій и ея излѣченіе было достигнуто въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, тогда какъ у другой было произведено значительное извлеченіе крови. Последняя была доведена до состоянія подобнаго идиотизму *и снова приобрѣла даръ слова только въ концѣ пятаго мѣсяца* ^{275*)}.

Въ сочиненіи Bouchetъ разсказано много однородныхъ случаевъ послѣдствій обѣднѣнія кровью, происшедшаго отъ тѣхъ или другихъ причинъ. Въ одномъ изъ нихъ больной немедля послѣ кровопусканія испыталъ ощущеніе мурашекъ во всемъ тѣлѣ, сопровождавшееся общей весьма болѣзненной судорогой; онъ жаловался на ощущеніе сжатія въ области между животомъ и грудью, которое заставляло его задыхаться. Послѣ нѣсколькихъ минутъ всѣ эти явленія исчезли, но они возобновлялись каждый разъ снова при непріятныхъ эмоціяхъ. Въ другомъ случаѣ сдѣланное для устраненія головныхъ болей обильное кровопусканіе породило у больной необычайную раздражительность, при которой самое незначительное вліяніе вызывало уже трепеть, сердцебіенія, задыханіе и тоскливыя состоянія. Всѣ эти явленія продолжались и по прошествіи 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ она не провела сносно и 10 мѣсяцевъ.

Обильныя потери крови вызвали еще у одной больной необычайную беспокойную подвижность и такую раздражительность, что уже малѣйшее волненіе порождало у ней состояніе необычайнаго возбужденія, которое длилось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и всегда сопровождалось дурно проводимою ночью и т. д.

У того же автора мы находимъ разсказаннымъ слѣдующій случай. Нѣкто Joséphine P. была особа нервно-лимфатическаго темперамента

274) „Traité sur les phrénopathies“, 54 и сл.

275*) См. его «Trait. méd.—phil. sur l'alién.», 318 и сл.

и довольно слабого сложенія. Въ ея семьѣ не было душевно - больныхъ.

Въ возрастѣ 23 лѣтъ у нея обнаружили всѣ симптомы хлороза (при хлорозѣ наблюдается уменьшеніе количества кровяныхъ шариковъ, —объединіе крови) и при этомъ — что особенно интересно — стала наблюдаться ненормальная возбужденность нѣкоторыхъ психическихъ проявленій. Въ ней начало замѣчаться необычайное для нея кокетство, тщеславіе своей красотой и несвойственное ей до тѣхъ поръ усиленное стремленіе выйти замужъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ у нея развилась истеричность, возникли эротическія идеи и вовсе несвойственная ей до того времени усиленная набожность, а также появились и галлюцинаціи. Нѣсколько времени спустя наступило состояніе усиленнаго возбужденія, сопровождавшееся спутанностью мыслей. Кровоопусканія, къ которымъ прибѣгли между прочимъ, ухудшили дѣло и значительно повысили возбужденіе, такъ что было рѣшительно невозможно понять, что она говорила, и нельзя было сосредоточить ея вниманіе на чемъ либо хотя на одну минуту. Укрѣпляющее лѣченіе принесло съ собою улучшеніе и постепенно устранило ненормальныя явленія ²⁷⁵).

Особенно быстро обнаруживается вліяніе количественныхъ измѣненій въ притекающей крови на мозгъ — этотъ тончайшій и сложнѣйшій органъ души. «Измѣненія, которымъ подвергаются функціи мозга, когда уменьшается или увеличивается притокъ крови къ нему», говоритъ пр. Mosso, «представляютъ собою одни изъ наиболѣе интереснѣйшихъ явленій для изученія, которымъ экспериментально можетъ заниматься психологъ, потому что никакимъ другимъ способомъ нельзя сдѣлать болѣе очевидной тѣсную связь психическихъ феноменовъ съ матеріальными функціями организма. Достаточно немного уменьшить количество крови, проникающее въ мозгъ, чтобы немедленно угасло сознаніе. Если бы меня спросили, какая изъ всѣхъ функцій организма наиболѣе раба всякаго минимальнаго колебанія въ матеріальныхъ измѣненіяхъ тѣла, то я бы не колеблясь указалъ на сознаніе». Далѣе онъ прибавляетъ: «мозговые полушарія настолько уязвимы дѣйствіемъ всякой причины, которая только на одинъ моментъ замедляетъ ихъ питаніе, что уже вслѣдствіе небольшого измѣненія въ количествѣ крови, притекающей къ мозгу, немедленно прекращается и сознаніе» ²⁷⁶).

²⁷⁵) „Du nervosisme aigu et chronique“, 46 и сл. и 122 и сл.

²⁷⁶) „Nuovi studi di psicologia sperimentale“ 18. См. также Marey цит. соч. 539 и сл.

«У всѣхъ животныхъ», замѣчаетъ Richet, «нервная клѣтка живетъ только тогда, когда она орошается кровью, содержащею кислородъ». «Поистинѣ замѣчательное зрѣлище», продолжаетъ онъ далѣе, «представляетъ это мгновенное прекращеніе всякаго движенія подѣ влияніемъ полной анеміи, и ничто не можетъ дать болѣе нагляднаго понятія о неразрывной связи тѣла и души. Душа исчезаетъ, какъ только кровь не орошаетъ болѣе нервныхъ клѣтокъ, и это умираніе души происходитъ съ необычайной внезапностью» ²⁷⁷⁾.

Указавъ на наблюдаемыя слѣдствія ускоренія и ослабленія кровообращенія, проф. Broussais слѣдующимъ вопросомъ мѣтко характеризуетъ влияніе перваго на явленія психической жизни. «Кто намъ сказалъ», говоритъ онъ, «что десять пульсацій вмѣсто пяти въ определенное данное время не могутъ преобразить обыкновеннаго чело-вѣка въ чудо, оживляя память, которая доставитъ уму матеріаль, съ трудомъ имъ находившійся до этого времени? И не наблюдали ли, что эта вновь явившаяся легкость дѣятельности измѣняла вкусы и привычки людей?» ²⁷⁸⁾.

И дѣйствительно, вотъ что рассказываетъ, напр., д-ръ Leuret. «Мнѣ случалось не разъ», говоритъ онъ, «составлять себѣ слишкомъ преувеличенно благопріятное представленіе объ умственныхъ способностяхъ нѣкоторыхъ лицъ въ тѣхъ случаяхъ, когда я могъ судить о нихъ только потому, что они дѣлали или говорили въ припадкѣ маніи. Какой либо больной, поразившій меня своими рѣчами или остротами послѣ своего излеченія, оказывался чело-вѣкомъ обыкновенныхъ способностей, стоявшимъ значительно ниже того мнѣнія, которое я составилъ о немъ». Далѣе, Leuret приводитъ, между прочимъ, слѣдующій крайне интересный примѣръ. Одинъ офицеръ, сражавшійся въ рядахъ народа во время іюльскихъ дней, однажды послѣ этого имѣлъ видѣніе Божіей Матери и одновременно почувствовалъ себя совершенно инымъ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде (очевидно, что въ его чувствѣ собственнаго существованія прошла какая-то рѣзкая перемѣна). Съ этихъ поръ онъ началъ развивать усиленную физическую дѣятельность, которая получила вскорѣ характеръ *маніакальной экзальтаціи*. При этомъ у него стали проявляться такія умственныя способности, какихъ прежде никогда не было. Онъ сочинялъ стихотворенія, пѣсни съ замѣчательной легкостью. Будучи самъ крайне удивленъ такимъ прежде никогда ему несвойственнымъ

²⁷⁷⁾ «Essai du psych. génér». 31 и 32.

²⁷⁸⁾ «De l'irritation et de la folie», II 465 и сл.

талантомъ, онъ часто повторялъ Leugei: «Никогда прежде у меня не было ничего подобнаго. Я велъ вполне жизнь военного и не занимался ни литературою, ни поэзіей, а еще менѣе религіей; *все это явилось у меня неизвѣстно откуда*»²⁷⁹).

Таково, повидимому, рѣшительное вліяніе особенностей кровообращенія. Попытаемся разсмотрѣть теперь съ нѣсколько большею подробностью, какъ эти различныя особенности отражаются на особенностяхъ различныхъ психическихъ проявленій, которыя и составляютъ ближайшій предметъ нашего изученія.

Я уже имѣлъ случай говорить выше, что искусственное сжиманіе питающихъ тотъ или другой органъ артерій, обуславливая прекращеніе притока крови къ нему, вызываетъ ослабленіе или потерю его чувствительности и двигательныхъ функцій²⁸⁰), а если этотъ органъ—

279) «Fragm psych.», 296 и сл. Сходное и крайне интересное обостреніе способностей наблюдается и при злоупотребленіи опиѣмъ и другими сильно дѣйствующими наркотиками. «Память становится совершенной и давно забытыя вещи легко вспоминаются», рассказываетъ одинъ курильщикъ опиума. «Напримѣръ, классическая музыка», которую пришлось слышать только разъ, обыкновенно мало удерживается памятью и съ трудомъ понимается, но послѣ куренія опиума легко воскресаютъ забытые мотивы, и становится возможно навѣвать цѣлые акты оперъ, которыя были слышаны всего только однажды и при этомъ были почти не поняты. Самыя серьезныя работы читаются безъ утомленія и самыя запутанныя разсужденія понимаются легко. Прежде куренія опиума я читалъ произведенія философовъ XVII и XVIII вѣковъ, но такъ какъ мой умъ былъ лѣнивъ отъ природы, то эти чтенія были для меня трудомъ и скоро меня утомляли. Послѣ куренія тѣ же самыя чтенія были для меня наслажденіемъ и я находилъ при этомъ такія красоты, которыя остались для меня незамѣченными въ первый разъ. Покуривъ опиума, предпочитаютъ уединеніе, потому что воображеніе можетъ доставить гораздо болѣе пріятнаго, нежели какая бы то ни было книга, или какая бы то ни было дѣйствительность. Когда же невозможно остаться одному, то самый разговоръ становится истиннымъ наслажденіемъ. Я проводилъ ночи въ разговорѣ съ друзьями, и мнѣ случалось говорить по два часа подрядъ, не испытывая ни малѣйшей усталости и остановокъ въ приисканіи подходящихъ словъ или выраженій для передачи моей мысли». L'Épée, 1887, № 3, 306 и сл. Вѣроятно, измѣненіями въ условіяхъ кровообращенія въ мозговыхъ центрахъ объясняются наблюдаемыя иногда явленія внезапнаго возобновленія передъ самою смертію душевныхъ способностей у лицъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ страдавшихъ ихъ разстройствомъ. См. напр. соч. Guislain: „Régénération“. 16,

280) Д-ръ Guislain приводитъ, напр., слѣдующій крайне интересный и замѣчательный случай вліянія обезкровленія частей мозга на психическія функціи. „Лаконизмъ обнаруживается иногда въ душевныхъ разстройствахъ“, говоритъ онъ, „которыя лѣчатся при посредствѣ изнуряющаго режима; я замѣтилъ его однажды у каніака, которому открыли *височную артерію*: при этомъ его

головной мозгъ, то уничтоженіе всѣхъ психическихъ проявленій, а въ томъ числѣ, конечно, и чувства собственнаго существованія человека.

Эти, въ данномъ случаѣ искусственно вызываемыя явленія наблюдаются и какъ результатъ болѣе или менѣе продолжительнаго сжатія сосудовъ, происходящаго отъ тѣхъ или иныхъ обычно дѣйствующихъ на организмъ или въ организмъ причинъ.

Tranet de Fontange приводитъ, напр., слѣдующій случай, заимствованный имъ у д-ра Du Jardin-Beaumez. Одна шестнадцатилѣтняя дѣвушка среди полнаго здоровья внезапно ослѣпла. Произведенное изслѣдованіе не открыло никакихъ другихъ разстройствъ и поврежденій, какъ только неподвижность зрачка, анемію сѣтчатки и утонченіе калибра артерій зрительнаго нерва. При этомъ поверхность всего тѣла оказалось пораженной анестезіей, такъ что уколы лба, шеи, рукъ и проч. были совершенно неощутимы и вовсе *не сочились кровью*. Приложение различныхъ металловъ, электричества и гидротерапія мало по малу возстановили временно утраченное зрѣніе ²⁸¹⁾.

Таковъ фактъ. Здѣсь сама природа повторяетъ нашъ экспериментъ и путемъ сжатія сосудовъ и послѣдующаго обезкровленія на довольно продолжительное время уничтожаетъ цѣлый разрядъ впечатлѣній —

чрезмѣрная болѣзнь смѣнилась вдругъ полнымъ безмолвіемъ“. „Traité sur les rhégn.“, 229. Припомнимъ также случай утраты способности рѣчи послѣ кровопусканія, который сообщаетъ Pinel'емъ.

²⁸¹⁾ „Path. clin. du gran. symp.“, 72 и 73, Pettigrew приводитъ изъ сочиненія д-ра Reid'a сходный случай одной женщаны, которая почти ослѣпла подъ вліяніемъ страха, вызваннаго эпилептическимъ припадкомъ мужа, случившимся ночью. Способность видѣть въ одномъ глазѣ у нея совершенно исчезла (повидимому, дѣйствіемъ спазма сосудовъ, вызванный сильно дѣйствующаю на вазомоторные центры волненіемъ страха), а въ другомъ — *она слѣпалась перемежающейся, и то возвращалась, то исчезала снова*, „подобно солнцу“, какъ говорила больная, „передъ которымъ проходитъ облако“.

Тотъ же авторъ рассказываетъ другой случай, заимствованный имъ у As-tley Соорег'a. Одна 10 лѣтняя дѣвочка, войдя въ темноту въ школу, была сильно испугана одной изъ своихъ товарицъ, послѣ чего у нея появилась головная боль, а на другой день и въ послѣдующіе дни она слѣпалась глуха, такъ что не могла слышать самый громкій разговоръ.

Пр. Ball сообщаетъ слѣдующій интересный случай. Нѣкто С. D., будучи совершенно здоровъ, имѣлъ ссору съ тещей и при этомъ впадалъ въ сильное раздраженіе. Тренеща отъ волненія онъ вернулся домой и передалъ женѣ все, что произошло. При этомъ онъ съ удивленіемъ замѣтилъ сначала, что онъ глухъ, а потомъ, что онъ не можетъ и говорить. Испуганный своимъ положеніемъ, онъ написалъ на клочки бумаги имя и адресъ доктора, за которымъ онъ желалъ послать. На слѣдующій день способность рѣчи вернулась снова, но при этомъ

впечатлѣнія зрительныя. Въ данномъ случаѣ несомнѣннымъ представляется ясно констатированный произведеннымъ изслѣдованіемъ фактъ сжатія артеріальныхъ сосудовъ въ периферическомъ органѣ зрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣроятенъ и фактъ такого же спазма артеріальныхъ сосудовъ и послѣдующаго обезкровленія и мозговыхъ центровъ этого органа, иначе говоря, весьма вѣроятенъ фактъ отпаденія не только возможности периферическаго воспріятія вѣншихъ воздѣйствій, но и возможности центрального усвоенія такихъ воспріятій. Кровеносные сосуды, орошающіе периферическіе нервные аппараты, и иннервація этихъ сосудовъ ничѣмъ не отличается отъ сосудовъ, орошающихъ соотвѣтствующіе центральные мозговые аппараты, а потому д-ръ Voisin, говоря о спазмѣ мелкихъ периферическихъ сосудовъ, совершенно справедливо замѣчаетъ: «понятно, что то же самое явленіе можетъ имѣть мѣсто въ сосудахъ мозга и можетъ произвести разстройство въ функционированіи нервныхъ элементовъ». И дѣйствительно, клиническія наблюденія знакомятъ насъ съ временными выпаденіями, если можно такъ выразиться, изъ психическаго существа человѣка различныхъ особенностей, которыя, по видимому, только и могутъ быть объяснены временнымъ прекращеніемъ функционированія соотвѣтствующихъ нервныхъ центровъ. Огра-

онъ остался совершенно глухъ на оба уха и его лѣвая сторона была поражена геміанестезіей. Чувства обонянія и вкуса были утрачены съ той же стороны, и зрѣніе было ослаблено.

Леченіе гальванизмомъ устранило болѣзненные явленія. При его примѣненіи въ четвертый разъ, С. D. услышалъ въ правомъ ухѣ громкій трескъ, какъ будто что-нибудь лопнуло въ его головѣ. Вмѣстѣ съ этимъ чувство слуха внезапно вернулось къ нему и чувствительность возстановилась вообще. Черезъ годъ тѣ же явленія повторились, не будучи вызваны, какъ въ первый разъ, какимъ либо волненіемъ. Примѣненіе того же способа лѣченія устранило ихъ снова. То же самое повторилось и въ третій разъ. Take: «Illustr. of the infl. of mind upon the body», I, 204 и сл. Не безынтересно, что сходныя явленія можно по произволу вызвать у загипнотизованныхъ внушеніями. Примѣры см. въ цитир. сочин. Bottey, 73, 86, 87, 88. Р. Richer приводитъ изъ сочиненія д-ра Rosenthal'a слѣдующій случай. У одной лѣчившейся у него истеричной эпилептоподобные припадки обыкновенно предшествовались ощущеніемъ холода и поблѣднѣніемъ въ рукахъ и концахъ пальцевъ; послѣдніе, а также и ногти становились синеватыми. При этомъ температура рукъ значительно понижалась, и пульсъ значительно падалъ; послѣ же припадка температура и пульсъ повышались. Въ промежутки между припадками больная представляла на многихъ мѣстахъ туловища гиперестезію кожи, которая особенно усиливалась въ періоды, близко предшествовавшіе припадкамъ. Но когда начиналось блѣднѣніе рукъ, то гиперестезія уменьшалась и въ рукахъ замѣнялась анестезіей съ ощущеніемъ онѣмѣнія въ пальцахъ. «Etud. clin. sur. la gran. hyst.» 17 и сл.

ниченныя мѣстные спазмы артеріальныхъ сосудовъ въ отдѣльныхъ нервныхъ центрахъ производятъ, повидимому, какъ бы временныя подавленія этихъ центровъ со всѣми ихъ психическими слѣдствіями. Примѣръ такого подавленія и послѣдующихъ психическихъ измѣненій намъ представляютъ припадки эпилептиковъ, у которыхъ съ отпаденіемъ дѣятельности высшихъ центровъ отпадаетъ сознаніе, отпадаетъ сознательное я и отпадаетъ разумный контроль, но въ то же время устойчиво и повышенно совершается дѣятельность тѣхъ или другихъ низшихъ центровъ, которая и придаетъ припадкамъ отдѣльныхъ эпилептиковъ ихъ своеобразно индивидуальный характеръ ²⁸²⁾.

Ribot приводитъ изъ сочиненія Villermy (Essais sur les mal. de la mém.) слѣдующій интересный случай. Одна молодая замужняя дама, страстно любившая своего мужа, лишалась чувствъ во время акта родовъ, послѣ чего, прійдя въ себя, она утратила всѣ воспоминанія о всемъ бывшемъ съ нею, начиная съ ея замужества и до времени обморока включительно, и въ то же время съ точностью вспоминала всѣ событія предшествовавшаго времени. Она съ ужасомъ отталкивала своего мужа и своего ребенка и ничего не знала о своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Ея родные и друзья убѣдили ее наконецъ, что она замужемъ и что она родила, но сама она никакихъ воспоминаній объ этомъ возстановить не могла и, такимъ образомъ, какъ бы утратила цѣлый годъ своей жизни ^{282*)}.

Повидимому, сходныя въ ихъ механизмѣ явленія намъ представляетъ и извѣстный Louis V., патологическая исторія котораго достаточно подробно изложена въ предшествующей главѣ. Этотъ еще только сейчасъ полный благожелательности добрый и хорошій мальчикъ обыкновенно внезапно рѣзко измѣняется и совершенно неожиданно для окружающихъ становится неуживчивымъ негодяемъ, въ которомъ нѣтъ и тѣни благорасположенія къ людямъ. Но вотъ картина снова измѣняется и народившійся было негодяй опять превращается въ прежняго тихаго Louis, въ которомъ снова начинаютъ тоновать смолкнувшіе было хорошіе звуки, необходимо предполагающіе и со-

²⁸²⁾ См. Magnan: „Leç. clin. sur l'épil.“, 3, 44 и сл. Наблюдаются и какъ разъ противоположныя явленія. Питаніе и дѣятельность высшихъ центровъ остаются неприкосновенными, но за то, вѣроятно, вслѣдствіе спазма сосудовъ, нарушается дѣятельность низшихъ центровъ, а потому начинается рѣзкій разладъ между правильно совершающимися функціями разсудка и доставляемымъ ему извращеннымъ матеріаломъ. Подобныя явленія наблюдались д-мъ Kris-haber'омъ. См. Herzen: «Le cerveau et l'activité cérébrale», 284 и сл., 291 и сл.

^{282*)} «Les mal. de la mém.» 61 и сл.

отсутствующую степень дѣятельности соответствующихъ органическихъ инструментовъ²⁸³⁾.

Въ различныхъ циркулярныхъ формахъ также наблюдается періодически то болѣе или менѣе полное исчезаніе тѣхъ или другихъ особенностей, то новое болѣе или менѣе яркое ихъ проявленіе. Д-ръ Ritti рассказываетъ, напр., объ одной наследственно отмѣченной женщинѣ Ursule Gl., у которой во время состоянія подавленности наблюдалась потеря или выпаденіе религіознаго чувства, а затѣмъ и потеря или выпаденіе близко родственнаго ему нравственнаго чувства, вслѣдствіе чего ея состояніе въ это время представлялось съ характеромъ меланхолическаго нравственнаго помѣшательства²⁸⁴⁾.

Путемъ описаннаго органическаго процесса въ сложной психической личности человѣка могутъ и дѣйствительно раздѣльно и разномѣрно ослабляться или вовсе выпадаютъ и временно уничтожаются самыя разнообразныя ея особенности и ея болѣе или менѣе частичныя воспоминанія²⁸⁵⁾, вслѣдствіе чего происходятъ ея частичныя измѣненія, по словомъ д-ра Luys'a «ежедневно наблюдаемая въ области психіатрической клиника, обитатели которой чувствуютъ иногда свою личность «неполной» и «умаленной»²⁸⁶⁾.

Не трудно понять, какія рѣзкія и странныя измѣненія и колебанія могутъ и дѣйствительно происходить по временамъ, подъ вліяніемъ дѣйствія такого органическаго механизма въ психической личности

283) Чтобы избѣжать возможныхъ недоразумѣній, я считаю не лишнимъ замѣтить, что я далекъ отъ мысли приурочивать многочисленныя сложныя способности и проявленія души человѣка къ дѣятельности столь же многочисленныхъ и *разнородныхъ* нервныхъ центровъ. Различія въ комбинаціяхъ, въ степени напряженности и въ іерархическомъ положеніи дѣйствующихъ центровъ, повидимому, играютъ въ этомъ отношеніи весьма важную роль, какъ увидимъ далѣе.

284) «Traité clin. de la fol. à double form.» 67 и сл.

285) «Я чувствую, что мои способности понижаются съ каждымъ днемъ», писалъ одинъ наследственникъ, находившійся въ состояніи подавленности. «Мнѣ кажется, что разсудокъ *затемнился* (s'est éclipse) *первый*, *потомъ воображеніе*, *потомъ память*. Я не позабылъ то, что было прежде, но воспринятое недавно кажется почти совершенно исчезающимъ. Сверхъ того я замѣчаю крайнюю спутанность въ моихъ мысляхъ. То, что я изучалъ съ наибольшимъ удовольствіемъ—исторію, философію и литературу, представляетъ для меня только ретроспективный интересъ. Я всегда поглощенъ одними и тѣми же заботами, которыя вовсе не оставляютъ мѣста для другихъ мыслей». «Мнѣ кажется, что у меня вѣтъ болѣе крови въ жилахъ», прибавляетъ онъ далѣе. См. цит. сочин. Saury, 191 и сл.

286) Цитир. сочинен. Luys'a 106, 153.

человѣка, особенно у людей съ неустойчивой перво кровеносной системой, несоразмѣрно реагирующей на различныя вѣшнія вліянія.

Наряду съ этимъ раздѣльно - частичнымъ ослабленіемъ и выпаденіемъ отдѣльныхъ элементовъ личности наблюдаются иногда, какъ мы уже имѣли случай видѣть на многихъ примѣрахъ, и болѣе общія ослабленія ихъ напряженности, достигающія иногда степени почти полного отпаденія психической жизни

Въ сочиненіи д-ра Voisin мы находимъ рассказаннымъ слѣдующій весьма демонстративный случай. Однажды авторъ былъ приглашенъ къ одной женщинѣ, душевное разстройство которой, по его словамъ, было очевидно связано съ анеміей—послѣдствіемъ тяжелаго горя²⁸⁷⁾, вызваннаго смертью единственной дочери. Охваченная своимъ тягостнымъ чувствомъ, эта больная мало по малу потеряла аппетитъ и сонъ, и ея тѣло приобрѣло блѣдно-желтую окраску. Она жаловалась на заходоленіе конечностей, которыя дѣйствительно представляли пониженную температуру, плакала и вздыхала по ночамъ, была печальна и сосредоточена, перестала работать, въ значительной мѣрѣ потеряла свою ловкость и страдала головными болями. При аускультаци, въ каротидахъ и при основаніи сердца слышались шумы. Разговаривала она все меньше и меньше, а если, и говорила, то только о томъ, что ея хозяева смотрятъ на нее недружелюбно и не будутъ держать ее болѣе. Наконецъ, у нея развились галлюцинаціи слуха и зрѣнія и появились бредовыя идеи печальнаго характера. Тогда было рѣшено отправить ее на родину. За нѣсколько дней до отъѣзда больная увидала женщину, которая должна была ее замѣстить. Видъ послѣдней вызвалъ въ ней сильное волненіе, и вотъ часа черезъ три эта подавленная и до того упорно молчавшая женщина внезапно какъ бы преобразилась и потомъ рассказала д-ру Voisin, что она испытала прежде и что чувствовала она во время совершившейся перемѣны. По ея словамъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ перваго сильнаго впечатлѣнія она испытала ощущеніе общаго жара, ускореніе кровообращенія и дрожь въ тѣлѣ. Затрудненія въ движеніи одной руки, имѣвшія мѣсто

²⁸⁷⁾ Надо замѣтить, что непріятныя аффекты въ среднихъ степеняхъ напряженности сопровождаются замедленіемъ и ослабленіемъ сердцебиеній и продолжительнымъ сокращеніемъ мелкихъ сосудовъ, а въ высшихъ степеняхъ вызываютъ возбужденіемъ сердечно-задерживающихъ волоконъ блуждающаго нерва явленія остановокъ. Такимъ образомъ непріятныя эмоція влекутъ за собою—что особенно важно для насъ, занимающихся отщепенцемъ общества—преступнымъ человѣкомъ—пониженіе работы сердца и ослабленіе кровообращенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и питанія организма.

до этого времени, исчезли, заходоуданіе конечностей замѣнились обычной температурой и больная почувствовала въ нихъ теченіе крови. Головная боль также прошла и голова освободилась отъ тяжести, которая тяготила ее прежде. Больная начала разговаривать, какъ и до своей болѣзни; лицо ея стало красно и освѣтилось выраженіемъ счастья, а пульсъ поднялся до 72. Эта перемѣна длилась 17 часовъ, послѣ чего органическая дѣятельность ослабѣла и больная впала въ свое прежнее состояніе, только въ послѣдствіи устраненное методическимъ лѣченіемъ ²⁸⁸).

Въ этомъ крайне интересномъ, вслѣдствіе его рѣзкой выраженности примѣръ мы ясно видимъ вліяніе на психику болѣе общаго замедленія кровообращенія, вліяніе, рельефно отгѣненное внезапнымъ и сравнительно кратковременнымъ послѣдующимъ его повышеніемъ, вызваннымъ сильной эмоціей.

Иногда общее ослабленіе кровообращенія и наступленіе состояній подавленности достигаетъ еще и болѣе высшихъ степеней, какъ мы имѣли уже случай видѣть на примѣрѣ субъекта, о которомъ я говорилъ въ текстѣ IV главы настоящей работы (пульсъ у него падалъ до 30 и даже 25 ударовъ и тогда онъ закрывалъ глаза, становился неподвиженъ, не ѣлъ ничего и приходилъ въ состояніе оцѣпенѣлости, изъ котораго его невозможно было вывести никакими средствами) и въ 187 примѣчанія къ ней (статуеобразный больной изъ Feldhoofa).

Въ основѣ всѣхъ подобныхъ болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ и болѣе или менѣе общихъ состояній подавленности лежатъ, какъ уже замѣчено выше, разномѣрныя ослабленія работы сердца и разномѣрныя сжатія сосудовъ, задерживающія кровообращеніе, нарушающія его правильность, а мѣстами почти и вовсе его прекращающія. При этомъ понятно само собой, что вслѣдствіе крайней сложности и тонкости кровеноснаго аппарата, съ своими развѣтвленіями проникающаго въ самыя сокровеннѣйшіе уголки мозга и составляющихъ его отдѣльныхъ центровъ, а также и во всѣ ткани организма вообще, и вслѣдствіе возможности наступленія въ его дѣятельности ограниченныхъ мѣстныхъ измѣненій, и картины относящихся сюда случаевъ представляютъ значительное разнообразіе въ своихъ отгѣнкахъ ²⁸⁹).

Въ предшествующей главѣ мы имѣли случай видѣть уже, какія

²⁸⁸) См. цитир. уже сочин. Voisin, 76 и сл.

²⁸⁹) Ball, цит. соч. 226; Luge, цит. сочин., 110, 111, 124, 303. Voisin, цитиров. сочин. 51 и сл.; Maudsley: «La pathol. de l'esprit», 205 и «Body and mind», 103. Ritti, цитир. соч., 103.

странныя, тяжелыя, а подчасъ и причудливыя внутреннія состоянія могутъ порождаться измѣненіями въ окраскѣ простыхъ и сложныхъ чувствованій, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ психическихъ явленій, и которыя въ свою очередь, какъ мы знаемъ теперь, повидимому, стоятъ въ зависимости отъ измѣненій въ условіяхъ кровообращенія. Пониженія послѣдняго въ области мозга, если только они не влекутъ за собою почти полного отпаденія психическихъ функцій, подъ вліяніемъ дѣйствія раздражителей, отражаются въ психической сферѣ психической болью и болевыми состояніями, этими «выраженіями разстройствъ въ питаніи психическаго органа» ²⁹⁰⁾.

При наличности такихъ разстройствъ, всѣ психическіе процессы, даже воспріятія, оттѣняются иногда тягостнымъ и непріятнымъ характеромъ и сопровождаются устойчиво - дѣющимся печальнымъ настроеніемъ — результатомъ измѣненныхъ органическихъ тонацій. На ряду съ этимъ у человѣка появляется большая или меньшая потребность въ покой и бездѣйствіи, стремленіе къ уклоненіямъ отъ вліяній сильныхъ воздѣйствій и страхъ при мысли о нихъ. Теченіе представленій у него замедляется, ихъ ассоціаціи затрудняются, и сфера его воспоминаній значительно ограничивается, потому что слѣды прежнихъ впечатлѣній, не орошаемые въ достаточной степени кровянымъ токомъ, не возникаютъ въ сознаніи. Раздражительность значительно повышается и въ немъ начинаетъ звучать болѣе или менѣе непріязненное и даже враждебное чувство ко всему его окружающему, особенно спокойному, счастливому и наслаждающемуся (здѣсь, вслѣдствіе другихъ особенностей организаци, могутъ быть, впрочемъ, значительныя отличія въ оттѣнкахъ настроенія). Подъ вліяніемъ омрачившагося чувства жизни, въ человѣкѣ развивается апатія (слѣдствіе недостаточности питанія работающихъ центровъ) и полная безучастность даже къ наиболѣе близкимъ и прежде горячо любимымъ людямъ; появляется недовольство жизнію и сопровождающая его безнадѣжность, и человѣкъ утрачиваетъ вѣру въ себя, вѣру въ собственныя силы, которыхъ онъ въ себѣ не ощущаетъ болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утрачиваетъ всякую инициативу и предприимчивость, и вообще умственно и нравственно до крайности суживается, и сосредоточивается на самомъ себѣ, на охватывающемъ и тяготящемъ его чувствѣ собственной неспособности, и на различныхъ внутреннихъ непріятныхъ и болѣзненныхъ ощущеніяхъ, которыя подсказываютъ ему и соответствующія идеи — идеи о собственной непригодности,

²⁹⁰⁾ Kraft-Ebing: «Lehrb. der Psych.», II, 12.

идей о тяготѣнн рока, несправедливости и преслѣдованіяхъ со стороны другихъ людей, ипохондрическія идеи и т. д.²⁹¹).

Я охарактеризовалъ, впрочемъ, особенности наиболѣе рѣзко выраженныхъ случаевъ вліянія ослабленія мозгового кровообращенія и питанія на внутренній міръ человѣка и на его проявленія; все это случаи, по большей части признаваемые за болѣзненные, и потому всѣми выдѣляемые. Но, кромѣ нихъ, существуютъ и другіе, имъ однородные. Дѣйствительность и здѣсь, какъ всегда, представляетъ безчисленное множество переходныхъ степеней и комбинацій, которыя, конечно, далеко не всѣ отличаются и всѣми указанными особенностями, но которыя вообще представляютъ во многомъ однородный характеръ и если не одинаковость подробностей картины, то одинаковость направленія, если можно такъ выразиться.

Исходя отъ собственнаго опыта, нетрудно понять, какъ отражаются и какъ должны отражаться подобныя устойчиво-тяжелыя состоянія, хотя бы и значительно болѣе легкихъ степеней, состоянія подавленности и замедленія процессовъ и сопровождающаго ихъ сознанія собственной неприспособленности, незадачливости и безсилія, на всѣхъ отношеніяхъ человѣка ко всему его окружающему, и какія осложненія могутъ и должны возникать изъ нихъ для него въ ходѣ его совместной жизни съ другими людьми въ круговоротѣ ихъ взаимныхъ столкновеній.

Развиваются подобныя состоянія обыкновенно на почвѣ въ большей или меньшей мѣрѣ унаслѣдованнаго, въ большей или меньшей мѣрѣ благопріобрѣтеннаго ослабленія и истощенія нервно-кровеносной системы. Я приведу здѣсь одинъ изъ примѣровъ развитія подобныхъ состояній.

Нѣкто de L., молодой человѣкъ 15 лѣтъ, находясь въ коллегіи, предавался въ послѣдній годъ чрезмѣрнымъ занятіямъ, которыя его сильно истощили. Сначала у него появилось отвращеніе къ пищѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ усилившееся до того, что L. совсѣмъ пересталъ ѣсть. Наряду съ этимъ у него появилась апатія и вовсе несвойственное его возрасту полное равнодушіе ко всему. Его прежде быстрая рѣчь стала медленна, острота его слуха уменьшилась, пульсъ сдѣлался слабъ, палъ до 32 ударовъ въ минуту, и

²⁹¹) Kraft-Ebing, цитир. сочин. II, 12, 13, 14 и сл. Ritti, цитир. соч. 62, 63, 78, 80, 81, 113, 117 и сл. Д-ръ Nicolson (The Morbid Psychology of criminals въ Journ. of Men. Scien., т. 20) указываетъ, что идея такого характера можно не рѣдко наблюдать между такъ называемыми здоровыми преступниками во время ихъ пребыванія въ тюрьмахъ, стр. 22 и сл.

температура понизилась. L. похудѣлъ, поблѣднѣлъ и ослабѣлъ; у него развилась бессонница и беспокойство по ночамъ и его охватила глубокая тоска.

Воспреещіе занятій, покой и укрѣпляющее лѣченіе возстановили организмъ, подняли пульсъ и температуру, устранили явленія остраго истощенія и сопровождавшія ихъ меланхолическія проявленія ²⁹²).

Въ приведенномъ случаѣ въ недоразвившемся еще организмѣ субъекта сравнительно быстро развилось, подѣ влияніемъ эксцессовъ работы, состояніе остраго истощенія со всѣми его особенностями, которое было однако скоро устраниено соотвѣтствующими цѣлесообразными средствами—средствами успокоенія и укрѣпленія. Въ другихъ по существу сходныхъ, хотя и менѣе рѣзко выраженныхъ случаяхъ то же органическое истощеніе часто развивается медленно и постепенно, какъ результатъ шагъ за шагомъ нарастающагося и суммирующагося влиянія незначительныхъ, но многочисленныхъ эксцессовъ всякаго рода, совершавшихся частію въ теченіе долгой предшествовавшей жизни самого субъекта, а большею частію въ теченіе жизни ряда его восходящихъ поколѣній. Въ этихъ случаяхъ истощеніе нервнокровеносной системы пріобрѣтаетъ болѣе устойчивый и наследственно хроническій характеръ и обуславливаетъ тогда, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, наследственность пауперизма и особые виды преступности ²⁹³). Психическія проявленія такихъ состояній наследственно-хроническаго истощенія выясняютъ намъ весьма много въ этиологіи преступности вообще и въ ходѣ развитія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ преступленій въ частности.

Перейдемъ теперь къ изученію психическаго отраженія явленій оживленія кровообращенія, явленій усиленія притока крови и его ускоренія.

«Нервные клѣтки были бы ничто сами по себѣ», замѣчаетъ Luys, «безъ кровянаго тока, который безпрерывно приноситъ имъ элементы для ихъ дѣятельности».

«Когда кровяной токъ проникаетъ съ слишкомъ большою силою въ существо мозга и нервныя клѣтки, въ соприкосновеніи съ болѣе окисленной средою, чувствуютъ значительно усиленными имъ гистологическія свойства, тогда въ нихъ развивается новое состояніе. Это фаза возбужденія, которое можетъ достигать различныхъ степеней

²⁹²) Veisin, цитир. сочин. 55 и сл.

²⁹³) Интересныя въ этомъ отношеніи данныя о знаменитомъ родѣ Jukes см. въ работѣ Dogdal'a: «The Jukes» и въ первомъ выпускѣ настоящаго сочиненія 295 и сл.

напряженности». «Повсюду, куда кровь прибываетъ въ избытокъ, она развиваетъ естественную дѣятельность охваченныхъ клѣтокъ. Тамъ, въ областяхъ чувственныхъ, въ изобиліи развивается эмотивность; въ областяхъ чисто-интеллектуальныхъ наблюдаются явленія воображенія и ассоціаціи идей, проявляющіяся неудержимо; наконецъ, въ областяхъ психо-моторныхъ совершается чрезмѣрное выдѣленіе нервного возбужденія, которое скопляется и разряжается въ формѣ двигательныхъ явленій, несознательныхъ и многочисленныхъ» ²⁹⁴).

«Когда циркулированіе здоровой крови въ высшихъ мозговыхъ центрахъ совершается быстро, тогда между кровью и нервными клѣтками происходитъ быстрый обмѣнъ, и возникновеніе идей совершается съ живостью. Активное мышленіе вызываетъ, какъ свое слѣдствіе, и активное циркулированіе, которое въ свою очередь есть необходимое условіе непрерывности активнаго функціонированія. Но когда эта циркуляція вырождается въ застои или въ болѣе или менѣе сильный приливъ, что легко бываетъ при слишкомъ продолжительной умственной дѣятельности, или когда приливъ образуется инымъ путемъ, тогда человѣкъ становится неспособенъ думать; оцѣпенѣніе, спутанность мыслей, подавленность, раздражительность, головокруженія, расстройство зрѣнія и слуха, бредъ, а въ тяжелыхъ случаяхъ конвульсіи свидѣтельствуютъ о болѣзненности состоянія». «Застой идей сопутствуетъ застою крови, и человѣкъ, прежде столь сильный и увѣренный въ себѣ, своимъ страхомъ обнаруживаетъ теперь, на какомъ тонкомъ волоскѣ держится все зданіе его интеллекта» ²⁹⁵).

Когда циркуляція крови активна, тогда быстро движущаяся кровь прибываетъ въ мозгъ подъ большимъ давленіемъ и въ сравнительно значительномъ количествѣ проникаетъ въ самые интимные уголки вещества различныхъ нервныхъ центровъ. Тогда значительно увеличивается число идей, появляющихся и проходящихъ въ сознаніи, и тогда вся психическая жизнь чисто начинаетъ блистать удивительнымъ разнообразіемъ и яркостью красокъ. Какое вліяніе оказываютъ условія измѣняющагося кровообращенія въ сторону его оживленія, намъ покажетъ, напр., слѣдующій случай.

Одна молодая служанка начала страдать душевнымъ расстройствомъ и вскорѣ впала въ полное слабоуміе. Въ этомъ состояніи она оставалась много лѣтъ. Но вотъ она случайно заболѣла тифомъ. Привзванный докторъ, знавшій ее прежде, былъ пораженъ тѣмъ, что ему

²⁹⁴) Luys, цитир. соч., 189 и 363.

²⁹⁵) Maudsley: «La pathol. de l'espr.». 262.

пришлось видѣть. Наряду съ развитіемъ горячки шло и развитіе умственныхъ способностей, и больная въ тотъ періодъ болѣзни, когда другіе страдаютъ бредомъ, напротивъ, была вполне разумна. Въ своемъ врачѣ она узнала сына своего старого хозяина, котораго она знавала прежде, и припомнила многія событія своей жизни и своего дѣтства. Но все это было лишь кратковременнымъ проблескомъ разумности. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала горячка, снова заволакивались и умственные способности, и больная вскорѣ впала въ свое прежнее состояніе, въ которомъ и оставалась до самой своей смерти, послѣдовавшей черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого ²⁹⁶).

Ribot приводитъ также заимствованный имъ у Abercrombie слѣдующій крайне интересный случай. Одинъ ребенокъ, вслѣдствіе поврежденій черепа, подвергся трепанаци въ возрастѣ четырехъ лѣтъ. Выздоровѣвъ онъ не сохранилъ ни малѣйшаго воспоминанія какъ о самомъ происшествіи, такъ и о произведенной операци. Но вотъ въ возрастѣ пятнадцати лѣтъ у него развился горячечный бредъ, во время котораго онъ описывалъ своей матери обстоятельства операци, лицъ, при ней присутствовавшихъ, ихъ туалеты и другія мельчайшія подробности съ большою точностью. А между тѣмъ до этого времени онъ никогда не говорилъ объ этомъ и никогда не слыхалъ отъ другихъ рассказанныхъ имъ подробностей ²⁹⁷).

Сходныя явленія наблюдаются иногда и въ часы предсмертной агоніи, когда, какъ это, напр., имѣло мѣсто въ случаѣ Briegge de Voismon's, даже многолѣтніе слабоумные (послѣ 52 л. болѣзни) представляютъ иногда удивительныя вспышки своихъ прежнихъ умственныхъ способностей ²⁹⁸).

Не мудрено поэтому, что многіе извѣстные люди, имѣвшіе нужду въ значительномъ повременномъ напряженіи умственныхъ способностей, прибѣгали какъ бы инстинктивно къ различнымъ искусственнымъ средствамъ оживленія мозгового кровообращенія. Въ сочиненіи пр. Lombroso—«Genio e folia», приведено много подобныхъ примѣровъ и въ томъ числѣ примѣръ Rousseau, который обдумывалъ свои сочиненія съ открытой головой подъ яркими и горячими лучами солнца ²⁹⁹).

Подобно ослабленіямъ и оживленія кровообращенія могутъ быть мѣстныя или болѣе общія. Какъ мѣстныя ослабленія производятъ

²⁹⁶) Mondsley: «La pathol. de l'espr.», 204.

²⁹⁷) «Les maladies de la mémoire», 145.

²⁹⁸) Legrand du Saulle: «La folie devant les tribunaux» 127 и сл.

²⁹⁹) См. 10 и 11 стр.

частичныя временныя замиранія или даже и полныя временныя выпаденія изъ сложнаго существа чловѣка тѣхъ или иныхъ его сторонъ, такъ точно и мѣстныя повышенія кровообращенія порождаютъ болѣе или менѣе напряженныя временныя вспышки различныхъ особенностей этого существа, вызываютъ въ немъ соотвѣтствующія влеченія, которыя, вслѣдствіе своей интенсивности, иногда неудержимо переходятъ въ дѣятельность. Одинъ изъ подобныхъ примѣровъ намъ, между прочимъ, представляютъ эпилептики, у которыхъ во время ихъ припадковъ отпадаетъ, какъ уже замѣчено выше, дѣятельность высшихъ сознательныхъ центровъ, а наряду съ этимъ, повидимому, вслѣдствіе измѣненій условій мѣстнаго кровообращенія³⁰⁰⁾, значительно повышается и получаетъ характеръ неудержимыхъ порывовъ дѣятельность тѣхъ или другихъ низшихъ центровъ, придающая припадкамъ отдѣльныхъ субъектовъ ихъ своеобразный характеръ.

Здѣсь я приведу краткій анализъ одного изъ интереснѣйшихъ случаевъ,—знаменитаго случая Непіетты Согіег, судившейся въ первый разъ 27 февраля 1826 г.

Н. Согіег была служанка. Во время совершенія преступленія ей было 27 лѣтъ. Обычно она отличалась *весьма мягкимъ и веселымъ характеромъ и очень любила дѣтей*, которыхъ всегда осыпала ласками. *Нѣкоторое время она вела довольно распущенную жизнь.* За нѣсколько мѣсяцевъ до катастрофы, въ характеръ Н. Согіег были замѣчены измѣненія: безъ всякой достаточной причины она сдѣлалась задумчива, печальна, мрачна и молчалива. Спусти нѣсколько времени, подъ влияніемъ, повидимому, отвращенія къ жизни, она сдѣлала даже попытку самоубійства и хотѣла при этомъ броситься въ Сену, но была остановлена. За нѣсколько дней до совершенія преступленія, она поступила на новое мѣсто. Здѣсь она посѣщала для закупокъ сосѣднюю лавку, хозяева которой имѣли, между прочимъ, прелестную полуторагодовую дочку. Н. Согіег никогда не имѣла съ ними никакихъ ссоръ и непріятностей, посѣщала ихъ только въ качествѣ покупательницы и, бывая въ лавкѣ, обыкновенно осыпала ласками ихъ маленькую дѣвочку. Въ день убійства, прійдя по обыкновенію за покупками, она также очень много ласкала ее, говорила, что очень любить этого прелестнаго ребенка, и уговаривала лавочницу довѣрить ей его, пока та будетъ одѣваться на прогулку. Получивъ согласіе, Согіег принесла дѣвочку въ квартиру своихъ въ то время отсут-

³⁰⁰⁾ Magnan: «Leçons cliniques sur l'épil.» 3, 14 и 15.

ствовавшихъ хозяевъ, положила ее на свою постель и ножомъ отрѣзала ей голову. Ни во время приготовления къ преступленію, ни во время его совершенія, ни послѣ того, хотя все длилось около четверти часа, Н. Cognier не испытывала никакого волненія и по ея собственнымъ словамъ, „никакого чувства ужаса“; она дѣйствовала *спокойно, хладнокровно, спокойно и сознательно, не испытывая при этомъ ни несприятности, ни удовольствія*. Только немного спустя, при видѣ слишкомъ большаго количества крови, она почувствовала страхъ, но и это было непродолжительно, послѣ чего спокойствіе снова вернулось къ ней. Вскорѣ мать ребенка пришла за нимъ. На ея окликъ съ лѣстницы Н. Cognier два раза спокойно отвѣтила ей: «Вашъ ребенокъ умеръ» (*Il est mort, votre enfant*). Потомъ она выбросила въ окошко на улицу отрѣзанную голову и, не дѣлая никакихъ попытокъ скрыться, сѣла недалеко отъ трупа, и была заарестована въ крайне подавленномъ и какомъ-то оцѣпенѣломъ состояніи. Она призналась во всемъ и все рассказала, но усилія пробудить въ ней какое либо чувство были тщетны. «Я хотѣла ее убить», отрывисто говорила она. На вопросы о причинѣ она отвѣчала, что никакихъ особыхъ причинъ къ тому не имѣла и не можетъ указать ни одной изъ нихъ, что мысль убить ребенка какъ то овладѣла ею въ тотъ самый день часовъ въ двѣнадцать или въ часъ и она привела ее въ исполненіе и что такова уже ея судьба. Приведенная снова къ трупу, она сохранила свое спокойствіе и оставалась въ своемъ подавленномъ состояніи. Произведенное медицинское изслѣдованіе пришло къ заключенію, что преступленіе было совершено во время періода менструаций и что послѣ его совершенія Н. Cognier находилась въ крайне подавленномъ состояніи, при чемъ психические процессы совершались у ней весьма медленно, но что никакихъ признаковъ сумасшествія (*aliénation*) частичнаго или общаго въ ней не замѣчается. Слѣдствіе, несмотря на всю его тщательность, также не открыло никакихъ сколько нибудь достаточныхъ мотивовъ преступленія. Вслѣдствіе отрицательнаго отвѣта присяжныхъ о предумышленіи, Н. Cognier была приговорена къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ.

Таково это знаменитое дѣло. Разстройствъ логической стороны мышленія и бреда у Н. Cognier не было и все ограничивалось измѣненіями въ настроеніи. Повидимому, вслѣдствіе разстройствъ мозгового кровообращенія, а слѣдовательно, и питанія нервныхъ центровъ (медленность психическихъ процессовъ и подавленность), у Н. Cognier развилось состояніе психической сдавленности; при этомъ, какъ бы подъ вліяніемъ какой-то судороги, изъ ея психического существа

вовсе выпали обычные его тонации, — тонация сочувствія къ людямъ, состраданія и любви къ нимъ, вслѣдствіе чего эта прежде добрая и мягкая дѣвушка могла совершенно хладнокровно, спокойно и безчувственно, не испытывая ни непріятности, ни удовольствія, какъ при самомъ обычномъ дѣлѣ, задумать, приготовить и выполнить ужасное преступленіе надъ невиннымъ и симпатичнымъ ребенкомъ, и потомъ безчувственно глядѣть на кровавое дѣло рукъ своихъ. Только подѣ условіемъ подобнаго выпаденія и возможна подобная дѣятельность. Такова одна сторона дѣла. Но наряду съ нею существуетъ и другая. Припомнимъ, что преступленіе совершено во время періода менструацій, которыя порождаютъ у женщинъ мѣстные раздраженія половой сферы. Послѣднія же, какъ мы это имѣли случай видѣть на множествѣ примѣровъ, почему-то способны иногда порождать кровожадные влеченія и вызывать, и упорно фиксировать въ сознаніи и соотвѣтствующія мысли ^{300*}).

Такимъ образомъ, психическое состояніе Н. Cornier въ роковой день преступленія, повидимому, представлялось слѣдующимъ. Въ то время, какъ, подѣ влияніемъ вѣроятныхъ измѣненій въ мозговомъ кровообращеніи, всѣ стороны психическаго существа были сдавлены и нѣкоторыя психическія тонаціи, какъ бы вслѣдствіе какого-то спазма, отпали, специфическое мѣстное раздраженіе, напротивъ, упорно вызывало и фиксировало въ сознаніи опредѣленную мысль, — мысль объ убійствѣ, которая, не сталкиваясь, вслѣдствіе ихъ подавленности, съ противоположными и потому противодѣйствующими чувственными тонаціями и вызываемыми ими контрастирующими представленіями, повластно господствовала въ сознаніи и безъ задержки могла переходить въ дѣйствіе.

^{300*)} При этомъ не безынтересно также припомнить и механизмъ возникновенія кровожадныхъ влеченій у эпилептиковъ, большею частію не сопровождаемыхъ, а иногда и сопровождаемыхъ сознаніемъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Молодой эпилептикъ, страдавшій этой болѣзнію съ самого дѣтства, со страхомъ рассказывалъ доктору, что въ промежуткѣ между припадками къ нему зашелъ какъ-то его близкій пріятель. Они много разговаривали и по обыкновенію не во всемъ соглашались другъ съ другомъ, при чемъ разговоръ ихъ не имѣлъ никакого непріятнаго оттенка и они, какъ всегда, разстались лучшими друзьями. Онъ уже хотѣлъ ложиться спать, но вдругъ, раздумывая надъ бывшимъ разговоромъ, почувствовалъ себя охваченнымъ тоскливымъ раздраженіемъ и гложимъ чувствомъ гнѣва. Его глаза при этомъ случайно остановились на кинжалѣ, лежавшемъ на столѣ. Тогда онъ взялъ его и пошелъ къ своему пріятелю съ твердымъ намѣреніемъ убить его. Онъ позвонилъ и въ то время, какъ ему отпирали, упалъ на землю въ сильномъ припадкѣ. См. Moreau (de Tours): «De la contagion du suicide», 15 и сл.

Что именно путемъ такихъ послѣдовательно-частичныхъ временныхъ выпаденій и вызываемыхъ различными мѣстными раздраженіями частичныхъ возбужденій различныхъ сторонъ психическаго существа совершается теченіе умственно-правственной жизни человѣка подтверждаютъ и многіе другіе, рѣзко выраженные примѣры. Для лучшаго уясненія дѣла приведу здѣсь еще нѣкоторые.

Одна женщина, разрѣшившаяся отъ бремени первымъ ребенкомъ, черезъ 10 дней послѣ родовъ, когда въ организмѣ, вѣроятно, еще не вполне успокоилось мѣстное раздраженіе, вызванное родовымъ актомъ, вдругъ почувствовала, при взглядѣ на своего ребенка, неизвѣстно откуда идущее усиленное желаніе задушить его. Это кровожадное влеченіе въ теченіе цѣлаго дня владѣло ею и порождало въ ней тяжелую внутреннюю борьбу, изнемогая отъ которой она рассказала окружающимъ о своемъ ужасномъ состояніи. Тогда былъ призванъ докторъ. Онъ заговорилъ съ нею о материнской нѣжности. «Я хорошо знаю», отвѣтила несчастная, «что мать должна любить своего ребенка; если я его не люблю, *то это не зависитъ отъ меня*». Новорожденный былъ удаленъ отъ нея и черезъ 8 дней въ ней снова зазвучали инныя временно отпавшія чувственные тонаціи и она сама захотѣла видѣть своего ребенка.

Повидимому, и въ этомъ случаѣ, вѣроятно вслѣдствіе потрясенія организма труднымъ актомъ родовъ (припомнимъ случай частичной утраты воспоминанія послѣ такого же акта) нѣкоторыя чувственные тонаціи,—естественныя тонаціи нѣжности и любви къ дѣтямъ, выпали изъ психическаго существа и на ихъ мѣсто, подъ вліяніемъ сходнаго специфическаго мѣстнаго раздраженія, вспыхнуло кровожадное влеченіе, подсказывавшее и фиксировавшее въ сознаніи, при одномъ взглядѣ на ребенка, мысль о его убійствѣ. Это свое состояніе сама несчастная мать прекрасно выразила говоря: «Я хорошо знаю» и пр. Иными словами: во мнѣ бы должны были звучать извѣстныя чувственные тонаціи, но они почему-то и чѣмъ-то сдвлены и я не виновата въ томъ, такъ какъ это совершается независимо отъ меня.

Д-ръ Магс передаетъ слѣдующій случай, рассказанный ему самимъ Humboldt'омъ. Въ семью Humboldt'a поступила служанка, которой всѣ были очень довольны. Однажды она въ сильномъ волненіи просила позволенія наединѣ говорить съ своей хозяйкой. При этомъ она бросилась передъ ней на колѣни и умоляла ее позволить ей оставить ихъ домъ. Удивленная такой странной просьбой, хозяйка стала усиленно спрашивать ее о причинахъ. Тогда служанка раз-

сказала, что каждый разъ, когда она раздѣляетъ ея ребенка, то чувствуетъ, при видѣ его бѣлаго тѣла, неудержимое влеченіе изрѣзать его и, боясь не совладать съ собою, она предпочитаетъ оставить домъ и уйти.

Этотъ случай особенно интересенъ для насъ потому, что въ немъ специфическое мѣстное раздраженіе, каждый разъ вызывающее усиленное влеченіе и порождающее соответствующую мысль, рѣзко выдѣляется. Въ этомъ случаѣ извнѣ идущее впечатлѣніе отъ бѣлизны тѣла, вслѣдствіе различныхъ причинъ ассоціированное съ сладострастными тонаціями, которыя, какъ мы знаемъ, отбѣняются иногда характеромъ кровожадности, каждый разъ вызываетъ опредѣленное влеченіе, въ свою очередь порождающее упорно фиксирующуюся мысль объ убійствѣ ^{300**}).

Конечно въ данныхъ примѣрахъ мы имѣли дѣло съ случаями болѣзненными, въ которыхъ всѣ явленія такъ рѣзко выражены, какъ они не бывають выражены въ случаяхъ болѣе нормальныхъ. Въ послѣднихъ особенно важное вліяніе можетъ оказывать воспитаніемъ и наслѣдственностью выработанная и не ослабленная привычно задерживающая дѣятельность высшихъ центровъ. Но приведенные случаи потому важны для насъ, что въ нихъ, во первыхъ, общія особенности механизма, обычно значительно замаскированныя, болѣе уловимы, а, во вторыхъ, и потому, что явленія съ значительно сходными особенностями, если только попристальнѣе взглянуть въ отдѣльные

^{300**}) См. Marc, «De la folie» II, 71—117; Georget: «Discussion méd. - lég. sur la folie», 70—131; 50 и сл. Повидимому, подобнымъ же образомъ объясняются нѣкоторые странные случаи распространенія маніи убійствъ, охватывавшей сходно предрасположенныхъ субъектовъ. Известно, напр., что такая манія была вызвана во Франціи дѣломъ Н. Cornier. «Въ 1825 году», говорит Morel («Traité des mal. men. 241») въ Парижѣ только и было рѣчи, что объ убійствѣ ребенка, совершенномъ дѣвицею Cornier; известно, какой отзывъ имѣло это несчастное дѣло. Вскорѣ азіли для душевно больныхъ приняли многихъ женщинъ, страдавшихъ тѣмъ же самымъ ужаснымъ влеченіемъ къ убійству».

Многія изъ этихъ женщинъ, какъ только услышали разсказъ о дѣлѣ Cornier, въ свою очередь тотчасъ же почувствовали неодолимое желаніе убить своихъ или чужихъ дѣтей. Въ одномъ случаѣ совершенно сходное убійство готово было совершиться надъ любимымъ ребенкомъ, но онъ заплакалъ. «Его плачъ возвратилъ мнѣ разумъ», рассказывала несчастная, «и я откинула далеко отъ меня мой рѣзакъ, вспоминая о дѣвицѣ Cornier». См. указан. сочин. Georget, 113. Тотъ же авторъ упоминаетъ о маніи религіозныхъ убійствъ, охватывавшей нѣкоторые кантоны Швейцаріи, въ которыхъ сектаторы пролитіемъ чело- вѣческой крови хотѣли спасать людей. При этомъ онъ рассказываетъ крайне интересный случай подобнаго двойнаго убійства. См. его «Exam. méd. 119 и сл.

казусы, не такъ уже рѣдко встрѣчаются, особенно среди неблагопріятно обставленныхъ членовъ общества, у которыхъ автоматическія раздраженія, вслѣдствіе унаслѣдованныхъ и пріобрѣтенныхъ порочностей психофизической организаціи, играютъ слишкомъ видную роль.

Въ свою очередь, подобно тому, какъ повышенія мѣстнаго кровообращенія въ отдѣльныхъ нервныхъ центрахъ пробуждаютъ и повышаютъ проявленія отдѣльныхъ соотвѣствующихъ сторонъ психическаго существа, такъ и болѣе общія его повышенія часто какъ бы перерождаютъ человѣка, и тогда онъ самъ удивленно говоритъ про себя: «все это явилось у меня неизвѣстно откуда». При такихъ болѣе общихъ измѣненіяхъ кровь, приходящая подъ большимъ давленіемъ, проникаетъ въ интимнѣйшіе уголки центральной нервной системы и оживляетъ слѣды прежнихъ опытовъ, которые, какъ и быстро движущаяся кровь, во множествѣ быстро воскресаютъ въ сознаніи и доставляютъ богатый и разнообразный матеріалъ для умственной жизни даннаго момента. И вотъ тогда давно забытое, казалось утраченное и уже пережитое, оживаетъ снова и иногда появляется на свѣтъ въ рядѣ блестящихъ и легко движущихся картинъ, сопоставленій, выводовъ и заключеній. Память при этомъ быстро развивается, интеллектуальныя способности значительно повышаются, и человѣкъ становится находчивъ и остроуменъ. Одинъ становится поэтомъ, другой ораторомъ, третій импровизируетъ стихотворенія, хотя прежде онъ съ трудомъ подыскивалъ выраженія и т. д. Чувствительность становится болѣе тонкой, человѣкъ дѣлается веселъ, подвиженъ, предприимчивъ, самоувѣренъ и смѣлъ и чувствуетъ себя усилившимся ³⁰¹⁾.

Всѣ подобныя колебанія въ психической личности, какъ болѣе общія — въ настроеніи или чувствѣ собственнаго существованія, такъ и мѣстныя, совершаются у людей устойчивыхъ по большей части сравнительно постепенно, послѣдовательно и длительно, въ зависимости отъ достаточныхъ внѣшнихъ стимуловъ. У такихъ людей кровообращеніе совершается относительно ровно и болѣе или менѣе энергично. Это люди съ устойчивой нервно-кровеносной системой и съ ровнымъ характеромъ. Не то у людей неустойчивыхъ. У нихъ всѣ колебанія и перемѣны происходятъ крайне рѣзко, неожиданно и даже причудливо и часто получаютъ характеръ какой-то безпорядочной смѣны настроеній души, а разсматриваемыя въ своей органической основѣ — какой-то безпорядочной игры сосудовъ. Особенно безпорядочный харак-

³⁰¹⁾ Ball, цитир. сочин., 327 и сл., Ritti, цитир. сочин., 65 и сл., 76 и сл., Luys, цитир. сочин., 123. Marcé: «Des altérat. de la sensibilité», 23.

теръ представляетъ эта игра сосудовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, повидимому, неравномѣрно орошаются и временно чрезмѣрно ослабляются высшіе направляющіе и регулирующіе центры мозга, и когда, поэтому, такъ или иначе возбуждаемые автоматическіе центры приобрѣтають полный просторъ для своей дѣятельности. Наиболѣе рѣзкіе примѣры этого рода намъ также представляютъ эпилептики, у которыхъ дѣятельность высшихъ центровъ временно даже вовсе отпадаетъ. Я уже имѣлъ случай привести весьма многія описанія наслѣдственныхъ психопатовъ и рѣзкихъ колебаній ихъ прихотливаго настроенія, которое невольно поражаетъ даже маловнимательнаго наблюдателя своею крайней неустойчивостью и измѣнчивостью, несоотвѣтствующими сколько нибудь достаточнымъ внѣшнимъ причинамъ. Въ ходѣ настоящей работы мнѣ не разъ приходилось также приводить примѣры причудливыхъ натуръ, у которыхъ то неожиданно вспыхивають, то снова столь же быстро замирають часто весьма странныя влеченія и движенія души. Все это нравственные хамелеоны, столь же неустойчивые, какъ неустойчива ихъ нервно - кровеносная система, порождающая то различныя мѣстныя анеміи, то такія же активныя и пассивныя гипереміи и т. д. Такіе субъекты въ болѣшей или меньшей мѣрѣ и отличаются тѣмъ, что Maudsley называетъ «спазмодическимъ неврозомъ» ³⁰²⁾. Высшее развитіе занимающей насъ особенности замѣчается у истериковъ, характеристической чертой которыхъ, по словамъ Legrand du Sault, является измѣнчивость всѣхъ проявленій. «Всѣ симптомы этого невроза», говоритъ д-ръ Briquet, «анестезія, гиперестезія, спазмы, конвульсіи, параличныя явленія и т. д. могутъ быстро переноситься съ одного мѣста на другое. Эти переносы внезапны, рѣзки и совершаются изо дня въ день, переходя изъ верхней части тѣла въ нижнюю, съ одной половины на другую, отъ той или другой внутренности къ конечности; они часто совершаются такъ, что ихъ причина не можетъ быть уловлена». «Явленія, длящаяся нѣсколько мѣсяцевъ, даже годъ, исчезаютъ въ 24 часа» ³⁰³⁾. Параллельно съ этими измѣненіями въ соматическихъ явленіяхъ совершаются столь же внезапныя, рѣзкія и причудливыя измѣненія и въ явленіяхъ психическихъ, — въ явленіяхъ чувствованій, настроенія, влеченій и т. д.

³⁰²⁾ Maudsley, цитир. соч., 317. Не мѣшаетъ замѣтить, что у подобныхъ личностей, на ряду съ беспорядочно тонирующими побочными тонами, по болѣшей части довольно устойчиво слышится какой либо одинъ основной тонъ ихъ существа, только маскируемый первыми.

³⁰³⁾ «Les hysteriques», 151 и сл. и 521.

Личности, отличающіяся подобными особенностями, не рѣдко фигурируютъ на скамьѣ подсудимыхъ, удивляютъ публику и сосредоточиваютъ на себѣ общественное вниманіе. Въ ходѣ дальнѣйшаго изложенія я буду еще имѣть случай привести примѣры дѣятельности такихъ личностей.

Явленія, наблюдаемыя у загипнотизированныхъ, показываютъ намъ, насколько подвиженъ и чувствителенъ можетъ быть нервно-кровеносный аппаратъ у многихъ личностей. Д-ра Binet и Féré внушали, напр., одной загипнотизированной, находившейся въ состояніи вызваннаго сомнамбулизма, что у нея парализована лѣвая рука и при этомъ будили ее. Черезъ минуту назначенная рука переполнялась кровью, становилась горяча, и красна, покрывалась потомъ на ладонной сторонѣ и наконецъ дѣлалась неподвижной. Путемъ такого же внушенія, вызванное состояніе переносилось потомъ съ парализованной лѣвой руки на правую, при чемъ и всѣ описанныя явленія постепенно повторялись и въ этой послѣдней. Внушеніями экспериментаторы вызывали также временную потерю способности писать, потерю памяти одного какого либо слова, потерю чувства зрѣнія, слуха, вкуса и т. д. ³⁰⁴).

Еще болѣе поразительныя явленія игры сосудовъ, сопровождавшіяся рѣзкими колебаніями и измѣненіями въ чувствительности, представлялъ, какъ мы видѣли, извѣстный истеричный Louis V. ³⁰⁵).

Игра сосудовъ, вызываемая разнообразными виѣшними и внутренними воздѣйствіями, происходитъ постоянно въ теченіе всей жизни каждаго человѣка ³⁰⁶), съ тою лишь разницею, что у людей съ устойчивой нервно-кровеносной системой она совершается, какъ уже замѣчено выше, равномерно и правильно, въ полномъ соотвѣтствіи съ интензивностью вліяющихъ воздѣйствій, тогда какъ у людей неустойчивыхъ колебанія и измѣненія отличаются своей рѣзкостью, беспорядочностью и несоразмѣрностью ³⁰⁷). Здѣсь я приведу слѣдующій

³⁰⁴) См. «Revue scient.» за 1884 г. «Les paralysies par suggestion». См. также цитир. сочин. Tuke, I, 38 и сл., 43 и сл. 45. Bottey, 188, 122, 127, 177, и т. д. Нѣсколько сходныя явленія могутъ быть вызываемы и виѣ состояній гипноза путемъ сосредоточиванія вниманія на той или другой части организма, напр., сердца и пр. См. Tuke, I, 111—120, 130—135. «Мысль, упорно направленная на какой нибудь органъ, стремится увеличить его васкуляризацию, а послѣдовательно и чувствительность», замѣчаетъ Tuke. 207.

³⁰⁵) См. «La grande hyster. chez l'homme», 18, 22, 32, 36—40.

³⁰⁶) См. между прочимъ указанную уже ст. проф. Тарханова въ «Вѣстникѣ Европы».

³⁰⁷) Надо замѣтить, что умѣренные раздраженія производятъ сжатіе сосудовъ; раздраженія очень сильныя производятъ истощеніе и, какъ его слѣдствіе,

интересный примѣръ, повидимому, отраженія значительной неустойчивости нервно-кровеносной системы, съ ея беспорядочной игрой сосудовъ, въ психической жизни человѣка. Начну съ весьма интересной родословной субъекта, которая, какъ и всѣ вообще родословныя недостаточныхъ натуръ, представляется весьма поучительною, раскрывая передъ нами сцѣпленіе причинъ и ихъ роковыхъ послѣдствій.

Дѣдъ съ отцовской стороны занимающаго насъ субъекта S. былъ богатый человѣкъ, но отличался крайней скупостью и всегда чувствовалъ себя дурно, когда приходилось отдавать деньги. Его жена, бабка Z., была весьма ограниченная, тщеславная и очень любившая наряды женщина. Она отличалась отсутствіемъ энергіи и вела свое домашнее хозяйство съ полной беспорядочностью (послѣднее, конечно, въ значительной мѣрѣ было слѣдствіемъ перваго). Отецъ S. унаслѣдовалъ слабость характера своей матери. Это былъ человѣкъ самыхъ обыкновенныхъ умственныхъ способностей, но очень грубый, причудливый, оригинальный, экзальтированный, крайне эгоистичный, вспыльчивый, буйный, самодовольный и большой любитель картъ. Одна изъ расслабленіе. Marey, 377. Въ IV гл. настоящей работы я уже говорилъ о множественности какъ вѣшнихъ, такъ внутреннихъ раздражителей, вліяніе которыхъ ускользаетъ и не улавливается сознаніемъ. Понятно, что при значительной неустойчивости и впечатлительности нервно-кровеносной системы эти многочисленные, скрытые и дѣйствующіе на самыя различныя точки организма ввутренніе и вѣшніе стимулы, суммируясь и отражаясь на сосудо-двигательные аппараты, могутъ и дѣйствительно вызываютъ самую разнообразную и причудливую игру сосудовъ въ различныхъ нервныхъ центрахъ спинного головного мозга и тѣмъ самымъ обуславливаютъ то неожиданныя отпаденія ихъ дѣятельности, то не менѣ неожиданныя усиленія ея вспышки. Въ «Progrès médical» за 1883 г. д-ръ Bernard сообщилъ слѣдующій крайне интересный случай. Одинъ очень образованный и очень развитый человѣкъ обладалъ замѣчательною зрительною памятью, которая ярко рисовала ему всѣ образы со всеми ихъ мельчайшими особенностями. Стоило ему, напр., только просмотрѣть книгу и онъ вѣрно усваивалъ, запечатлѣвалъ и потомъ воспроизводилъ всѣ зрительныя впечатлѣнія отъ книги со всеми ихъ мельчайшими подробностями.

Однажды, *послѣ усиленныхъ занятій и сильнаго волненія*, онъ вдругъ утратилъ свою удивительную зрительную память. Чтобы восполнить образовавшійся крайне неудобный для него недостатокъ, онъ сталъ замѣнять утраченную зрительную память памятью слуховой. Стоило ему прочесть что нибудь нѣсколько разъ вслухъ и онъ ясно уже слышалъ слова прежде, нежели повторялъ ихъ голосомъ наизусть. Въ этомъ случаѣ, повидимому, подъ вліяніемъ игры сосудовъ, несомнѣнно произошло, вѣроятно, временное выпаденіе и замѣна, слѣдствіе чего способность запоминанія перемѣстилась изъ области одного чувства въ область другаго. Мною этотъ фактъ заимствованъ изъ *Annal. méd. - psych.* 1883. Стр. 183.

двоюродныхъ сестеръ S. умерла въ пріютѣ для душевно-больныхъ; она страдала эпилепсіей и послѣдующимъ слабоуміемъ. Дѣдъ S. съ материнской стороны не терпѣлъ противорѣчій и его буйства по временамъ достигали крайнихъ предѣловъ (нервная раздражительность). Онъ очень любилъ хорошій столъ и въ этомъ отношеніи представлялъ большія слабости. Его жена, бабушка S., напротивъ, была крайне апатична и индифферентна (упадокъ жизненности организма). Мать S. была весьма эгоистичная (вѣроятно, наслѣдіе отъ отца, основное сходство съ которымъ для насъ станетъ яснѣе впоследствии) подвижная, причудливая, эксцентричная и суевѣрная женщина. Объ ней говорили, что она одарена большой энергіей, *но напряженія ея воли были минутны* (припомнимъ особенности ея отца и матери). Ея братъ, дядя S., зарѣзался бритвою, чтобы не нарушать своихъ обѣтовъ половой непорочности. Дурно понимаемая имъ религія дѣлала его крайне нетерпимымъ. Несмотря на свою кажущуюся религіозность, онъ былъ сварливъ, раздражителенъ (нервная раздражительность отца), гордъ и очень самодоволенъ. Одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ S. съ материнской стороны удавился, потому что не могъ жениться на любимой дѣвушкѣ. Это былъ молодой человѣкъ съ ограниченными умственными способностями, но очень экзальтированнымъ воображеніемъ, странный, эксцентричный, и весьма много думавшій о себѣ.

Таковы были нѣкоторые изъ восходящихъ S. и его пяти братьевъ и трехъ сестеръ.

Старшій братъ и старшая сестра S. умерли въ самый день рожденія (вѣроятное отсутствіе жизнеспособности). Второй братъ умеръ 66 лѣтъ. Онъ былъ весьма неуживчивъ, раздражителенъ, безгранично гордъ и обладалъ желѣзною волей. Въ теченіе всей своей жизни онъ представлялъ неясные признаки душевнаго расстройства. Третій братъ оставилъ обязанности духовнаго для того, чтобы вступить въ магистратуру. Онъ отличался подвижнымъ, надменнымъ и сварливымъ характеромъ, который дѣлалъ его мало пріятнымъ для окружающихъ. Четвертый братъ S. былъ военный и былъ убитъ на дуэли. Его не любили въ полку по причинѣ его тщеславнаго характера, и склонности дурно отзываться о другихъ и всѣхъ злословить. Пятый братъ былъ священникъ. Объ особенностяхъ его характера ничего неизвѣстно.

Одна изъ оставшихся въ живыхъ сестеръ S. была женщина очень слабой организаціи и неустойчиваго здоровья. Она была отчасти слабоумна отъ рожденія, меланхолична и гипохондрична. Признаки душевнаго расстройства у нея обнаружилились послѣ одной сильной ссоры съ братомъ; она умерла въ пріютѣ для душевно-больныхъ. Другая

сестра S. была тихая женщина. Она отказалась отъ замужества по избытку набожности (припомнимъ ея дядю), поступила въ монашескій орденъ и умерла сестрой при госпиталѣ.

Такова семья S. Нервная раздражительность, неустойчивость и большая подвижность характеровъ, нѣкоторыя уклоненія въ сферѣ полового чувства, эгоизмъ, грубость, надменность, эксцентричность, поверхностная религіозность, склонность къ самоубійству и умственная ограниченность — таковы нѣкоторыя изъ наиболѣе выдающихся особенностей этой вырождающейся семьи.

Самъ S. отличался съ ранняго возраста страннымъ, причудливымъ, эксцентричнымъ и — что теперь для насъ особенно интересно — крайне непостояннымъ, подвижнымъ и безпокойнымъ характеромъ. Онъ унаслѣдовалъ чрезмѣрно развитый эгоизмъ своей семьи и потому не зналъ иного бога, кромѣ самого себя и своей личности. По его собственному признанію, онъ бывалъ счастливъ только тогда, когда имъ занимались, проявляли къ нему вниманіе, уваженіе или удивленіе. Свое образованіе онъ началъ въ семинаріи, готовясь къ духовному званію. Послѣ этого онъ перебивалъ подъ разными именами въ семи католическихъ монастыряхъ, но нигдѣ не могъ ужиться долго *по причинѣ подвижности и измѣчивости своего характера*. Будучи католическимъ духовнымъ и монахомъ, онъ неожиданно перешелъ въ 1837 г. въ протестантизмъ и сталъ писать статьи въ газетахъ противъ религіи и священниковъ, но *вскорѣ потомъ снова вернулся къ своей прежней религіи*. Подъ вліяніемъ своего измѣчиваго характера и большой впечатлительности, онъ не могъ оставаться на мѣстѣ и съ 1838—1840 гг. бродилъ по Франціи, Испаніи и Италіи, *занимаясь пропагандой протестантизма*. Въ 1841 году онъ попалъ въ первый разъ въ больницу для душевно-больныхъ и съ этихъ поръ онъ подъ разными именами часто (отъ 25—30 р.) бывалъ въ подобныхъ учрежденіяхъ. Онъ нерѣдко приходилъ также въ столкновение съ судами по обвиненіямъ въ бродяжествѣ, нищенствѣ, обманахъ, фальсификаціи и въ проступкахъ прессы. Въ 1847 г. онъ вызвалъ по поводу одной назначенной смертной казни возмущеніе въ Дижонѣ. Въ своемъ сообщеніи совѣтнику префектуры называетъ его *«интеллигентнымъ сумасшедшимъ»* (fou intelligent), который не можетъ быть признанъ душевно-больнымъ въ легальномъ смыслѣ этого слова, но который ложится тяжелымъ бременемъ на общественныя кассы.

Находясь въ госпиталѣ подъ наблюденіемъ д-ра Comragne, S. отличался надменнымъ характеромъ и *крайнимъ эгоизмомъ*. Онъ проявлялъ большую самоувѣренность, до болѣзненности развитое самолюбіе, тщ-

славіе, требовательность и усиленную склонность къ деспотизму. Онъ составлялъ себѣ самыя опредѣленные мнѣнія о лицахъ и предметахъ по первому впечатлѣнію и при этомъ не терпѣлъ противорѣчій. Онъ былъ льстивъ и иногда подобострастенъ съ высшими, но грубъ и заносчивъ съ равными и всѣхъ окружающихъ заставлялъ ненавидѣть себя. «Мы должны прибавить», замѣчаетъ д-ръ Comraigne, «что почти всегда чисто физическое впечатлѣніе служить основаніемъ для его оцѣнокъ, *которыя измѣняются изо дня въ день и даже съ минуты на минуту*». «Несмотря на свои повторяющіяся утвержденія, аналогичныя слѣдующему: «ничто не могло бы заставить меня измѣнить характеръ моего поведенія; моя цѣль дѣлать добро всегда и вездѣ» (интересно это глубокое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, а можетъ быть и между желаніемъ и дѣломъ), *этотъ больной измѣняется съ минуты на минуту въ своихъ вкусахъ и въ своихъ мысляхъ*. Онъ имѣетъ только одно постоянство — постоянство надменности, эгоизма, злости и лжи, у него все исходитъ изъ чрезмерно усиленнаго чувствованія собственной личности и все сводится къ нему». «Его природная злость доставляетъ ему безконечныя наслажденія, когда онъ развязываетъ свой скверный языкъ и когда онъ видитъ выражающееся страданіе на лицѣ того, кого мучить его злоба. *Ею болтливость необычайна и онъ съ удивительною легкостью переходитъ съ предмета на предметъ*».

Таковъ переливчатый, если можно такъ выразиться, характеръ этой странной и недостаточной личности, во всемъ своемъ существѣ сохраняющей унаслѣдованныя особенности своей порочной и вырождающейся семьи, члены которой своимъ образомъ жизни подготовляли въ рядѣ поколѣній финальную развязку — созданіе этого особаго «экстра-физиологическаго типа», по выраженію д-ра Comraigne ³⁰⁸⁾.

³⁰⁸⁾ «Traité de la manie raisonnée», 395 — 422. Здѣсь я разсматривалъ этотъ характеръ только со стороны его необычайной неустойчивости и поразительной измѣчивости. Но онъ представляетъ значительный интересъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Въ немъ мы наблюдаемъ — что особенно важно для насъ — унаслѣдованныя, а потому прирожденно устойчивыя порочныя особенности натуры, уживающіяся на ряду съ яснымъ умомъ и чрезвычайно сильно предрасполагающія ихъ обладателя къ различнымъ проступкамъ и преступленіямъ. Другая представительница той же категоріи резонирующихъ маніаковъ всегда отличалась большой капризностью, большими странностями и столь значительной измѣчивостью, что «на завтра она ненавидѣла тѣхъ, кою, казалось, еще вчера любила». По временамъ она предавалась нѣбожности съ чрезмернымъ рвеніемъ и намъревалась посвятить себя всецѣло монастырской жизни, но затѣмъ быстро мѣнялась, начинала рядиться и упрясть, что замужество есть ея призваніе. Тѣмъ же непостоянствомъ она отличалась во

Понятно, что столь тонкий и сложный аппаратъ, какимъ представляется аппаратъ кровообращенія, работающій непрерывно въ теченіе всей жизни человѣка, помимо различныхъ разстройствъ и уклоненій въ функционированіи своей иннервации, можетъ еще подвергаться и разнообразнымъ порчамъ въ своихъ многочисленныхъ и тонкихъ частяхъ, особенно если у даннаго субъекта онъ наследственно неустойчивъ. Образовавшіяся мѣстныя разномѣрные расширенія, имѣющія большее или меньшее протяженіе по длинѣ сосудовъ (особенно мелкихъ), мѣстныя болѣе или менѣе полныя выполненія просвѣта мелкихъ сосудовъ, разнообразныя порчи стѣнокъ и т. д.—таковы нѣкоторыя изъ образующихся разстройствъ сложнаго аппарата кровообращенія³⁰⁹), слѣдствіями которыхъ являются мѣстные застои крови, мѣстныя болѣе или менѣе полныя задержки ея притоковъ и т. д. Если мы припомнимъ, какое неизмѣримо важное значеніе имѣетъ кровь и особенности ея движенія въ различныхъ частяхъ организма, то намъ не трудно будетъ понять, какія важныя нарушенія правильности хода органической и психической жизни могутъ и дѣйствительно влекутъ за собой всѣ подобныя порчи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія достаточно значительны, болѣзненный характеръ ихъ слѣдствій становится очевиденъ, и явленія изъ области фізіологической, по общему признанію, переходятъ въ область патологическую. Не то, когда порчи сравнительно не столь значительны. Въ этихъ случаяхъ и вызываемыя ими психическія уклоненія столь рѣзко не бросаются въ глаза, а являются съ характеромъ болѣе или менѣе важныхъ недостатковъ.

Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, тотъ поистинѣ удивительный механизмъ, посредствомъ котораго въ различные моменты жизни, подъ вліяніемъ многообразныхъ раздражителей, совершаются разномѣрные распредѣленія крови по различнымъ частямъ организма. Кровь то скопляется къ конечностямъ и нѣкоторымъ соотвѣтствующимъ центрамъ мозга, то отливаетъ къ опредѣленнымъ частямъ мозговой коры³¹⁰), то направляется къ тѣмъ или другимъ внутренностямъ, оживляетъ ихъ спеціальную чувствительность, заставляетъ звучать ихъ своеобразныя тоны, которые или входятъ составными частями въ сложный тонъ настроенія, или же выдѣляются на его фонѣ какъ самостоятельныя и индивидуально распознаваемые звуки. Проф. Бот-

всѣхъ своихъ вкусахъ и съ отвращеніемъ отталкивала сегодня то, чѣмъ наслаждалась и восхищалась еще вчера. См. цитир. сочин. Comragne, 465 и сл.

³⁰⁹) См., напр., цитир. сочин. Voisin, 17, 18, 98, 99, 102—106, 263; Luys цитиров. сочиненіе, 16, 17, 18.

³¹⁰) Marey, цит. сочин., 539, 540, 541. Luys, цит. соч., 193.

кинъ замѣтилъ, напр., на нѣкоторыхъ больныхъ, что размѣры ихъ селезенки измѣнялись (конечно, вслѣдствіе измѣненій въ количествѣ находящейся въ ней крови) при различныхъ душевныхъ движеніяхъ³¹¹⁾. Такія же повременныя измѣненія въ количествахъ крови происходятъ, конечно, и въ другихъ внутренностяхъ и въ соответствующихъ имъ мозговыхъ центрахъ различнаго порядка, или въ ихъ центрахъ управленія.

Эти разнообразныя распредѣленія крови по различнымъ внутреннимъ органамъ играютъ громадную роль въ экономіи психической жизни человѣка и оказываютъ рѣшающее вліяніе на окраску самочувствія. Идущіе отъ различныхъ внутреннихъ органовъ и ихъ нервныхъ центровъ болѣе или менѣе сильныя, яркіе и полные спеціальныя тоны, входящіе въ составъ общаго сложнаго чувства собственнаго существованія каждаго даннаго времени, придаютъ особый отпечатокъ всей нравственной личности человѣка, отпечатокъ тѣмъ болѣе постоянный, чѣмъ постояннѣе и сильнѣе звучатъ тоны той или другой органической системы въ его самочувствіи³¹²⁾. Последнее образуя основной фонъ психической личности, опредѣляетъ въ свою очередь ея влеченія, вкусы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ самаго мышленія, которое какъ бы подсказывается имъ³¹³⁾.

311) «Вѣстникъ Европы», 1884, цѣт. ст. проф. Тарханова.

312) Весьма важное значеніе въ отношеніи совершенствъ психической жизни человѣка имѣютъ выгодно сочетанныя то болѣе или менѣе длительныя вспыхиванія, то болѣе или менѣе быстрыя замиранія различныхъ спеціальныхъ тоновъ и чувствъ въ связи съ опредѣленными категоріями впечатлѣній и мыслей. Вспыхнетъ ли въ должное время и въ выгодной мѣрѣ при извѣстной мысли чувство стыда и раскаянія, зазвучитъ ли при одной категоріи впечатлѣній чувство здороваго негодованія, а при другой чувство животворной любви или благожелательности—все это, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ главѣ о привычныхъ нервныхъ путяхъ, составляетъ одно изъ величайшихъ совершенствъ психической организаціи, такъ какъ безъ соотвѣтствующимъ чувствомъ многое хорошее, выработанное вѣковымъ общественнымъ опытомъ народовъ, превращается въ сухую и бесплодную формальность. Поэтому постепенно выработанный привычный способъ функціонированія вазомоторной нервной системы съ зависящими отъ него особенностями въ распредѣленіи крови по органамъ имѣетъ рѣшающее значеніе.

313) Для примѣра приведу нѣсколько случаевъ, которые всего лучше выяснять намъ это соотношеніе.

Одинъ изъ резонирующихъ маниаковъ, наблюдавшійся д-мъ Сомрагне, представлялся по основнымъ органическимъ тонамъ своего постояннаго настроенія крайне эгоистичнымъ, надменнымъ, очень неблагожелательнымъ и злобнымъ. Его умственныя способности вообще были недостаточно развиты. Но въ «мелочахъ, въ сплетняхъ, въ злобныхъ выходкахъ онъ проявлялъ удивительную проницательность и утонченность». Другой резонирующій маниакъ, описанный

Необычайно важную роль въ распредѣленіяхъ крови и въ опредѣленіи ея вмѣщающагося количества (богатство орошенія) по различнымъ органамъ играетъ приспособленіе ³¹⁴⁾ и привычность какъ унаслѣдованныя, такъ и выработанныя въ теченіе личной жизни субъекта.

тѣмъ же авторомъ, отличался сходными же основными тонами обычного настроенія. «Онъ дразнилъ однихъ, билъ другихъ и всемъ говорилъ самыя оскорбительныя вещи и дѣлалъ все это съ такимъ искусствомъ и съ такою тонкой лживостью, какихъ на первый взглядъ степенъ его умственныхъ способностей не позволяла предполагать въ немъ». «Памяти на хорошее у него не существовало (*sa mémoire pour les bonnes choses est nulle*), тогда какъ воспоминанія о его хитростяхъ, о его злобныхъ выходкахъ и о его нападкахъ представлялись глубоко врѣзавшимися въ его умъ и могущественно способствовали развитію его дурныхъ склонностей». Описывая еще одну крайне эгоистичную, индифферентную, ко всемъ завистливую и зложелательную больную той же категоріи, д-ръ Сомрагне замѣчаетъ: «Она видитъ только дурныя стороны людей и предметовъ и ея проницательность въ этомъ отношеніи поистинѣ удивительна. Она прекрасно подмѣчаетъ массу мельчайшихъ подробностей, которыя, будучи анализированы, сравнены и сооставлены съ рѣдкимъ искусствомъ, позволяютъ ей ловко вставить недоброжелательную характеристику, которую никто не могъ бы предположить». «Имѣя дѣйствительное, по моему мнѣнію, желаніе не говорить ничего (дурнаго о другихъ), *но безсознательно подчиняясь вліянію своихъ влеченій*, г-жа М. не могла удержаться, чтобы не высказывать своихъ нехорошихъ впечатлѣній». «Можно бы сказать, что умъ ея обладаетъ способностью, специально предназначенной для выбора наиболее колкихъ и наиболее язвительныхъ выраженій». «Ея словарь не выходитъ изъ очень узкихъ предѣловъ; но какое богатство! какое разнообразіе выраженій! При этомъ необходимо видѣть тактъ, съ которымъ совершается ихъ выборъ. При помощи двухъ, трехъ словъ, прекрасно приспособленныхъ къ обстоятельствамъ, она обрисовываетъ съ большою силою характеръ и странности лица; ея превосходство въ этомъ отношеніи поистинѣ удивительно. Наконецъ, позы, жесты, гримасы и даже тонъ голоса удивительно способствуютъ выраженію ея мыслей и значительно увеличиваютъ силу ея словъ. Видъ этой сѣры г-жа М. женщина очень обыкновенная», которая, несмотря на все старанія ея родителей и на переводы изъ одного учебнаго заведенія въ другое, *не могла ничему научиться и теперь съ трудомъ читаетъ и пишетъ*. Она «никого не любитъ, тѣмъ болѣе животныхъ; самое большее, если она привязывается къ предметамъ, служащимъ ей для употребленія, но и эта привязанность непродолжительна». «Вся ея болѣзнь», замѣчаетъ д-ръ Сомрагне, «заключается въ ея характеръ». Цитиров. сочиненіе, 517, 541, 543, 552 и сл. Во всехъ только что приведенныхъ случаяхъ мы видимъ, что развивались, были сильны и рѣзко выдѣлялись только тѣ стороны умственныхъ способностей, *которыя питались и возбуждались усиленно развитыми особенностями инстинктивной природы*.

³¹⁴⁾ Однимъ изъ примѣровъ подобнаго приспособленія намъ могутъ служить постепенно иногда образующіяся въ полостяхъ внутренностей объемистыя кисты, которыя во время своего существованія не нарушаютъ, повидимому, крово-

Постоянный калибръ сердца и сосудовъ, богатство ихъ мельчайшихъ развѣтвленій, а слѣдовательно, и богатство кровяного орошенія вообще и по отдѣльнымъ многочисленнымъ органамъ и частямъ организма въ частности, особенности стѣнокъ сосудовъ, ихъ иннервации, впечатлительности и обычнаго тона—все эти особенности, обусловливающія достоинства и недостатки кровообращенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и питанія организма, не одинаковы у отдѣльныхъ личностей, а, напротивъ, представляютъ многообразныя комбинирующіяся различія. Послѣднія обусловливаются большею частію наслѣдственной передачей врѣзавшихся въ организмы *слѣдовъ опытовъ, упражненій и вліяній* всей жизненной обстановки восходящихъ вообще, а отчасти и всѣми условіями предшествующей жизни самой дѣйствующей личности. Та или другая обычная температура, та или другая сумма обычно дѣйствующаго свѣта, тѣ или другія особенности атмосферы, *та или другая сумма и тотъ или другой характеръ упражненій*, количества и качество пищи, напитковъ и т. д.—все это оказываетъ могущественное вліяніе на количество и качества крови и на особенности ея общаго и мѣстныхъ обращеній въ различныхъ частяхъ организма. Указанныя часто раздѣльно минимальныя вліянія, постепенно суммируясь, порождаютъ въ рядѣ поколѣній тѣ рѣзко уже выраженные унаслѣдованныя и пріобрѣтенныя особенности, которыя отмѣчаютъ кровяное орошеніе и питаніе у различныхъ личностей. «Наслѣдственность не ограничивается, какъ извѣстно, одною только передачею внѣшнихъ особенностей индивидуума», замѣчаетъ д-ръ Dejerine; «ея вліяніе въ своей общности распространяется одинаково какъ на внутреннее, такъ и на наружное устройство организованнаго существа, сверхъ того, оно распространяется и на передачу особенностей тканей и системъ» ³¹³). «Существуютъ семьи», говоритъ Lucas, въ которыхъ сердце и калибръ главныхъ сосудовъ очень значительны отъ природы; другія, въ которыхъ они сравнительно малы; третьи, въ которыхъ, какъ констатировалъ Corvisart, они представляютъ одинаковые недостатки образованія». «Однѣ семьи обладаютъ гораздо

обращенія заключающихся въ этихъ полостяхъ внутренностей. Но если разомъ извлечь содержимое кистъ, то во внутренностяхъ образуются иногда сильнѣйшіе приливы крови, указывающіе на недостаточность силы сокращенія сосудовъ этихъ органовъ. Это уменьшеніе силы ихъ сократимости было пріобрѣтено путемъ медленнаго ихъ приспособленія къ условіямъ давленія, которымъ они были подчинены» С. Мареу, цит. соч. 381. На вліяніе привычности въ распредѣленіяхъ крови и примѣры ея я уже указывалъ въ 169 примѣч. къ этому сочиненію.

³¹³) «L'héréd. dans les malad. du systèm. nerv», 4.

болѣе обильнымъ количествомъ крови, нежели другія». Воспроизведение путемъ наслѣдственной передачи такихъ анемиковъ, у которыхъ анемія не представляетъ еще степени болѣзни, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а только «родъ естественнаго обезцвѣчиванія организаци» (*une sorte d'étiollement naturel de l'organisation*), наблюдается, какъ говоритъ Lucas, во многихъ семьяхъ и профессіяхъ. Наблюдается также наслѣдственная передача особенностей состава крови, передача наклонностей къ ея приливамъ къ извѣстнымъ органамъ, наклонностей къ крововизліаніямъ, вслѣдствіе которыхъ даже легкіе уколы въ нѣкоторыхъ семьяхъ порождаютъ крайне трудныя кровотеченія и т. д. ³¹⁶⁾.

Я уже приводилъ случай наслѣдственной передачи отъ матери къ дочери весьма характернаго способа краснѣнія ³¹⁷⁾. Въ своей статьѣ, озаглавленной «*Les familles des aliénés*», проф. Balli утверждаетъ на основаніи произведеннаго имъ сравнительнаго изслѣдованія ста семей прогрессивныхъ паралитиковъ, что въ нихъ не существуетъ наслѣдственнаго предрасположенія къ сумасшествію (*folie*), а только наслѣдственное предрасположеніе къ приливамъ крови къ мозгу (*l'hérédité des tendances congestives*) и что нисходящіе паралитики, избѣгнувшіе менингита, представляютъ, какъ наслѣдственную особенность, постоянное мозговое возбужденіе (слѣдствіе того же активнаго и богатаго кровянаго орошенія мозга). Последнее съ раннихъ поръ дѣлаетъ ихъ чрезвычайно интеллигентными и способными ко всему ³¹⁸⁾.

Въ унаслѣдованіи особенностей аппарата кровообращенія, общаго и мѣстнаго калибра сосудовъ, ихъ богатства по отдѣльнымъ органамъ, ихъ силы, устойчивости, ихъ иннервации и особенностей ассоціации иннервирующихъ ихъ нервныхъ путей и т. д. необходимо, какъ мнѣ кажется, искать разгадки многихъ странныхъ явленій унаслѣдованія особенностей психической жизни. Приведу здѣсь одинъ изъ относящихся сюда примѣровъ. Одна женщина послѣ первыхъ родовъ стала страдать эпилепсіей, при чемъ проявляла сильныя импульсивныя влеченія къ убійству. Ея отецъ, также эпилептикъ и застарѣлый пьяница, во время приступа убилъ свою жену и 2 своихъ дѣтей. Такимъ образомъ, къ его наслѣдницѣ вмѣстѣ съ эпилепсіей перешло и испытанное имъ во время припадка влеченіе къ убійству ³¹⁹⁾.

³¹⁶⁾ «*L'héréd. natur.*». I, 222, 233 и слѣд.

³¹⁷⁾ См. 313 примѣч. наст. раб.

³¹⁸⁾ «*L'encéphale*», 1883, 4.

³¹⁹⁾ Dejerine: «*L'hérédité dans les malad. du syst. nerveux*», 102. Д-ръ Magnan рассказываетъ про одну эпилептичку, которая передъ самой потерей сознанія обыкновенно безсознательно вскрикивала: «*matan*». «Интересно замѣтить по

Послѣ всего сказаннаго не трудно понять основную важность для особенностей психической жизни выработавшихся особенностей кровеносной системы и ея иннервации. Уже малѣйшія движенія души чловѣка неизбѣжно отражаются на дѣятельности его сердца и сосудовъ въ ихъ различныхъ отдѣлахъ и вызываютъ у него разнообразныя распредѣленія крови по органамъ его тѣла. Проф. Боткинъ замѣтилъ, напр., у одного пациента, что одно только представленіе о грустномъ положеніи вызывало отчетливыя замедленія сердцебіеній и нарушенія правильности ихъ ритма ³²⁰). Проф. Mosso наблюдалъ также какъ одно появленіе какой либо мысли быстро вызывало уже перемѣщеніе крови изъ конечностей къ мозгу, къ его коркѣ ³²¹).

Прильетъ ли кровь во время и въ достаточномъ количествѣ къ данному органу, къ данному нервному центру, оживитъ ли она его въ достаточной степени, произойдетъ ли затѣмъ правильный и быстрый переливъ ея къ другимъ органамъ и къ другимъ нервнымъ центрамъ и совершится ли такимъ образомъ правильное, своевременное и соразмѣрное ихъ вступленіе въ дѣятельность и послѣдующее выступленіе изъ нея—всѣмъ этимъ, повидимому, обуславливается совершенство исполненія сложной пьесы душевной жизни чловѣка.

Въ самой тѣснѣйшей связи съ вліяніями количества притекающей крови и скорости ея прохожденія черезъ самые сокровеннѣйшіе уголки организма находится и вліяніе состава крови, который въ свою очередь воздѣйствуетъ на самый аппаратъ кровообращенія и его функці-

этому поводу», говоритъ авторъ, «что ея сынъ, также эпилептикъ, *представляетъ ту же самую ауру*». («*Leç. clin. sur l'épilep.*», 16. Не трудно понять, какую важную роль для выработки сначала привычныхъ, а потомъ и наслѣдственно инстинктивныхъ способовъ функционированія нервно-кровеноснаго аппарата можетъ и должно играть воспитаніе, устанавливающее прозжіе нервные пути. Опыты съ гипнотизированными показываютъ намъ, что при помощи внушеній вызываются разнообразныя и опредѣленныя перераспредѣленія крови по частямъ организма, которыя, много разъ повторяясь, становятся привычными и легче вызываемыми. Подобно этому и воспитатель, не только приказывая, но постоянно разъясняя и своими умѣлыми внушеніями намѣренно вызывая желательныя ассоціаціи впечатлѣній, представленій и чувствъ, можетъ совершить чрезвычайно многое въ дѣлѣ воспитанія кровеносной системы. Многократныя хорошо рассчитанныя упражненія и опыты воспитательнаго періода, постепенно вырабатывая не только привычки, но и создавая соотвѣтствующіе имъ вкусы и влеченія, въ свою очередь будутъ вырабатывать наклонность къ ихъ дальнѣйшему закрѣпленію.

³²⁰) См. цитированную ст. проф. Тарханова.

³²¹) См. *Nuovi studi di fisiol. speriment.*

енированіе ³²²⁾. Кровь—это питательная жидкость, которая повсюду приносит съ собой питательный матеріалъ, необходимый для замѣны отжившаго и отработавшаго. Понятно поэтому, что ея качественный составъ долженъ имѣть рѣшающее вліяніе какъ на питаніе всѣхъ частей организма вообще, такъ и на питаніе самого кровеноснаго аппарата съ его вазомоторными нервными центрами и исходящими отъ нихъ нервными волокнами.

Вліяніе состава крови на психическія проявленія всего нагляднѣе наблюдается при посредствѣ введенія въ кровь различныхъ постороннихъ веществъ, каковъ, напр., алкоголь. Его присутствіе въ крови въ значительномъ количествѣ развиваетъ передъ нами, въ сравнительно короткій промежутокъ времени, подвижную картину постепенно нарастающихъ душевныхъ разстройствъ, представляющихъ сходство съ душевными разстройствами, наблюдаемыми при душевныхъ болѣзняхъ.

Первыя слѣдствія введенія въ кровь алкоголя—возбужденіе общаго кровообращенія и повышеніе прилива крови къ мозгу. Наряду съ этими органическими явленіями въ настроеніи человѣка замѣчаются перемѣны: онъ оживляется, становится веселъ и испытываетъ значительное благосостояніе; онъ чувствуетъ себя бодро и хорошо и его способности значительно обостряются. Его находчивость и сообразительность увеличиваются, представленія его возникаютъ и текутъ легко и свободно, его чувствительность ярко вспыхиваетъ и онъ становится откровеннѣе и благожелательнѣе ко всѣмъ его окружающимъ. Этотъ періодъ повышенія длится нѣкоторое время, а потомъ наступаетъ періодъ постоянно нарастающагося угнетенія. Кровообращеніе замедляется, обильное кровяное орошеніе мозга постепенно смѣняется его обезкровленнымъ или анемичнымъ состояніемъ, окисленіе крови и выдѣленіе угольной кислоты ослабляются, и алкоголь оказываетъ вліяніе на нервную ткань, отличающуюся своей неустойчивостью. Наряду съ этимъ идетъ постепенно развивающееся ослабленіе всѣхъ способностей и въ достаточно подвинувшійся періодъ опьянѣнія «не остается болѣе никакихъ слѣдовъ того разума—истеченія Божества, который возвышаетъ человѣка надъ всѣмъ твореніемъ». Мышленіе постепенно угасаетъ, всѣ чувства замираютъ, воля расслабляется и даже способность рѣчи отпадаетъ и, наконецъ,

³²²⁾ Все это крайне тѣсно связано, и примѣшивающійся, напр., къ крови алкоголь вліяетъ не только на орошаемыя кровью части организма, но и на самое кровообращеніе, сосуды и проч. См., напр., сочин. Магнанъ: «L'alcool.», 13 и сл.

совершается переходъ въ разслабленно-безчувственное состояніе, сопутствуемое только беспорядочными рефлекторными движеніями, вызываемыми вліяніемъ различныхъ сильныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ раздражителей. Въ заключеніе всего наступаетъ летаргическій сонъ, часто сопровождаемый анестезіей, при наличности которой опьянѣлый человѣкъ остается нечувствительнымъ даже къ весьма важнымъ насильственнымъ поврежденіямъ ³²³).

Подобно алкоголю и многія другія вещества, примѣшанныя къ крови, оказываютъ свое болѣе или менѣе рѣзко выраженное вліяніе. Таковъ, напр., никотинъ табака, который въ малыхъ дозахъ производитъ суженіе сосудовъ, а въ большихъ—вызываетъ ихъ разслабленіе ³²⁴) и т. д.

«Мы можемъ прекратить на время ея дѣятельность (то есть дѣятельность души) при помощи хлорала или хлороформа», говоритъ Maudsley, «мы можемъ повысить ея функціи при посредствѣ малыхъ дозъ опиума или умѣренныхъ дозъ алкоголя; мы можемъ извратить ихъ, производя искусственный бредъ при помощи достаточно большихъ дозъ белладоны и индійской конопли» ³²⁵).

Повидимому, не менѣе рѣшительное, хотя и болѣе замаскированное вліяніе на физику и психику организма оказываютъ измѣненія въ собственныхъ составныхъ частяхъ крови, которая, представляеть въ этомъ отношеніи большое разнообразіе какъ по отдѣльнымъ націямъ, семьямъ и индивидуумамъ, такъ и по временнымъ колеблющимся состояніямъ одного и того же лица. Увеличеніе или уменьшеніе соотносительнаго количества красныхъ и бѣлыхъ шариковъ крови, большее или меньшее количество содержащагося въ ней кислорода, необходимаго для окисленія тканей и работы организма, большее или меньшее накопленіе въ ней угольной кислоты, большее или меньшее содержаніе альбумина, жировыхъ веществъ и т. д.—все это оказываетъ, повидимому, значительное вліяніе на проявленія души ³²⁶). Стоить, напр., указать на измѣненія въ личности человѣка при развитіи у него состояній бѣлокровія.

³²³) Bouchardat: «Traité d'hygiène». 297 и сл. Baer: «Der Alcoholism », 27 и сл. «Три капли эссенціи абсента», замѣчаетъ Richet, «и тотчасъ вся интеллектуальная жизнь индивидуума измѣняется. Идеи трансформируются; воображеніе становится блестящимъ; воспоминанія изобилуютъ; силы кажутся удесатеренными: это другое я, которое замѣстило я прежнее», цит. соч. 51 и сл.

³²⁴) Marey, цит. соч. 387.

³²⁵) «Body and mind», 104.

³²⁶) Bouchardat, цитир. соч., 419, 423, 567. Carpenter, цитир. сочин., 40. Letourneau, цитир. соч., 359, Take, цитир. сочин., I, 182.

Все, сказанное о крови и о ея измѣняющихся распредѣленіяхъ по различнымъ органамъ убѣждаетъ насъ еще одинъ лишній разъ, что даже самыя, казалось бы, незначительныя и скрытыя въ глуби тайниковъ растительной жизни органическія особенности неизбѣжно, такъ или иначе, отражаются въ особенностяхъ психической жизни, въ сферѣ сознанія человѣка, которую поэтому можно разсматривать, какъ зеркало, вѣрно отражающее всю безъ исключенія органическую жизнь со всѣми ея мельчайшими особенностями, но отражающее ее при помощи своеобразныхъ опредѣленныхъ знаковъ ³²⁷). И дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, особенности аппарата и процесса кровообращенія, такъ или иначе, отражаются на основныхъ психическихъ элементахъ—чувствованіяхъ и вызываютъ разнообразныя колебанія и уклоненія въ ихъ оттѣнкахъ и яркости. Въ свою очередь эти послѣднія, какъ бы незначительны они ни были, всегда вносятъ свою соотвѣтствующую долю въ окраску самочувствія человѣческой личности, которой подсказываются влеченія, мысли, рѣшимости, а затѣмъ и дѣйствія. Окраска же самочувствія, окраска настроенія, это разнообразное (по отдѣльнымъ личностямъ), а не рѣдко и причудливое сложное цѣлое, о которомъ необычайно трудно бываетъ иногда составить себѣ сколько нибудь ясное представленіе. Только многочисленные и совпадающіе рассказы, подтверждаемые всѣми наблюдаемыми внѣшними проявленіями, и тщательныя клиническія наблюденія послѣдняго времени постепенно раскрываютъ передъ нами все разнообразіе и своеобразие колебаній и уклоненій въ сферѣ отдѣльныхъ чувствованій, и, при помощи заключеній отъ сопоставляемыхъ внѣшнихъ проявленій, а отчасти и отъ нѣкоторыхъ явленій нашего внутренняго опыта, даютъ намъ хотя нѣкоторую возможность загля-

327) Въ свою очередь особенности органической жизни каждого даннаго человѣка отражаютъ въ себѣ все его родовое прошлое, всѣ опыты и упражненія его восходящихъ. Возьмите, напр., человѣка, имѣющаго наслѣственно-родовую горделивую осанку и горделивое и повелительное выраженіе лица, внимательно взгляните въ всѣ условія жизни его предковъ, и вы, конечно, увидите тогда, что эта осанка и это выраженіе суть результаты родовыхъ навыковъ находиться въ соотвѣтствующихъ положеніяхъ и совершать соотвѣтствующія имъ упражненія. Поэтому по чертамъ и по выраженію лица и по особенностямъ тѣла можно бы читать сокровенное прошлое родовъ и семей. Но это писаніе или «божественный алфавитъ» по выраженію Lavater'a, который могъ бы служить «для дешифрованія» написаннаго природою «въ лицѣ и во всемъ внѣшнемъ обликѣ человѣка», къ сожалѣнію, пока мало изученъ и только еще начинаетъ изучаться. См. Lavater: «Essai sur la physiognomonie destiné à faire connaître l'Homme et à le faire aimer», Zurich, I, 1781, I, ст. VII.

нута во внутренний міръ разстроеннаго самочувствія, съ описаніями разнообразныхъ явленій котораго мы такъ часто встрѣчались въ ходѣ настоящей работы. Правда, многія изъ этихъ явленій были заимствованы мною изъ области болѣзни, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и въ области явленій вырожденія и внутренней неуравновѣшенности, въ области, которая включаетъ въ себя и область преступленія, дисгармонія внутреннихъ тонацій представляетъ собою, какъ мы уже видѣли на множествѣ примѣровъ, отличительную черту ³²⁸⁾.

Это подсказываемое провѣреннымъ опытомъ знаніе имѣетъ для криминалиста необычайно важное значеніе, потому что оно указываетъ ему на начальные и мало замѣтные на первый взглядъ источники человѣческой преступности, и заставляетъ его внимательно относиться и тщательно изучать уходящія въ глубь корни послѣдней.

Къ несчастію, многія условія современной общественной жизни весьма грѣшатъ и по отношенію охраненія моши и устойчивости кровеносной системы и ея функционированія. Крайняя специализація занятій и упражненій, обуславливающая неравномѣрное развитіе нѣкоторыхъ органовъ на счетъ всѣхъ остальныхъ и тѣмъ нарушающая гармонію психо-физическаго механизма ³²⁹⁾, пожизненно сидячія занятія, повидимому, вызывающія приливы и скопленія крови къ пищеварительнымъ органамъ и ослабляюще дѣйствующія на энергію кровообращенія ³³⁰⁾, а главное чрезмѣрная работа, какъ результатъ значительнаго обезцѣненія многихъ отраслей труда, за недостаточное питаніе, недостаточную одежду и неудобобитаемое жилище, какъ это имѣетъ мѣсто для многаго множества членовъ общества ³³¹⁾, перераздраженія

³²⁸⁾ Преступность, по весьма удачному выраженію д-ра Dejerine, это дѣйствительно «*façon d'être* вырожденія». См. его цит. уже сочин., 88.

³²⁹⁾ «Отдыхъ тѣла (конечно помимо сна) можетъ быть достигнутъ многими способами», говоритъ проф. Bouchardat; «самый удачный безспорно есть разнообразіе работъ, разнообразіе, которое необходимо во всѣхъ отношеніяхъ и прежде всего, чтобы не дать ухудшаться отъ бездѣйствія ни одной изъ изумительныхъ способностей человѣческаго организма». «Я не въ силахъ достаточно часто повторять, что раздѣленіе и спецификація, столь полезныя въ производствѣ, вредны съ гигиенической точки зрѣнія». «Чтобы хотя немного сгладить эти неудобства, слѣдовало бы когда это возможно, раздѣлять часы работы достаточнымъ отдыхомъ и пользоваться послѣднимъ, чтобы упражнять тѣ части тѣла, которыя остаются относительно бездѣятельными» «*Traité d'hygiène*», 485, 497.

³³⁰⁾ Bouchardat, цитир. соч., 497, 1014 и сл. «*Annales d'hygiène publ.*», 1878, I, Dally: «*Hygiène pédagog.*», 128.

всякаго рода и пр. ³³²⁾),—все это постепенно вырабатываетъ людей съ ослабленнымъ тономъ жизни и порождаетъ явленія обезцвѣчиванія организма, которыя проф. Bouchardat мѣтко называетъ «физиологической бѣдностью» ³³³⁾ и которыя представляютъ цѣлый многочисленный рядъ оттѣнковъ и переходовъ отъ нѣкоторой физиологической недостаточности до полнаго физиологическаго пауперизма включительно ³³⁴⁾. Всѣ эти состоянія, *въ зависимости отъ многообразныхъ*

³³¹⁾ Bouchardat, цитир. соч., 486 и сл., 614 и сл., 618 и сл. «Скопленіе людей въ большихъ мануфактурахъ», замѣчаетъ проф. Bouchardat, «не было прогрессомъ во всѣхъ отношеніяхъ; стоять только припомнить плачевное положеніе одной части рабочаго населенія въ Манчестерѣ и въ Лиллѣ. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ этихъ городовъ средняя продолжительность жизни опустилась ниже самой меньшей цифры которую мы цитировали» (тамъ же 8). Въ Lunacy Blue Books (Fifteenth Annual Report of the general Board of Commissioners in Lunacy for Scotland) читаемъ между прочимъ слѣдующее: «Увеличеніе числа помѣшательствъ не представляетъ собою результата современной цивилизаціи, утверждаемъ мы, а если и представляетъ, то только постольку, поскольку современные нравы привели къ уклоненіямъ отъ условій здороваго существованія чрезмѣрнымъ скопленіемъ въ городахъ, *истощающимъ трудомъ, испорченностью вдыхаемаго воздуха* (въ нездоровыхъ жилищахъ бѣдняковъ, о которыхъ ранѣ идетъ рѣчь), *чрезмѣрными злоупотребленіями, возбужденіями, нездоровою пищею и пренебреженіемъ къ воспитанію дѣтей*. Эти несчастные результаты признаны законодательствомъ и наша система есть одно изъ слѣдствій этого признанія», 419. См. также Morel «Traité des dégénér.» 635—645 и 779 и 680.

³³²⁾ При этомъ нельзя не указать, между прочимъ на перераздраженіе при умственныхъ занятіяхъ. Въ современныхъ обществахъ дѣйствительно существуетъ культъ умственныхъ способностей, по выраженію пр. Bouchardat, тяжело отражающійся на дѣтяхъ. См. цит. соч., 1014 и сл. См. также отчетъ о XV конгрессѣ врачей и психіатровъ южн. Саксон. Вестфал., на которомъ Bouchardat, основываясь на собств. практикѣ, доказывалъ, что подъ вліяніемъ чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій у дѣтей развивается нервизмъ и состояніе душевной подавленности, а по утверженію д-ра Petermann'a и половое извращеніе. Arch de Neur. 1883.

³³³⁾ Bouchardat, цит. соч., 591 и сл. Съ проявленіями этой бѣдности мы будемъ еще имѣть случай познакомиться подробно. Состоянія физиологическаго обѣднѣнія, бѣдности и пауперизма весьма не рѣдко развиваются и у богатей, незнающихъ мѣры. Этимъ путемъ, между прочимъ, и совершается вырожденіе въ семьяхъ денежной и родовой аристократіи. «Можно представить себѣ массу обстоятельствъ», замѣчаетъ проф. Bouchardat, «при которыхъ обѣднѣніе происходитъ не отъ недостаточности, а отъ органическихъ условій, препятствующихъ достаточному возстановленію экономіи: это бѣдность богатыхъ, лишенія среди изобилія». См. цит. соч. 482, 631 и сл., 661.

³³⁴⁾ См. на 645—664 сочиненія Morel'a («Traité des dégénér.») интересное описаніе пагубнаго вліянія дурныхъ условій окружающей обстановки на дѣтей

особенностей остова психической личности, представляют, конечно, много различій, но въ то же время представляют и много общаго: истощенность нервно-кровеносной системы и энергіи ея дѣятельности, происходящую отъ того большую или меньшую пониженность жизненнаго тона, а съ психической стороны большую или меньшую вялость, черствость и подавленность со всѣми ихъ слѣдствіями. Клинически наблюдаемыя формы меланхоліи, съ ихъ замедленнымъ ходомъ органическихъ процессовъ, съ ихъ подавленностью, вялостью и отвращеніемъ къ занятіямъ и работѣ, съ ихъ апатіей и безучастностью ко всему окружающему, съ ихъ эгоистичностью, черствостью и беззвучностью сферы чувствъ вообще ³³⁵), въ значительной мѣрѣ знакомятъ насъ съ проявленіями процесса оскудѣнія и съ внутреннимъ міромъ всѣхъ этихъ оскудѣлыхъ людей, знакомятъ съ ихъ неустойчивымъ, потускнѣлымъ и непріятно звучащимъ самочувствіемъ, и даютъ намъ понять, что могутъ и чего не могутъ эти дѣйствительные «пасынки природы» ³³⁶), представляющіе по степени своихъ состояній органической обѣднѣлости многочисленные варианты и разновидности.

рабочихъ въ горнозаводскихъ и фабричныхъ округахъ. Подъ дѣйствіемъ этихъ условій среди дѣтей быстро шелъ процессъ физическаго вырожденія, а наряду съ нимъ, какъ и всегда, происходило вымираніе нравственныхъ качествъ, дѣлавшее ихъ хуже всякихъ дикарей, развивалось раннее развращеніе, и порождались усиленные склонности къ преступленіямъ. «Несомнѣнно», говоритъ Morel, «что подъ комбинируемымъ вліяніемъ дурнаго воздуха и лишеній нравы развращаются, и кровь обѣднѣетъ».

Приводимое описаніе относится, конечно, къ 30-мъ и 40-мъ г. настоящаго столѣтія, но не будемъ забывать, что дѣйствующіе теперь люди родились въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ гг., а потому и описаніе воспроизводитъ жизненную обстановку многихъ изъ нихъ. Касаясь по этому поводу словъ Léon'a Faucher о ньюгетской коллекціи слѣпковъ знаменитыхъ преступниковъ, Morel замѣчаетъ: «M. Léon Faucher при этомъ ошибается только въ одномъ: эти типы не представляются ни экстраординарными, ни неизвѣстными для тѣхъ, которые изучаютъ болѣзненные разновидности двояко, со стороны физическихъ состояній и со стороны состояній нравственныхъ тѣхъ индивидуумовъ, которые ихъ представляютъ». «Эти типы суть олицетворенія различныхъ вырожденій породы и зло, которое ихъ порождаетъ, представляетъ для современныхъ обществъ гораздо большую опасность, нежели какую представляли нашествія варваровъ для древнихъ». «Къ несчастію, наклонности людей, преданныхъ дѣлу, почти всегда бывали парализованы противо-дѣйствіемъ или инертностью тѣхъ, которые не могутъ быть вразумлены объ опасностяхъ положенія иначе, какъ только какимъ либо ужаснымъ потрясеніемъ».

³³⁵) См. цит. соч. пр. Ball'я, 221 и сл.

³³⁶) Какихъ незначительныхъ толчковъ бываетъ достаточно, чтобы вызвать у подобныхъ людей болевые состоянія ихъ крайне неустойчиваго самочувствія, показываетъ, напр., слѣдующій случай. Одинъ рабочій былъ назначенъ под-

Не мудрено поэтому, что у этих оскудѣлыхъ личностей (наружно они могутъ быть рослыми, плотными и, повидимому, крѣпкими), подѣвліаніемъ тяжелыхъ или только болѣе или менѣе непріятныхъ состояній, которыми отражается у нихъ въ сознаниі пониженный тонъ ихъ нервно-кровеносной системы, развивается инстинктивное и болѣе или менѣе неудержимое стремленіе къ повышенію ихъ жизненнаго пульса. Подобныя стремленія, посредственно или непосредственно возникающія, мы постоянно наблюдаемъ въ жизни организма. Такъ, напр., недостатокъ пищевыхъ веществъ вызываетъ въ насъ чувство голода и стремленіе къ отысканію пищи, скопленіе свободной энергіи—стремленіе къ движеніямъ и дѣятельности, усиленное развитіе того или другого органа—стремленіе къ его упражненіямъ и т. д. Подобно этому и у людей съ ослабленнымъ жизненнымъ пульсомъ всегда инстинктивно развивается болѣе или менѣе неодолимое стремленіе къ повышенію послѣдняго при посредствѣ извѣданныхъ сильныхъ стимуловъ, и къ устраненію испытываемыхъ ими тяжелыхъ или только непріятныхъ внутреннихъ состояній³³⁷⁾, при чемъ напряженность стремленій стоитъ въ зависимости отъ степени непріятности состояній и повышается или понижается на ряду съ нею. Водка, вино, опій, морфій, табакъ, чай, кофе и пр.—таковы средства, къ которымъ издавна прибѣгали люди для поднятія ослабленнаго тона органической жизни³³⁸⁾, порождающаго непріятныя, брюзгливыя и недовольныя настроенія, а иногда и отвращеніе къ жизни. Это отвращеніе составляетъ одну изъ

мастеремъ на большой фабриктъ. Тогда его начала страшить мысль, что онъ не имѣетъ достаточныхъ способностей для выполненія своихъ новыхъ обязанностей. Эта мысль настолько преслѣдовала и мучила его, что, не совладавъ съ нею, онъ удавился. Какая рѣзкая разница съ самонадѣянностью и самоуверенностью сильныхъ и активныхъ организмовъ». См. соч. Briere de Boismont; «Du suicide» 239 и сл.

337) «Пью съ горя», говорятъ у насъ.

338) Эти средства по справедливости, можно сравнить съ легко доступнымъ кредитомъ, къ которому можетъ безумно прибѣгать нерасчетливо живущій человекъ для забора впередъ съ цѣлью удовлетворенія прихотей данной минуты. Изъ какихъ органическихъ причинъ часто вытекаетъ потребность въ употребленіи возбудителей, это всего лучше показываютъ намъ состоянія дипсоманіи. См. Magnan: „Leçon. clin. sur la dipsom.“, 103, 110, 111, 115, 117, 132, 133. Видѣнная мною въ клиникѣ проф. Ball'я дипсоманка на вопросъ, зачѣмъ она пьетъ, если хорошо знаетъ дурныя слѣдствія пьянства, отвѣтила профессору: „Тогда и не думаю объ этомъ (т. е. у нея даже не возникаютъ соотвѣтствующія представленія), какъ думаю потомъ. Я начинаю пить потому, что испытываю очень непріятныя ощущенія. Я очень несчастна и я знаю, что мнѣ придется когда нибудь покончить самоубійствомъ“.

довольно яркихъ особенностей нашего времени ³³⁹), когда существуетъ многое множество людей, истощенныхъ непосильной работой и неблагоприятными жизненными условіями, а иногда и слишкомъ большимъ избыткомъ, всяческими излишествами и изощреннымъ развратомъ— въ значительной мѣрѣ плодомъ дурнаго воспитанія и вліяній развращающей среды.

Попадая въ извѣстныя положенія и не имѣя возможности, или не умѣя и даже не обладая достаточнымъ запасомъ разумныхъ силъ, чтобы улучшить свои органическія условія, всѣ эти оскудѣвающіе и оскудѣлые люди, разъ начавши, затѣмъ уже періодически изо дня въ день пробуждаютъ себя къ жизни отъ болѣе или менѣе тяжелаго прозябанія, только помощью подобныхъ средствъ ³⁴⁰). Но тщетны ихъ

³³⁹) „Стремленіе обитателей изъ деревень въ города представляетъ скорбный результатъ успѣховъ цивилизаціи“, замѣчаетъ пр. Bouchardat. „Въ этомъ населеніи, удаленномъ отъ полей, зарождаются искусственныя потребности, которымъ необходимо удовлетворить въ ущербъ дѣйствительнымъ. У этого населенія, наряду со множествомъ другаго зла, съ большою интензивностью появляется то состояніе, которое можно характеризовать именемъ скуки жизни и которое стремятся устранить при помощи возбудителей нервной системы— табака и алкоголя, этихъ извѣй челоуѣчества, которыя приведуть его къ паденію, если злоупотребленія ими будутъ непрерывно распространяться“. „Злоупотребленія алкоголемъ, табакомъ и другими возбудителями нервной системы пагубны и для дѣтей, рождающихся отъ родителей, злоупотреблявшихъ этими спеціальными возбудителями. Нѣтъ болѣе могущественной причины вырожденія челоуѣческаго рода“. См. его цит. соч., 9, 10, 967. См. также Goubert: „Des agents perturbateurs du développem. de la jeunesse“. Очень интересны таблицы результатовъ куренія, приведенныя на 52 и слѣд. страницахъ.

³⁴⁰) „Когда нервная система, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ утрачиваетъ свою силу“ (т. е. становится истощенной), замѣчаетъ д-ръ Beard, „тогда появляется стремленіе къ возбудителямъ, которые снова могутъ временно возбудить ее. Все, что приноситъ облегченіе, успокоеніе и забвеніе—хлораль, хлороформъ, опій, алкоголь — отыскивается и употребляется. Вначалѣ къ этимъ средствамъ прибѣгаютъ только случайно, но мало по малу они входятъ въ привычку. Такъ объясняется множество случаевъ алкогольнаго или опійнаго пьянства. Не одно только стремленіе ослабить свои страданія, но и стремленіе восполнить свое истощеніе, *которое тягоститъ первыхъ*, влечетъ мужчинъ и женщинъ въ кабаки. Въ этомъ я вижу главное основаніе недавно констатированнаго увеличенія опійнаго и алкогольнаго пьянства между женщинами. Часто унаслѣдованная склонность къ пьянству остается въ скрытомъ состояніи и обнаруживается не ранѣе того, какъ *горе и заботы лишаютъ мозгъ его нервныхъ силъ*“. См. «Die Nervenschwäche, 54 и сл.». См. Morel: «Traité des dégénér.», 644. Конечно предшествующее истощеніе не есть единственная, хотя она, повидимому, и главная причина пьянства. Стремленіе сдѣлать возбужденіе болѣе интензивнымъ (не въ соотвѣтствіи съ вліяніемъ условій

усилія вернуть ими большею частью наслѣдственно утраченное, а отчасти личною жизнью размотанное. Искусственныя возбужденія оплачиваются сравнительно дорогою цѣной: за непродолжительными состояніями возбужденій слѣдуютъ періоды еще большихъ угнетеній. При дѣящемся же вліяніи злоупотребленій возбуждителями, и психическая жизнь постепенно все болѣе утрачиваетъ свое относительно ровное теченіе, причѣмъ его мѣсто заступаютъ постоянныя колебанія между состояніями искусственно вызванныхъ возбужденій и послѣдующими усиливающимися состояніями разслабленія и болѣе подавленности. Эти постоянныя колебанія, въ теченіе хода дѣящагося процесса, какъ бы срастаются съ организмомъ и становятся его постоянною приобрѣтенною особенностью. Такъ и подвигается впередъ все нарощающееся органическое оскудѣніе, вплоть до тѣхъ отупѣлыхъ и безвольныхъ личностей, которыя неспособны ни къ какому труду, а также неспособны и къ жизни въ обществѣ ³⁴¹⁾).

окружающей обстановкѣ) или болѣе дѣющимся приводитъ также къ цынству и кутежамъ.

³⁴¹⁾ Morel: «Traité des dégén.», 390 и сл. «Послѣ болѣзни наиболѣе обща черта, способная отмѣтить истиннаго (въ смыслѣ органически вполне predisposed) преступника», говоритъ Dagdal, «состоитъ въ томъ, что ему недостаетъ элемента непрерывности, элемента усилія. Постоянный усидчивый трудъ, характеризующій не только честныхъ и ищущихъ успѣхъ людей, но также и всѣ націи, оставившія слѣдъ въ исторіи, несвойствененъ ему, и эта особенность должно быть организована, какъ составная черта его характера». См. «The Jukes», 59. Физическое ослабленіе, по утверженію д-ра Thomson'a, присуще преступникамъ и пауперамъ. «Отчеты въ Америкѣ и здѣсь», говоритъ онъ, «указываютъ на крайнее нервное истощеніе и недостаточную жизненную энергію, какъ свойственные тѣмъ и другимъ». «Дурныя физическія особенности преступника ясно замѣтны уже между юношами, наблюдаемыми въ группахъ во время упражненій или въ школѣ; онѣ проявляются въ ихъ формахъ, въ тѣлосложеніи, въ тупомъ выраженіи лицъ и въ золотушномъ predisposed». Приведа слова Legrand du Saulle, что во Франціи насчитывается до 12 тысячъ вырождающихся дѣтей, авторъ прибавляетъ: «и мы находимъ ихъ скученными въ большемъ числѣ въ нашихъ большихъ городахъ, какъ, напр., въ Лондонѣ и Глазгау, въ дурныхъ притонахъ, которые составляютъ ихъ мѣстопробываніе». «Золотуха, порождаемая грязными жилищами, въ которыхъ они обитаютъ, и ихъ скудную пищу, а также и ихъ прирожденное ослабленіе суть общія характеристическія черты преступника и дурнаго и деградированнаго состоянія преступнаго класса». Далѣе авторъ приводитъ одинъ американскій отчетъ, въ которомъ говорится, что въ нѣкоторыхъ обществахъ общественное зло творитъ преступный классъ, на столько же рѣзко отмѣченный, какъ и классъ невольничій, и что общественное зло такъ сильно вліяетъ на дѣтей этого класса, что имъ настолько же невозможно избѣжать предначертаннаго имъ пути, какъ и дѣтямъ невольничьяго класса. The Psychology of cri-

Эти постепенно вырабатываемыя особенности органическаго оскудѣнія, какъ и всѣ, повидимому, патологическія и фізіологическія особенности вообще, не заканчиваются съ жизнію приобрѣтателей, а, напротивъ, закрѣпляются особенно соединенной наслѣдственностью, при посредствѣ которой постепенно и вырабатываются различныя нравственно оскудѣлыя и органически недостаточныя и порочныя человѣческія разновидности ³⁴²). Мнѣ удалось осмотрѣть въ различныхъ странахъ Европы весьма много заведеній для заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей. Вездѣ при этомъ мнѣ невольно бросались въ глаза рѣзко выраженные признаки вырожденія у значительнаго числа ихъ обитателей и вездѣ мнѣ приходилось слышать одни и тѣ же отзывы, что большинство питомцевъ заведенія лишены энергіи и безвольны (*willentos*), какъ выражаются нѣмцы. Директора нѣкоторыхъ заведеній, какъ, напр., бехтельской колоніи близъ Берна, говорятъ про этихъ дѣтей, что они имѣютъ нѣчто въ крови (*sie haben etwas im Blut*). Находящіеся у меня въ рукахъ отчеты вакаціонныхъ колоній Франкфурта на Майнѣ, Дрездена и Цюриха, колоній, предназначенныхъ для дѣтей бѣдныхъ городскихъ обывателей, ясно показываютъ намъ въ цифровыхъ выраженіяхъ, какую захудалую и истощенную породу представляютъ собою дѣти городскихъ бѣдняковъ, обитающихъ въ различныхъ городскихъ норахъ и трущобахъ среди грязи и лишеній. У такихъ дѣтей, отличающихся пониженнымъ пульсомъ жизни, обыкновенно замѣчается отвращеніе къ продолжительнымъ усидчивымъ занятіямъ, требующимъ спокойнаго и длящагося напряженія энергіи, а, напротивъ, наблюдается расположеніе къ шалостямъ, бѣготнѣ и шуму или къ ничегу недѣланію. Подобныя дѣти,

minals, 328, 329, 335. По даннымъ д-ра Магго изъ 507 наблюдавшихся преступниковъ 74,7% злоупотребляли алкоголемъ, 23,6% употребляли его, хотя и не злоупотребляли имъ, и только 1,3% не прибѣгали къ нему. См. таблицу на 296 стр. цитир. его сочинен.

³⁴²) Къ какимъ результатамъ приводитъ соединенная сходная наслѣдственная передача, закрѣпляющая пагубное вліяніе бѣдности, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ одномъ маленькомъ городкѣ, расположенномъ на сѣверо-восточномъ берегу Шотландіи и заселенномъ весьма бѣдными рыбаками, было 119 брачныхъ паръ. Въ числѣ послѣднихъ было 27 родственныхъ браковъ (сходная наслѣдственная передача съ 2 сторонъ), отъ которыхъ произошло 105 дѣтей. Изъ нихъ 38 чел. умерли и при томъ 35 чел. умерли въ младенчествѣ (недостаточная жизнеспособность). Изъ остальныхъ 67 чел. четверо было глухонѣмыхъ, четверо слабоумныхъ, четверо душевно - больныхъ, одинъ паралитикъ и одиннадцать золотушныхъ и прирожденно-слабыхъ. *Journal of M. Sc.*, 12 т., ст. д-ра Mitchel, 399.

обыкновенно извѣстные въ школахъ подъ именемъ лѣнтяевъ, непослушныхъ и испорченныхъ дѣтей, навлекають на себя различныя наказанія (лишенія пищи, прогулокъ, побой и проч.). Послѣднія, по самому ихъ существу, только ухудшаютъ дѣло, еще болѣе ослабляя, а часто и озлобляя ребенка, который при всемъ даже желаніи не находитъ достаточно силъ и способностей въ своей нервно-истощенной организаціи для выполненія предъявляемыхъ къ нему требованій и поэтому, конечно, не можетъ признать справедливости примѣняемыхъ къ нему карательныхъ мѣръ ³⁴³).

Понятно, что дѣти, отличающіяся такими особенностями, требуютъ и особаго воспитанія и способнаго и знающаго воспитателя, который сѣмѣлъ бы подмѣтить дѣйствительный органическій источникъ ихъ пороковъ и недостатковъ, а подмѣтивъ, сѣмѣлъ бы сдѣлать изъ этихъ «лѣнтяевъ» будущихъ болѣе или менѣе полезныхъ, но во всякомъ случаѣ не зловредныхъ членовъ общества.

Къ сожалѣнію, дѣйствительность, какъ я уже замѣтилъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ оставляетъ желать еще слишкомъ многого. Само общество создаетъ, а потомъ безучастно терпитъ въ своей средѣ мно-

343) Д-ръ Bush рассказываетъ слѣдующій интересный случай. Одинъ мальчикъ, «въслѣдствіе порочностей своей организаціи былъ неспособенъ къ приобрѣтенію той суммы свѣдѣній, которую отъ него настоятельно его учитель требовалъ, его родители ожизали, а возрастъ допускалъ». И вотъ онъ былъ признанъ лѣнтяемъ и противъ него были употреблены наказанія, «чтобы физически пробудить то, что психически было невозможно, т. е., *известными умственными проявленіями со стороны мозга, слишкомъ слабого или разстроеннаго, чтобы обнаруживать ихъ*». Съ этого момента собственно и начинается его гибель. Его и безъ того недостаточная и неустойчивая энургія была окончательно уничтожена часто повторявшимися наказаніями. «Насмѣшки его товарищей, смѣшанное чувство обиды и стыда дискредитировали его въ собственныхъ глазахъ» и онъ сдѣлался тѣмъ, что называютъ «неисправимымъ». Изгнаніемъ изъ школы была уничтожена послѣдняя надежда. Мальчикъ вернулся домой, гдѣ онъ былъ нежеланнымъ гостемъ, въслѣдствіе нѣкоторыхъ своихъ порочныхъ дѣйствій, для сопротивленія влеченію къ которымъ «онъ потерялъ умственную силу, а для оцѣнки—нравственное чувство».

«За исключеніе прирожденныхъ идиотовъ», замѣчаетъ д-ръ Bush, «значительное большинство лѣнливыхъ и разнузданныхъ молодыхъ людей были сдѣланы такими дурнымъ направленіемъ школы и *однообразіемъ системы, которой подчиняются мальчики всѣхъ темпераментовъ и всѣхъ психическихъ отъщико*». См. „The Journal of psychological Medicine and Mental pathology“. Vol. II, 1849. „Juvenile delinquency and degeneration in the upper classe of Society“, 429, 430 и 1. Статья эта замѣчательна въ томъ отношеніи, что она дѣлаетъ одно изъ наиболѣе раннихъ сближеній явленій вырожденія и преступности.

жество жизненныхъ положеній, самымъ разрушительнымъ образомъ вліяющихъ на все физическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ умственно нравственное существо человѣка. А между тѣмъ, какъ все общество, такъ и каждый членъ его, въ предѣлахъ мѣры силъ своихъ, создавая и поддерживая извѣстные отношенія и жизненные положенія, тѣмъ самымъ способствуютъ и созданію извѣстныхъ органическихъ разновидностей, которыя неизбѣжно вырабатываются подъ вліяніемъ извѣстныхъ виѣшнихъ воздѣйствій, разновидностей, съ которыми имъ же неизбѣжно придется считаться ³⁴⁴). Народятся ли Цинцинаты или Нероны, народятся ли жалкіе сластолюбцы, или типы, поражающіе своимъ величіемъ—это въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ достоинства воспитанія и всѣхъ условій окружающей обстановки (плюсъ еще наслѣдственность), создаваемой людьми ³⁴⁵).

Безучастно относясь ко множеству существующихъ среди него пагубныхъ жизненныхъ положеній, общество по большей части столь же безучастно относится и къ наслѣдственнымъ продуктамъ ихъ вліянія—молодымъ, но уже прирожденно физически и нравственно захудалымъ поколѣніямъ, и вмѣсто приспособленнаго для нихъ воспитанія часто встрѣчаетъ ихъ заброшенностью, загнанностью и полнѣйшимъ безучастіемъ, дающимъ полный просторъ ихъ порочнымъ склонностямъ ³⁴⁶). Такимъ отношеніемъ само общество, не заботя-

³⁴⁴) Указавъ, что между преступниками находится много патентованныхъ душевно-больныхъ, д-ръ Briere de Boismont справедливо замѣчаетъ далѣе: „Эти парии цивилизации, по большей части происходящія отъ многихъ генераций преступниковъ, сумасшедшихъ, слабоумныхъ, пьяницъ, развратниковъ и бѣдняковъ, приходя въ міръ, не имѣли передъ собой ничего болѣе, какъ только зрѣлища порока, дурные примѣры, смѣшеніе половъ, безъ того, чтобы религіозныя или нравственныя понятія уравнивали ихъ прискорбныя наклонности. „Les fous criminels de l'Angleterre“, 19 и сл.

³⁴⁵) Развѣ современная биржа съ ея спекуляціями крайне сомнительнаго характера, съ ея благоговѣйнымъ поклоненіемъ и погоней за наживой при помощи ажіотажа, но безъ труда, не вырабатываетъ на нашихъ глазахъ особой разновидности, которая вноситъ свою весьма вредную долю участія въ нравственную жизнь современныхъ обществъ?

³⁴⁶) Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ «La Loi» за 1881 годъ была приведена слѣдующая характерная картинка изъ жизни Парижа. Однажды утромъ два инспектора безопасности замѣтили у Лувра на откосѣ набережной Сены двухъ мальчишекъ отъ 16 до 17 лѣтъ, которые возбудили ихъ подозрѣніе. Эти оборванцы, запрятавшись въ уголъ, ѣли сардинки, колбасы, живности и распивали вино. Спустившіеся внизъ, инспектора увидали еще третьяго участника пикника—молоденькую недурненькую дѣвушку лѣтъ 16. Всѣ трое конечно были заарестованы и доставлены къ мѣстному комиссару. Оказалось, что мальчишки, Camus и Dinard, были рецидивисты, уже нѣсколько разъ осужденные за кражи.

щиеся и зорко не слѣдящее за тѣмъ, что совершается въ нѣдрахъ его, въ тѣхъ многочисленныхъ семьяхъ, которыя, вслѣдствіе вліянія всего ихъ неблагопріятнаго родового прошлаго, давно уже лишены всякой искорки Божіей, способствуетъ своею пассивностью нарожденію и развитію множества личностей съ неблагопріятными особенностями выработавшейся организациі, нарушающихъ общественный порядокъ и правильное теченіе общественной жизни и вносящихъ въ общество только одно горе и развращеніе. Но то же самое общество, добровольно не желавшее удѣлить имъ должнаго вниманія въ то время, когда они еще могли быть сдѣланы полезными, или, по крайней мѣрѣ, не вредными его членами, въ послѣдствіи невольно обращаетъ на нихъ вниманіе, но уже при другихъ условіяхъ, когда они становятся по большей части нигуда негодными его членами и въ качествѣ бродягъ и нищихъ, въ качествѣ обитателей рабочихъ домовъ и пріютовъ, производящихъ минимальное количество работы, и въ качествѣ тюремныхъ сидѣльцевъ и подсудимыхъ, требующихъ дорого стоящаго штата полиціи, судовъ и тюремной администраціи, тяжелымъ бременемъ ложатся на общественныя кассы и больно бьютъ по карманамъ плательщиковъ.

Этимъ я и закончу разсмотрѣніе наиболѣе общихъ органическихъ условій въ ихъ вліяніи на явленія человѣческой преступности. Въ этой главѣ я позволилъ себѣ только слегка коснуться пока еще очень темнаго вопроса о кровообращеніи, тѣсно связаннаго съ основнымъ вопросомъ о питаніи тканей и обмѣнѣ веществъ, постоянно совершающимся въ организмѣ, безъ чего нѣтъ и не можетъ быть психической жизни. Я коснулся этого вопроса, вслѣдствіе его тѣсной связи съ вопросомъ о наблюдаемыхъ нами рѣзкихъ колебаніяхъ въ основныхъ психическихъ элементахъ — чувствованіяхъ, а также и по его тѣсной связи съ вопросомъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ основныхъ характерахъ органическихъ типовъ, къ изученію разновидностей которыхъ я и перейду теперь.

Послѣдніе два мѣсяца они жили подъ открытымъ небомъ и занимались воровствомъ, преимущественно съ лавочныхъ выставокъ. Задержанная съ ними дѣвушка, нѣкто *Marie D.*, оказалась ихъ общей любовницей. И все это совершалось въ такомъ городѣ, какъ Парижъ. Чѣмъ, какъ не безучастностью общества и проистекавшей изъ того заброшенностью объяснить возможность подобныхъ явленій, при столкновеніи съ которыми еще часто поднимаются вопросы о неприкосновенности правъ родительской власти? Въ тюрьмѣ *La petite Roquette* мнѣ приходилось встрѣчаться съ подобными же явленіями и о нихъ я еще буду имѣть случай говорить въ ходѣ этой работы.

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе	I
I. Вступительныя замѣчанія	1
II. Соотносительное развитіе различныхъ нервныхъ центровъ и его отраженіе въ явленіяхъ психической жизни.	11
III. Соединительныя нервные пути и ихъ роль въ явленіяхъ ду- шевной жизни человѣка	58
IV. Внѣшніе и внутренніе раздражители или стимулы и ихъ по- средственное вліяніе на проявленія души	101
V. Чувствованія; измѣненія ихъ различныхъ тонацій и вліяніе этихъ измѣненій на явленія жизни души	149
VI. Бровь и ея кругооборотъ въ организмѣ; механизмъ этого кру- гооборота, его особенности и ихъ вліяніе на явленія жизни души.	199